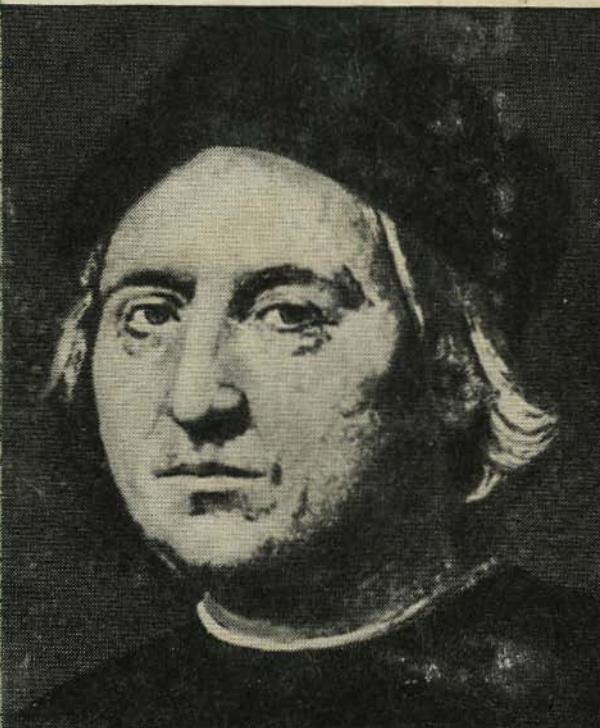

КОЛУМБ

Я.Свет

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 11
(530)

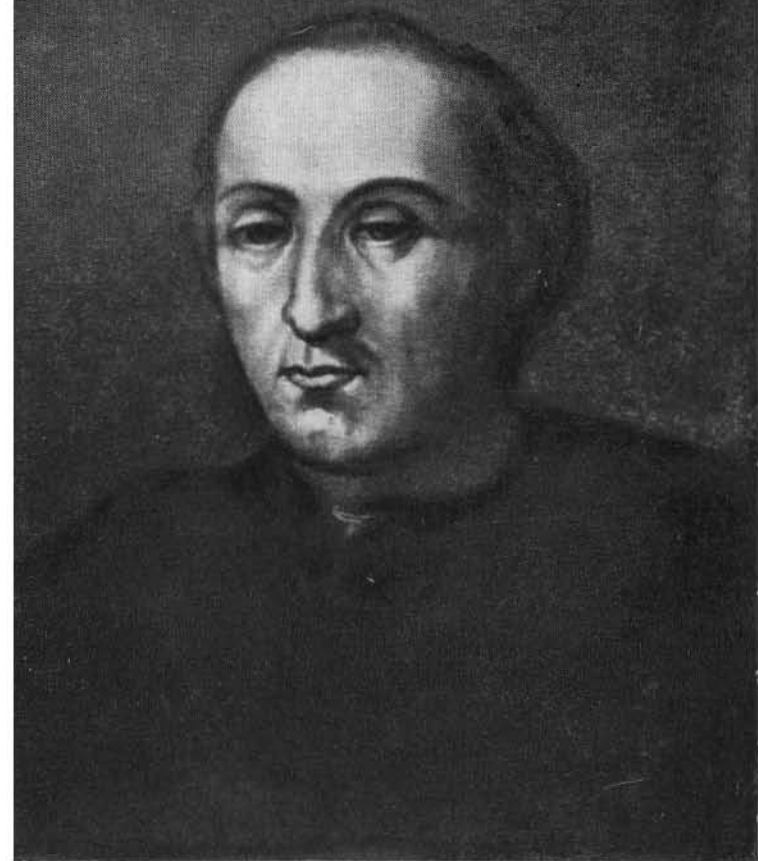
Я. Свет

КОЛУМБ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1973

91(09)
С24

CRISTO: COLOMBO

·S·
·S· A ·S·
X M Y
—
XPO FERENS·

7—2
Б. 3. № 9—73—24

© Издательство «Молодая гвардия», 1973 г.

РОДИНА

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Страница в реестре генуэзского нотариуса Килико ди Альбенги. Лист ветхой, побуревшей от времени бумаги. Длина его $11\frac{3}{4}$ дюйма, ширина $8\frac{1}{2}$ дюйма. Слева вверху запись:

«Джованни де Колумбо из Маконезе, житель селения Кинто, обещал Гильельмо де Брабанте, выходцу из Германии, ткачу-суконщику, здесь присутствующему, и торжественно подтвердил ему, что он исполнит и действительным образом совершит нижеследующее: отдаст сына своего Доминико, а лет ему одиннадцать или около этого, в слуги и ученики названному Гильельмо на шесть ближайших лет, дабы тот обучился ткацкому ремеслу» (54, 104—105).

Ниже две чернильные кляксы и подписи.

Дата: 21 февраля 1429 года.

Документ поистине бесценный. Это начало Колумбовой родословной. Ранее 1429 года она не заходит¹. Стало

¹ В начале XIX века генуэзский историк Джованни Баттиста Споторно отыскал, правда, в местных архивах документы 1321 и 1329 годов, в которых упоминался некий Джованнино Коломбо, ткач (71, I, 166). Но разных Колумбо и Коломбо в Генуе было не меньше, чем Голубевых в Великом Новгороде или Твери. Голубевы здесь упомянуты, потому что по-итальянски птица, избранная эмблемой мира, называется colombo.

быть, прибавить к ней ничего нельзя. Убавить тоже. Слишком часто в позднейших нотариальных актах мелькает имя отца великого мореплавателя, Доминико Колумба, потомственного ткача из плебейского рода.

Итак, в понедельник, 21 февраля 1429 года в предыстории Христофора Колумба появилась первая временная веха. Вежа с поготовок, но кое-какие путеводные указания она все же дает. Ибо в реестре синьора Килико ди Альбенги содержатся все необходимые сведения. Необходимые и достаточные. Читая запись от 21 февраля 1429 года, любой нотариус мог, явись в том нужда, многое сообщить о Джованни Колумбе.

Профессия? Разумеется, ткач. Ткач-суконщик.

Возраст? Если сыну одиннадцать лет, то отцу тридцать или около того. А место рождения Джованни Колумба указано в нотариальном акте. Деревенька Маконезе стоит на берегу речки Фонтанабуона, и от Маконезе рукой подать до Кинто. Впрочем, какое значение имеют сведения о Маконезе и Кинто? Ведь туда юный Доминико все равно не вернется. Пройдет шесть лет, он покинет немца Брабанте, станет генуэзским гражданином и, конечно же, обзаведется в Генуе собственным делом. И будет ткачом, и ткачами будут его потомки до седьмого колена.

Никому, даже мудрым генуэзским нотариусам, не дано предугадать, кем станут внуки их клиентов. Бесспорно, опыт подсказывал всем участникам события 21 февраля, что внуки Джованни Колумба унаследуют отцовские прялки. И, судя по всему, Христофор Колумб — а он появился на свет двадцать два года спустя — неминуемо должен был бы сделаться ткачом и продолжить дело своего отца.

Да, так и только так должна была сложиться судьба Христофора Колумба. Ведь его дед Джованни 21 февраля 1429 года совершил все возможное, чтобы закрыть своему внуку дорогу в синее море.

На первый взгляд вывод этот кажется неубедительным. Как-никак будущий отец Христофора Колумба доставлен был в Геную, а из всех морских городов Европы, пожалуй, самым морским была Генуя. В этом смысле она оспаривала пальму первенства даже у Венеции, по пояс погруженной в воды Адриатики.

И охочие до морского дела люди всегда нужны были до зарезу. Все кварталы Генуи поставляли флоту новые

исполнения. Все, кроме одного. Самый дальний и самый восточный городской квартал — Сан-Стефано — с морем не желал иметь ничего общего. И именно в Сан-Стефано привел Джованни Колумб своего сына, чтобы навеки связать его судьбу с этой архисухопутной генуэзской окраиной.

Когда-то она была глухим предместьем, в черту Генуи вошла лишь в XIV веке, после того как город соорудил Новую стену. Уже тогда Сан-Стефано задыхался в тесном межстенном пространстве. И местные жители деремахнули через внешний каменный пояс в долину реки Бизаньо.

Эту реку, небольшую и не слишком полноводную, облюбовали шерстобиты, красильщики тканей, прядильщики и ткачи. Она безотказно вращала колеса сукновальных мельниц, в ее водах отлично отмывалась сырая шерсть, сюда же сбрасывались разноцветные отходы красильного промысла.

Сан-стефанская окраина стала колыбелью текстильного ремесла. И санстефанцев сызмальства обучали не морскому делу, а искусству сортировать, валять, сучить и мыть шерсть и ткать сукна разных сортов.

Здесь, в пригороде, который одевал Геную и окрестные селения, обжился и осел Доминико Колумб. А в отчем доме прошли детские и юношеские годы его сына Христофора. И само собой разумеется, что любые сведения о владельце этого дома имеют самое непосредственное отношение к великому мореплавателю.

К счастью, итальянские горожане часто прибегали к услугам законников и нотариусов.

Дорога к нотариусам вела была и Доминико Колумбу. Делами его занимались одиннадцать нотариусов. У них ни одна бумажка не пропадала, все подшивалось к делу, все заносилось в реестры, скрепленные подписями и печатями.

И вот что любопытнее всего: хотя город обстреливали флотилии Людовика XIV, хотя в нем основательно порезвились наполеоновские «ворчуньи», хотя осквернил его гитлеровский вермахт, хотя претерпел он ущерб от американских «летающих крепостей», нотариальные архивы пострадали не очень сильно¹.

¹ Правда, французы, обстреливая Геную с моря в 1684 году, спалили здание, где хранились очень важные документы из нотариальных фондов и, в частности, бумаги нотариуса Джованни

Таким образом, имя Доминико Колумба прочно вошло в реестры генуэзских нотариусов, а сами эти реестры стали достоянием историков.

Доминико отбыл законные шесть лет у своего иноземного учителя. По всей вероятности, он оказался способным учеником. В 1440 году в актах нотариуса Джованни Рекко с именем Доминико уже связывается его новое звание *textori rapponum* — ткач-суконщик.

Приводим этот акт в несколько урезанном виде:

«...Благородный владыка Маттео Фьески, граф Лаваньи и синдик, прокуратор и доверенное лицо городских властей... действующий по поручению генуэзского бенедиктинского монастыря святого Стефана... в присутствии монахов названного монастыря и с их одобрения и согласия удостоверил, что... оные монахи, собравшись всем капитулом, под звон колоколов... уступили право на аренду участка монастырской земли Доминикино Коломбо, ткачу-суконщику, здесь присутствующему, и не только ему, но и его наследникам от законного брака, ныне живущим и еще не рожденным. А на упомянутом участке стоит дом, и расположен он в Генуе, в проулке Оливелла, и примыкает с одной стороны к дому Пьетро Кроса из Рапалло, а с другой стороны к владению Берторы Валеро, держащих сии дома от названного монастыря. А впереди проходит проезжая дорога, а позади находится кинтана»¹ (54, 122).

Под звон монастырских колоколов Доминико Колумб стал домовладельцем².

Вероятно, обе договаривающиеся стороны с радостью принимали медному звону монастырской кампанилы.

Обитель святого Стефана пятое столетие славила господом и его воинство небесное и все эти пять веков успешно пеклась о земных делах. Ей принадлежала львиная доля всех сан-стефанских земель, и иноки с большой выгодой для себя сдавали в аренду окрестным мирянам клочки монастырских угодий.

Проулок Оливелла пересекал тесно застроенный участок и выходил к воротам Порта дель Оливелла, прорезанным в Новой стене. Ворота эти вряд ли охранялись,

Рекко, в которых не раз упоминался Доминико Колумб. Однако в городских архивах нашлись копии этих бумаг. Весьма предостережительны были генуэзские деловые люди!

¹ Кинтана — полоса земли между насыпями или стенами.

² От этого дома не осталось и следа. Его снесли в 1756 году.

но существовала должность кустодия-привратника, этот пост в 1447 году занял Доминико Колумб. За охрану ворот получал он семь лир в месяц. Оклад посредственный, но на эти деньги все же можно было приобрести полторы мины (330 килограммов) хлеба или упитанного барана.

В 1445 году Доминико Колумб женился. Взял он в жены девицу Сусанну Фонтанароссу, дочь ткача, жившего в долине Бизаньо. Нотариальные акты к эмоциям не склонны, и они ничего не говорят о чувствах, которые испытывал к своей невесте и жене ткач и домовладелец Доминико Колумб. Но в этих актах содержатся подробные описи недвижимого имущества из приданого девицы Сусанны. В описях числятся 3 (три) дома. Самый ценный находился у Старой стены близ ворот Сан-Андреа.

Ныне на его месте стоит здание, которое генуэзцы называют Домом Колумба. Возможно, Христофор Колумб действительно родился у ворот Сан-Андреа, но Дом Колумба все же явный самозванец. Он появился на свет, когда великого мореплавателя уже не было в живых.

Джованни родил Доминико, Доминико родил четырех сыновей и дочь.

Когда же появился на свет старший сын, Христофор? Вопрос этот долго возбуждал бурные страсти в биографов. Отчасти тому виной сам наш герой, который часто ошибался, определяя свой возраст. Очень запутал дело его современник и друг, испанский священник Андрес Бернальдес. Он уверял, что Колумбу в год его смерти (то есть в 1506 году) было семьдесят лет. 1506 — 70 = 1436. Дата абсолютно неприемлемая. Ведь Доминико Колумб вступил в брак в 1445 году, а за девять лет до этого будущей его жене Сусанне шел всего лишь десятый или одиннадцатый год.

В 1904 году итальянский историк Уго Ассерето обнаружил в генуэзском архиве, в бумагах нотариуса Джироламо Вентимильи, любопытнейший акт. Это свидетельство, получившее название «документа Ассерето», не раз еще будет встречаться в последующих главах. Оно очень многое проясняет в биографии Христофора Колумба.

В «документе Ассерето» речь идет об одной торговой генуэзской сделке. Купец Лодовико Чентурпоно скупил на португальском острове Мадейра сахар, действуя при этом через своего агента Христофора Колумба. Акт был составлен 25 августа 1479 года, и в нем значилось — названному агенту в этот день было неполных 28 лет.

А в другом нотариальном акте, от 31 октября 1470 года, указывалось, что Христофору Колумбу, сыну Доминико, более 19 лет.

Сопоставив показания обоих документов, нетрудно установить, что Христофор Колумб родился между 25 августа и 31 октября 1451 года.

Эта дата в последние десятилетия утвердилась весьма прочно, и генуэзцы имели все основания торжественно отметить в сентябре 1951 года пятистолетие с момента рождения их прославленного земляка.

Второй сын Доминико Колумба, Джованни Пеллегрино, родился спустя несколько лет и умер в юности. Третий и четвертый сыновья — Бартоломео и Джакомо¹, появились на свет соответственно в 1460 и 1468 годах, а самый младший отпрыск Доминико Колумба, Бьянकिनета, родилась в начале 70-х годов.

ПУТЬ ВНИЗ

Итак, в «середине жизненной дороги», на четвертом десятке, Доминико Колумб стал отцом семейства, приобрел собственность и удостоен был муниципальной должности. Казалось бы, он достиг всего, о чем мог мечтать зажиточный генуэзский гражданин.

Однако в эту пору дом у ворот Сан-Андреа отнюдь не был полной чашей, и семья домовладельца, ткача и кустодия Доминико Колумба постоянно испытывала всевозможные невзгоды.

Чтобы постичь причины грядущего разрыва Христофора Колумба с ткацкими традициями предков, на эти семейные «депрессии» следует обратить особое внимание. Тем более что биографы великого мореплавателя обычно обходят стороной «тощие годы» в жизни его родителя.

В ряду многих «шерстяных профессий» ткацкое дело было самым тонким и самым ответственным. В Сан-Стефано более ста мастеров этой специальности входили в цех *textores rannoium lane* — ткачей шерстяных тканей. Их деятельность тормозилась мелочными и обременительными установлениями, и, кроме того, у цеха ткачей постоянно возникали конфликты с поставщиками сырья и

полуфабрикатов. Хуже было, однако, другое: ткачи преобладали во власти куда более могущественной корпорации *mercatores artis lanegioium* — торговцев шерстяным товаром. Они-то и диктовали цены на ткани, они-то и сбывали эти ткани на отечественном и иноземных рынках. Эти «благодетели» и в добрые времена пускали ткачей по миру. Но срединные годы XV века были крайне тяжелыми по причине внутренних смут и жестоких поражений, которые Генуя потерпела на берегах Босфора, в Архипелаге и в Крыму.

В 1453 году турки захватили Константинополь. С лица земли стерта была богатейшая генуэзская колония на Золотом Роге — Пера. Утеряны были все (за исключением Хиоса) колонии в Архипелаге и на западных берегах Малой Азии. Турки, утвердившись на Босфоре, перерезали путь в Черное море.

Нарушились старые транзитные связи, не стало былых восточных рынков, прекратился подвоз сырья из стран, доступ в которые был теперь заказан генуэзцам, упал спрос на сан-стефанские ткани.

Торговцы шерстяным товаром в убытке оставаться не желали. И они еще ту же стянули петлю на шею сан-стефанского ткача.

В генуэзских документах того времени великое множество жалоб на притеснения скупщиков готовых изделий. Ткачи возмущались и кабальными контрактами, и низкими закупочными ценами, и способами расчета с ремесленниками. Скупщики платили им не деньгами, а товарами, произвольно вздувая цены на всевозможную дрянь.

К тому же в години бедствий курс генуэзских денег резко падал, и на этом наживались (разумеется, за счет своих «клиентов») дельцы из корпорации *mercatores artis lanegioium*.

Бесспорно, с этими деятелями не раз приходилось иметь дело и Доминико Колумбу. Судя по нотариальным документам, он постоянно пребывал в неоплатном долгу и всячески изворачивался, чтобы хоть на время вырваться из когтей неумолимых кредиторов.

Он держал лавку сыров, он торговал вином, он арендовал земельные участки и дома, чтобы их заложить или сдать в субаренду, он покупал, чтобы продавать, и продавал, чтобы покупать все, что попадалось под руку. Сегодня в Кинто, завтра в Рекко, послезавтра в Савоне, все

¹ Оба они последовали за старшим братом в Новый Свет и в историю вошли под испанизированными именами Бартоломе и Диего

время в пути, в поисках выгодной сделки, сговорчивых покупателей, уступчивых продавцов.

Почтенный отец семейства, он пускается во все тяжкие и становится трактирщиком, но, кроме очевидных неприятностей, это занятие ему ничего не приносит.

Блаженны имущие — им закон не помеха. Но Доминико сир и наг, и законы не на его стороне. 22 сентября 1470 года власти приказывают заточить его в темницу. За что, неясно. В ордере на арест лишь указано, что лицо, подлежащее лишению свободы, совершило «кое-какие провинности».

Богу хвала! То ли счастливый случай, то ли щедрая мзда спасает жертву закона от генуэзского узилища.

Но в Сан-Стефано земля горит под ногами, и Доминико поздней осенью того же 1470 года переезжает в Савону. От Савоны до Генуи тридцать миль, в Савоне, так же как и в Генуе, имеется цех *textori rapfogim*, работа там есть, очевидно, находятся и добрые друзья.

Однако и в Савоне укрыться от кредиторов не удается.

И снова тяжбы с займодавцами, снова война с поставщиками сырья, а долги множатся. 31 октября 1470 года Доминико и его первенец Христофор признают, что задолжали 48 лир, 13 сольдо и 6 динариев некоему Пьетро Беллезю за купленное у него вино. 9 июня 1472 года некто Джованни ди Синьория требует, чтобы Доминико Колумб уплатил ему 40 лир за три кантара (мера для жидкостей, равная 48 килограммам) вина и десять кип шерсти. Вино в обоих случаях приобреталось для перепродажи, но, видимо, операции эти барышей не принесли. Денег у ответчика нет. Долг нарастает, и 26 августа, то есть два с лишним месяца спустя, Джованни ди Синьория предъявляет иск уже не на 40, а на 140 лир (54, 148).

Выхода нет, и Доминико в 1473 году за беденок, за жалкие 50 лир, сбывает с рук свой дом. Тот, что в проулке Оливелла. Долги погасить не удается. Есть еще один дом, дом из приданого жены, старая конура в проулке Ретто. Но приданое давным-давно заложено, и Доминико просит жену передать ему права на дом, иначе он не волен вступать в переговоры с покупателями.

Дело срывается, хотя Сусанна не отказала своему мужу в просьбе. Возможно, не нашлось денег, чтобы оплатить ссуду, выданную под залог дома.

Придет время, и Доминико из-за этого дома втянется

в долголетнюю тяжбу с собственным зятем, сыроваром Джакомо¹.

Чернейшая полоса в жизни Доминико Колумба захватывает начало 70-х годов. И как раз в это время сын Христофор покидает родной дом и уходит в море. Он покрывает связи с отцовским ткацким предприятием и с вековыми семейными и цеховыми традициями².

Вернемся снова к серии генуэзских и савонских нотариальных документов 1470 — 1473 годов. В них Христофор Колумб неизменно фигурирует в качестве компаньона и «содолжника» своего отца. В одном из этих актов, а именно в акте савонского нотариуса Лодовико Морено от 20 марта 1472 года, Христофор Колумб назван «шерстянником из Генуи» (*lanefigo de Janua*) (54, 146). Итак, в 1472 году он числился в отцовском цехе.

Возможно, Антонио Галло и прав — какое-то время старший сын работал в мастерской отца чесальщиком шерсти. Но крайне сомнительно, что в 1470 — 1472 годах он продолжал работу в ткацком заведении «Колумб и сыновья».

В эти годы данная фирма преимущественно занималась торговлей, что подтверждают генуэзские и савонские нотариальные документы. Современный итальянский биограф Колумба Чезаре Лоллис толкует показания этих документов весьма любопытным образом.

По мнению Лоллиса, в 1470 — 1473 годах Доминико Колумб сбывал вино и прочие товары, сидя на месте, а его старший сын действовал в качестве разъездного агента и торговал в приморских селениях Лигурии. И от селения к селению он передвигался не сухим путем, а по морю. Отсюда Лоллис делает вывод, что в этих каботажа-

¹ Доминико Колумб вернулся в Геную в 1484 году и умер лет пятнадцать спустя, в те годы, когда о великих открытиях его старшего сына узнала вся Европа.

² Земляк и приятель Доминико Колумба, Антонио Галло, банкир и «по совместительству» историк, в своем труде о знаменательных событиях в истории родного города отметил: «Братья Христофор и Бартоломео, лигурийцы родом, принадлежали к плебейскому сословию и были шерстянниками (*lanificii*). Отец их был ткачом, сыновья чесальщиками шерсти, а жили они торговлей» (54, 63). Сведения сами по себе ценные, но о тех коллизиях, которые вызвали разрыв Христофора Колумба с семьей и цехом, они никакого представления не дают. Прочие авторы-современники сообщали еще меньше о генуэзских годах великого мореплавателя.

ных рейсах Колумб приохотился к морскому делу и психологически подготовил себя к смене профессии (79).

Гипотезу Лоллиса подтверждает сам Колумб. 21 декабря 1492 года в дневнике своего первого плавания к берегам Нового Света он записал: «Я хожу по морю 23 года и не покидал его никогда на срок, достойный упоминания»¹.

1492 — 23 = 1469. Дата приемлемая, она не противоречит гипотезе Лоллиса. И в пользу этой гипотезы говорят кое-какие косвенные соображения. Если допустить, что опыт вождения кораблей Колумб приобрел только в годы своего пребывания в Португалии, то не так легко будет объяснить, где он обучился приемам каботажного плавания. Ведь португальцы ходили в открытых морях, и именно в таких экспедициях участвовал Колумб, живя в Португалии. А между тем, скитаясь в водах Нового Света, он во всем блеске проявил «каботажные» навыки, месяцами курсируя вдоль опаснейших берегов Кубы, Эспаньолы и Центральноамериканского перешейка.

Вполне возможно поэтому, что три-четыре года хождений в Лигурийском море дали ему не меньше, чем дальние вояжи к берегам Гвинеи и островам в Северной Атлантике. А Лигурийское море буквально кишело каботажными судами, и их капитанам всегда требовались люди. Колумбу же отцу и Колумбу-сыну участие в прибрежных рейсах сулило немалые выгоды.

ГЕНУЯ

Таковы факты, таковы их толкования. Однако ни документы, ни заманчивые гипотезы не дают ответа на самый существенный вопрос: по каким причинам Христофор Колумб покинул сан-стефанское предместье и ту сферу деятельности, в которой, как белки в колесе, кружились его предки, родичи и соседи. Мы вынуждены ответить словами самого Колумба: «В раннем детстве вступил я в море и продолжаю плавать в нем и поныне,

¹ Правда, в 1501 году в одном из своих писем Колумб указывал, что плавать в море он начал с раннего детства и морю отдал 40 лет жизни. Если верить этому утверждению, то оказывается, что он связал себя с морем, будучи десятилетним мальчиком. А сын его, Фернандо, со слов отца писал, будто тот начал морскую карьеру в четырнадцать лет.

и таково призвание всякого, кто упорно желает познать тайны сего мира».

Но эти прекрасные слова были сказаны спустя тридцать лет после того, как их автор ушел в море. Кое-какие «тайны сего мира» он за это время успел познать и успел приобрести вкус к дальнейшему их познанию. А в 1470 или 1473 году душу его вряд ли обуревали подобные стремления. Пройдет еще десять долгих лет, прежде чем в его сознании прорежутся первые контуры великого проекта плавания к берегам Дальней Азии западным путем. Только пять-шесть лет спустя он впервые окажется по ту сторону Геркулесовых столпов, да и путь из Генуи в Лиссабон он пройдет отнюдь не в качестве флотоводца.

Таласса. Виноцветное море. Таким оно виделось Гомеру. Но в крутую излучину генуэзского берега вписано было Маре ди аффаре — Деловое море. Из мутно-зеленых вод гавани рос сухой лес мачт, перекрестьями рей они тянулись к небу, корнями уходили в темные корабельные чрева.

Хлеб, сукна, пряности, шелк, вино, мясо, рыба, соль, шерсть, оливковое масло, квасцы, хлопок, рис, сахар, индиго, перец во вьюках, разные товары в бочках, ящиках, мешках, бутылках наполняли эти чрева.

Шаткие сходни плясали под ногами грузчиков, товары нагружались и разгружались, счет им велся на кантары, мины, штуки, связки, кипы.

Тайн не было. Были коносаменты, счета, накладные, были описи грузов. Были реестры барышей и убытков. Было Дело.

Путь в истинную Талассу, в безбрежье Море-Океана лежал через генуэзскую гавань. А дорога туда из западных ворот сан-стефанского предместья вела через Старую Геную.

И не случайно именно о ней, о Старой Генуе, а не о ее сан-стефанской окраине Колумб вспоминает в своих завещаниях. Трижды изменял он свою волю, трижды нотариусы скрепляли своими подписями волеизъявление высокого клиента, и всякий раз генуэзские параграфы этих деловых документов бывали выдержаны в весьма лирических тонах.

В 1498 году в свидетельстве об установлении майората в пользу своего старшего сына Колумб требовал от него «постоянно содержать в городе Генуе особу нашего

рода, имеющего дом и жену, таким образом, чтобы она особа могла вести вполне достойный образ жизни в городе, где был рожден он и откуда вышел в мир» (54, 240). (Выделено автором — Я. С.)

А ниже он вмениял в обязанность своему наследнику «всегда и во всем споспешествовать благу и чести Генуэзской республики».

За день до смерти, 19 мая 1506 года, Колумб отказал значительные суммы денег наследникам и потомкам тех генуэзских деловых людей, которые ему покровительствовали в былые времена (54, 252).

Что же собой представляла эта Старая Генуя и каким образом был с ней связан в юные годы Христофор Колумб?

Дом Колумба стоял у ворот Сан-Андреа, западного окна Сан-Стефано, прорубленного в Старой стене. А по ту сторону этой стены, в тесных ее обводах, сжата была Старая Генуя.

Площадь этого древнего городского ядра была 53 гектара, и на этом ничтожном клочке земли проживало свыше шестидесяти тысяч человек¹.

Плотность населения чудовищная. Раз в восемь больше, чем в средневековом Париже, раз в тринадцать больше, чем в Москве Ивана III.

В наши дни эталоном городской скученности считается Манхаттан — старая, островная часть Нью-Йорка с ее бесчисленными небоскребами. Но в Манхаттане на один квадратный километр приходится 22 тысячи жителей, в Старой же Генуе эта цифра была впятеро выше!

Испанский путешественник Перо Тафур, посетивший Геную в 1435 году, писал: «Сей город уцепился за крайне скудную гору, нависшую над морем, и все дома, не говоря уже о башнях, здесь четырех- и пятиэтажные, а есть и более высокие, улицы же донельзя узкие, равно как и городские ворота» (120, 12—13).

«Улицы длинные и узкие, повозки на них не всегда могут разминуться, три пешехода, следуя плечом к пле-

чу, с трудом проходят по здешним улицам». Так говорил другой странник, француз Жан д'Отон, побывавший в Генуе спустя шестьдесят лет (41, II, 209).

«И эти улицы очень темные, и они кажутся еще уже, ибо по обе их стороны перед лавками часть мостовой отгорожена канатами и цепями». Так в XVII веке писал местный хронист Андреа Спинола.

Впрочем, любые описания меркнут перед замечательной панорамой Генуи генуэзского художника Христофора Грасси. Фрагмент из нее мы здесь приводим. Это Генуя 1481 года. Это город, который «жил стоя».

Город-купец, город-банкир, со своей биржей, с бесчисленными заведениями менял, повытчиков, нотариусов, с банкирскими конторами, лавками и с кварталом веселых домов, знаменитым Борделло ди Кастеллетто.

Сделки совершались в «Риппе», крытой галерее на границе гавани и города. Над «Риппой» возвышалось мрачное Палаццо ди Сан-Джорджо, резиденция могущественной Комперы ди Сан-Джорджо, верховной коллегии первого по значению генуэзского банка.

Это палаццо было «главнее» Дворца дождей и Дворца генуэзской коммуны. На «волну» банка Сан-Джорджо настраивались денежные магнаты Севильи и Брюгге, Флоренции и Лондона. Civis Januae — генуэзский гражданин, по закону обладал большими правами. Пополаны, люди низших сословий, входили наравне с представителями тугой мощны и родовитыми землевладельцами во все выборные органы республики.

Однако не они стояли у ее кормила. Генуей правили пятьдесят «могучих кучек». Пятьдесят «альберго». Каждое альберго было «республикой в себе», тесным объединением родичей и клиентов главы знатного и влиятельного рода. Членов альберго связывали общие экономические интересы, перед этими стадными вождениями кровные узы отступали на второй план. Альберго поглощали выходцев из других семейств, если сие было выгодно клану, они принимали под свое покровительство иноземцев, растворяя всех неофитов в своей общности, подчиняя их своим целям.

Одни альберго представляли интересы земельной аристократии, таков был, например, клан Фьески, другие связали себя с дальними генуэзскими колониями (так, клан Джустиниани монопольно владел Хиосом), третьи играли видную роль в морской торговле или в банковских опера-

¹ Французский историк Ж. Эер писал, что в 1460 году в Старой Генуе, то есть на территории, отгороженной древнейшей стеной 1455 года, насчитывалось 4200 домов, в среднем же в каждом доме проживало не менее 15 человек. В Сан-Стефано и Сан-Томмазо, застенных предместьях Генуи, обитало 25—30 тысяч горожан (72, 38—43).

циях (по этой части выдвинулись кланы Дориа, Чентурионе, Спинола и Гримальди).

Но согласия и лада между этими альберго не было. Шла острая борьба, и в нее вовлекались городские низы, подчас не отдавая себе отчета в том, что таскают они кашганы из огня для синьоров Фьески или Дориа.

Каменные соты на панораме Христофора Грасси — это и есть скопление генуэзских альберго. Они легко различимы: на переднем плане теснятся альберго кланов Спинола и Кампофрегозо. Каждый из них — сгусток узкобоких «небоскребов».

К сожаленью, на этой картине нижний ее край и сводчатая «Риппа» срезают первые этажи зданий, а без них трудно себе представить Старую Геную. В лоджиях и галерейках нижних этажей ютились винные погребки — бodeги, лавчонки, склады, а в антресолях над торговыми помещениями жили их владельцы. Чаще всего то были постояльцы, которые арендовали цокольные этажи. Даже знатнейший из знатных род Дориа не гнушался сдавать внаймы «поддон» своего палаццо бакалейщикам и мясникам.

ГЕНУЭЗЦЫ

Перо Тафур, Жан д'Отон и Андреа Спинола описали внешний вид Старой Генуи, Христофор Грасси запечатлел ее на полотне. Однако Геную не удостоил своим визитом Хромой бес, лукавый всевидец, который сквозь крыши и стены наблюдал за частной жизнью обитателей Мадрида.

Чем дышал, чем жил этот тесный город, какие страсти кипели в его дворцах и трущобах, нам поэтому узнать нелегко.

Дух Старой Генуи давным-давно покинул многократно перестроенные кварталы Борго, Сан-Лоренцо, Макканьяна, Социлья, оплакивая скрытые городские стены.

Он оставил, однако, следы на пыльных полках генуэзских архивов. В налоговых ведомостях (габеллах), где подытожены сборы с морских перевозок, с соляной торговли, с завещаний и с дарственных актов, со страховых сделок. В «связках» (фильзах) нотариальных документов. В картуляриях монастырей. В регистрах секретного архива генуэзских дождей. В частных бумагах кушцов и банкиров. В старых генуэзских хрониках. В новеллах, поэмах, политических трактатах Данте, Петрарки, Макиавелли,

великих итальянцев, которых удивляли и раздражали корыстные чаяния и эгоистические устремления граждан этой Республики Чистогана.

Данте писал: генуэзцы-чужаки (*uomini diversi*). Очень весомое утверждение в устах борца за итальянское духовное самосознание, человека, который, вкушая в Вероне, Болонье или Равенне горький хлеб изгнания, не чувствовал себя там иностранцем.

Петрарка предостерегал своих земляков: помните, генуэзцы и венецианцы жадины и себялюбцы, и не просите у них помощи.

Макиавелли полагал, что генуэзцы «живут бесчестно» (*inopinati vivevano*) — крепкие слова в устах убежденного сторонника разумного и оправданного бесчестья.

В известной степени правы были и Данте, и Петрарка, и Макиавелли. На протяжении четырех столетий, с конца XI века до эпохи Колумба, Генуя всеми средствами крепила свою мощь, пренебрегая интересами своих соседей, пользуясь их слабостями, покупая, продавая и предавая их в зависимости от обстоятельств места и времени. Правда, в этом смысле генуэзцы действовали, в сущности, точно так же, как венецианцы, пизанцы или флорентийцы, но в отличие от них они были очень слабо связаны с итальянским «тылом». От дальних и ближних итальянских соседей Генуя отсиживалась за двойной цепью Лигурийских гор, она стояла спиной к Пьемонту, Ломбардии и Тоскане, но лицом к морю. Крым и острова Архипелага волновали ее в сто крат больше, чем Лациум и Умбрия.

В страде многовековой заморской экспансии сложился генуэзский характер, утвердились генуэзские нормы поведения, морали и деловой практики. Побольше прибыли, поменьше затрат — такова была первая заповедь генуэзцев. Все рассчитывалось наперед до последнего солдадо Евангелием делового генуэзца были ежеквартальные «бюллетени» банка Сан-Джорджо, по курсу этого банка вел свою ладью от сделки к сделке генуэзец.

«Берегись конкурента» — этому генуэзца учили с детства, и свои замыслы он хранил в тайне, исповедуясь лишь нотариусу, остерегаясь любой огласки.

Генуэзцы сильны были чувством локтя, ведь действовать приходилось не в одиночку, а в одной шеренге с компаньонами. Локти, однако, они защищали надежными налокотниками, заранее оговаривая свою долю в грядущем.

щих прибылях и взаимные обязательства в очередном предприятии.

Генуэзцы отличались отвагой и смелостью. В разумных пределах. Если враг был заведомо сильнее их, они не ввязывались в бой или покидали поле битвы, не считая при этом нужным предупредить своих союзников.

Они слыли дурными христианами, ибо охотно торговали с татарами и турками, египтянами и варварийцами, а порой не менее охотно помогали мусульманским владыкам разорять и грабить христианские земли. Но, предавая своих единоверцев, они заранее вступали в сделки с господом богом. Двойная страховка, земная и небесная, гарантировала возмещение проторей и искупление любых грехов.

А грехи совершались всякие. Генуэзцы топили иноземные корабли, опустошали чужие земли, торговали рабами, скупая живой товар у крымских и золотоордынских ханов, баев и мурз, а затем поставляя его в мамелюкский Египет или в города христианского Средиземноморья¹.

Генуя не славилась грандиозными храмами, и ее обитатели не были завязаны богатолами. Но зато об их суеверии ходила легенды. Из Палестины, Сирии, Византии, Трапезунда, Великой и Малой Армении свозились в Геную всевозможные святые реликвии. В церкви Спасителя хранилась частица честного креста, в кафедральном соборе изумрудное блюдо, из которого сын божий ел опресноки, в храме Марии ди Кастелло сосуд с млеком пресвятой девы, в церкви святого Варфоломея Благостный Лик — чудотворный образ Христа (византийцы захватили эту икону в Эдессе в 944 году, а спустя пятьсот лет генуэзские ловцы реликвий выпросили ее у византийского императора Иоанна VIII Палеолога).

Зубы, волосы, персты, кости святых мужей и великомучеников ценились дороже алмазов и приобретались оптом и в розницу. И недаром на исходе XIII века в та-

¹ Впрочем, работорговля греховным промыслом не считалась. Генуэзцы открыто торговали невольниками различного происхождения. В 1463—1465 годах русские выходцы шли на генуэзском рынке по цене 180—195 лир, болгары продавались за 144—170 лир, черкесы за 180 лир при средней цене на здорового молодого раба в 170—187 лир. На этом же рынке быков сбывали по 40 лир за голову, породистый же арабский конь стоил 250—300 лир (72, 656). Мы убедимся в дальнейшем, что Колумб, следуя генуэзской традиции, полагал, что рабы такой же товар, как пряности или красное дерево.

кой восторг от генуэзских святых реликвий пришел простодушный восточный гость, несторианский монах Барсаума, посетивший на пути из Тебриза в Париж не слишком святую столицу Лигурии.

Куда бы ни занесла судьба генуэзца, нигде и никогда не обрывал он пуповину, связывающую его с родиной. Однако он легко и быстро вписывался в быт чужой страны, перенимал ее обычаи, усваивал ее язык. И стоило хотя бы одному лигурийцу пустить корни в дальней стороне, как тут же от этих корней ответвлялись цепкие корешки. В Александрии и Марселе, в Барселоне и Валенсии, в Севилье и Кадисе, в Лиссабоне и Бордо, в Ла-Рошели и Лондоне, в Брюгге и Генте — повсюду, где можно было нажить капитал, гнездились и разрастались выводки генуэзских колонистов.

Не всегда к этим пришельцам питали теплые чувства, но в них испытывали нужду, им доверяли. Генуэзские векселя были надежнее звонкой монеты, сделки с генуэзцами сулили верные барыши.

Генуэзские купцы и банкиры проникали в любые щели. Их принимали в своих покоях магнаты и князья церкви, они вхожи были в королевские дворцы. За генуэзцев в нужную минуту вступались сильные мира сего, зная, что услуги будут возмещены сторицей.

И, подобно венецианцам, генуэзцы были прирожденными моряками.

К XIII веку они обошли все Средиземноморье, а в конце этого столетия добрались до гаваней Каспийского моря и Персидского залива. В 1291 году братья Уголино и Вадино Вивальди, потомственные генуэзцы, вознамерились открыть новый путь в Индию, в обход Африки. Они проследовали через Гибралтарский пролив, но затем бесследно исчезли в марокканских или сенегальских водах.

В XIV веке генуэзцы через Иран прошли в Индию и провели морские пути, ведущие в Китай и к островам «бахромы мира» — Малайскому архипелагу. А в XV веке, после того как турки перерезали генуэзцам пути на Восток, Атлантика овладела помыслами лигурийцев. Случилось это в ту пору, когда у бывшего сан-стефанского шерстящика созрел план плавания в Индию западным путем, и кто знает, быть может, на генуэзских дрожжах исходила Колумбова опара.

Кроме того, у генуэзцев были отличные лодии и не-

плохие морские карты — портоланы. Архисекретные, оберегаемые пуще зеницы ока. Они много знали, эти новые аргонавты, своими сведениями ни с кем не делились и ловко вводили в заблуждение конкурентов. Как скрывать плоды своих открытий, прекрасно знал Колумб, и поступал он при этом на генуэзский манер.

Обо всех этих генуэзских особенностях характера должно помнить, вникая в душевный мир лигурийца Колумба. Ветхого человека не преодолели адамовы потомки, сущего генуэзца не изжил в себе великий мореплаватель. Не изжил, хоть порой его нрав, его мораль, его этика вступали в резкий конфликт с образом мыслей и действиями его соотечественников, и хоть не всегда шел он к цели, применяя излюбленные их средства...

ПЛОЩАДЬ СЕН-СИРО И УЛИЦА ПАВИИ

Истинные, стопроцентные, коренные генуэзцы теснились на крохотном пятачке лигурийского берега в восьми кварталах старого города. Санстефанцы с их сухопутными профессиями здесь были такими же uomini diversi, как для Данте граждане Лигурийской республики. Но ворота Сан-Андреа в Старой стене были открыты для всех, кто хотел через них пройти в деловые и морские кварталы Генуи, и этими воротами вступил туда юный шерстящик Христофор Колумб.

Разумеется, он не мог проникнуть в лоно старогенуэзских альберго. Для этого он был слишком беден.

Но хозяевам альберго нужны были генуэзские граждане черной кости. Кто-то ведь должен был вести счетные книги, охранять склады, принимать на пристанях грузы, наиболее расторопных плебеев можно было использовать в качестве комиссионеров и факторов. Черную кость брали на корабли, которые бороздили моря под вымпелами знатных торговых домов. Они драпили палубы, ставили паруса, стояли у руля, и, греха таить нечего, случалось им и действовать абордажными крючьями в лихих пиратских рейдах.

Весьма вероятно, что юный Христофор Колумб нашел влиятельных покровителей, и они-то и определили его дальнейшую судьбу. Он обрел их на площади Сен-Сиро в самом старом квартале Старой Генуи — в Борго. Там, впритык к торцовой стене древней церкви святых апостолов на Сен-Сиро, располагался альберго рода Ченту-

рионе. Это был сравнительно новый, «плебейский» клан, во главе которого стояли весьма предприимчивые банкиры и купцы. В компании с торговой фирмой Негро Чентурионе вели крупные операции на Пиренейском полуострове. Семнадцать представителей этого дома сидели во всех значительных городах Арагона, Кастилии и Португалии — Барселоне, Валенсии, Севилье, Толедо, Бургосе, Малаге, Кадисе, Лиссабоне и Лагуше.

Вероятно, в начале 70-х годов XV века и появился на площади Сен-Сиро сын незадачливого ткача-винооторговца. И можно допустить, что именно через эту площадь проложил он путь в генуэзскую гавань.

Вполне возможно, что фирма Чентурионе играла известную роль в переговорах Доминико Колумба с его кредиторами. Несколько позже, в 1474 — 1475 годах, Колумб теснейшим образом был связан с компаньонами дома Чентурионе из рода Негро, и, конечно, не случайно на смертном одре он вспомнил о своих благодетелях с площади Сен-Сиро.

Но его морская карьера началась с малого. На многое он и не мог рассчитывать. И не только потому, что был неимущим плебеем. Вряд ли то образование, которое он получил в Сан-Стефано, позволяло ему претендовать на высокие посты в морской иерархии.

В сущности, нам неизвестно, что знал и чего не знал юный Колумб. Неизвестно, где он учился и чему его учили. В XVI веке португальский историк Жуан Барруш (а ему доступны были лиссабонские архивы, уничтоженные затем землетрясением 1755 года) утверждал, что Колумб некоторое время учился в Павии, в тамошнем университете (43). Эту версию приняли биографы великого мореплавателя Бартоломе Лас Касас и Фернандо Колон, младший сын Колумба, но о Павии не упоминал их предшественник, ровесник и друг первооткрывателя Нового Света Пьетро Мартир де Ангьера¹. Двести лет

¹ Пьетро Мартир де Ангьера (1457—1526) — родом ломбардец, около сорока лет прожил в Испании. Гуманист, блестящий эрудит, царедворец, связанный с ближайшим окружением Изабеллы и Фердинанда, он вел обширную переписку с рядом политических деятелей и ученых Испании и Италии, откликаясь на все значительные события своего времени. Мартир с 1493 года знал Колумба и во многих письмах изложил наиболее важные события в деятельности великого генуэзца. Письма Мартира были изданы посмертно (86). О Колумбе, его экспедициях и первых вторжениях испанцев в Новый Свет Мартир сообщил много цен-

спустя Павийский университет воздвиг памятник своему «питомцу», а расторопные университетские власти раздобыли даже «палец Колумба». Палец оказался фальшивым, но, будь эта реликвия подлинной, все равно в Павии ей делать было нечего. Ни в каких университетах Колумб не обучался. Но вот что любопытно: генуэзский историк Корнелио Дессимони в конце XIX века дознался, что в Генуе на улице Павии была в XV веке школа, которая содержалась цехом ткачей-шерстянщиков.

Быть может, Жуан Барруш спутал город Павию с генуэзской улицей того же названия?

Впрочем, у этого цеха школы были не только на улице Павии. Видный американский колумбовед Г. Гаррис доказал, что в сан-стефанском предместье насчитывалось в Колумбовы времена несколько таких школ. А Ч. Лол-

ных сведений в обстоятельном трактате, посвященном открытию первых американских земель (87).

Бартоломе Лас Касас (1474—1566) — великий испанский гуманист, пламенный борец за свободу американских индейцев. Получив образование в Саламанкском университете, в 1502 году отправился в Новый Свет. На протяжении полувека мужественно боролся против испанской колониальной системы, разоблачая зверства завоевателей новооткрытых земель. В своем главном труде «История Индии» (77) подробно описал жизнь и деятельность Колумба, используя при этом источники, впоследствии безвозвратно утраченные. В частности, он опубликовал дневник первого плавания Колумба, дошедший до нас лишь в сокращенной версии, включенной в «Историю Индии». Этот труд Лас Касаса навеки останется важнейшим источником по истории открытий Колумба. «История Индии» вышла в 1968 году в русском переводе (15), к сожалению весьма неполном. О деятельности Лас Касаса см. работы В. Л. Афанасьева (6, 7). Дневник первого плавания в изложении Лас Касаса и главы из «Истории Индии», в которых описаны второе и третье плавание Колумба, были переведены автором этих строк (24, 78—206; 304—338; 397—422).

Фернандо Колон (1488—1539) — младший, незаконный сын Колумба. Участвовал в четвертом плавании отца, был выдающимся космографом и страстным библиофилом. Его биография Колумба (58) вышла в свет в 1571 году в итальянском переводе некоего Альфонса Ульоа. Не исключено, что в текст рукописи Ульоа и племянник Фернандо Колона Луис Колон внесли кое-какие изменения. Однако современные исследователи (17, 18, 42, 74, 93, 113) отвергают версию американского историка Г. Гарриса (1830—1910), полагавшего, будто изданная Ульоа книга не принадлежала перу Фернандо Колона (70). Труд Фернандо Колона — источник весьма тенденциозный и выдержанный в апологетических тонах, но в нем содержатся существенные сведения о юных годах Колумба и его последнем плавании. Оригинал этого труда был хорошо известен Лас Касасу.

лис полагал, что в одной из них Колумб преуспел в каллиграфии. Почерк у него и в самом деле был необыкновенно изящный, недаром Лас Касас говорил, что все написанное Колумбом не только красиво, но и лакомо! (77, I, 46).

Сан-стефанские школы, по всей вероятности, были своего рода ремесленными училищами. Обучали там не только ткацкому делу, но чтению и письму, а быть может, и начаткам космографии. Но не латыни. Латынью Колумб овладел (и при этом основательно) уже в зрелом возрасте.

Странно, но в позднюю пору своей жизни Колумб почти никогда не писал по-итальянски. Родным языком он не пользовался, даже переписываясь с банком Сан-Джорджо и с генуэзским послом в Испании Никколо Одриго. Сохранились лишь две беглые пометки на плохом итальянском языке, обе сделаны рукой Колумба на полях любимых его книг.

Несомненно, однако, лишь одно: навигационному искусству в сан-стефанских школах не учили. И, должно быть, прав генуэзский историк XVI века Агостино Джустиниани, который писал: «В детские годы усвоил Колумб начатки знаний, возмужав, обучился морскому делу» (54, 63).

Действительно, не в школе, а в морских кварталах Генуи созрело у Колумба решение связать свою судьбу с Большой Соленой водой Морская служба, пусть и незавидная, — много ли чести быть матросом или экспедитором на судах, перевозящих шерсть или рыбу? — сулила ему все же больше, чем отцовское логово, обложенное ретивыми кредиторами.

С августа 1473 года савонские и генуэзские архивы не сообщают никаких сведений о Христофоре Колумбе. И думается, что в конце 1473-го и в 1474 году бывший чесальщик шерсти окончательно порвал с родным домом и ушел в море.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ И ОДНА (СПОРЫ О РОДИНЕ КОЛУМБА)

За право считать себя родиной Гомера спорили семь греческих городов. Колумбу «повезло» больше. В разное время и в разных местах двадцать шесть претендентов (четырнадцать итальянских городов и двенадцать наций)

выдвинули подобные же претензии, вступив в тяжбу с Генуей.

Сорок с лишним лет назад Генуя окончательно выиграла этот многовековой процесс. Однако и поныне не смолкают голоса адвокатов ложных и бесповоротно отвергнутых версий о родине и национальном происхождении Колумба.

«Тьмы низких истин нам дороже всевозвышающий обман» — таков девиз многих любителей шумных сенсаций. Попадают среди них наивные невежды, свято верующие в свои беспочвенные домыслы. Встречаются и ученые фальсификаторы — эти куда опаснее, — ловко перетасовывая факты, сознательно искажая «низкие истины», они легко вводят в соблазн доверчивых поклонников...

Любопытно, что до 1571 года никто не сомневался в генуэзском происхождении Колумба. Он сам неоднократно называл себя генуэзцем. С этим согласны были все его современники, оставившие след в исторической литературе: итальянский гуманист, долго живший в Испании, Пьетро Мартин де Ангьера, друг Колумба, священник Андрес Бернальдес, испанские хронисты Бартоломе Лас Касас, Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес, Эстебан де Гарибай, Алонсо Эстанкес, Антонио де Эррера. Генуэзцем считали великого мореплавателя его соотечественники — Антонио Галло, Агустино Джустиниани, Баттиста Фрегозо, Бартоломео Сенарегга, Никколо Одериго. Такого же мнения придерживались венецианцы Анджело Тревизан (друг Колумба) и кардинал Пьетро Бембо, а также ломбардец Паоло Джовио (54, 24 — 96). В генуэзском происхождении Колумба не сомневались португальские хронисты Руи да Пина и Жуан Барруш. По самым скромным подсчетам, по крайней мере девяносто историков, литераторов и государственных деятелей (а многие из них лично знали Колумба) совершенно определенно утверждали, что Генуя (или, на худой конец, соседние селения) дала миру первооткрывателя Нового Света.

Впервые поставил под сомнение генуэзское происхождение Колумба Фернандо Колон.

Он руководствовался «благим» намерением обновить родословную великого искателя новых земель и ввести в нее знатных предков.

Генуя для подобных экспериментов не годилась. В ней не было альберго Колумбов, фамилия эта не зна-

чалась даже в списках более или менее выдающихся плебейских семейств. Поэтому автор увел дедов Колумба в итальянский город Пьяченцу, где в XIV и XV веках жили какие-то знатные люди из местного рода Колумбов.

Лиха беда начало. Пример Фернандо Колона вдохновил на подобные же поиски историков XVII, XVIII, XIX и XX столетий.

Сперва в дискуссию об истинной родине Колумба втянулись итальянцы. Все они считали великого мореплавателя своим земляком, но понятие землячества толковали в крайне узком смысле; одни доказывали, что Колумб родился в Савоне, другие — что он появился на свет в городе Коголето, или в селении Когурео, или в деревеньке Альбисола, или в местечке Нерви, или в одном из городов Ломбардии, или в Риме, или в Ливорно, или в Павии, или в Пьяченце.

Затем в спор вступили французы и англичане. Французский адвокат Жан Коломб в 1697 году объявил себя потомком Колумба и присвоил себе его герб. Англичанин Чарлз Моллоу в 1682 году заявил: Columbus was born in England, but resident in Genua — «Колумб родился в Англии, но поселился в Генуе».

В Англии эта гипотеза не прижилась, но версию Жана Коломба «обосновал» 194 года спустя анонимный автор, который разыскал лжепотомков Колумба в Бордо, Бургундии и Савойе.

В конце 70-х и в начале 80-х годов XIX века два корсиканских аббата — Казабьянка и Казанова объявили, что Колумб родился на Корсике, в городе Кальви. Кальвийских обывателей, носящих фамилию Коломбо, аббаты провозгласили потомками великого адмирала, причем свои открытия Казабьянка и Казанова подкрепляли весьма «вескими» доводами. Так, они утверждали, будто на Корсике сохранилась частица тела господнего (облатка, символизирующая при различных христианских таинствах плоть Христа), которая давалась при крещении младенцу Христофору.

Каким образом удалось уберечь от корсиканских мышей этот кусочек теста и сохранить его в целости на протяжении трех с лишним столетий, аббаты, разумеется, не сообщали. Они «запамятовали» и другое не менее важное обстоятельство: Констанцский собор за тридцать лет до рождения Колумба признал вкушение тела господнего мирянами гнусной гуситской ересью. А поэтому ни один

священник не стал бы в 1451 году нарушать грозную волю собора, ибо, поступая так, он легко мог угодить на костер...

И тем не менее президент Франции Жюль Гриви распорядился в 1882 году соорудить на главной площади города Кальви памятник Колумбу. Тем самым президент увековечил открытие предприимчивых аббатов. Правда, «острый галльский смысл» вскоре восторжествовал, и в 1893 году корсиканец Перетти де ла Роза во всеуслышание заявил: «Великих людей на Корсике предостаточно. Оставим себе Наполеона, а Колумба, так уж и быть, отдадим Генуе» (42, IV, 248).

В исходе XIX и в начале XX века мир уже вступил в эпоху империализма, и повсюду кипели шовинистические страсти. Они разыгрались и в колумбоведении. Испания объявила Колумба испанцем (причем права на него одновременно предъявили галисийцы, каталонцы, эстремадурцы и андалузцы). Португалия провозгласила Колумба португальцем, Швейцария — швейцарцем, Америка — американцем (в США нашелся оригинал, который совершенно серьезно утверждал, будто Колумб был антильским индейцем, таинственным образом попавшим в Европу и затем указавшим людям Старого Света путь в Америку). В соревнование включились также датчане, немцы, евреи, поляки, армяне.

Появилась и византийская версия. Ее творец доказывал, что Колумб был близким родственником последних императоров из дома Палеологов и что, следовательно, в его жилах текла царская кровь.

Почти все эти версии зиждились на домыслах троякого рода:

1. Домыслы «фамильные». Коломбо, Колонов, Коломбов и Коломов в Италии, Испании, Франции и Португалии тьма-тьмуца. Создатели новых версий, не мудрствуя лукаво, объявляли носителей этих фамилий либо предками, либо потомками Колумба.

Порой использовались и географические «приметы». Один немец утверждал, что Колумб уроженец Кельна. Латинское название этого города — Colonia, и, ясное дело, испанцы окрестили великого мореплавателя Колоном, ибо он появился на свет в Колонии-Кельне.

Даже польский город Кольно ввел в соблазн некоторых псевдоколумбоведов.

2. Домыслы символические. Очень сложное сочетание

инициальных литер в подписи Колумба многие комбинаторы трактовали как символические знаки, указывающие на португальское, каталонское, эстремадурское или иудейское происхождение великого мореплавателя.

3. Домыслы лингвистические: в письмах и маргиналиях Колумба (как правило, писал он по-кастильски или на латыни) выискивались слова и обороты, якобы приущие «искомым» языкам, и на этом основании делались нужные выводы.

Нет смысла втягиваться в полемику с авторами всех этих гипотез. Но стоит разобрать две, пожалуй, наиболее типичные версии, чтобы получить наглядное представление о приемах, которыми пользовались рыцари всевозможного обмана.

В самом конце прошлого века сенсацию вызвали «открытия» испанца Сельсо Гарсии де ла Рьегы. В родном городе, Понтеведре, лежащем в Галисии, северо-западной провинции Испании, он разыскал интереснейшие документы. Из текста их явствовало, что в XV веке в Понтеведре жила семья Колонов (а именно так именовался в Испании Колумб). Отца семейства звали Доминго, сыновей — Кристобалем и Бартоломе. Нашлась и дама — сеньора Фонтероса. Одним словом, налицо были почти все члены семейства Колумбов, только имена их звучали на испанский лад. Вдобавок Сельсо Гарсия де ла Рьего утверждал, что Колумб писал свои письма на галисийском диалекте.

В декабре 1898 года Сельсо Гарсия де ла Рьего выступил с докладом на конференции Мадридского географического общества, а четыре года спустя опубликовал сообщение о своих открытиях. Многие колумбоведы подвергли галисийца резкой критике, и в их числе был историк М. Серрапо-и-Санс, который указал, что в письмах Колумба очень часто встречаются португализмы, что не мудрено, ибо в Португалии он прожил десять лет. Их легко можно объявить и «галисизмами», ибо галисийский диалект сходен с португальским языком, но делать этого не следует.

Время, однако, шло, и галисийская версия завоевывала новых сторонников. В конце концов, в дело вмешалась испанская Академия истории. В 1926 году галисийские документы академия направила на экспертизу в лабораторию инженерных войск.

И выяснилось следующее: во-первых, никаких имен в

тексте документов не было. Были весьма неразборчивые инициалы, и Сельсо Гарсия де ла Рьегга истолковывал их весьма произвольно. Во-вторых, некоторые из этих инициалов, и как раз те, которые читались без труда, внесены были в документы анилиновыми чернилами, причем «корректировщик» пользовался металлическим пером. В-третьих, фамилия Фонтероса выведена была теми же чернилами и тем же пером вместо другого имени, выскобленного каким-то острым инструментом (40).

Естественно, что после такой экспертизы галисийская версия приказала долго жить.

Галисийский «открыватель» был заурядным фальсификатором. Более основательно действовал создатель каталонской гипотезы, перуанец каталонского происхождения и сотрудник Национальной библиотеки в Лиме Луис Ульоа. В 1927 году он выпустил в Париже книгу «Христофор Колумб — каталонец. Истина об открытии Америки» (122). Неискушенным читателям казалось, что перед ними солидное исследование, труд большого эрудита. Автор доказывал, что никакого Христофора Колумба — генуэзца не было и в помине. Был каталонец Хуан Колом, пират, который в начале 70-х годов XV века воевал против своего законного государя короля Арагона. Затем он бежал, стал под именем Иоганна, или Яна, Скольва участником датской полярной экспедиции и открыл далеко на севере американские земли. Случилось это в 1476—1477 годах, а спустя несколько лет он вернулся в Испанию под именем Кристобалья Колона, предложил свои услуги Изабелле и Фердинанду и вторично (!) открыл Новый Свет в 1492 году.

Его тайна, вещал Ульоа, была ведома хитрому королю Фердинанду, но король не разоблачил бывшего пирата. Королю выгоднее было считать Колома иностранцем, ибо в этом случае ничего не стоило нарушить соглашение, заключенное с Коломом-Колоном.

Факты, которые не укладывались в каталонскую схему, Ульоа либо вообще не принимал во внимание, либо искажал в соответствии со своими нуждами. Неудобные же ему генуэзские документы он чаще всего игнорировал, а в тех случаях, когда сделать это было трудно, объявлял их фальшивками. Более того, он в одном месте высказал предположение, что Генуя, о которой не раз упоминал Колумб, это вовсе не итальянский город, а предместье каталонского города Тортосы!

Теперь несколько слов о Яне Скольве. Скольв, не то поляк, не то датчанин, не то норвежец, в природе, быть может, и существовал, его «тайна» будет раскрыта на стр. 50, но скажем наперед, что Колумба он никогда не видел и о нем ничего не слышал. И уж, конечно, никаким образом не мог он перевоплотиться в мифического Хуана Колома.

Гипотеза Ульоа оказалась недолговечной. К 1933 году она почилла с миром, но отголоски ее не замерли и по сей день. В 1971 году один советский популярный журнал поместил на своих страницах статью, автор которой воскресил Яна Скольва, правда, на этот раз уже только в качестве родственника Колумба.

Почему же возникали и имели хождение все эти абсолютно несостоятельные версии, если еще в начале XIX века были известны многие генуэзские нотариальные документы, которые подтверждали, что Колумб родился в Генуе?

Нельзя не отметить, что до поры до времени и сама генуэзская версия была несовершенной. Действительно, в 1823 году Дж. Б. Споторно опубликовал первую серию генуэзских документов, а во второй половине XIX века его земляки, генуэзцы К. Дессимони, Л. Бельграно и М. Стальени, обнаружили много аналогичных материалов, свидетельствующих, что семья Колумбов жила в Генуе и что Христофор Колумб был сыном ткача Доминико Колумба (44).

Однако противники генуэзской версии не без основания говорили: да, все это так. Какие-то Колумбы жили в XV веке в Генуе. Но где доказательства, что Христофор Колумб, шерстящик из Сан-Стефано, все сведения о котором в генуэзских документах обрываются в 1473 году, и есть великий мореплаватель Христофор Колумб? Предъявите, господа генуэзцы, хоть один документ, который это тождество смог бы подтвердить.

Такой документ был. Его обнаружил в 1825 году испанский историк Мартин Фернандес Наваррете, автор ценнейшего собрания документов, относящихся к истории открытий Колумба (95). Это свидетельство об установлении майората, подтверждающее права старшего сына Колумба. Выдержку из него, в которой Адмирал Моря-Океана дон Кристобаль Колон подчеркивал, что родом он из Генуи и из нее «вышел в мир», мы привели на стр. 15—16.

Увы! Никакой юридической силы этот документ не имел. Наваррете воспроизвел в печати текст незавершенной копии этого акта. Подлинника он не обнаружил. В селе-

нии Симанкас, где находится архив, в котором совершил свое открытие Наваррете, в 1810 году стояла кавалерия наполеоновского генерала Келлермана. Французские конники бумаги Симанкского архива использовали для разных надобностей, и подлинник свидетельства от 22 февраля 1498 года исчез бесследно.

В 1904 году появился «документ Ассерето». Этот документ подтвердил, что Колумб родился в 1451 году, и связал два этапа в его жизни — генуэзский и португальский. Но «антигенуэзцы» резонно заявляли: «документ Ассерето» датирован 1479 годом и не доказывает, что особа, в нем упомянутая, тот Христофор Колумб, который тринадцать лет спустя открыл Новый Свет.

Однако в 1925 году американская исследовательница Алиса Бачи Гоулд, работая в Испании, разыскала в Симанкском архиве заверенный всеми подписями и печатями документ от 28 сентября 1501 года, подтверждающий свидетельство об установлении майората, составленное в 1498 году. Подлинность новооткрытого документа признала особая комиссия во главе с видным колумбоведом А. Алтолагире-и-Дувале (40).

Отныне сомнений не было: автор свидетельства об установлении майората и есть то лицо, которое фигурирует в генуэзских нотариальных документах.

Все материалы, удостоверяющие генуэзское происхождение Колумба, были опубликованы в 1931—1932 годах муниципальными властями Генуи. На это издание (54) мы неоднократно ссылались уже выше.

С 1932 года генуэзская версия нерушимо утвердилась в колумбоведении, а всем прочим двадцати шести гипотезам наука вынесла столь же суровый приговор, как и «теории» «вечного двигателя».

Наука, однако, неповинна в том, что и по сей день в патентные бюро поступают проекты «вечного двигателя», а редакции журналов поменяют статьи, перепевающие давным-давно отвергнутые гипотезы о национальном происхождении Колумба.

МОРСКОЙ ДЕБЮТ

Итак, не то в конце 1473-го, не то в 1474 году Колумб начал свою морскую карьеру. Время выдалось смутное: на Востоке свирепствовали турки, а у итальянских берегов гуляли пиратские флотилии.

Хитроумный французский король Людовик XI охотно оказывал покровительство пиратам. Ведь топили они чужеземные корабли, подрывая мощь его соперников.

Вдобавок масло в огонь подливал один из вассалов короля Франции, Рене Анжуйский, бывший неаполитанский король и большой непеседа. Всю жизнь он ввязывался во всевозможные усобицы, скитаясь по Европе, недаром К. Маркс очень метко назвал его «старым бродягой» (2, 23, 35, 37).

Средиземноморские пираты, а возможно, и Рене Анжуйский пришли бы в великое изумление, доведись им прочесть труды первых биографов Колумба. Эти авторы без надлежащих оснований объявили, что юный Колумб приохотился к морскому делу на пиратской службе и в походах анжуйского смутьяна.

Современные колумбоведы полностью отвергают пиратскую версию. Скорее всего не плавал Колумб и с Рене Анжуйским, но исключить эту возможность все же нельзя.

Рене Анжуйского в 1442 году вытеснили из Неаполя арагонцы. Поэтому он был заклятым врагом арагонского короля и его племянника, сидевшего на неаполитанском престоле.

Счастливым случай насолить этим владыкам представился Рене Анжуйскому в 1472 году, когда против арагонского короля вспыхнуло восстание в Каталонии. «Старый бродяга», заручившись содействием Людовика XI, поспешил на помощь каталонцам. Он вышел с небольшим флотом из Марселя и развернул боевые действия в каталонских, сардинских и неаполитанских водах.

Фернандо Колон, не вдаваясь в суть военно-политических комбинаций Рене Анжуйского, пишет о службе своего отца у этого деятеля следующее: «...в другом письме, написанном на Эспаньоле в январе месяце 1495 года и адресованном Католическим Королям [Изабелле и Фердинанду], Адмирал, рассказывая об ошибках и отклонениях, обычных при прокладке курса корабля, сообщил вот что: когда король Рейнель [Рене Анжуйский] (ныне упокоил его господь) отправил меня в Тунис, чтобы захватил я галеру «Фернандину», произошел такой случай — дойдя до острова Сан-Педро, что лежит у берегов Сардинии, мы узнали, что сюда прибыли два корабля, карака и упомянутая галера. Люди мои встревожились и решили дальше не идти, а вернуться в Марсель и оттуда снова выйти в

море, взяв еще одно судно и побольше народа. Никаким образом я не смог сломить их волю, и, с ними якобы согласившись, переставил знаки на картушке компаса, и поднял паруса (дело было к ночи), а на следующий день мы уже были у мыса Картахены, хоть все и полагали, что мы идем в Марсель» (58, 36—37).

История с «Фернандиной» действительно произошла осенью 1472 года. Не вызывает удивления и ловкий фокус с компасом. Сходным образом Колумб впоследствии поступал не раз. Так, в первом плавании к берегам Нового Света он, чтобы поддержать дух моряков, приуменьшал дистанции пути, пройденного за день. Но вот что странно: судя по нотариальным документам, Колумб осенью 1472 года находился в Савоне. Конечно, он мог на короткий срок отлучиться из города, но ведь в боевые флотилии людей вербовали не на недельку-другую, а на долгие месяцы.

Еще удивительнее другое: «старого бродягу» вечно обуревала страсть к авантюрам. Но слыл он отнюдь не бездарным флотоводцем и к 1472 году, когда ему уже пошел седьмой десяток, накопил большой опыт морских сражений. Поэтом вряд ли он назначил бы командиром боевого корабля вчерашнего чесальщика шерсти, зеленого юнца, да еще поручил ему такую ответственную операцию, как захват вражеского корабля.

Письмо Колумба убеждает нас лишь в том, что ему хорошо были известны подвиги «короля Рене» у испанских берегов. Как раз в 1495 году осложнились его отношения с испанской королевской четой, и, дабы поднять свои акции, он мог намекнуть ей на свой давний военный опыт и таким образом вписаться в круг событий 1472 года.

Но любопытно, что о Рене Анжуйском, умершем в 1480 году, Колумб всегда отзывался очень тепло и ему было известно, что этот король без королевства увлекался космографией.

Если Колумб действительно, на время покинув Савону, служил у Рене Анжуйского, то скорее всего был он простым матросом и не водил по морям боевые корабли.

Вероятнее всего, однако, что в открытое море он впервые вышел не на «рейдере» Рене Анжуйского, а на генуэзском судне торгового дома Чентурионе и Негро. И путь он держал не в Тунис, а на остров Хиос, причем

экспедиция, в которой он участвовал, преследовала чисто коммерческие цели.

Случилось же это в следующем, 1474 году, а год спустя Колумб, состоя по-прежнему на службе у синьоров Чентурионе и Негро, вторично посетил Хиос.

Главной сферой деловой активности альберго Чентурионе были страны Пиренейского полуострова. Однако через своих компаньонов из дома Негро клан Чентурионе был связан с важнейшей генуэзской колонией на Востоке — Хиосом. С хиосской Маоной — корпорацией купцов, банкиров и плантаторов, которая с 1346 года управляла этим богатым островом, — постоянные контакты поддерживал представитель домов Чентурионе и Негро купец Джованни Антонио Негро. В его хиосских предприятиях участвовал негодант из другого, не менее богатого, альберго, Никколо Спинола.

В 70-х годах XV века Хиос был единственным генуэзским владением в Архипелаге. Все прочие эгейские колонии у Генуи отняли турки. Хиосу же в 1457 году удалось от них откупиться. Маона обязалась платить султану огромную дань — десять тысяч дукатов.

В Стамбуле сочли эту сделку выгодной.

Маона и генуэзские купцы наживались на торговле рабами, пряностями, вином, мылом, квасцами, рыбой, хлебом, воском, кожей; все это добро привозилось на Хиос, тут перегружалось, обменивалось, продавалось из рук в руки, чтобы уйти на дальние рынки (89).

Сам же остров славился «мастикой» — благовонной смолой. Она высачивалась из ран, которые сборщики этого драгоценного сока наносили деревьям особой, мастичной породы. Сборщики работали на богатых плантаторов, которым принадлежала вся «Мастикохория» — «Страна мастики» в южной части острова. Смолу свозили в «мастикато» — склады Маоны и оттуда доставляли на корабли. На мастику всегда был спрос в Александрии, в Испании и во Фландрии. Немалая доля ее сбывалась в страны Запада компанией Чентурионе — Негро. Эта же компания поставляла на Хиос рабочую силу.

25 мая 1474 года из Савоны отправилась на Хиос флотилия, снаряженная частично на деньги местных и генуэзских купцов, частично на пожертвования папы Сикста IV, савонца родом. На кораблях этой флотилии было немало савонских ткачей, и предполагается, что Колумб вышел с ними в плавание.

Год спустя состоялась еще одна экспедиция на Хиос. На этот раз флотилия готовилась к походу в Геную. В ней насчитывалось четыре корабля, двумя из них командовали соответственно Джованни Антонио Негро и Никколо Спинола.

Колумб участвовал в этой экспедиции. Нес ли он морскую службу, сказать трудно, но, несомненно, на Хиосе ему приходилось скупать мастику то ли на складах Маонны, то ли на плантациях Мастикохории.

В 1492 году, плавая у берегов Кубы и Эспаньолы, он дважды упомянул о хиосской мастике, указав при этом, в какое время года ее собирают и какой на нее спрос в Генуе; о мастике же вспомнил в знаменитом письме к Сантанхелю и Санчесу, первом сообщении об открытии Нового Света.

Несомненно, эта экспедиция сыграла в его жизни большую роль.

Ее организаторам Колумб многим был обязан, и не случайно он завещал некоторые суммы денег наследникам Паоло Негро, брата Джованни Антонио, и Баттисте Спиноле, сыну Никколо Спинолы¹.

Флотилия вышла из Генуи 25 сентября 1475 года. Должно быть, зиму Колумб провел на Хиосе и весной 1476 года возвратился в Геную. Негро и Спинола привезли с Хиоса мастику, но не для продажи на лигурийских рынках. Мастику они решили сбывать во Фландрии и в начале августа 1476 года, взяв с собой Колумба, отправились в путь.

Но по причинам, от них не зависящим, мастика не попала во Фландрию, а состоящий на их службе моряк и торговый агент Христофор Колумб волей слепого случая заброшен был в Португалию, где ему довелось пробыть целых девять лет.

БИТВА У МЫСА САН-ВИСЕНТИ

Четыре генуэзских и один фламандский корабль (фламандские земли в ту пору были владением герцога Бургундского Карла Смелого, злейшего врага Людови-

¹ По завещанию, составленному 19 мая 1506 года, 100 дукатов было отказано наследникам Лодовико Чентурионе и Паоло Негро и 20 дукатов Баттисте Спиноле и его наследникам (54, 252—253).

ка XI) вышли из Генуи и благополучно миновали Гибралтарский пролив. Как и в хиосских плаваниях, в этой экспедиции участвовали Джованни Антонио Негро и Никколо Спинола.

Летом 1476 года Португалия воевала с Кастилией, и боевые операции враждующие стороны вели на суше и на море, причем португальцев поддерживал Людовик XI.

Взяв в расчет эти обстоятельства, командиры генуэзской флотилии заручились пропуском от французских властей, хотя в этом, казалось бы, и не было необходимости — Генуя сохраняла в португало-кастильской войне строгий нейтралитет. Фламандское же судно было не боевым, а торговым кораблем, зафрахтованным генуэзцами.

Однако и позиция Генуэзской республики, и всевозможные охранные грамоты не могли предохранить ее суда от пиратов. Пираты же в это лето кишели в иберийских водах и в ожидании лакомой добычи крейсировали у кастильских и португальских берегов.

Самым опасным из них был гасконец Гийом Казенов, вошедший в историю под кличкой Колон или Кулон Старший. Плавал он под французским флагом и нападал на любые встречные корабли, зная, что Людовик XI закроет глаза на все его проделки.

13 августа 1476 года Гийом Казенов, командуя эскадрой в составе тринадцати своих кораблей и пяти кораблей португальского капитана Педро де Атайде, встретил у мыса Сан-Висенти, крайней юго-западной оконечности Португалии, генуэзскую флотилию. И напал на нее.

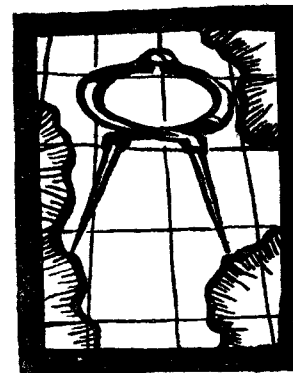
Неравный бой длился два часа, причем генуэзцы оказали пиратам героическое сопротивление и вывели из строя четыре корабля противника. Два генуэзских судна (одним из них командовал Джованни Антонио Негро) вырвались из пиратского кольца и ушли к кастильским берегам. Многие моряки с затопленных генуэзских кораблей добрались до берега вплавь. Их вылавливали и переправляли на сушу жители близлежащего португальского города Лагуша. Они спасли и Колумба, который, как предполагают, во время боя находился на фламандском корабле «Бекалла».

Лас Касас так описывает события, которые последовали сразу же за чудесным спасением Колумба: «И вот Христофор Колумб добрался до берега в одно здешнее селение и там стал на ноги, оправился от ран, полученных в сражениях, обсох от великой сырости, отдохнул от пе-

ренесенных невзгод и затем направился в Лиссабон, до которого было отсюда не так уж далеко» (77, 1, 35).

От Лагуша, гавани на южном берегу Португалии, до ее столицы миль полтораста, и надо полагать, что в двадцатых числах августа или в начале сентября 1476 года Колумб прибыл в Лиссабон.

И началась совершенно новая полоса в его жизни. Полуморяк-полукупец с торгового корабля компании Чентурионе — Негро стал участником дальних атлантических экспедиций и приобрел на португальской чужбине бесценный опыт; здесь созрели его замыслы и было положено начало его великим свершениям.

ПОРТУГАЛИЯ

USQUE AD INDOS¹

В плаще с чужого плеча будущий Адмирал Моря-Океана въехал в Лиссабон, где — «он это знал — должен был встретить людей своей нации. Так оно и вышло, ибо тамошние генуэзцы о нем уже были наслышаны, и, возможно, кое-что им стало ведомо о его родне и предках. И, убедившись, сколь достойный он человек, они помогли ему найти жилище и ввели его в свою компанию, и он быстро оправился и хорошо себя зарекомендовал» (77, I, 35)

«Люди своей нации», о которых говорил Лас Касас, чувствовали себя в португальской столице весьма вольготно. В здешней генуэзской колонии насчитывалось 20—25 человек, и в ней главную роль играл род Ломеллини. Глава португальской ветви этого влиятельного альберго Марко Ломеллини был очень богат, и его отлично знали все видные лиссабонские купцы и банкиры (106).

С ним и младшим Ломеллини были тесно связаны выходцы из генуэзского альберго Сальваджо. А в начале 70-х годов XV века в Лиссабоне укоренился и дом Чентурионе. Его здесь представлял агент Лодовико Чентурионе, свойственника того самого Никколо Спинолы, с которым Колумб плывал на Хиос и плечом к плечу сражался у мыса Сан-Висенти.

¹ До самой Индии (латин).

1476 год был для Португалии годом тревожным и скудным. Шла война с Кастилией, португальский король Альфонс V пытался посадить на кастильский трон дочь недавно умершего короля Кастилии Энрике IV и свергнуть с престола его весьма энергичную сестру Изабеллу.

На море португальцы были гораздо сильнее кастильцев, но все же кастильские боевые флотилии причиняли немалый ущерб торговым португальским судам, и военные операции нарушали связь Лиссабона с его опорными базами на недавно открытых африканских землях.

Но в 1476 году, как и двадцать и сорок лет назад, Португалия была величайшей морской державой Европы, и ее столица лежала в исходе новых океанских путей, проложенных в Атлантике двумя поколениями предприимчивых мореходов.

До конца XIV века о Португалии знали в Европе очень мало: она лежала за пределами средиземноморского бассейна и обращена была в сторону Атлантики, через которую проходила в ту пору единственная и не очень бойкая морская дорога из Средиземноморья в Англию и Фландрию.

Да и эта дорога жалась к западным берегам Европы, в открытый океан мореплаватели далеко не заходили, хотя уже в XIV веке на генуэзских, каталонских и мальоркинских картах появились контуры островов, рассеянных на необъятных просторах восточной Атлантики.

Однако в XV веке Португалия стремительно выдвинулась в ряд великих морских держав и вышла на старт широчайшей колониальной экспансии.

Крутой поворот в судьбах Португалии вызван был всем ходом европейской истории и стал возможен потому, что к исходу XIV века эта страна готова была перехватить эстафету заморских открытий у средиземноморских держав.

Mare Nostrum — «Наше море» народов античного мира, Средиземное море, в котором скрещивались главные торговые пути, связывающие средневековую Европу с арабским миром и странами азиатского Востока, в XV веке утратило свою былую роль. Оттоманская империя утвердилась в Малой Азии и на Балканском полуострове, блокировала важнейшие базы транзитной торговли, подобралась к Дарданеллам и Босфору. Она разрасталась,

как злокачественная опухоль, и по этой причине вся старая система сквозных средиземноморских связей поражена была метастазом.

Обходные пути к Востоку надо было искать за Геркулесовыми столпами, в Атлантике, океанские пути сулили большие и отрадные возможности.

Англия, Фландрия, северные нидерландские земли, ганзейские города Германии в XV веке заняли весьма значительное место под европейским солнцем, а эти страны и города лежали на берегах Атлантического океана или его северных морей.

Естественно, что Португалия, обращенная фасадом к Атлантике, ощутила выгоды своего географического положения, в прошлом, казалось бы, крайне неблагоприятного.

К тому же очень удачно складывалась в этой стране и внутренняя обстановка. Еще в середине XIII века, на полтора столетия раньше, чем соседняя Кастилия, Португалия завершила Реконкисту, эпоху многовековых войн с маврами, и отвоевала у них южные области страны. В конце XIV века королевская власть, опираясь на горожан, обуздала своевольную знать. В Португалии положено было начало единодержавию, короли Ависского дома, воцарившегося в 1385 году, создали могучий флот и сильное войско.

Пришла пора заморских походов. Воевать чужие земли мечтали португальские рыцари. Вскормленное войнами Реконкисты и внутренними смутами, рыцарское сословие (а к нему принадлежал каждый шестой португалец) стремилось обрести верные источники наживы и было той ударной силой, на которую могли опираться организаторы заморской экспансии.

В 1415 году португальцы захватили Суету, мавританскую крепость на африканском берегу Гибралтарского пролива. Это было первое заморское владение Португалии, и на этом завоеватели останавливаться не собирались.

Программы дальнейших действий разработал принц Энрике, третий сын основателя Ависской династии короля Жуана I. Еще при жизни его называли принцем-мореплавателем, и, хотя он никогда не водил корабли и не участвовал в морских экспедициях, титул этот был ему присвоен по заслугам.

В своей уединенной резиденции — замке Сагреш, рас-

положенном у мыса Сан-Висенти, Энрике Мореплаватель обдумывал планы дальних плаваний в Атлантике. Он же снаряжал флотилии кораблей, отлично приспособленных для долгих морских походов, и командиры его армاد строго придерживались заранее намеченных маршрутов.

Энрике Мореплаватель шаг за шагом прокладывал новый морской путь вдоль западных берегов Африки. В конечном счете этот путь должен был привести португальцев в Индию, но на первых порах в замке Сагреш об этом не помышляли. Ближние цели были иные: как можно дальше продвинуться к югу, придерживаясь африканских берегов, попутно захватывая африканские земли.

В 1434 году один из капитанов Энрике Мореплавателя, Жил Эанес, обогнул мыс Божадор, дальше которого прежде не плавали европейцы, а в последующее десятилетие португальцы продвинулись вдоль сенегальского берега к самой западной оконечности Африки — Зеленому Мысу.

Осязаемые плоды этих открытий португальцы пожали в 1442 году, когда в Лагуш и Лиссабон доставлена была первая (но отнюдь не последняя) партия черных рабов.

В 1456 году португальцы открыли острова Зеленого Мыса и чуть позже вошли в Гвинейский залив.

В 1460 году Энрике Мореплаватель умер, но его смерть не приостановила дальнейшее продвижение португальцев к югу. К тому моменту, когда лагушские обитатели выловили Колумба в водах Кадисского залива, португальцы освоили все побережье Гвинейского залива. Берег Перца, Берег Слоновой Кости, Золотой Берег, Невольничий Берег — одни только названия этих гвинейских земель сулили сказочные барыши.

Эти утопающие в буйной зелени берега, совсем непохожие на пустынное сенегальское приморье, тянулись на тысячи миль, на недели пути. Желтоватая и кремовая слоновая кость, морщинистые зернышки гвинейского перца, тяжелый золотой песок, львиные, леопардовые и обезьяньи шкуры, черное и красное дерево, дикие тропические плоды — все это добывали португальские искатели наживы во вновь обретенных землях, а наибольшие выгоды им приносила торговля рабами.

Рабов грузили в тесные трюмы португальских кораблей, порой половина, порой три четверти невольников погибало в пути, но все равно в среднем барыши работников втрое, а то и впятеро покрывали издержки: в Лагу-

ше, Лиссабоне, Севилье, Кадисе гвинейских невольников раскупали мгновенно.

Их святейшества папы Мартин V, Евгений IV, Николай V, Каликст III щедро жаловали португальским королем языческие африканские земли. Торопливый Каликст III подарил королю Альфонсу V «все острова, селения, гавани, земли и местности... до самых южных пределов вплоть до Индии (usque ad Indos)», не менее добросердечный Николай V признал работоторговлю полезным и богоугодным делом и благословил на этот промысел португальских охотников за невольниками (60, 10—18).

Самым прибыльным и перспективным (впереди Индия! — это отчетливо осознали португальцы, добравшись до Гвиней) было южное направление экспансии. Однако Энрике Мореплаватель и его капитаны не забывали и о ее западном векторе. В 1419 году португальцы осели на Мадейре, тринадцать лет спустя они дошли до Азорских островов. Острова эти, необитаемые, но плодородные, лежали в исходе еще не проторенных морских дорог, ведущих в сторону солнечного захода.

Португальские корабли во всех направлениях бороздили воды Атлантики, в Лиссабон стекались вести о новообретенных землях, с каждым годом отодвигалась дальше к югу и дальше к западу линия горизонта, и в эту атмосферу поисков и открытий сразу же попал Колумб.

СЧАСТЛИВЫЙ БРАК

Молодые генуэзцы, связавшие свою судьбу с морем, блуждали от гавани к гавани и от страны к стране и лишь в зрелом возрасте оседали на определенном месте. Возможно, что Колумб не задержался бы в Португалии, что его не соблазнил бы даже дух исканий, которым одержимы были лиссабонцы, если бы не встретил он в Лиссабоне девицу Фелипу Мониз де Перестрелло. Лас Касас — а он в 1519 году вел со старшим сыном великого мореплавателя Диего Колоном долгие беседы о его родителях — писал: «Адмирал был недурен собой и нравом приятен, да и держался обычаев добрых христиан и часто приходил в часы мессы в один монастырь (Сантос было его название), а там имелось несколько послушниц-мирянок (к какому ордену они принадлежали, я не знаю), и с одной из них он вступал в беседы, звали же ее Фелипой Мониз,

и была она из знатного рода. С ней он сочетался браком спустя короткое время после знакомства» (77, I, 36)¹.

Португальские историки не жаловали Колумба — не их родине, а Кастилии подарил он Новый Свет, — но они тепло относились к донье Фелипе, своей соотечественнице и подруге великого мореплавателя. Они дополнили скудные сведения Лас Касаса и дознались, что Фелипа в пору ее знакомства с Колумбом была послушницей доминиканского монастыря Сантуш, где жили и воспитывались дочери знатных лиссабонцев. Устав в монастыре был строгий, но пострига послушницы не принимали и по собственной воле могли выходить замуж.

Однако португальским летописцам не дано было узнать, какие чувства питала к молодому иноземцу девица Фелипа. Во всяком случае, он заметно отличался от смуглых, черноволосых португальских кавалеров, которые весьма охотно посещали монастырские мессы, улавливая в свои сети очаровательных затворниц.

«Словесный портрет» Колумба набросали много лет спустя Фернандо Колон, Лас Касас (он мельком видел Колумба весной 1493 года), венецианец Анджеоло Тревизан и историк Овьедо, присутствовавший на торжественной встрече Колумба в Барселоне в 1493 году².

Вот эти словесные зарисовки:

Фернандо Колон: «Адмирал был хорошо сложен, рост же имел выше среднего, лицо длинное, скулы слегка выдающиеся, ни тучностью, ни худобой не отличался. Нос у него был орлиный, глаза синевато-серые, кожа белая с красноватым оттенком. В молодости волосы у него были светлые, но к тридцати годам совсем поседели» (58, 34).

Лас Касас: «Ростом был высок, выше среднего, лицо имел длинное и внушающее уважение, нос орлиный, гла-

¹ Когда именно Колумб женился на Фелипе Мониз, точно не установлено. Многие колумбоведы полагают, что он вступил в брак после 1477 года, однако А. Баллестерос-и-Беретта (42, IV, 178) не без основания относит это событие к концу 1476 года. Этот же автор справедливо предположил, что первенец Колумба — Диего родился в 1478 году, а не в 1480 году, как считали прежде биографы великого генуэзца.

² Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес (1478—1557) — испанский историк, идеолог и апологет конкисты — завоевательных войн в Новом Свете. Свою карьеру начал при дворе (где в 1493 году встречался с Колумбом), а затем долгое время прожил в Новом Свете. Овьедо знал многих спутников Колумба и в своем главном труде (65) привел важные сведения о плаваньях и боевых походах своего великого современника.

за синевато-серые, кожу белую, с краснотой, борода и усы в молодости были рыжеватые, но в трудах скоро поседел» (77, I, 29).

Тревизан: «Человек высокого роста, сложен хорошо, рыжий, тароватый на выдумку, с длинным лицом» (54, 87).

Овьедо: «Хорош собой и виден, роста выше среднего, черты лица правильные, волосы ярко-рыжие, кожа чуть красноватая и нежная» (65, I, 32)¹.

Внешность Колумба могла околдовать послушницу Фелипу, но браки заключаются не только на небесах, и странно, что семья Перестрелло так быстро одобрила выбор юной девицы.

Думается, что в глазах ее родичей молодой Колумб был прежде всего представителем *muito pobre e muito rico cidade da Genova*, весьма знатного и богатого города Генуи, и свойство с таким городом и его лиссабонским филиалом не роняло фамильный перестрелловский престиж.

Для Колумба этот брак был счастливым жребием. Он без помех вошел в знатный португальский дом и, что еще важнее, породнился с людьми, которые принимали самое непосредственное участие в заморских предприятиях принца Энрике Мореплавателя и его преемников.

Дед Фелипы в 1385 году переселился в Португалию из итальянского города Пьяченцы, отец ее в молодости был причислен к свите Энрике Мореплавателя. В 1419 или

¹ В различных картинных галереях Старого и Нового Света хранится не менее трехсот портретов Колумба. Все они недостоверны и созданы в пору, когда великого мореплавателя уже не было в живых. Имеется, правда, два изображения, относящиеся к 1500 годам и с некоторой натяжкой признаваемые зарисовкой облика Колумба.

Одним из наиболее ранних изображений Колумба считается портрет, в 20-х годах XVI века приобретенный для своей галереи итальянским гуманистом Паоло Джовио. Это весьма посредственное произведение искусства кое в чем соответствует «словесному портрету» Фернандо Колона, Лас Касаса, Тревизана и Овьедо. В гораздо большей степени их описаниям отвечает замечательный портрет Колумба, написанный в середине XVI века флорентийским художником Ридольфо Гирлондайо (1483—1561). Этот портрет, ныне хранящийся в Морском музее Цели в Генуе, воспроизведен на обложке нашего «Колумба».

Колумбианской иконографии посвящена обстоятельная работа итальянского искусствоведа А. Нерри (96), в которой описано большинство портретов великого генуэзца.

1420 году принц послал его на только что открытый остров Порто-Санто. Порто-Санто лежал в тридцати милях от Мадейры, к северо-востоку от нее, и сама природа уготовила ему роль форпоста этой важной португальской колонии. Бартоломео Перестрелло, пробыв некоторое время на Порто-Санто, вернулся в Португалию, затем в 1425 году снова отправился на этот остров, а в 1446 году получил пост капитана-донатария, или губернатора, Порто-Санто, и на этом посту умер в 1457 году.

Он был женат дважды или трижды и уже в преклонных годах вступил в свой последний брак с представительницей весьма знатного португальского рода Мониз, доньей Изабеллой. По смерти мужа она за триста тысяч реалов продала его должность приближенному Энрике Мореплавателя Педро Корреа де Акунье, который был женат на дочери Бартоломео Перестрелло от первого его брака. Время от времени донья Изабелла обычно посещала Порто-Санто, где у нее было большое поместье. В 1473 году ее сын Бартоломео Перестрелло II выкупил отцовскую должность и стал капитаном-донатарием Порто-Санто.

Многочисленные родичи отца и матери Фелипы занимали видные посты на Мадейре и в Лиссабоне. Через своего шурина Бартоломео II и свояка Педро Корреа де Акунью Колумб получил доступ к различным документам, в которых была запечатлена история португальских плаваний в Атлантике.

До поры до времени мы не последуем за молодоженом на остров Порто-Санто, где года два или три они жили в родовом поместье сеньоров Перестрелло.

Зимой 1476/77 года обстоятельства заставили Колумба на время покинуть жену и отправиться в дальнейшее плавание.

СЕВЕРНАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

12 декабря 1476 года в Лиссабон прибыли моряки с генуэзских кораблей, пострадавших в бою у мыса Сан-Висенти. С ними был и покровитель Колумба Джованни Антонио Негро.

В португальской столице они задержались ненадолго. 12 же декабря из Генуи вышла в дальний путь торговая экспедиция. В ней участвовал брат этого предпринимателя, Паоло Негро, посланный в Лиссабон торговым домом Чентурионе.

Экспедиция направлялась в Англию и в Лиссабоне должна была захватить моряков, нашедших там приют после сан-висентской катастрофы.

Вероятно, в двадцатых числах декабря 1476 года генуэзская флотилия отдала якоря в гавани Риптеллу, аванпорте Лиссабона, а в самом начале января 1477 года ушла к берегам туманного Альбиона.

На одном из кораблей флотилии отправился в дальнюю дорогу Колумб.

Где именно он побывал зимой и весной 1477 года, сказать трудно.

Суждения на этот счет историков и географов крайне разноречивы.

Иначе и быть не может — ведь им волей-неволей приходится опираться на скудные и смутные высказывания самого Колумба и очень зыбкие толкования его первых биографов.

Сам Колумб вскользь упоминал, что довелось ему побывать в Англии и Ирландии.

А запутал дело Фернандо Колон. В свою «Жизнь Адмирала» он вставил выдержку из не дошедшей до нас отцовской «Мемории» — критического обзора античных и средневековых теорий земных поясов («климатов»). Что писал в «Мемории» ее автор, нам узнать не дано, а фрагмент из этой рукописи в изложении Фернандо Колона звучит так:

«В феврале 1477 года я проплыл за Тиле, остров (oltre Tile, isola), сто лиг, южная часть которого отстоит от экватора не на 63 градуса, как кое-кто считает, а на 73 градуса и находится не по сю сторону меридиана, от коего, как говорит Птолемей, начинается Запад, а много западнее, а на этот остров, который столь же велик, как Англия, приходят Англичане с товарами, особенно люди из Бристая [Бристоль], и в то время, когда я там был, не замерзало море, и в некоторых местах поднималось оно дважды в день на 25 брасов»¹.

Далее следовало такое разъяснение Фернандо Колона: «Истинно то, что речь идет о Тиле, о котором говорит Птолемей, а лежит Тиле в том месте, где, как говорят, находится Фрисландия».

¹ 25 брасов — это 42 метра. Но у берегов Исландии максимальная высота приливов 17 метров.

Фрисландией в XVI веке называли Исландию, и скорее всего именно ее Птолемей окрестил островом Тиле, поместив эту наисевернейшую по его представлениям землю на 63-м градусе, что, кстати, соответствует истине.

Итак, судя по отрывку из «Мемории», Колумб был на Тиле-острове, видел море, которое не замерзало, и грандиозные приливы. Более того, из того же отрывка следует, что он в разгаре северной зимы, в феврале месяце, прошел «за Тиле-остров» сто лиг, то есть более 600 километров, и достиг тех неуютных мест, где расположен остров Ян-Майен.

Все это выглядит по меньшей мере странно. В начале нашего века глава скептической школы колумбоведов американец Генри Виньо прямо обвинил и Фернандо Колона, и его отца в обмане. Сознательном и грубом.

Разгорелась оживленная дискуссия, и, хотя «криминальный» вердикт Виньо был отвергнут колумбоведами, большинство из них пришли к выводу, что в Исландии Колумб не был и уж тем более не доходил до широты Ян-Майена.

Пожалуй, разумнее всего истолковал сообщение «Мемории» итальянский историк и географ Р. Каддео. Нельзя, полагал он, воспринимать выдержку из этого труда как реальное свидетельство реального плавания Колумба (48).

Исландская история в «Жизни Адмирала» — это, в сущности, «довесок» к полемическим выпадам Колумба против авторов трудов о земных поясах. Колумб вопреки их мнениям хотел доказать, что полярные пояса нашей планеты обитаемы, и, дабы усилить свои аргументы, сослался на собственный опыт хождений в северные моря.

Приобрел ли он этот опыт или нет, установить невозможно. Но несомненно одно: бристоольские купцы действительно посещали Исландию в XV веке. С местными жителями они торговали не без выгоды для себя, хотя им и приходилось нарушать строгие запреты датских хозяев Исландии, не допускавших иноземных купцов в ее гавани.

В Бристоле Колумб был в феврале 1477 года, но откуда еще не следует, что бристоольцы по доброте сердечной взяли его с собой на «Тиле-остров». Вряд ли они нуждались в гемузских «туристах», а в ином качестве подвизаться на бристоольском корабле Колумб не мог. Никто не доверил бы кормило южанину, который не имел

ни малейшего представления о капризах суровых околополярных морей.

Audiat et altera pars — нужно выслушать и противную сторону, так говорили римляне, и их совету мы и последуем. С одной лишь оговоркой: веские и заслуживающие внимания доводы эта сторона обычно не выдвигает. Исключением из этого правила следует считать, однако, высказывания прославленного канадского полярного исследователя Вильяльмура Стефанссона.

Опираясь на работы ученых прошлого века — исландца Финнура Магнуссона и норвежца Густава Строма, — Стефанссон обратил внимание на то, что зима 1476/77 года была в приполярных областях очень мягкой. В такие зимы случается (так, например, было в 1921/22 году), что парусникам без труда удастся проникать далеко на север, до широты Ян-Майена.

Отмечая это обстоятельство, Стефанссон добавлял, что средиземноморец Колумб настолько был поражен грандиозными исландскими приливами, что, желая дать представление об этом явлении, «завысил» данные об их высоте (117).

Аргументы Стефанссона любопытны, но доказательной силы не имеют. Ведь даже если допустить, что Колумб мог дойти до Исландии и заплыть к Ян-Майену, все же остается неясным, действительно ли он добирался до этих северных островов.

Истинный исследователь, Стефанссон в своих построениях был крайне осторожен. Он анализировал реальные факты и не прибегал к эффектным, но безосновательным домыслам.

А этим грешат многие сторонники исландской гипотезы. Им заранее ясно: Колумб в Исландии был. И доказать они стремятся, что «беспорный» визит оказал решающее влияние на Колумба в ту пору, когда он приступил к разработке своих далеко идущих замыслов.

Расчет тут прост. Задолго до Колумба норманны открыли Исландию и Гренландию, на рубеже второго тысячелетия они дошли до страны Винланд. Винланд в наше время искали на берегах Северной Америки, и совсем недавно, в 1961—1964 годах, следы древнего, быть может винландского, поселения нашел на Ньюфаундленде норвежский археолог-любитель Х. Ингстад (9).

Так вот, если удалось бы убедить человечество, что Колумб в бытность его на Исландии проведал об этих

давних походах и о путях, которыми норманны шли к Северной Америке, в ином свеге предстал бы и проект великого мореплавателя.

Вдохновителями его замысла оказались бы те информаторы, которые открыли генуэзскому гостю тайны своих предков.

Дело оставалось за малым — этих информаторов обнаружить.

Но ни Колумб, ни его современники-северяне о взаимных контактах никогда не упоминали. Это не остановило искателей недостающего звена в цепи великих первооткрытий.

Выход нашелся. Между 1473 и 1476 годами датский король Христиан I послал в Гренландию экспедицию. Во главе ее стояли капитаны Пининг и Потхорст, а главным кормчим был не то датчанин, не то норвежец, не то поляк Иоанн, или Ян, Скольп¹.

Об этой экспедиции сохранились немногочисленные и туманные свидетельства в разных источниках XVI века².

¹ Почти все сообщения XVI века об экспедиции Пининга и Потхорста воспроизведены (с весьма обстоятельным комментарием) немецким историком Р. Хеннигом (32, 232—265).

² В XVI веке француз Франсуа де Бельфорес и голландец Корнелий Витфлит, упоминая о датской экспедиции 1470-х годов, честь главных открытий ее приписали кормчему Яну Скольву, Скольпу или Скольву, отмечая при этом его польское происхождение. Выдающийся польский общественный деятель, историк и картограф XIX века Иоахим Лелевель по ошибке заключил, что этот кормчий был уроженцем польского города Кольно. Созвучие Кольно — Колон ввело в искушение Луиса Ульоа (см. стр. 31), но, на его горе, в 1931 году Ян из Кольно, он же Ян Скольв, был списан с корабля истории. Польский географ Болеслав Ольшевич в ряде своих работ доказал, что Ян из Скольво личность чрезвычайно сомнительная. В 1957 году Ольшевич таким образом подвел итоги своих исследований: «К разряду легенд относятся сведения об открытии Америки в 1476 году польским мореплавателем Яном из Кольно. Как показали подробные исследования (среди них и автора данной работы), датско-норвежская экспедиция, в которой якобы принимал участие мнимый польский предшественник Колумба, по-латыни именуемый *Joannes Scolvus*, достигла только берегов Гренландии. Скольв был, вероятно, штурманом или боцманом и по происхождению скорее всего норвежцем (*Jan Scolp* или *Scolv*). Его польское происхождение, впервые отмеченное французским географом XIV века Франсуа де Бельфоресом, кажется очень сомнительным. Во всяком случае, с некоей местностью под названием Кольно он не имел ничего общего. Форма написания его прозвища, которую копиловники и наборщики передавали часто ошибочно (Скольн вме-

О Колумбе эти авторы умалчивают. И не по злому умыслу. Авторы имели дело с голыми фактами, авторы не привыкли писать о том, чего не было, им для этого не хватало воображения. Зато отсутствием оно не страдали позднейшие толкователи стародавних известий о датской экспедиции XV века. Некоторые из них зачисляли Колумба в «плавсостав» этой экспедиции, «забывая», что она возвратилась, освоившись в ту пору, когда он жил в Генуе и Лиссабоне, за тридевять земель от Исландии.

А совсем недавно, в 1965 и 1967 годах, один норвежский моряк, Я. Турноэ, комбинируя старые и новые домыслы, высказал твердое убеждение, что Колумб побывал в Исландии, встречался там с Яном Скольпом, узнал от него, какие пути ведут к земле Лабрадор, которую этот Скольп и его датские соратники якобы открыли в канун знаменательной встречи (на самом деле Лабрадор был открыт четверть века спустя). Повторяя утверждения своих предшественников, Турноэ заявил, будто Колумб доведился у исландцев о плаваниях их предков в Винланд (121).

Но если исландский вояж так обогатил Колумба ценными сведениями о путях в северные заморские страны, то почему во всех своих четырех плаваниях он пересекал Атлантику не в приполярных, а в тропических широтах? Почему ни сам Колумб, ни его первые биографы не упоминали о северном варианте морского пути в Азию? Почему, не проронив ни звука о Винланде, Исландии, Гренландии и прочих северных землях, Колумб неустанно твердил о знойных берегах Индии и Китая и именно к ним прокладывал новый, западный путь? Почему, наконец, о связях Колумба с северянами молчат не только источники, в которых отражена история экспедиции Пининга и Потхорста, но и документы по истории открытий великого мореплавателя?

Впрочем, Турноэ эти роковые для его гипотезы «частности» совершенно не волновали.

И Турноэ, и его единомышленники прежде всего стремились обосновать приоритет норманнских мореходов и

сто Скольп), и была причиной ошибочной гипотезы Лелевеля» (99).

К этому следует добавить, что создатель легенды о польском кормчем датской экспедиции Франсуа Бельфорес (1530—1583) был изрядным мистификатором и за свои проделки лишился должности королевского историографа.

участников датской экспедиции XV века. Во что бы то ни стало им надо было доказать, что Новый Свет открыли викинги и их потомки.

К проблеме приоритета еще придется вернуться позже, но здесь стоит отметить, что решать ее следует не по обычаям бегов и скачек.

Бессмысленно умалять заслуги северных мореплавателей. Они действительно достигли берегов Северной Америки на пять столетий раньше Колумба, а Пининг и Потхорст плавали в полярных американских водах за пятнадцать с лишним лет до первой экспедиции Адмирала Мэри-Океана.

Но дело совсем не в том, кто кого и на целый ли корпус или только на голову обошел на морских путях, ведущих к берегам Нового Света.

Гораздо важнее установить, в итоге каких плаваний совершился грандиозный, всемирно известный переворот в географических представлениях и чьи открытия воедино связали Старый и Новый Свет, безгранично расширив рубежи средневековой ойкумены...¹

Гнилая зима 1477 года шла к концу, когда Колумб завершал свое северное плавание. Позади оставались неспокойное Ирландское море и грязно-белые берега Альбиона, мокрого и туманного.

Позади были ледяные и огненные горы Исландии, сурового Тиле-острова, до которого, видать, не суждено было дойти генуэзскому страннику.

ШКОЛА ОТКРЫТИЙ

До возвращения из северного плавания линию жизни Колумба удаётся наметить лишь пунктиром, тонким и прерывистым. С конца 1477 года пунктир «жирнеет», обрывается куда реже, но порой эта размытая временем кривая неожиданно раздваивается, вводя в заблуждение следопытов-колумбистов.

Пока Уго Ассерето не сдул хронологическую пыль с пожелтевших листов знаменитого «документа», о котором пришлось уже дважды упомянуть, историки полагали, что Колумб спокойно жил на острове Порто-Санто и на Мадейре, рылся в бумагах рода Перестрелло и вел там

¹ Подробнее проблема приоритета в открытии Нового Света рассматривается ниже (см. стр. 219—224).

беседы с португальскими мореплавателями, приобщаясь к тайнам Атлантики.

«Документ Ассерето» навел колумбистов на четкие следы, которые шли в Геную. Судя по этим следам, Колумб на какое-то время покидал перестрелловское семейное гнездо и занимался делами генуэзского дома Чентурионе: дела же эти прямого отношения к португальским занятиям Колумба не имели, хотя площадь Сен-Сиро и была связана с Лиссабоном множеством незримых нитей.

«Документ Ассерето» вышел из канцелярии генуэзского нотариуса Джироламо Вентимильи, а этот деятель, подобно всем своим коллегам, был точен и пунктуален. Его свидетельству можно доверять полностью, в неизмеримо большей степени, чем показаниям Фернандо Колона и собственным словам великого мореплавателя.

Касается «документ Ассерето» чисто торговых операций. Лодовико Чентурионе в июле 1478 года поручил своему лиссабонскому агенту Паоло Негро закупить на острове Мадейре сахар. Негро, в свою очередь, наказал трем своим факторам — Джеронимо де Медичи, Эулогио Каталано и Христофору Колумбу — отправиться на Мадейру, приобрести там возможно больше сахара и отгрузить затем товар в Лиссабон.

По какой причине, неизвестно, но, посылая Колумба на Мадейру, Негро из ассигнованных ему на эту сделку 1290 дукатов выдал этому агенту на руки только 103½ дуката. Колумбу пришлось покупать сахар в кредит, но главные неприятности поджидали его в столице Мадейры — Фуншале. Капитан загодя зафрахтованного корабля заявил, что сахар он перевезет в Лиссабон только за наличные деньги.

Разбором этого дела и занимался 25 августа 1479 года нотариус Вентимилья. Решение было принято в пользу Колумба, пострадавшего по вине Паоло Негро.

Очевидно, в Геную истец прибыл ненадолго. В «документе Ассерето» значит, что на следующий день некто Христофор Колумб, 28 неполных лет от роду, отбывает в Лиссабон.

Надо полагать, что Паоло Негро поручил Колумбу скупать сахар на Мадейре, заведомо зная, что его агент легко и быстро осуществит эту операцию.

Действительно, на Мадейре Колумб бывал не раз. До 1877 года в Фуншале, на улице Эсмералдо, стоял «Дом Колумба», где, по местным преданиям, он всегда останав-

ливался, приезжая в этот город. Знал он, вероятно, и осевших на Мадейре генуэзцев, Луку Ломеллини и Джованни Узодимаре.

И уж конечно, посещая Мадейру, он был в курсе сахарных дел. Остров жил сахаром, остров снабжал сахаром всю Западную Европу.

И весьма вероятно, что дому Чентурионе выгодно было иметь на Мадейре агента, тесно связанного с местными знатными фамилиями. Колумб, член влиятельной семьи Перестрелло и давний клиент фирмы на площади Сен-Сиро, как нельзя более отвечал этим требованиям.

Но, должно быть, и Колумбу безвыгодно было поддерживать связь с домом Чентурионе. И с Генуей. И выгоды были не только материальные, в эти годы Колумб нужды не испытывал. Генуя лежала ближе, чем Лиссабон, к главным центрам итальянской науки — Павии, Болонье, Флоренции, а как раз в конце 70-х годов Колумб становится завзятым книжником.

А может быть, даже и книготорговцем. Священник Андрес Бернальдес¹, с которым в 1496 году Колумб неоднократно встречался, писал: «Волею всемогущего господина жил человек из земли генуэзской по имени Христофор Колумб, и торговал он книгами на этой андалузской стороне» (46, 211).

Правда, в Андалузию Колумб попал только в 1485 году, а книгами стал там торговать года два спустя, но какое-то касательство к книжному делу он имел и в Португалии.

Агостино Джустиниани утверждает, что младший брат великого мореплавателя, Бартоломе, обосновался в Лиссабоне до его прибытия туда, открыл картопечатню и затем обучил космографии своего старшего брата, который стал компаньоном этого картографического предприятия.

Фернандо Колон с негодованием отвергает «ложные измышления Джустиниани», считая, что они унижают до-

стоинство его отца, и добавляет, что отец был не учеником, а учителем своего младшего брата (58, 31—32)¹.

Добавление это справедливо: ведь в 1476 году, когда Колумб был выброшен на португальский берег, Бартоломе шел лишь шестнадцатый год. Младшего брата Колумб скорее всего захватил с собой в Португалию, возвращаясь в августе 1479 года из Генуи в Лиссабон. Но в чем-то прав и Джустиниани. В Лиссабоне Бартоломе Колумб действительно торговал картами, и можно не сомневаться, что действовал он не без поддержки старшего брата.

Нас меньше всего интересует коммерческая сторона картографического заведения «Братья Колумбы», хотя, разумеется, ничего зазорного в их деятельности не было, и, по-видимому, зазорным ее не считала и семья Перестрелло.

Гораздо важнее другой аспект этого «бизнеса». Ничто в такой степени не могло приобщить Колумба к источникам географических знаний, как торговля картами и печатными изданиями.

Последняя четверть XV века была младенческой порой типографского дела, недаром же книги, вышедшие до 1500 года из-под печатного станка, называются инкунабулами (incipubulum — по-латыни «колыбель»).

Еще жива была память о великом первопечатнике Иоганне Гутенберге, еще сохранялись рукописные традиции в оформлении печатных книг, еще кое-где считали слугами сатаны последователей Гутенберга, еще редки и дороги были издания римских, венецианских, болонских, базельских, кельнских, страсбургских и валенсийских типографий.

Но уже вышли в свет труды великих географов минувших времен, уже поступили на книжный рынок издания Птолемея, отпечатанные в 1477 году в Болонье и в 1478 году в Риме, уже тискали с липовых и дубовых досок карты мира.

Колумбу-книготорговцу доставать книги было не так уж трудно, а следовательно, он мог в часы досуга приобщаться к знаниям.

Что именно в португальские годы Колумб восполнил

¹ О картографической деятельности обоих Колумбов говорит также Антонио Галло, а португальский хронист XVI века Гаспар Фруктозо, уроженец Мадейры, писал: «Генуэзец Христофор Колумб, живший на Мадейре, промышлял здесь морскими картами» (67, IV, 659).

пробелы в своем образовании, подтверждают и генуэзские историки Галло и Джустиниани, и сам великий мореплаватель.

В 1504 году в письме к испанской королевской чете (это письмо воспроизведено на стр. 340—341) Колумб признавался, что космографию, геометрию, арифметику он изучил лишь в той мере, в какой это требовалось для чисто практических целей.

«Ombre de muy alto ingenio sin saber muchas letras» (человек весьма изобретательный, но не слишком понагоревший в науках) — так отозвался о нем Андрес Бернальдес, кстати говоря, не бог весть какой эрудит (46, 211), «по ега muy docto» — не был ученым, — говорил о великом мореплавателе хронист Лопес де Гомара (80, II, 14).

Да и сам Колумб не однажды признавался, что не очень яскушен в науках. Спору нет, ученым он не был. Однако все, что шло на пользу его проекту, все, что необходимо было знать для того, чтобы водить в море корабли, он изучал с величайшим рвением, по собственному его признанию, с «дрожью в руках». И в стремительном темпе: ведь, подобно шиллеровскому дону Карлосу, он мог сказать: «Двадцать семь лет, и ничего не сделано для вечности...»

Такая самоподготовка имела свои преимущества. Она избавляла Колумба от многих ученых ненужностей, на которых вскармливались легионы пустословов и педагогов. Система университетского образования покоилась на семи китах — семи «свободных искусствах». Грамматика, риторика и логика — предметы трехчленного «словесного цикла» — тривиума — были тем цоколем, на котором зиждились арифметика, астрономия, музыка и геометрия — четыре дисциплины «реального цикла», квадриуума.

Основой основ был третий предмет тривиума — логика. Поскольку философия ходила в служанках богословия, курс ее читался в строгом соответствии с христианской догматикой. Профессора витали в мире схоластических абстракций, студенты зубрили этику, физику и метафизику Аристотеля в чудовищных переводах, искренне веря, что усваивают мысли предтечи Христа. Тривиум, и особенно его третий, философский предмет, отнимал у студентов львиную долю времени, положенного на усвоение университетского курса.

В бесплодных диспутах умы обтачивались в соответствии с требованиями догматики, юным школярам внушалось чувство уважения к авторитетам, априорным конструкциям и к ортодоксальным толкованиям «вечных» истин.

Схоластика царила и в дисциплинах квадриуума. Астрономия преподавалась как подсобный предмет, призванный пролить свет на те или иные положения псевдоаристотелевской философии и библейской космогонии. В нее входили и правила составления церковного календаря, и основы астрологии. Космографию изучали по трактату английского ученого XIII века Джона Холивуда (в переводе на латынь фамилия его звучала Сакробоско, и именно так называли его ученые XIII — XV веков) «О земной сфере». Эта «Земная сфера» была компиляцией из трудов античных авторов, отрывков из «Альмагеста» — арабского перевода астрономических работ Птолемея в переводе на скверную латынь, и откровений отцов церкви.

В XV веке, так же как и в X или XII столетии, наука писала, говорила и заблуждалась на очень странном языке. Назывался он латынью, но такая латынь привела бы в содрогание Цицерона и Вергилия. Шершавая и грубая, как дешевое сукно, она обросла репьями слов и словечек, заимствованных из монастырского, судейского и канцелярского жаргонов. Она впитала в себя бездну «варваризмов», ведь в быту мужи науки говорили на английском или итальянском, польском или немецком языках.

Правда, как раз в Колумбовы времена европейские гуманисты затеяли великую чистку, и в их трудах возродилась меднонимвальная речь древних римлян.

Но Колумб этих трудов не знал, да и не нужна ему была цицероновская латынь. Он изучал косноязычную и вульгарную латынь тяжеловесных ученых трактатов. Чтобы их читать и делать на полях выписки и пометки.

И надо отдать ему должное. За короткий срок он эту латынь освоил. И, быть может, потому, что синтаксис средневековой латыни Колумб не зубрил в школьных аудиториях, его латынь приятнее суконного наречия Сакробоско. И, кроме того, в латинских писаниях Колумба проявляются оригинальные особенности его неровного, «астматического» стиля.

Да, самоучка Колумб многое приобрел, но вместе с тем он и лишился кое-каких благ, которые давало в ту пору учение в главных центрах европейской научной мысли.

Мысль эта билась в тенетах схоластики, ее подавляли и распинали поборники старой, освященной веками системы ортодоксального мракобесия, но уже занималась заря эпохи Возрождения, и все чаще и чаще рыцарям вчерашнего дня приходилось устранять прорехи и прорывы в ветшающих тенетах

Наука вступала в эпоху, «которая создала в Европе крупные монархии, сломила духовную диктатуру папы, воскресила греческую древность и вместе с ней вызвала к жизни высочайшее развитие искусства в новое время, которая разбила границы старого ogbis и впервые, собственно говоря, открыла Землю» (3, 508)

Из праха возрождались памятники античной культуры, без устали работал печатный станок, выходили в мир труды древних философов, поэмы Вергилия и Горация, извлеченные из забвения книги римских историков, астрономические таблицы, описания путешествий в дальние страны Востока, сатиры на папу монахов, схоластов-воделеев

Флорентиец Поджо Браччолини открыл своим изумленным современникам Цицерона и Лукреция, моденец Пико делла Мирандола на открытых диспутах громил схоластов, высмеивал астрологию и астрологов, утверждал безграничные возможности разума в познании мира Римлянин Лоренцо Велла издевался над мракобесами в сутанях и рясах, он доказал, что так называемый «Константинов дар» — грамота императора Константина (312—337), на которую римские папы опирались, притязая на светскую власть, — грубая фальшивка. Он же выявил грубейшие ошибки в каноническом латинском переводе Библии

Уже родились Леонардо да Винчи и Микеланджело, уже жил на свете Коперник, уже возведена была Сикстинская капелла, и в угрюмую резиденцию заместников святого Петра вступили учителя Рафаэля.

Не очень полноводен, не бог весть как широк был этот духовный поток, но он набирал силу и исподволь подмывал старые дамбы

В этот поток лиссабонский гемуэзец Колумб вступил лишь по щиколотку. Новые веяния едва доносились до него, и он был пленником устойчивых, стереотипных норм средневекового мышления и средневекового мировосприятия

Правда, о молодом Колумбе волей-неволей прихо-

дится судить по словам и поступкам Колумба преклонных лет.

В последние годы жизни, в этом мы со временем убедимся, он свято верил не только в дух, но и в букву священного писания, и его религиозные чувства доходили до явного юродства.

Черта эта не очень была свойственна истинным гемуэцам, суеверным прагматикам, подобным тем евангельским мытарям, которых Христос изгнал из храма.

Но, несомненно, и в юные годы она была присуща Колумбу. И во многом определяла направление его мыслей и круг его чтения.

Новый и особенно Ветхий завет Колумб знал превосходно.

Склонность к мистической трактовке космогонических идей священного писания и отцов церкви в позднейшие годы была ему присуща в высшей степени, и надо полагать, что проявлялась она и в молодости.

Мы вскоре увидим, что не очень велик был набор тех географических и астрономических трудов, которыми он пользовался, разрабатывая свой проект.

С классиками античной и средневековой географии Колумб знакомился не по первоисточникам, а извлекал нужные ему сведения из вторых рук.

И он разделял веру этих робких компиляторов в непогрешимость великих авторитетов, хотя порой по частным поводам и оспаривал канонические суждения Птолемея

А верил и заблуждался он искренне и упорно. Он был подвижником своих идей, истинных и ложных, и готов был отстаивать их любой ценой с таким же мужеством и с такой же отвагой, как это делали и христианские великомученики, и такие дерзкие разрушители средневекового миропорядка, как Томас Мюнцер и Джордано Бруно.

Вспоминая былые годы, Колумб намеренно во главу угла поставил не книжные свои занятия, а опыт общения с людьми разного звания и положения

И действительно, его «университетами» были таверны лиссабонской Рибейры, причалы Риштеллу, рейд Фуншала, откуда уходили в дальние дали ветераны бесчисленных морских походов, и кривые закоулки Порто-Санто, маленькой столицы маленького острова, продутого всеми ветрами Атлантики.

Порто-Санто... Из морской синевы выплывает навстречу кораблям верблюжий силуэт этого двугорбого островка. Он чуть побольше ленинградского Васильевского острова, очень горист, берега его истерзаны морем, и только на юге миль на шесть вдоль побережья тянется широкая полоса золотых песков, и в тихой бухте этого пляжа уютится островная столица, городок Порто-Санто — Святая гавань.

Обойти его можно было за пять минут. Особого смысла, правда, в этом не было: кроме складов, корчмы и маленькой церквушки, никаких достопримечательностей в Святой гавани не имелось.

Резиденция его светлости, капитана-донатария Бартоломео Перестрелло II, — приземистый белый дом со стенами крепостной толщины стоял на пыльной площади, украшенной покосившимся позорным столбом.

Там Колумб бывал часто, перебирая старые бумаги времен Бартоломео I и его преемника Педро Корреа де Акуньи.

Но, вероятно, еще чаще он посещал просторную гавань, в которой сновали юркие рыбацьи лодки и отстаивались на якоре корабли, идущие из Лиссабона на Мадейру и из Мадейры в Лиссабон.

Кормчие и матросы этих кораблей коротали долгие часы стоянки в портовой корчме, и с ними Колумб вел долгие и бесполезные беседы.

Фернандо Колон и Лас Касас, со слов великого мореплавателя, приводят кое-какие сообщения этих бывалых людей об их плаваниях в Море-Океане. Некто Мартин Висейнте рассказывал Колумбу, что в 450 лигах (2700 километров) к западу от мыса Сан-Висенти он подобрал в море кусок дерева, обработанный, и при этом весьма искусно, каким-то орудием, явно не железным. Другие моряки встречали за Азорскими островами лодки с шалашами, причем эти суденышки не опрокидывались даже на большой волне. Видели у азорских берегов огромные сосны, эти мертвые деревья приносило море в пору, когда дули сильные западные ветры. Попадались морякам на берегу азорского острова Файял трупы широколицых людей «нехристианского» обличья. Некто Антонио Леме, «женатый на жительнице Мадейры», говорил Колумбу, что, пройдя сто лиг на запад, он набрел в море на три неведомых острова.

И, должно быть, не в местной корчме, а в губернаторском доме свояк Колумба Педро Корреа де Акунья сообщил ему, что на Порто-Санто некогда собственными глазами видел, как море вынесло на берег гигантские узловатые стебли. Так велики они были, что между их соузлиями можно было поместить три большие винные бутылки (77, I. 66—67; 58; 52).

«Школа слухов» на Порто-Санто ввела Колумба в атмосферу морских открытий и приключений, конкретные же сведения о португальских плаваниях в Атлантике он получил в архивах Порто-Санто и Фуншала, доступ к которым открыла ему его теща.

На Порто-Санто родился у Колумба сын Диего, и произошло это скорее всего в 1478 году.

Должно быть, после рождения сына он пополнил программу своих университетов курсом практического мореплавания. Для этого и в Лиссабоне, и на Порто-Санто, и на Мадейре возможности были отличные.

«Лиссабон, — пишет один современный португальский историк, — был главным центром океанских плаваний, очагом новых открытий. Это был Рим морских душ, высшая школа навигационных наук, сосредоточие их прогресса. В арсенале Рибейры Новы работали лучшие корабельные того времени, в Лиссабоне можно было приобрести лучшие карты, лучшие астролябии, лучшие квадранты. Нигде так любовно не украшали карты и портоланы, они блистали золотом и пурпуром. Лучшие астрономические труды легче всего было достать именно здесь, и здесь же обитали самые отважные и самые опытные кормчие» (83, 17).

В эту школу дальних плаваний стекались со всех концов Европы юные моряки, в Лиссабоне учились фламандцы и французы, итальянцы и немцы.

В Лиссабоне родились новые типы кораблей дальнего плавания: легкие каравеллы и тяжелые «науш редондуш» — суда большой грузоподъемности, вооруженные прямыми парусами. Широкие прямоугольные паруса крепились к реям, а не перебрасывались, как треугольные паруса каравелл, через гафели. Грузные «науш редондуш» не слишком были пригодны для каботажных рейсов, но они отлично зарекомендовали себя в многомесячных плаваниях к африканским берегам. И, кроме того, в свои емкости чрева они могли вместить сотни тонн грузов и сотни черных рабов.

В Лиссабоне охотно учили иноземцев, менее охотно допускали их в дальние плавания и в редчайших случаях доверяли им посты капитанов и кормчих. За похищение секретных морских карт рубили головы, тайны новых открытий оберегались сурово и бдительно.

Но, во-первых, генуэзцы проникали куда угодно, недаром во времена Энрике Мореплавателя лучшими его кормчими считались генуэзские выходцы Антониотто Уадимаре и Антонио де Ноли. И, во-вторых, зять покойного капитана-донатария Бартоломео Перестрелло I и шурин его наследника Бартоломео Перестрелло II уже не вызывал сомнений как подозрительный иностранец.

Вероятно, начальную школу практической навигации Колумб прошел на Порто-Санто и Мадейре, плавая к Азорским островам, а затем завершил курс морской науки в гвинейских экспедициях.

Колумб не раз говорил, что ему довелось побывать в Гвинее в гавани Сан-Жоржи-да-Мина. Крепость Сан-Жоржи-да-Мина была заложена на Золотом берегу, близ тех мест, где ныне находится ганская гавань Такоради, португальским мореплавателем Дього де Азамбужей в середине 1482 года. Экспедиция Азамбужи была первым африканским предприятием юного и энергичного короля Жуана II (1481—1495), и укрепленная гавань Сан-Жоржи-да-Мина стала опорной базой для всех последующих португальских экспедиций, стремительно продвигавшихся к южной оконечности Черного материка.

Вряд ли Колумб плавал в Гвинею с Азамбужей, но он мог посетить ее в 1483 или 1484 году. Как раз в эти годы из Лиссабона постоянно отправлялись в Сан-Жоржи-да-Мину большие и малые флотилии. В каком качестве принимал участие в гвинейских экспедициях Колумб, сказать трудно. Несомненно одно: эти плавания завершили практический курс морского дела, который он прошел в португальской школе открытий.

И моряком он стал отличным. О его искусстве водить корабли с уважением отзывались мореплаватели последующих времен. В наш век интуиция и опыт Колумба-морехода нашли высокую оценку в трудах видных знатоков морского дела, француза Ж. Шарко (53) и американца С. Э. Морисона (22, 93). И, бесспорно, навыки, приобретенные Колумбом в годы его пребывания в Португалии, во многом определили успехи его великих плаваний к берегам Нового Света.

Маленький ручеек, вытекающий из студеной поднебесных ключей, дает начало великой реке Амазонке, которая выносит в Атлантику больше воды, чем Амур, Енисей, Обь, Волга, Днепр и Дунай, взятые вместе.

У великих замыслов истоки столь же неприметны, как у царицы рек. Случайная встреча, ненароком сказанное слово подобны искре, из которой нет-нет да и разгорится могучее пламя.

Быть может, ни о каких замыслах и проектах не думал и не гадал бывший шерстящик из сан-стефанского предместья в ту пору, когда он стал частым гостем генуэзской гавани.

Но, должно быть, не раз ему приходилось выслушивать горькие жалобы моряков и негоциантов: времена настали такие тяжкие, пути на Восток нет, проклятые турки нас теснят и разоряют. И, быть может, на площади Сен-Сиро, быть может, в той же гавани он не раз слышал, как умудренные опытом люди говорили о новых путях в Индию, которые прокладывают португальцы.

Дом Чентурионе, торговал с Западом. Это был европейский Запад, но из гаваней Кастилии, Португалии, Франции, Англии вели пути в пока еще неведомые дали. Синьоры Чентурионе, Негро, Спинола, Ломеллини были деловыми людьми, и географию они знали лишь коммерческую: от Таны до Брюгге пути сорок два дня, от Генуи до Лиссабона полторы недели, и выгоднее держаться такого-то берега, и стороной обходить такие-то острова и мысы.

Но им было ведомо, что в Каликуте или Ормузе кинтал перца стоит десятикрато меньше, чем в Александрии.

Они за недосугом не читали Марко Поло, но знали, что есть в Дальней Азии страна Китай и страна Сипанго и что многие другие восточные страны несметно богаты. Возможно, на площади Сен-Сиро бывал венецианский купец Никколо Конти, а если не бывал, то так или иначе слухи о его приключениях на островах Малайского архипелага, в Бирме и Сиаме доходили до Старой Генуи. Там зачитывались увлекательными повествованиями — «Четырьмя книгами истории об изменчивости судьбы». Со слов Никколо Конти, эти четыре «географические новеллы» написал замечательный стилист и великий эрудит Поджо Браччолини.

Что Земля — шар, усвоили в XV/веке не только географы, но и коммерсанты. И те и другие знали: Европу на западе омывает Океан, но этот же Океан подступает и к берегам Китая, Сипанго, Явы и Индии. Он не так уж широк. Коммерсанты географам верили, но, как люди трезвые, от практических выводов воздерживались. Отсюда, однако, вовсе не следует, что заманчивые возможности обретения западного пути в Индию и Китай не обсуждались в застольных беседах.

Была в Генуе корпорация картографов, а она с географией, и при этом не с коммерческой, а с истинной, жила в тесной дружбе. В нее входили люди, чьи труды пользовались доброй славой. Это они, генуэзские картографы, в 1457 году составили карту мира, которая вобрала в себя сведения Никколо Конти о странах Дальней Азии и о португальских открытиях в Африке.

Колумб, видимо, встречался со своими земляками-картографами, в частности, с довольно известным составителем морских карт Никколо Кавери, но трудно установить, какое влияние оказали на него эти деятели¹.

Одним словом, можно предположить, что корни Колумбова проекта уходят в генуэзскую «подпочву». К сожалению, она еще недостаточно обследована историками, да и задача эта нелегкая. Нотариальные документы, которые так много дали для выяснения семейной обстановки в «Доме Колумба», хранят молчание во всех случаях, когда дело не идет о тяжбах, дарственных актах, завещаниях и торговых сделках.

Итальянские колумбоведы не раз обвиняли великого мореплавателя в неблагодарности: проект свой он предложил сперва португальскому королю Жуану II, а затем испанской королевской чете, но о Генуе при этом позабыл. А коли так, то, быть может, и не такими уж тесными были связи Колумба с родным городом...

Да, конечно, проект Колумба рассматривался, отвергался и утверждался в странах Пиренейского полуострова. Но не исключена возможность, что какие-то предложения

¹ Связи Колумба с генуэзскими картографами XV века пытался проследить современный генуэзский историк П. Ревелли. К сожалению, он не страдал недостатком воображения и без достаточных на то оснований приписал лигурийской картографической школе решающую роль в формировании географических воззрений великого мореплавателя (108, 109).

Колумб делал генуэзским властям, хотя документов на этот счет пока обнаружить не удалось¹.

Исходные «точки роста» Колумбова замысла искать следует в Генуе, хотя, бесспорно, окончательно кристаллизовался он в Португалии в 1480—1484 годах.

Нильс Бор крайне сдержанно отзывался о недостаточности безумных теориях. С позиций современной географии проект Колумба был безумным. Безумным и ошибочным.

В этом была его сила. Знай Колумб, что отправные его расчеты неверны, он вряд ли вышел бы в Море-Океан. Ошибки привели его к победе, но открыл он совсем не то, что желал открыть, и до конца своих дней отстаивал ложные идеи, убитые его собственными плаваниями.

Замысел Колумба был прост.

В основе его лежали две посылки: одна абсолютно верная и одна абсолютно ложная.

Посылка № 1 (абсолютно верная): Земля — шар.

Посылка № 2 (абсолютно ложная): большая часть поверхности Земли занята сушей — единым массивом трех материков, Азии, Европы и Африки, меньшая — морем, и в силу этого расстояние между западными берегами Европы и восточной оконечностью Азии невелико, и за короткое время можно, следуя западным путем, достичь Индии, Сипанго (Японии) и Китая.

Первая посылка — аксиома, безоговорочно признанная в эпоху Колумба.

Вторая посылка соответствовала географическим представлениям этой эпохи. Со времен классической древности укоренилось мнение, что на нашей планете существу-

¹ В 1534 году в Венеции вышел сборник, посвященный новым открытым землям. Его составителем был известный собиратель материалов о всевозможных путешествиях Джованни Баттиста Рамузио. В кратком резюме труда Пьетро Мартира о Новом Свете, которым открывался этот сборник, была одна фраза, отсутствовавшая во всех прочих работах этого автора. Звучала она так: «В 40 лет... Колумб сперва предложил генуэзской синьории снарядить корабли, дабы они вышли из Гибралтара, и, следуя на запад, обошли земной шар, и достигли земли, где рождаются пряности» (71, I, 338, 339).

В 1708 году о подобном же предложении упомянул генуэзский хронист Казони (50, 25—31). Оба эти сообщения сомнительны, непонятно, почему о них умалчивали другие генуэзские авторы и по каким мотивам могла отвергнуть проект Колумба генуэзская синьория. Но сведения эти заслуживают тщательной проверки.

ет единая суша — Евразия с африканским привеском — и единый, ее со всех сторон омывающий океан. При этом античные и средневековые географы полагали, что единая суша либо равна, либо превышает по протяженности единое море.

Величайший авторитет античного землеведения, Птолемей считал, что по ширине суша равна океану, его предшественник, греко-сирийский географ I века н. э. Марин Тирский доказывал, будто суша значительно «длиннее» моря. Марин Тирский рассчитал, что на сушу из 360 градусов земной окружности приходится 225 градусов, а на океан всего лишь 135 градусов.

А отсюда следовало, что западный путь из Европы в Азию должен быть относительно коротким. Мореплаватель, избравший этот маршрут, мог достичь Индии и Китая, преодолев всего лишь $\frac{2}{5}$ земной окружности.

Возникал, однако, чисто практический вопрос: какова длина этого морского отрезка кругосветного пути?

На этот вопрос можно было легко ответить, зная протяженность земного градуса. Такого рода измерения проводились в доколумбовы времена неоднократно. Еще в III веке до н. э. замечательный греческий географ Эратосфен установил, что на меридиане Асуана градусное расстояние равно 700 стадиям. 700 стадий соответствуют 110,25 километра.

Такова действительно длина земного градуса на экваторе. На широте Канарских островов она меньше — 98,365 километра.

Колумба эта величина не устраивала. Даже приняв в основу расчета соображения Марина Тирского, он для $\frac{2}{5}$ земной окружности должен был бы получить в этом случае весьма солидную цифру. В самом деле: $135 \times 98,365 = 13\,216$ километров.

И автор проекта плавания в Азию западным путем решил сократить это расстояние. Колумбу было известно, что длину градуса определяли и после Эратосфена. Он знал, что такими изысканиями занимался, в частности, среднеазиатский географ IX века Ахмед ибн Мухаммед ибн Касир ал-Фаргани, которого называли в Европе Альфарганом.

Альфарган в 827 году по поручению халифа Мамуна проверил расчеты греков и нашел, что на меридиане го-

рода Ракки, расположенного в верховьях Евфрата, длина градуса равна $56\frac{2}{3}$ милям.

Арабская миля соответствует 1973 метрам, и, следовательно, в альфаргановском градусе было 111,767 километра. Но Колумб заменил арабские мили итальянскими. В одной итальянской миле всего-навсего 1480 метров. После такой операции длина градуса сразу же сократилась на 25 процентов, а протяженность статридцатипятиградусного океана соответственно уменьшилась:

$$56\frac{2}{3} \times 1480 \times 135 = 11\,339 \text{ километров.}$$

Много!!! И эту цифру следовало урезать. Вносятся дальнейшие поправки. Марин Тирский жил в те времена, когда восточная оконечность Азии была римлянам и грекам неведома. Азия кончалась где-то за Золотым Херсонесом — современным Малаккским полуостровом. Но Марко Поло побывал за этой гранью, в Китае, и кое-что разузнал о стране Сипанго, или Чипангу, — Японии. Стало быть, рассуждал Колумб, суша вмещает в себя не 225, а куда больше градусов. И к цифре Марина Тирского он добавил еще 58 градусов — 28 на Китай и 30 на Японию.

Теперь на долю Океана осталось всего лишь 77 градусов. Но открытое и неведомое море начиналось только за Канарскими островами, самые же западные из них отстояли в 9—10 градусах к западу от Лиссабона; стало быть, с урезанной величины в 77 градусов можно было сбросить еще 9 градусов. Оставалось 68 градусов. Вот и все. Получена «истинная» дистанция, отделяющая Канарские острова от Сипанго — Японии:

$$68 \times 56\frac{2}{3} \times 1480 = 5710 \text{ километров.}$$

Фактически же канарский остров Ферро (Йерро) лежит на 18° западной долготы, а Токио на $139^\circ 47'$ восточной долготы. И расстояние между ними (если преодолевать его с востока на запад) не 68, а $202^\circ 13'$, длина же градусного расстояния на 28° северной широты составляет 98,365 километра.

$$202^\circ 13' \times 98,365 = 19\,042 \text{ километра!}$$

Колумбова Япония лежала на меридиане Кубы и Чикаго, а китайская гавань Ханчжоу — чудо-город Кинсай записок Марко Поло попадал в те места, где ныне стоят города Лос-Анджелес и Сан-Франциско.

Победителей не судят, но Колумба жестоко судили географы и историки XIX и XX веков.

Но если существует высший суд истории, то такому трибуналу следовало бы вынести приговор: обвиняемый

виновен, но заслуживает всемерного снисхождения. К ответственности следует привлечь не только Христофора Колумба, генуэзца, но и его век.

Мы, люди XX века, о Колумбовых способах видения мира судим со своей высокой колокольни. Мы привыкли к точным картам, в нашу плоть и кровь вошли совершеннейшие методы измерения пространственных параметров, ювелирные приемы отсчета микроединиц времени.

Мы живем в век миллимикронных допусков, проекты наших космических кораблей и спутников рассчитываются с фантастической точностью.

Между тем человек XV века не испытывал ни малейшей необходимости в подобных оценках пространственных и временных элементов.

Флорентийский купец Бальдучи Пеголотти, живший за полтора года до Колумба, удивил мир замечательным пособием для странствующих негоциантов, книгой, которая называлась «Pratica de la mercatura» — «Практикой торговли». Это было по тому времени архиточное справочное пособие, но в нем дистанции на пути из Крыма в Китай или из Константинополя в Тебриз давались в днях, а сам путь оставался немереным День — единица неопределенная. Она может растягиваться или сокращаться в зависимости от подручных транспортных средств. Из Каффы в Сарай можно было тащить месяц на верблюдах или проехать за неделю, если под рукой оказывались быстрые татарские кони. Не менее расплывчаты указания на дистанции пройденного пути у прославленных путешественников XV века — Клавихо, Барбаро, Контарини, Афанасия Никитина. И это не потому, что они допускали небрежность. Просто не испытывали эти люди нужды в точных промерах пройденного пути.

Извлеченная из мрака забвения «География» Птолемея оценивала расстояния в градусах, и это вполне удовлетворяло землеведов XV века.

Кроме того, величайшая путаница царил в тогдашней «метрологии». Чуть ли не каждая провинция пользовалась своими собственными мерами, существовали лиги, мили, футы, локти разной длины, арробы, алмуты и фанеги разной емкости; этот невероятный разноречивый не очень смущал мореплавателей и купцов. В самом деле, какое имело значение в итальянских или португальских милях определенное кормчим расстояние между Лиссабоном и Венецией,

если при этом не указывалось, попутные или противные ветры дули в пору, когда совершалось это плавание.

Даже наиболее совершенные карты XV века с градусной сеткой и масштабными линейками были архинеточны, и это обстоятельство никого не раздражало и не удивляло.

Поэтому мы невольно впадаем в ошибку, прилагая современные критерии к расчетам Колумба. Ошибку психологическую. И чтобы избежать ее, следует отрешиться от привычных эталонов нашего времени и представить себе строй мысли и нормы поведения людей давно минувшей эпохи.

Да, люди XV века мыслили и поступали совсем не так, как их далекие потомки, живущие во времена Эйнштейна и Бора, Королева и Армстронга.

Если же отвлечься от историко-психологических аспектов и перейти на почву менее зыбкую, то нельзя не отметить, что любой современник великого мореплавателя, разрабатывая проект плавания западным путем к восточным окраинам Азии, исходил бы примерно из тех же соображений. Не случайно независимо от Колумба аналогичный проект разработал Джон Кабот¹. Быть может, другие современники Колумба не допустили бы таких «передержек», но в конечном счете их трассы все равно были бы намного короче авиамаршрута Лиссабон — Гавана — Токио.

Это весьма убедительно продемонстрировал советский колумбовед М. А. Коган в статье «О географических воззрениях европейцев накануне великих географических открытий» (12).

М. А. Коган справедливо говорит, что сама концепция Единого мирового океана — а она господствовала в науке с античных времен до эпохи Колумба — предполагала, что можно все время, следуя от берегов Европы на запад, дойти до восточной окраины Азии.

Мысль о реальности такого плавания выражали Аристотель и Сенека, Плиний Старший, Страбон и Плутарх, а в средние века теория Единого океана была освящена церковью. Ее признавали арабский мир и его великие географы Масуди, ал-Бируни, Идриси.

В том, что до Индии можно дойти, следуя от берегов

¹ «Поскольку я исходил из того, что Земля — шар, — писал Кабот, — я должен был, плывя на северо-запад, найти более короткую дорогу в Индию»

Европы на запад, не сомневались великие ученые XIII — XIV веков, в частности Альберт Великий и Роджер Бекон, в этом убежден был и Данте.

Подобных же взглядов придерживались картографы XIV и XV веков. В 1959 году библиотека Йельского университета приобрела карту немца Генриха Мартелла, составленную около 1490 года. На ней евразийская суша вытянута по мерке Марина Тирского, а единое море сжато до 110 градусов.

Примерно те же пропорции выдержаны на знаменитом глобусе, изготовленном немецким картографом Мартином Бехаймом в 1492 году.

М. А. Когану в 60-х годах XX века было известно куда больше древних и средневековых сборников концепции западного пути, чем Колумбу в 70-х и 80-х годах XV века.

Но автор проекта великого плавания и не испытывал потребности в расширении круга источников.

Литература, которой он располагал, была достаточна для разработки этого проекта, в ней зеркально отражались идеи пророков западного пути.

В личной библиотеке Колумба самая ценная книга — это «Imago Mundi» — «Образ мира» французского эрудита, кардинала Пьера д'Айи (испанцы и Колумб называли его Алиаком).

Это настольнейшая из настольных книг великого мореплавателя. Она невероятно растрепана, на полях ее множество пометок (маргиналий), то очень кратких, то весьма пространных. По всей вероятности, «Imago Mundi» Колумб приобрел в 1481 году и с этой книгой не расставался до самой смерти.

Пьер д'Айи жил очень долго и умер в 1420 году. «Imago Mundi» он написал за десять лет до кончины и в этом труде свел воедино наиболее важные древние и средневековые суждения о фигуре Земли, ее размерах, ее поясах, протяженности суши и моря. Его книга была развернутым комментарием к трактатам греческих, римских, арабских и западноевропейских авторов. Пьера д'Айи факты не занимали. Он был не географом в современном понимании этого слова, а начетчиком, очень прилежным и очень обстоятельным.

Описания всяких и разных путешествий в дальние страны он, видимо, считал несерьезным видом литературы хотя бы потому, что ни у Аристотеля, ни у Плиния,

ни у Холивуда-Сакробоско нельзя было найти ссылок на мнения Марко Поло или Одорико Порденоне.

Некоторый конфуз получился у д'Айи с Птолемеем. Так уж сложились обстоятельства, что одновременно с «Imago Mundi» закончили латинский перевод птолемеевской «Географии» византиец Мануил Хрисолор (он вывез из Константинополя греческие рукописи этого труда) и его ученик итальянец Джакомо д'Анджело.

Но от Рима до Камбре, резиденции автора «Imago Mundi», был путь неблизкий, и с Птолемеем д'Айи знакомил читателей не по «Географии», а по латинской версии «Альмагеста», труда сугубо астрономического.

Для Колумба «Imago Mundi», труд довольно посредственный даже по меркам XV века, был бесценным. Эта книга верой и правдой служила ему как оракул, она была тем кладезем премудрости, из которого он полной горстью черпал нужные сведения и нужные ссылки на авторитеты.

На полях Колумбова «Imago Mundi» 898 пометок-маргиналий. Правда, не все они сделаны рукой великого мореплавателя. Книгой пользовался и Бартоломе Колумб, а почерк у него был очень сходен с почерком старшего брата. Есть и пометки позднейших владельцев этого труда.

Однако львиная доля маргиналий принадлежит Колумбу. Христофору, а не Бартоломе¹, и именно у Пьера д'Айи будущий великий мореплаватель отыскивал оценки и мнения, которые он положил в основу своего проекта.

Первая посылка его замысла дана в виде краткой сентенции в маргиналии № 480: «Земля — круглая сфера. Земля делится на пять климатических зон. Земля делится на три части».

Вторая посылка (суша велика, море узко, от западного конца Европы до восточной окраины Азии расстояние невелико) «созревает» в маргиналиях № 23, 43, 363, 366, 486 и 677.

¹ Маргиналии пяти книг, которыми пользовался Колумб («Historia Rerum Gestarum», «Энея Сильвия Пикколомини», «Imago Mundi» Пьера д'Айи, «Естественной истории» Плиния Старшего в итальянском переводе, латинского издания Марко Поло и «Параллельных жизнеописаний» Плутарха), были изданы Ч. Лоллисом в 1894 году (78, 292—522). Принадлежность большинства маргиналий Колумбу оспаривал в 20-х и 30-х годах нашего века немецкий палеограф иезуит Ф. Штрейхер (118). Его доводы, однако, не были признаны колумбоведом.

Вот текст Пьера д'Айи: «Согласно Аристотелю и Аверроэсу...¹ конец обитаемой земли на Востоке и конец обитаемой земли на Западе друг от друга достаточно близки, а между ними малое (parvum) море».

Пройдет лет пятнадцать, и в письме Изабелле и Фердинанду о своем третьем плавании Колумб вспомнит и Аристотеля, и Аверроэса, и автора «Imago Mundi», у которого он заимствовал сведения о «малом море».

А вот маргиналия к этому отрывку. Маргиналия № 43: «Конец обитаемой земли на Востоке и конец обитаемой земли на Западе суть достаточно близкие [стиль Колумба оставлен без изменений] и посередине малое море».

Снова Пьер д'Айи: «Плиний говорит, что слоны обитают и в Атласских горах, и равным образом и в Индии... Аристотель заключает, что места сии близкие». И маргиналия № 365: «Близ Атласских гор живут слоны, равным образом и в Индии. Стало быть, одно место от другого лежит не на большом расстоянии».

А в маргиналии № 677 мысль о малости Моря-Океана подтверждается таким образом: «Expertum est quod hoc mare est navigabile in paucis diebus, ventus conveniens» — «на опыте показано, что сие море кораблями проходимо за малое число дней при благоприятных ветрах». Не ясно, о чьем опыте идет речь — то ли о португальских плаваниях, то ли о путешествии самого Колумба.

Комбинации с данными о градусных расстояниях выражены в восьми маргиналиях (№ 4, 28, 31, 481, 490, 491, 698, 812). Сакраментальная альфаргановская цифра $56\frac{2}{3}$ появляется здесь неоднократно, а в маргиналии № 490 Колумб, ссылаясь на собственный опыт гвинейских плаваний и на расчеты португальского космографа «мастера Иосифа», или Жозе Визиньо (этот Визиньо был членом комиссии Лиссабонской математической хунты, которая в 1484 или в начале 1485 года отвергла проект Колумба), определенно утверждает, что градус равен $56\frac{2}{3}$ милям и в земной окружности (по экватору) насчитывается 20 400 миль.

Из текста же 689-й маргиналии явствует, что имеются в виду итальянские мили. Самые короткие и самые «выгодные» для проекта западного пути.

¹ Аверроэсом европейские авторы называли великого арабского ученого Ибн-Рушда, создателя философской системы, основной в значительной мере на трудах Аристотеля.

Читая все эти пометки, мы как бы входим в «творческую лабораторию» молодого Колумба. В «Imago Mundi» он искал и находил не столько конкретные данные, сколько авторитетные подтверждения своих дерзких и рискованных расчетов. На разных этапах разработки проекта он снова и снова прибегал к этому бесценному для него источнику. Одна очень важная маргиналия явно относится к более позднему времени, к 1488 или 1489 году. В ней оценка итогов экспедиции португальца Бартоломеу Диаша, который в 1488 году обогнул мыс Доброй Надежды.

Пьер д'Айи о чудесах Востока умалчивал, но все нужные на этот счет сведения Колумб извлекал из латинского издания 1485 года «Книги» Марко Поло. До приобретения этого издания Колумб, вероятно, пользовался рукописью «Книги». В то время в Европе было множество списков труда Марко Поло.

Здесь маргиналии кратки, но их довольно много — 366, столько, сколько дней в високосном году.

Для европейца XIV—XV веков (и тем более для генуэзца) сказ очарованного венецианского странника, записанный его восторженным соседом по тюремной камере, не очень грамотным лигурийцем Рустиччано, был истинным откровением.

Странник с величайшим изумлением узнал, что Земля необъятно велика, что населена она бесчисленными народами, о которых ни малейшего представления не имели библейские пророки и евангельские апостолы, что обитают в ней диковинные звери, а в чужедальних небесах сияют звезды, которых нет на итальянском или французском небе.

Странник был сыном Венеции, земноводного города с жгучими мирскими желаниями. Купец и сын купца, он, путешествуя из страны в страну, попутно составлял описи несметных богатств Востока.

И его книга возбуждала у европейцев корыстные грезы. Они бредили благовониями Аравии, пряностями Индии, сокровищами Великого хана, властителя Манзи, или Манджи (Южного Китая), Китая и Татарии.

Где-то в недосыгаемой дали были чудо-города Кинсай, Ханбалык, Зайтон, и, вчитываясь в «Книгу» Марко Поло, генуэзцы, венецианцы, каталонцы, португальцы и кастильцы пытались отыскать путеводные указания. Не те, которые дал Марко Поло, теми уже нельзя было воспользо-

ваться, а иные, которые дали бы возможность проложить круглые пути в Индию и Китай.

Их не было, этих указаний, но ведь недаром сказано: «Толщите и отверзнется». И Колумб десятки раз перечитывал «Книгу» Марко Поло.

А на полях отмечал: «корица», «ревень», «драгоценные камни», «золото». И циркулем измерял по карте, сколь велики владения Великого хана и как далеко от них лежит страна Сипанго.

$225 + 28 + 30 = 283$. Цифра-ключ к сокровищам Востока. Ведь если 283 градуса вычесть из 360 градусов, то окажется, что до Сипанго от Лиссабона и Канарских островов рукой подать...

366 маргиналий в «Книге» Марко Поло — это заявки на грядущие открытия.

Пожалуй, не менее важен был для Колумба и труд Энея Сильвия Пикколомини. Труд всезнающего человека, которого само небо вознесло на папский престол. Венецианским изданием 1477 года этой книги пользовался Колумб.

Эней Сильвий в отличие от автора «Imago Mundi» ценил реальные факты, он был на два поколения моложе Пьера д'Айи и успел перешагнуть порог эпохи Возрождения.

Суховато, обстоятельно, со ссылками на старые авторитеты и на путешественников нового времени он описывал народы и страны земной ойкумены. Не очень точно, но, что поделаешь, смутны и сбивчивы были те сведения о дальних восточных и северных землях, которыми приходилось пользоваться.

С пером в руках Колумб читал эту краткую географическую энциклопедию и на полях отмечал названия рек, гор, озер, морей Европы и Азии.

По числу маргиналий «Historia Regum» почти не уступает «Imago Mundi». В этой книге 861 пометка.

Очевидно, даже в итальянском издании Плиния Колумб не испытывал особой нужды. Все, что ему требовалось, он брал у Пьера д'Айи, Марко Поло, Энея Сильвия. Поэтому и поля «Естественной истории» довольно чисты — на них всего лишь 23 пометки.

Неизвестно, когда именно, но, вероятно, довольно поздно к Колумбу попал палимпсест (пергамент, с которого выскабливался первоначальный текст, чтобы внести в него новую запись) с поэмами Сенеки.

Этот римский поэт и философ в своей «Медее» предсказал грядущее открытие земли за Океаном.

Промчатся года, и чрез много веков
Океан разрешит оковы вещей,
И огромная явится взорам земля,
И новые Тифис откроет моря,
И Фула не будет пределом земли¹.

Колумб, с его склонностью к мистическим озарениям и верой во всевозможные пророчества, несомненно, уподобил себя ясоновскому кормчему Тифису. Стихи эти он перевел на испанский язык (правда, прозой), и этот перевод сохранился на полях старого палимпсеста:

«Настанут в мире времена, когда Океан ослабит связи вещей, и откроется большая земля, и новый мореплаватель, подобно тому, кто вел Ясона и носил имя Тифис, откроет новый мир, и тогда не будет остров Тиле последней из земель».

Перевод Колумба несколько вольный, и в него внесены вещи слова «новый мир». Так Колумб не называл открытые им земли, хотя после третьего путешествия в его номенклатуру вошел термин «otro mundo» — иной мир.

«Новый мир» звучит здесь не как географическая реалья, это абстрактный символ, но Сенека не случайно заинтересовал автора проекта западного пути.

Сенека был язычником и, конечно, по части пророчеств ни в какое сравнение не шел с псалмопевцем Давидом, Иезекилем, Захарией, Исайей и Ездрой.

Вот что вещали библейские цари и пророки:

1. Псалом XVIII, ст. 2—5: «Небеса проповедуют славу Божью, и о делах рук его вещает твердь.

День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание.

Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их.

По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их».

2. Иезекиль, гл. XXVI, ст. 18:

«Острова на море приведены в смятение погибелью твоей».

¹ Перевод С. Соловьева. Тифис — кормчий корабля аргонатов. Фула, или Туле, — самая северная земля ойкумены.

3. Захария, гл. VI, стр. 10:

«И он возвестит мир народам, и владычество его будет от моря до моря и от реки до концов земли».

4. Исайя, гл. XLI, стр. 5:

«Увидели острова и ужаснулись, концы земли затрепетали. Они сблизились и разошлись».

5. Третья книга Ездры, гл. VI, стр. 42:

«В третий день ты велел водам собраться на седьмой части земли, а шесть частей вод осушил, чтобы они служили пред тобой к обсеменению и обработанию».

Казалось бы, эти библейские изречения прямого (и даже косвенного) отношения к замыслу Колумба не имели.

Но его век не похож был на наше время.

На склоне лет он, опоясав свои чресла вервием, приступит к «Книге Пророчеств» — и каждую строку в ней он будет ценить выше дневников своих великих плаваний. Тогда погрузится он в темные пучины астрологии, острепит свой ум чтением средневековых пустосвятов — толкователей ветхозаветных прорицаний, отдаст часы сна поискам неразгаданных откровений в трудах блаженного Августина, святого Амвросия, Беда Достопочтенного, Иосифа Севильского.

Случится это в 1501 году, когда считанные годы ему останется жить на этом свете. В 1480 году он был еще молод и пророческие видения не тревожили его душу.

Но и в лиссабонские годы он искал в Библии путеводные указания и верил, что над ним витает дух Исайи и Ездры.

Его покоряла неистовая сила Ветхого завета, книги точных расчетов и небесных озарений. В локтях, щеках, талантах, минах были взвешены и измерены дела людские. Стены Соломонова храма и хлеб в гиллилейских житницах.

7 июля 1503 года на острове Ямайка в письме Изабелле и Фердинанду Колумб приведет кое-какие библейские расчеты: «Соломону принесли однажды из одного путешествия 166 кинталов золота... из этого золота он велел изготовить 200 копий и 300 щитов, и покрыть золотом спинку торна, и украсить ее драгоценными камнями... Давид отказал по своему завещанию три тысячи кинталов золота из Индии Соломону для постройки храма...» Счет идет на испанские кинталы, так удобнее,

но цифры названы с библейской (или с генуэзской?) точностью. А судьбы людские?

Цари и полководцы, волопасы и мытари шли к славе и позору, достатку и бедности неизреченными путями, ведомые господней волей, и судьбы их были в деснице господней.

Его, господа, веления не дано познать слепцам, которым закрыт путь истинного откровения. Но имеющий очи да видит, и ему открываются пути, заказанные прочим смертным. И ты намечаешь их в коротких милях, в коротких, а не в длинных, ибо не даром вещает Исайя: «они сблизились и сошлись», и не даром говорит Ездра, что воды собрались лишь в седьмой части мира, то есть в «малом море».

Таковы были книжные источники Колумба в пору, когда создавался его проект.

Имелись еще источники эпистолярные. Довольно сомнительные. Это письма знаменитого флорентийского ученого Паоло Тосканелли.

Два письма. Первое Тосканелли адресовал португальскому канонику Фернанду Мартиншу, второе — Колумбу. Письмо № 2 было ответом на запрос Колумба, который, ознакомившись с письмом № 1, обратился к флорентийскому космографу за дополнительными разъяснениями и просил его одобрить свой проект.

Эти письма воспроизвел в своей книге Фернандо Колон, и вслед за ним Лас Касас ввел их в текст своей «Истории Индии».

Оба автора перевели, допустив при этом изрядный разнобой, письма с языка оригинала (латинского) на испанский язык, причем текст, данный в первом издании книги Фернандо Колона, подвергся вторичному переводу на итальянский язык. Оригиналы писем неизвестны. В 1860 году Х. Фернандес-и-Веласко, библиотекарь Biblioteca Colombiana в Севилье, нашел в Колумбовом экземпляре книги Энея Сильвия Пикколомини копию письма № 2, снятую, как он утверждал, самим великим мореплавателем.

Фернандо Колон считал Тосканелли крестным отцом великого проекта. «Маэстро Паоло... флорентиец, современник самого Адмирала, — писал Фернандо Колон, — был в большей мере причиной того, что Адмирал свое путешествие предпринял с великим вдохновением. Ибо случилось так: упомянутый маэстро Паоло был другом

некоего Фернандо Мартинеса, лиссабонского каноника, и они друг с другом переписывались относительно плаваний, совершавшихся в страну Гвинею во времена короля дона Альфонса Португальского, и о том, что надлежит сделать, плавая к Западу. Об этом дошли вести до Адмирала, а он к такого рода вещам проявлял величайшее любопытство, и Адмирал поспешил через некоего Лоренсо Джерарди, флорентийца, находившегося в Лиссабоне, написать упомянутому маэстро Паоло относительно этих дел и послал ему маленький глобус, раскрыв свой замысел. Маэстро Паоло прислал ответ на латинском языке, каковой я и перевожу на наше вульгарное наречие» (58, 46).

Итак, Тосканелли. Паоло дель Поццо Тосканелли. Из тех Тосканелли, которые испокон веков жили во Флоренции на Пьяцца де Сан-Феличе, у старого «поццо» — колодца с очень вкусной водой.

Паоло Тосканелли в 70-х годах XV века был очень стар. Он родился в 1397 году. Это был ученый-анахорет, беззаветно преданный науке. Семья у него не было, все свои досуги он отдавал математике, астрономии, космографии. В юности он получил блестящее образование в трех итальянских университетах — Болонском, Падуанском и Павийском.

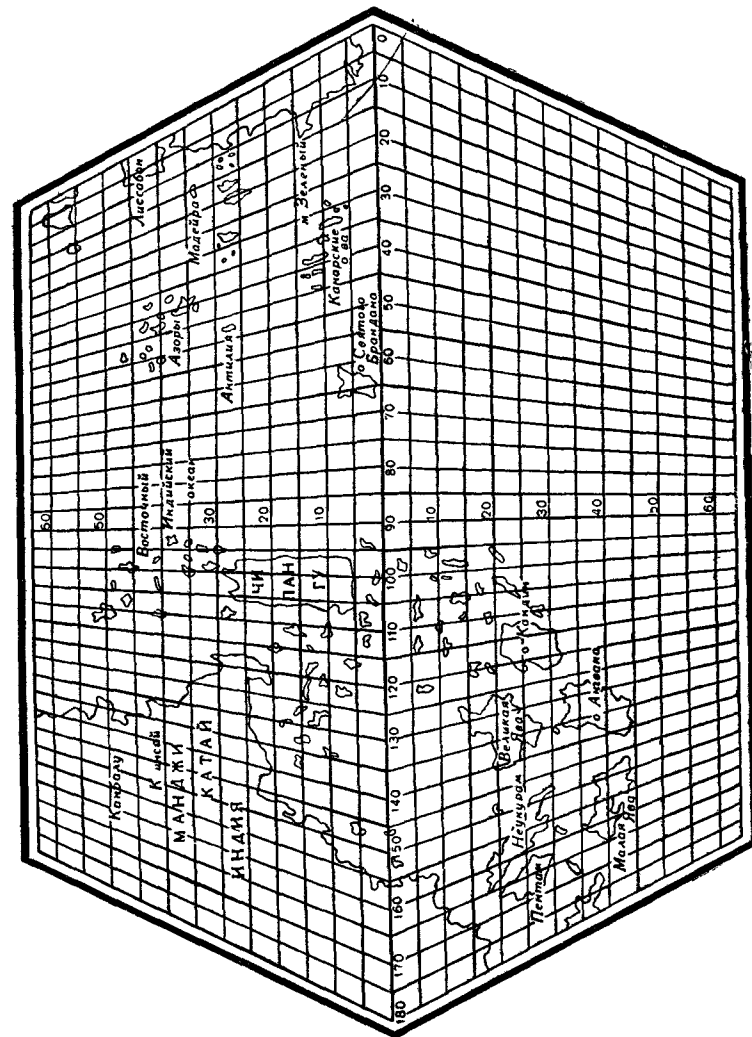
География была его любимой наукой. Он знал наизусть «Книгу» Марко Поло, к нему во Флоренцию приходили все путешественники-итальянцы, возвращавшиеся из дальних стран Востока.

Но, собирая с муравьиным усердием разные географические сведения, Тосканелли не часто брал в руки перо. Книг он не писал, сохранилась лишь одна-единственная, бесспорно, тосканеллиевская рукопись, черновики астрономических таблиц и множество эскизов различных карт.

Однако о его великой учености говорила вся Италия, имя Тосканелли известно было во всех университетских центрах Европы, во Флоренцию на площадь Сан-Феличе совершали паломничество немецкие, португальские и французские космографы и картографы.

Брат его был главой торгового дома, разорившегося сразу после падения Константинополя. Не случайно поэтому Паоло Тосканелли в 60-х и 70-х годах проявлял большой интерес к поискам западного пути в Индию.

Он был близким другом прославленного ученого-гу-

Карта Тосканелли (реконструкция по Кречмеру).

маниста Николая Кузанского, ему оказывал покровительство просвещенный правитель Флоренции Козимо Медичи.

Паоло Тосканелли скончался весной 1482 года, оставив своим племянникам большую библиотеку с ценнейшими рукописями. Среди них был труд великого Авиценны.

Перейдем теперь к двум посланиям Тосканелли. В первом, в письме к канонику Фернану Мартиншу от 25 июня 1474 года, Тосканелли отвечал на запрос Мартинша. Лиссабонский каноник обратился к флорентийскому ученому от имени португальского короля Альфонса V.

Король желал знать, каковы кратчайшие пути в Гвинею. В ответ Тосканелли послал «собственноручно начертанную карту», на которой нанесены «ваши берега и острова, от коих идет все время путь на запад», и путь в страну приностей. Самый кратчайший. Западный. Само письмо было кратким пояснением к этой карте¹.

Тосканелли давал в нем такие указания: «От Лиссабона на запад нанесены по карте, по прямой, 26 отрезков, каждый длиной 250 миль, до великого и великолепного города Кинсай». Кинсай, или Хуанчжоу, в свое время очаровал Марко Поло, и Тосканелли словами венецианца описывал эту богатейшую китайскую гавань.

Затем Тосканелли сообщал: «От также известного острова Антилия, который вы называете островом Семи городов, до весьма знаменитого острова Чиппангу — Японии — 10 отрезков».

Следовательно, по Тосканелли, от Лиссабона до страны Манзи (Южный Китай) с ее великолепной гаванью Кинсай было:

$$26 \times 250 = 5250 \text{ миль.}$$

А до Японии от какой-то земли, лежащей в центре Моря-Океана, насчитывалось:

$$10 \times 250 = 2500 \text{ миль.}$$

Второе письмо (без даты), адресованное Колумбу, абсолютно никаких конкретных сведений не содержало. Тосканелли снисходительно одобрял «смелый и грандиоз-

¹ Никакой карты Тосканелли не сохранилось. В различных книгах, посвященных Колумбу, печатаются реконструкции, выполненные в XIX веке немецкими учеными Кречмером и Пешелем и французским историком и географом Вивьеном де Сан Мартемом (124).

ный план плыть в восточные страны западным путем». План этот он считал правильным и надежным.

Далее он ободрял Колумба сообщением о богатствах Востока и перспективой грядущих контактов князей и царей восточных стран с христианами.

В заключение Тосканелли выражал надежду, что «ты, охваченный теми же высокими чувствами, что и весь португальский народ, который всегда в нужное время выдвигал мужей, способных к выдающимся деяниям, горюшь желанием осуществить это плавание».

Ни первое, ни тем более второе письмо не содержат сколько-нибудь новых сведений о западном пути. Вполне возможно, что короля Альфонса V и в самом деле волновали кратчайшие дороги в Индию. В середине 70-х годов XV века португальские капитаны донесли, что гвинейский берег, вдоль которого прежде корабли все время шли на восток, внезапно круто отклонился к югу. Это были дурные новости, восточную дорогу в Индию теперь приходилось искать южнее, чем это ранее предполагалось.

При подобных обстоятельствах мудрый совет знаменитого флорентийца был как нельзя более уместен, но Тосканелли почему-то ограничился двумя-тремя цифрами и заимствованным у Марко Поло описанием города Кинсай.

Тосканелли тонкий стилист, но оба письма эти его репутации не оправдывают.

Наконец без громоздких ссылок на авторитеты и прочих ученых излишеств истинный эрудит того времени обойтись не мог. Между тем этих неперемных для произведений академической прозы довесков в письмах нет.

Короче говоря, создается впечатление, что Тосканелли автором этих посланий не был.

И все же версия о его переписке с португальскими корреспондентами создана была не на пустом месте.

Каноник Фернан Мартинш Рориз действительно жил в ту пору в Лиссабоне. Более того, он хорошо знал Тосканелли и его друга Николая Кузанского. В 1461 году в Риме Тосканелли и Мартинш одновременно в качестве свидетелей скрепили своими подписями завещание Николая Кузанского.

Реальная фигура и Лоренсо Джерарди Это негоциант из флорентийского семейства Джеральди. Дом Джеральди вел дела в Португалии и Кастилии, и один из представителей его, Джаното (испанцы называли его

Хуаното Берарди), севильский банкир, сыграл немалую роль в дальнейших судьбах Колумба.

Кроме того, есть один очень любопытный документ, который наводит на мысль, что Тосканелли действительно был причастен если не к проекту Колумба, то к португальским и испанским плаваниям в Атлантике.

26 июня 1494 года, вскоре после того как в Европе распространилась весть об удивительных открытиях Колумба, феррарский герцог Эрколе д'Эсте, человек весьма любознательный, отписал во Флоренцию своему послу Манфредо ди Манфреди и поручил ему раздобыть у племянника покойного Тосканелли карты «некоторых островов, открытых Испанией» (31, 222).

Речь шла, очевидно, о тосканеллиевских картах Атлантики и, возможно, о маршрутах западного пути, намеченных флорентийским ученым.

Переписка Тосканелли издавна волновала колумбоведов. Объективным исследователям непонятно было, с какой стати Фернандо Колон, который так стремился приумножить славу своего отца, приписал Тосканелли роль поводыря великого мореплавателя. В равной мере необъяснимо, почему примеру Фернандо Колона последовал Лас Касас, который всегда отстаивал приоритет Колумба в открытии Нового Света.

Непонятно, по какой причине испанский хронист конца XVI — начала XVII века Антонио Эррера (73, I), которому доступны были все архивы испанского королевства, вообще не упоминал о Тосканелли и его письмах в своем труде, посвященном открытию Америки.

В итоге «тосканеллиевский» вопрос остается открытым и поныне, и «закрыть» его вряд ли удастся в обозримом будущем¹.

¹ В 1872 году в подлинности писем Тосканелли усомнился Г. Гаррис. 29 лет спустя его соотечественник Г. Виньо, который, подобно торпедо, взрывал все традиционные версии в колумбоведении, объявил эти письма фальшивками и вину за подлог возложил на Фернандо Колона. Виньо привел много убедительных доводов в пользу своей гипотезы, но с пренебрежением отнесся ко всем мнениям и фактам, которые не укладывались в его схему (129).

В 30-х годах нашего века атаку на переписку Тосканелли возобновил аргентинский историк Р. Карбиа. Он обвинил в подлоге Лас Касаса. Карбиа исходил при этом из совершенно абсурдного предположения, будто Лас Касас был автором труда Фернандо Колона, и такой прием позволил ему развивать всевозможные фантастические домыслы (49).

Существовали ли письма Тосканелли или нет, не так уж в общем важно. Колумб не испытывал нужды во флорентийских суфлерах. Все, что вложил он в свой проект, было заимствовано из других источников, более обстоятельных, хотя и столь же обманчивых.

Колумб не был кабинетным затворником, и, отдавая должное полезным книгам, он одновременно подкреплял свой замысел опросными сведениями.

В этом была определенная логика: в самом деле, если восточная оконечность Азии лежала где-то за «малым морем», то до нее или каких-то земель близ берегов Китая и Индии могли случайно доплывать те или иные корабли. В равной мере важны были вещественные приметы исковой части Азии. «Малое море» приносило их довольно часто, в чем Колумб убедился в годы пребывания на островах Порто-Санто и Мадейре. Сведения об этих приметах заморской земли дополнили ту картину, которую он создал, изучая труды Пьера д'Айи, Энея Сильвия и Марко Поло.

В итоге получилась весьма завлекательная концепция, и ее автор мазок за мазком набрасывал картину земной ойкумены с огромной сушей и «малым морем».

Еще дальше пошел советский историк Д. Я. Цукерник (33, 35, 36). По его мнению, письма Тосканелли подделал сам Колумб. Между тем великий мореплаватель в своих посланиях и записках вообще не упоминал о Тосканелли. Имя флорентийского ученого, правда, встречается в дневнике первого плавания Колумба, но этот дневник дошел до нас в переработке и в пересказе Лас Касаса, и за ссылки на Тосканелли Колумб никакой ответственности не несет, причем сам же Цукерник отрицал аутентичность этого источника. Но если Колумб сочинил письма Тосканелли, чтобы подкрепить свой проект авторитетными суждениями флорентийского космографа, то почему же он не ссылался на эти суждения, хотя часто приводил в своих письмах ссылки на Марко Поло, Пьера д'Айи, Энея Сильвия и различных комментаторов священного писания?

Гипотезы Карбиа и Цукерника построены на заведомо неверных посылах, но с доводами Виньо следует считаться.

Хотя в последние годы колумбоведы склоняются к тому мнению, что Фернан Мартинш, а возможно, и Колумб состояли в переписке с флорентийским географом [мнения эти разделяют испанский историк Ф. Моралес Падрон (91, 68—70), бельгийский исследователь Ш. Верлинден (127, 10—15) и итальянский географ Р. Альмаджа (39)], автор этих строк к ним присоединяется с большими оговорками. Думается, что непосредственных эпистолярных контактов у Колумба с Тосканелли не было, хотя и не исключено, что с мнениями Тосканелли он мог ознакомиться в 80-х годах XV века, не придав им особого значения.

Глобус немецкого картографа Мартина Бехайма (1492 г.)

ПОРАЖЕНИЕ В ЛИССАБОНЕ

Естественно, что, живя в Португалии, Колумб предложил свой проект королю Жуану II. Произошло это в самом конце 1483 или в первые месяцы 1484 года.

Время для вручения проекта было выбрано не слишком удачно. Как раз в 1483 и в 1484 годах Жуан II

дение, утаив «подлинные» источники сведений о западных землях или скрыв «подлинные» цели плавания на Запад. Замысел великого мореплавателя столь тесно связан с первым его плаванием, совершенным в 1492 году, что к разбору всевозможных критических версий мы вернемся на стр. 144—146.

Оставалось лишь найти щедрого мецената и с его помощью приступить к осуществлению намеченного замысла¹.

¹ С середины XVI века и вплоть до наших дней истинные цели и намерения Колумба периодически подвергаются сомнению. Критики «традиционной» версии о замысле Колумба либо обвиняют его в плагиате, полагая, что он воспользовался плодами чужих открытий, либо доказывают, что он искал все не Индию и Китай, а какие-то атлантические острова, лежащие в исходе великого западного пути (35, 36, 129). Авторы этих критических гипотез приходят к выводу, что Колумб и его первые биографы сознательно ввели своих современников в заблуж-

меньше всего думал о дальних заморских экспедициях. Король гасил мятежи португальских магнатов и расправлялся с заговорщиками. В августе 1484 года окончательно затоптаны были последние искры смуты, и, очевидно, той же осенью дошел черед до предложения беспокойного генуэзца.

Жуан II был умным и предусмотрительным правителем. Лыстецы сравнивали его с Цезарем, но он больше похож был на Суллу. Суллу в темном камзоле и в узких носых башмаках. Суллу с аккуратной бородой. Сулланскими были его глаза — зеркало холодной души, тихий, леденящий душу голос, и, подобно Сулле, он помнил о врагах своих и расправлялся с ними без спешки, но коварно и жестоко.

Король Жуан II придавал огромное значение дальнейшим открытиям в Африке. Во что бы то ни стало он стремился проложить путь в Индию, и его капитаны — Дього Азамбужа и Дього Кан эти замыслы осуществляли с большим успехом.

Дього Кан в 1484—1486 годах прошел далеко на юг вдоль берегов Камеруна, нынешней Республики Конго и Анголы и открыл устье великой реки Заир, или Конго.

Южное направление экспансии было главным. Западному вектору при дворе Жуана II особого внимания не уделялось, хотя приватные особы на свой риск и страх и на свой кошт заплывали довольно далеко на запад от Азорских островов.

В Лиссабоне, на Avenida da Liberdade в одном фешенебельном отеле стена просторного холла занята мозаичным панно: на носу каравеллы бородатый морской волк всматривается в хмурый берег. Под морским волком подпись: Jbao Vaz Corte Real Descubridor da America no anno 1472 (Жуан Ваз Кортре-Реал. Открытатель Америки в 1472 году).

Куда-то ходил этот Жуан Ваз Кортре-Реал и за какие-то открытия получил в 1474 году пост губернатора городка Ангры на азорском острове Терсейра. Спустя четыреста с лишним лет его зачислили в штат датской экспедиции Пининга и Потхорста, хотя о ней он никакого понятия не имел при жизни.

Какие-то острова лет на двадцать раньше нашел, а затем снова потерял некто Дього ди Тейве. Король Альфонс V с согласия сына этого мореплавателя в 1475 году подарил эти неуловимые острова некоему Фернану Теллишу (92).

Искали в Атлантике и легендарный остров Антилью, и ряд других мифических островов, но только после открытий Колумба португальцы сообразили, что они упустили «синюю птицу». И, сообразив, стали доказывать, что задолго до плаваний предприимчивого генуэзца им не раз удавалось схватить ее за хвост.

За последние сто лет такие попытки предпринимало множество португальских авторов. Все они прежде всего желали доказать, что Новый Свет открыт был до Колумба их соотечественниками, и эта цель оправдывала средства, с помощью которых такие послышки обосновывались...

Защитникам португальского приоритета приходилось туго потому, что они не могли обнаружить документов, подтверждающих факт конкретных открытий конкретных островов у берегов Америки, совершенных португальскими мореплавателями в доколумбовы времена.

Но даже если бы им удалось доказать, что Жуан Ваз Кортре-Реал или Дього ди Тейве побывали у берегов Ньюфаундленда или у Бермудских островов, подобные открытия не могли бы умалить всемирно-исторического значения плаваний Колумба.

В Португалии и поныне находятся ярые защитники приоритета этой страны в открытии американских земель, и итоги их деятельности с вполне объяснимым раздражением подвел немецкий географ Р. Хенниг. «Все мнимые «первооткрытия», — писал он, — или полностью опровергнуты, или настолько недостоверны, что о них без малейших укоров совести лучше совсем не упоминать... По собственной нерадивости португальцы упустили возможность сделать величайшее географическое открытие. Теперь уже нельзя приписать себе честь этого открытия необоснованными утверждениями, будто в действительности португальцы опередили Колумба на много лет и только не сообщали о своих достижениях. Правда, запоздалые гипотезы о «тайных открытиях» — дешевое и удобное средство фальсификации истории, но они недостойны серьезных ученых» (32, 298—300).

Думается, что Жуан II в 1484 году атлантическими плаваниями в западном направлении интересовался куда меньше, чем Колумб, который изучил их историю в семейных архивах Перестрелло и в задушевных беседах с португальскими моряками.

История переговоров Колумба с Жуаном II не очень

ясна. И португальские хронисты — Руи да Пина, Гарсиа де Ризенди, Жуан Барруш, — и их испанские коллеги — Фернандо Колон, Лас Касас, Овьедо, Эррера — описывали события 1484—1485 годов после великих открытий 1492 года, и это, естественно, налагало отпечаток на разделы их трудов, посвященных Колумбу.

В большей степени следует, пожалуй, доверять португальцам, тем более что первые биографы Колумба основные сведения о переговорах великого мореплавателя с Жуаном II черпали из португальских хроник.

Не вдаваясь пока в существо деловых предложений Колумба, отметим, что в воздаяние за свои услуги он авансом запросил очень много Лас Касас отмечает, что Колумб потребовал титул Главного адмирала Моря-Океана и дворянское звание, должность вице-короля новооткрываемых земель, десятую долю доходов с этих территорий, восьмую часть барышей от грядущей торговли с новообретенными странами и золотые шпоры (77, I; 145—150).

Все эти условия, кроме золотых шпор, он включил впоследствии в свой договор с испанской королевской четой.

Королю Жуану подобные требования не могли прийти по вкусу. Португальские монархи не привыкли осыпать дарами первооткрывателей. Последние обычно плавали на свой кошт и в случае удачи получали титул капитанов-донатариев, то есть правителей новооткрытых земель с правом на часть дохода с них.

К тому же Колумб домогался, чтобы португальская корона снарядила для него три каравеллы, выдала годовой запас провианта и массу безделушек для менового торга с обитателями земель, которые доведется открыть в дальнем плавании.

По Жуану Баррушу, Колумб, «зная, что король Жуан II печется об открытиях на африканском берегу, с целью найти путь в Индию, и будучи человеком, сведущим в латыни и охочим до географии, и начитавшись у Марко Поло, что легко добраться до восточных земель в королевстве Катай, а также до большого острова Сипанго, вообразил себе, будто через наше Западное Море можно пройти прямо к этому острову Сипанго и к другим неведомым землям» (43, 20—30).

Король Жуан II никогда не принимал опрометчивых решений. Он передал предложение Колумба «Математи-

ческой Хунте» — маленькой лиссабонской академии, в которой заседали выдающиеся астрономы и математики.

Проект Колумба подвергся экспертизе. В ней приняли участие несколько португальских ученых. Основную роль играл богослов и златоуст Дього Оргис де Вильегас-Кальсадилья, епископ Сеуты, выходец из Испании.

Оргис де Вильегас-Кальсадилья опирался на двух видных членов Хунты — Жозе Визиньо и маэстро Родриго. Оба были врачами и астрономами, оба исповедовали иудейскую веру. Жозе Визиньо в 1484 году достиг весьма преклонных лет и пользовался европейской известностью.

Свою карьеру он начинал еще при принце Энрике Мореплавателе. Он был другом своего прославленного единокверца, составителя очень точных для того времени астрономических таблиц, Авраама Сакуты, и перевел эти таблицы с древнееврейского языка на латынь.

Колумб знал Жозе Визиньо лично и относился к нему с глубоким уважением, как к наиболее крупному авторитету по части космографии.

В точности неизвестно, какое решение вынесла Хунта. Во всяком случае, оно было неблагоприятным.

Жуан Барруш говорит, что Хунта сочла предложения Колумба необоснованными и фантастичными, а Фернандо Колон и Лас Касас считают, что они были отвергнуты по настоянию Кальсадилья.

Но иного решения эксперты и не могли принять. Жозе Визиньо и Родриго сами измеряли градусные расстояния, им были ведомы расчеты Эратосфена, и Колумбово «малое море», бесспорно, вызвало у них вполне основательные сомнения.

Математическая Хунта дала свое заключение, вероятно, в начале 1485 года. Весной того же года Колумб все еще жил в Лиссабоне. В апреле или в мае 1485 года он присутствовал на королевском приеме, на котором Жозе Визиньо докладывал о своих астрономических наблюдениях в Гвинее¹.

В это время или чуть позже Колумба постигла беда. Умерла его жена Фелипа Мониз. Между тем резко ухуд-

¹ В маргиналии № 860 к труду Энея Сильвия Пикколомини великий мореплаватель отметил, что «магистр Иосиф» провел эти наблюдения на одном из гвинейских островов 11 марта 1485 года и по возвращении в присутствии самого Колумба сообщил королю Жуану о своих определениях.

шилось и его материальное положение. По всей вероятности, в 1483—1485 годах он не только забросил все дела, не относящиеся к великому проекту, но и вошел в долги, а со смертью Фелипы оборвались и его связи с семьей Перестрелло.

Летом 1485 года он принял решение покинуть Португалию и направиться в Кастилию.

Фернандо Колон и Лас Касае утверждают, что Португалию Колумб покинул тайно, опасаясь, как бы король Жуан не удержал его при себе, чтобы вышутать все подробности проекта и воспользоваться затем полученными сведениями наиболее выгодным образом для португальской короны¹.

Многие современные колумбоведы полагают, что король Жуан и в самом деле держал Колумба под надзором, но с совершенно иной целью. Король опасался, как бы Колумб, покинув Португалию, не разгласил бы гвинейских секретов, ведь все, что касалось последних открытий у юго-западных берегов Африки, португальская корона хранила в великой тайне.

Португальский хронист Гарсиа де Ризенди утверждал, что тайна эта соблюдалась весьма строго: однажды король Жуан II приказал устранить двух португальских перебежчиков, укrywшихся в Севилье, ибо им были ведомы новые пути в Гвинею.

Одного из них агенты Жуана II прикончили в каком-то севильском кабаке, другому зашили рот и в таком виде доставили в Лиссабон, после чего беглеца казнили злой казнью.

Но на Колумба никто не покушался в темных переулках Севильи и Кордовы, ему не зашивали рта серебряной проволокой расторопные шпионы короля Жуана. Государь этот после отъезда Колумба из Португалии состоял с ним в переписке и разрешил ему посетить Лиссабон в 1488 году.

Поэтому надо полагать, что хоть Колумб и без огласки покинул Португалию, но поступил так лишь потому,

что считал необходимым ознакомить со своим отвергнутым проектом ближайших соседей короля Жуана. И одновременно избавиться от лиссабонских кредиторов, имена которых он вспомнил на смертном одре.

Он взял с собой семилетнего сына Диего и отправил брата Бартоломе в Англию, в надежде, что тот заинтересует проектом западного пути короля Генриха VII.

Закончился очень важный этап в жизни великого мореплавателя. Девять португальских лет дали ему много: он стал опытным мореходом и автором проекта, который отвергли лиссабонские эксперты короля Жуана.

Португалия осталась позади, и началась полоса новых мытарств. Через огонь, воды и медные трубы судьба будет протаскивать Колумба все семь последующих лет, быть может, самых тяжелых в его нелегкой жизни.

¹ Фернандо Колон приводит совершенно несостоятельную версию о коварном поступке Жуана II. Отказав Колумбу в его просьбе, король якобы послал по маршруту, намеченному в отвергнутом проекте, каравеллу. Ее капитан вернулся ни с чем, а Колумба так обидели действия Жуана II, что он осердился и на «этот город Лиссабон, и на португальскую науку и ушел в Кастилию» (58, 65).

КАСТИЛИЯ

СЕМЬ ГОРЬКИХ ЛЕТ. РАБИДА

За Геркулесовыми столпами испанский берег круто поворачивает к северу, а затем отклоняется на запад, образуя широкий Кадисский залив. На десятки миль тянутся сыпучие дюны, там и здесь к Морю-Океану выходят соленые болота. Места эти печальные, за песчаными увалами прибрежных дюн нет ни лесов, ни сочных лугов, пологие, иссушенные зноем склоны голы, лишь кое-где на желтых песках темнеют струпья колючих кустарников.

Через песчаные отмели прорывается к морю мутный Гвадалквивир, а милях в пятидесяти от его устья, ближе к португальской границе, в это же море впадает широкая двухцветная река. У правого берега воды ее светлые, а у левого — красновато-бурые.

Здесь, у плоской песчаной отмели Сальтес, сливаются две реки — Одьель и Рио-Тинто. Вода в Одьеле прозрачная и светлая, но Рио-Тинто — Чернильная река — темная, как осенняя ночь, она с давних времен размывает залежи пиритов — железной руды с щедрой примесью меди.

В ту пору, когда волчица выкармливала Ромула и Рема, основателей Вечного города на Тибре, треугольный мыс в междуречье Одьеля и Рио-Тинто возлюбили пришельцы из далекой Финикии. Здесь они основали

два-три поселения, отсюда плавали к острову бриттов и сюда привозили из этих походов серый металл — олово.

С того времени много и светлых и темных вод вынесли в океан реки Одьель и Рио-Тинто.

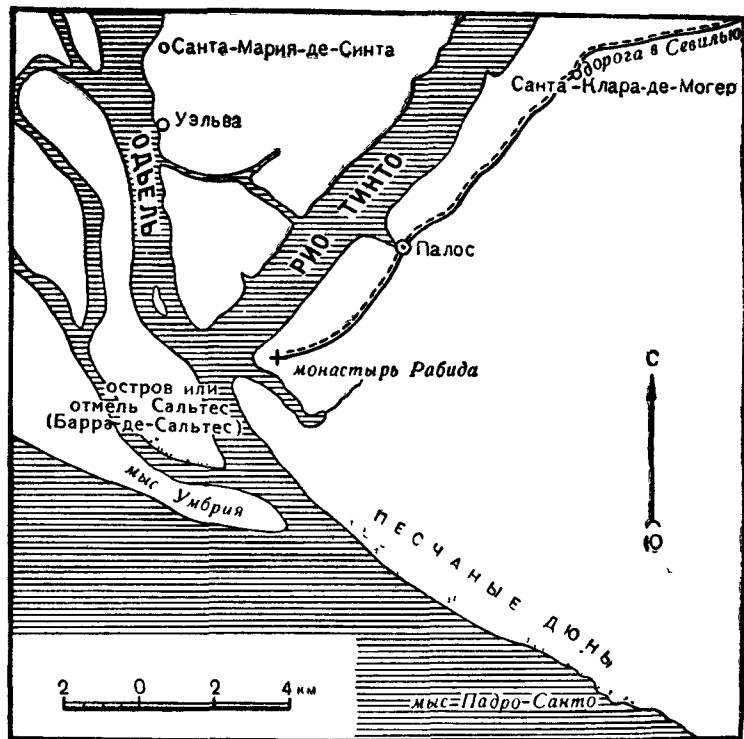
Финикийцев сменили их родичи — карфагеняне, карфагенян вытеснили римляне. Затем до Геркулесовых столпов докатился девятый вал грозного нашествия северных варваров. Прошли через Испанию и переметнулись в Африку подчища вандалов, явились и осели на иберийских землях вестготы. Вестготов смела волна нового вторжения — до самой Луары добрались мавры, и пять веков сидели они на андалузских землях.

Кастильские короли отвоевали испанский юг в XIII веке. Андалузская Мавритания стала одной из провинций христианского королевства, но старое вино бродило в новых мехах. Мавританский дух не удалось вытравить кастильским завоевателям Андалузии. Правда, волей обстоятельств исконные жители долин Одьеля и Рио-Тинто приняли веру завоевателей, но они сохранили многие обычаи мавританской старины. И здешние города — Уэльва, Палос, Санта-Мария-де-Синта, Санта-Клара-де-Могёр (или просто Могёр) — совсем непохожи были на суровый Бургос или готический Толедо. Белые дома с плоскими крышами — асотеями, тенистые внутренние дворики, минареты, наскоро приспособленные под колокольни, — все это напоминало Оран, Фец, Алжир, Тетуан — города знойного Магриба.

Почти Африкой оставалось андалузское двуречье, и пришельцы из Леона, Старой Кастилии, Ламанчи госковали в этих соленых полупустынях по своей не менее скудной, но скудной на кастильский лад, северной родине

Города на Одьеле и Рио-Тинто с незапамятных времен были убежищами смелых и предприимчивых мореходов. Из Уэльвы и Палоса рыбацкие суденышки отправлялись в дальние атлантические плавания, отсюда же выходили к Канарским островам торговые корабли, на палосских моряхов, тайком ходивших в Сенегал и Гвинею, постоянно жаловались государям Кастилии португальские короли.

Колумб направился из Лиссабона в Палос, чтобы пристроить в соседнем городе Уэльве своего семилетнего сы-

Район Палоса и Уэльвы в эпоху Колумба.

на Диего. В Уэльве жила свояченица Колумба Виоланта Мулиарт, в девичестве Виоланта Мониз¹.

От Палоса до Уэльвы по прямой линии миль семь-восемь, но в этом краю болот, зыбучих песков и бесчисленных проток кратчайший путь из Палоса в Уэльву шел по крутой параболе: сперва надо было держать на юг, вдоль берега Рио-Тинто, а затем от отмели Сальтес подняться вверх по течению Одьеля до самой Уэльвы.

В трех милях к югу от Палоса, у широкой и слепой затоки Чернильной реки, стоял белый монастырь. Дорога

¹ Супруги Мулиарт воспитали Диего и за это заслужили признательность Колумба. Виоланте Мулиарт он с 1502 года выплачивал пенсию в 10 тысяч мараведи, которую Диего в 1509 году увеличил вдвое (84, 36—37).

шла под его стенами, день был жаркий, маленький Диего выбился из сил, и отец решил остановиться на несколько часов в монастыре.

С того момента белый монастырь вошел в жизнь Колумба и по этой причине заслуживает особого внимания.

Над слепой затокой близ палосской дороги возвышается холм высотой около ста футов. На его вершине не то финикийцы, не то богомольцы времен Гамилькара соорудили небольшое капище в честь жестокого бога Ваала.

Они же назвали храм Горой Ваала — Рус-Ваалом.

Римляне изгнали отсюда Ваала и отдали Ваалово капище Прозерпине, богине подземного царства и плодородия. Затем мавры приспособили римский храм под мечеть, а в конце XIII века гору Ваала облюбовали монахи-францисканцы.

К тому времени Рус-Ваал превратился в Рабиду, и новый монастырь получил название обители Санта-Мария-де-ла-Рабиды, или просто Рабиды.

Монастырский ансамбль являл весьма странную картину: он похож был на наседку, приютившую выводок цыплят под своими крыльями.

К главному зданию примыкали бесчисленные пристройки, галереи, конурки неведомого назначения, монастырские дворы подобны были критскому лабиринту, окна в этих ослепительно белых зданиях прорублены были на разных уровнях, францисканцам приходилось перестраивать старое капище, и зодчие они были посредственные.

В Рабиду из долин Одьеля и Рио-Тинто зимой и летом приходили сотни паломников, и в монастыре их встречали тепло и радушно.

Иноземца впустили в обитель, и он решил оставить здесь на время сына, чтобы затем вернуться за ним со своей свояченицей. Для этого понадобилось разрешение настоятеля монастыря. Настоятель, брат Антонио де Марчена, принял прохожего человека.

Колумб редко открывал душу даже ближайшим друзьям.

Но Антонио де Марчене он исповедался не только в своих грехах: он открыл настоятелю Рабиды свои замыслы. Судьбе угодно было поставить во главе небольшого монастыря человека просвещенного и любознательного. Более того, Антонио де Марчена был недурным астрономом и кое-что смыслил в космографии.

Проект Колумба привел Антонио де Марчену в вос-

торг, и он посоветовал своему гостю, не теряя времени, отправиться к королевскому двору. И он дал Колумбу рекомендательные письма к приближенным королевской четы — кое-какие связи при дворе у него были¹.

Знаменательная встреча в Рабиде, к сожалению, обошлась без протокольной записи, и никому не ведомо содержание душевной беседы, которую Антонио де Марчена вел со своим неожиданным гостем.

Во всяком случае, знакомство с настоятелем Рабиды оставило у Колумба самые отрадные воспоминания. Много позже, в письме к Изабелле и Фердинанду, он писал: «После Предвечного Господа ни у кого я не получал такой поддержки, как у брата Антонио де Марчены... все насмеялись надо мной, кроме этого человека» (84, 31).

А в отчете о третьем своем плавании Колумб так отзывался о Марчене и другом монахе из Рабиды, Хуане Пересе: «Все те, кто были прикосновенны к этому проекту Колумба и слушали мои рассуждения, поднимали меня на смех, исключая двух монахов, которые меня неизменно поддерживали» (24, 373—374).

Бесспорно, для такого впечатлительного человека, как Колумб, встреча с Антонио де Марченой имела огромное значение. Поражение в Лиссабоне, смерть жены, вынужденное переселение в Кастилию — все это осело в его душе грузом свинцовой тяжести, и он нуждался в теплом

¹ С Рабидой связаны долговременные промахи и ошибки колумбологов. В середине XVI века весьма легкомысленный испанский хронист Лопес де Гомара объявил, что в этом монастыре Колумба приютил монах Хуан Перес де Марчена. С легкой руки Гомары этот Перес де Марчена переходил из одной биографии Колумба в другую, и только в начале XX века было установлено, что в Рабиде было два благосклонных к великому мореплавателю монаха — Антонио де Марчена и Хуан Перес. С последним Колумб познакомился и сблизился во второй свой приезд в Рабиду в 1491 году.

В 1485 году Колумба принял Антонио де Марчена, буквально через несколько дней покинувший Рабиду: он получил пост кустодия севильского округа францисканского ордена. Рабиде и связям с ней Колумба посвятили детальнейшие и очень ценные исследования францисканец А. Ортега и историк А. Румеу де Армас (100, 112).

В 1964 году вышла монография испанского историка Х. Мансано Мансано (84), без которой невозможно обойтись, изучая семилетние скитания Колумба в Кастилии. Мансано-Мансано буквально по дням проследил весь путь Колумба с лета 1485 года по весну 1492 года и использовал множество ранее не опубликованных документов из различных испанских архивов.

слове и в моральной поддержке доброго друга, как нуждается заблудившийся в пустыне странник в глотке чистой воды.

И был он суеверен в такой же, если не в большей, мере, как все его земляки — генуэзцы. В Рабиде же, в первые дни пребывания на кастильской земле, небо послало ему добрые предзнаменования, и это вдохнуло в него веру в грядущие успехи.

Случайный визит в Рабиду многое определил в дальнейшей судьбе Колумба. Связи с Рабидой отныне не прерывались, в монастыре на горе Ваала автор великого проекта всегда находил поддержку. Рабида расчищала ему пути в королевской ставке. Многие двери открывались перед настойчивым просителем не столько благодаря его упорству, сколько потому, что к ним подбирали ключи влиятельные хозяева белого монастыря.

Окрыленный горячим приемом в этом монастыре, Колумб покинул долины Рио-Тинто и Одьеля и направился в Кордову. Там временно пребывал двор их высочеств¹ — королевы Кастильской Изабеллы и короля Арагонского Фердинанда.

COSAS DE ESPAÑA²

Антонио де Марчена свою страну знал гораздо лучше, чем его неожиданный гость. Однако вряд ли он стал бы делиться своим опытом с иноземцем, вчера лишь вступившим на кастильскую землю.

Это было бесполезно: много кастильской соли должен был съесть чужеземец, чтобы постичь, чем дышит и живет эта страна.

Кто знает, быть может, если настоятель Рабиды открыл глаза Колумбу и ознакомил его с кастильскими порядками, монастырский гость прямо из Палоса отправился бы в другую страну. Но, к счастью или к несчастью, Антонио де Марчена этого не сделал, и Колумб отбыл не в Лондон и не в Париж, а в Кордову.

В лето 1485-е королева Изабелла правила Кастилией одиннадцатый год. Шестнадцатый год она состояла в

¹ Кастильские и арагонские короли до 1519 года носили титул высочеств (altezas).

² «Испанская сущность», «испанские обычаи» — своеобразный оборот, которым обозначается совокупность особенностей испанской действительности, испанского национального характера, испанского быта.

браке с Фердинандом, сперва наследным принцем, а затем королем Арагона.

С кончиной отца Фердинанда, короля Хуана II, в 1479 году Кастилия и Арагон вступили в тесную унию. Образовалась двуединая кастильско-арагонская держава.

За одиннадцать лет в Кастилии произошли великие перемены. В 1474 году, когда Изабелла сразу же после смерти своего слабоумного брата Энрике IV захватила престол, страна являла безотрадное зрелище.

Двадцать лет ее терзали усобицы и смуты. Всесильные магнаты, округлив свои владения за счет бессильной короны, вели себя как независимые царьки. Они охотно принимали помощь от иноземных владык, им была на пользу кастильская безурядица.

В многовековых войнах Реконкисты — обратного завоевания земель, некогда покоренных маврами, в Кастилии и в соседнем Арагоне народилось могучее рыцарское сословие. Рыцарей кормил меч, и золотой век для них настал, когда кастильские короли перешли в решительное наступление на мавров. В XIII веке мавров вытеснили из Андалузии, у них осталось лишь маленькое Гранадское царство, окольцованное заоблачными хребтами Сьерра-Невады. Пора грандиозных грабительских походов миновала, теперь трудно стало приобретать добычу в бою, а дворянская честь не позволяла рыцарю в поте лица зарабатывать хлеб насущный.

Поэтому кастильская смута рыцарям пришлось по душе. Ватаги благородных разбойников оседлали большие дороги, обложили крупные города. Торговля в стране замерла, все пути стали непроезжими. В Кастилии воцарилась анархия, страна разлагалась заживо.

Изабелла, захватив престол, очень быстро навела в Кастилии должный порядок. Города. Служилое сословие. Церковь. Эти три силы привлекла на свою сторону королева. Ополчения мясников, хлебопеков и ремесленников обуздали смутьянов рыцарских кровей. Наиболее строптивых магнатов Изабелла смирила оружием, кое-кого привлекла на свою сторону, кое-кого сурово покарала. Коронное войско, сперва малочисленное, затем все более внушительное, прошло по стране, штурмуя и разрушая осинные гнезда магнатов и рыцарей. В одной только Галисии с лица земли сметены были сорок шесть могучих замков. Заново создана была государственная машина. Были учреждены новые ведомства, была разработана новая

должностная иерархия. Из праха, из ничтожества поднялись защитники единодержавия. Вчерашние клирики, влачившие жалкое существование, стали казначеями, экономами, фискалами ее высочества. Они были всем обязаны королеве и ради нее не щадили живота своего. С их помощью Изабелла привела в исполнение свои сокровенные планы. В 1480 году королева и ее «законники» нанесли сокрушительный удар кастильской знати. Были отменены все пожалования щедрого короля Энрике IV, у магнатов отобраны «незаконно» приобретенные ими владения.

Одновременно верные слуги королевы наладили сбор податей и наложили руку на прибыльные доходные статьи.

И в том же 1480 году Изабелла привела в исполнение один весьма богоугодный замысел, который оказался весьма небезвыгодным для ее короны.

В Испании была учреждена святая инквизиция.

Врагам истинной веры отныне не было места на испанской земле. Врагами считались мавры и евреи, а в Кастилии на их долю приходилась седьмая часть населения, и эта седьмая часть была богаче шести христианских частей. В Арагоне пропорции были примерно те же, причем там новая метла на первых порах мела с особым рвением.

Началась всеобщая очистка испанских земель от иноверцев, еретиков и дурных христиан, а такими считались крещеные мавры (мориски) и крещеные евреи (мараны).

Уже в первые годы работы святой инквизиции на костры ее были посланы тысячи врагов господних, а в кастильскую и арагонскую казну поступили огромные суммы денег: все достойные жертв святого трибунала доставалось королевской чете. Вернее, почти все — известная доля выплывалась доносчикам.

Год спустя Изабелла и Фердинанд приступили к еще одному богоугодному и небезвыгодному предприятию. Они начали войну с Гранадой.

Аллах попутал первоначальные расчеты христоробивых королей. Война эта растянулась на одиннадцать долгих лет. Однако королевская чета легко примирилась с непредвиденными задержками. Крестовый поход на гранадских басурман позволил ввести массу новых податей и вовлек в боевые операции кастильских и арагон-

ских рыцарей. Неумная и опасная энергия этих потомственных воителей нашла надлежащее применение.

Таким образом, все складывалось весьма удачно для их королевских высочеств, Изабеллы и Фердинанда.

На дорогах перевелись разбойники, торговля процветала, отвоевывались благодатные земли в Гранадском эмирате, рос престиж двуединой державы, приумножались доходы кастильской и арагонской казны, насаждалось единоверие, ярко пылали костры святой инквизиции.

Но жизнь от этого не стала легче и веселее. Восемьсот тысяч кастильских и двести тысяч арагонских иноверцев утратили покой, а семь миллионов добрых христиан жили с оглядкой. Слово не воробей, вылетит, и тебя поймут, а особых примет ищейки святого трибунала не имели. Своры их между тем отнюдь не редели. Доносительство, возведенное в добродетель, вознаграждаемое сторицей, оплачиваемое за счет жертв доносчиков, стало почетным и прибыльным промыслом.

Вряд ли облегчили жизнь и новые административные реформы.

В 1480 году на кортесах, созванных в Толедо, приняты были строгие уставы канцелярского благочиния. Установлены были функции всевозможных коронных ведомств, разработан был порядок движения бумаг.

Реформаторам казалось: механизм бюрократической мельницы налажен на вечные времена. Но армия мельников незаметно разрасталась, появлялись не предусмотренные никакими проектами новые жернова, мудрая система отписок, согласований, отзывов и резолюций запутывалась и усложнялась.

А старые и новые жернова вращались неустанно, перемалывая людские судьбы.

Эта бездушная машина втянула в себя автора великого проекта. Не сразу и не скоро он понял, что стал ее жертвой.

Cosas de España... Их было много, этих непостижимых кастильских странностей.

Одна из них постоянно доводила Колумба до белого каления. Польские короли сидели в замке Вавель, великие князья Московии редко покидали Кремль, Людовик XI Французский заточил себя в своей неприступной турецкой резиденции. Все монархи Европы были правителями оседлыми. Все, кроме королей Кастилии и Арагона.

Изабелла и Фердинанд непрерывно странствовали по своим владениям, и их двор был кочующим табором.

Страсть к перемене мест гнала королевскую чету из Андалузии в Ламанчу, из Ламанчи в Леон, из Леона в Галисию, из Галисии в долину Эбро¹.

Добро бы, если королевская чета путешествовала по стране без свиты. Но за ней неизменно следовал Королевский совет и все главные канцелярии. Поскольку же редко где царственный табор задерживался больше чем на один-два дня, все эти ведомства предпочитали не открывать кофры с деловыми бумагами, и самые пустячные дела порой решались годами.

Толедские установления такой порядок вещей не предусматривали, он причинял немало неприятностей Изабелле и Фердинанду, но в постоянных кочевьях был великий смысл: их высочества постигали, чем дышит страна, а все провинции страны жили в трепете: в любой момент и в любое место могли нагрязнуть вездесущие монархи.

В обозе королевской четы Колумб исколесил всю Испанию, и, по самым скромным подсчетам, за семь лет невольных странствий по кастильско-арагонскому сухопутью он прошел путь намного больший, чем за время своих заморских плаваний.

Cosas de España. Теоретически их высочества были доступны для всех просителей. По толедским уставам 1480 года они каждый понедельник и каждую пятницу давали аудиенции приватным особам, дабы выслушать всевозможные просьбы и жалобы.

Но попасть на прием к королеве и к королю можно было только после отзыва ведомства, в чьих руках была судьба просителя, а такие отзывы давались крайне неохотно. И, кроме того, государи на своих аудиенциях выслушивали посетителей, но никаких решений обычно не принимали. Дело жалобщика направлялось либо туда, откуда оно вышло, либо в более высокую инстанцию. Писались новые отписки, назначались новые аудиенции, жернова вертелись, мельница работала безостановочно, а воз с места не двигался...

Cosas de España. Уши их высочеств были открыты для тайных осведомителей. Им верили больше, чем мне-

¹ Так, с апреля по ноябрь 1486 года королевская чета побывала в 42 городах Кастилии, и это был еще не самый «кочевой» год.

ниям высоких должностных лиц и высоких комиссий. Впрочем, в этом была и польза: осведомитель благорасположенный порой склонял чашу весов в нужную сторону.

И наконец, ко всем этим кастильским осложнениям добавлялось одно немаловажное обстоятельство. Просители не птицы небесные, которые, как известно, живут припеваючи, хоть не сеют они и не жнут. Никаких доходных мест и синекур у Колумба не было, а он должен был постоянно сопровождать странствующий двор.

Андрес Бернальдес не ошибался, утверждая, что Колумбу пришлось торговать книгами. Он, чтобы свести концы с концами, действительно стал книготорговцем. Но заняться этим промыслом он смог лишь на третьем году своих кастильских скитаний. Ни о какой книготорговле он и мечтать не мог в 1485 и 1486 годах, — ведь ни на один шаг не мог он отойти от странствующего двора Изабеллы и Фердинанда.

А время шло, и жернова вертелись...

ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ И КОМИССИЯ ТАЛАВЕРЫ

Осенью 1485 года королевский табор стоял в Кордове. Но то была раковина без улитки. Их высочества скитались по военным лагерям «гранадского фронта», в старой столице кордовских халифов оставались лишь должностные лица гражданской администрации, и с ними на первых порах пришлось иметь дело Колумбу.

Лас Касас полагает, что автор проекта быстро вошел в доверие к весьма влиятельным особам и через них добился аудиенции у короля и королевы (77, I, 156).

Действительно, многие влиятельные особы сыграли в судьбе Колумба решающую роль, но случилось это не в 1485 году, а гораздо позже.

Мансано-Мансано прав: «Ко двору прибыл никому не ведомый иностранец, и дело его должно было решаться весьма медленно. Постепенно, мало-помалу, пленяя волю наиболее влиятельных царедворцев, он продвигался вперед» (84, 41).

Пленять волю было нелегко, а порой и невозможно, так как многие царедворцы вообще не появлялись в королевской ставке летом и осенью 1485 года.

Овьедо и Эррера, хронисты весьма осведомленные, утверждали, что в первые же дни пребывания при дворе в деле Колумба принял деятельное участие главный эконо-

ном Кастилии Алонсо де Кинтанилья¹. Наибольшую поддержку, писал Эррера, он, Колумб, нашел у Алонсо де Кинтанильи, главного эконома, человека разумного и склонного к великим делам, и Кинтанилья, заключив, что игра стоит свеч, дал ему кусок хлеба (le daba de comer), а ему это было необходимо, ибо без этого не мог бы он продержаться столь долгое время.

Кинтанилья и в самом деле помог Колумбу, но кусок хлеба он дал ему не в осенние дни 1485 года.

Испанская исследовательница Амалия Прието установила, что в 1485 году Кинтанилья в Кордове не был. Весь этот год он неотлучно находился в Вальядолиде, управляя на правах вице-короля северными кастильскими землями.

Колумбу надо было получить аудиенцию у королевы и короля, операция же эта была, как уже отмечалось, весьма деликатной. Месяца два или три Колумб обивал пороги «законников» из Королевского совета, чтобы получить от них надлежащую визу.

Настоятель Рабиды снабдил Колумба рекомендательными письмами к Эрнандо де Талавере, исповеднику королевы. Письмо в какой-то мере «сработало».

Но неписанные правила кастильской бюрократической этики исключали прямое представительство за просителя, только что появившегося при дворе.

Не полагалось высказывать какие-либо суждения по сомнительным делам. Можно было лишь в весьма обтекаемой форме поддержать просьбу об аудиенции.

При этом, дабы проситель не преисполнился необоснованным оптимизмом, особы, которые принимали участие в его деле, намеренно вели себя чрезвычайно холодно и сухо².

Талавера был далеко не худшим представителем той

¹ Contador Mayor de Castilla — таков был титул Кинтанильи. В буквальном переводе титул этот звучит так: главный счетовод Кастилии, но функции этих должностных лиц были куда значительнее и почетнее. По существу, «главные счетоводы» были министрами финансов.

² Испанский хронист XVII века Педро Саласар де Мендоса, касаясь взаимоотношений Талаверы и Колумба, писал: «Он [Колумб] явился ко двору с рекомендательными письмами к Эрнандо де Талавере, исповеднику королевы, но тому дело показалось столь трудным, что он его не стал слушать» (114, 214—215). Конечно, Талавера Колумба выслушал, но с таким видом, что просителю казалось, будто исповедник королевы глух от рождения.

части высшего духовенства, которая сочла за благо во всем поддерживать королеву Изабеллу.

Его предки исповедовали религию Моисея, но затем приняли христианство. Сам Талавера (ему в 1485 году было 57 лет) изучал богословие в Саламанке, в юности вступил в орден иеронимитов и стал настоятелем монастыря в селении Прадо, близ Вальядолида. В этом монастыре Изабелла часто была в годы, когда она готовилась к захвату престола, и Талавера стал в ту пору ее советником.

Он ратовал за искоренение ересей и абсолютное единоверие, но не был фанатиком. Впоследствии, после падения Гранады, он получил пост архиепископа нового гранадского диоцеза и за терпимость навлек на себя гнев святой инквизиции. По части богословия и права он слыл великим авторитетом и в отличие от многих прелатов вел примерный образ жизни и ненавидел стяжателей и лихоимцев.

Razón de estado — государственный интерес, или, иными словами, интерес ее высочества, он считал основным критерием своей деятельности, и с этой точки зрения проект Колумба внушал ему известные сомнения.

В принципе он ничего не имел против этого проекта, но считал, что, пока идет война с Гранадой, заморские экспедиции предпринимать не следует.

Во всяком случае, не будь при дворе Талаверы, Колумб аудиенции у королевской четы так быстро (всего лишь на пятый месяц!) не получил бы.

Аудиенции, как известно, назначались по пятницам. В иной неделе бывает семь пятниц, но в королевском таборе желанная пятница выпадала раз в семь недель.

Между тем наступила зима. В зимнее время не воевали, на гранадских границах прекратились боевые операции, и двор покинул Кордову и отправился на зимовку в Новую Кастилию. В конце октября королевская чета и Королевский совет осели в маленьком городке Алькал-де-Энарес, расположенном близ Мадрида, города в ту пору не столичного и крайне захолустного.

В пятницу, 20 января 1486 года, королева и король соизволили дать Колумбу аудиенцию.

Распорядок частных аудиенций был установлен 33-м параграфом особого статута 1480 года.

Королева и король выслушивали просьбы, восседая на высоких тронах. Справа и слева от монархов полукругом выстраивались члены Королевского совета.

Проситель становился на колени — в четырех шагах от тронов клалась особая подколенная подушечка — и в этой позе (предварительно он должен был обдобрить руки их высочеств) излагал свое дело.

Затем слово предоставлялось членам Королевского совета¹, и в заключение королева или король давали все-милоостивейшие указания: поручить таким и таким-то лицам снова рассмотреть дело.

Андрес Бернальдес, которому лет десять спустя Колумб рассказывал о своих кастильских мытарствах, писал, что Колумб показал королеве и королю карту мира (mapamundi), на которой был нанесен маршрут его предполагаемого плавания. По словам Бернальдеса, королевская чета «не слишком поверила» Колумбу (46, 212—213).

Так оно, вероятно, и было. Имеется очень интересный документ — свидетельские показания некоего Андреса де Карраля, данные им в 1512 году по просьбе Диего Колонна, старшего сына и наследника великого мореплавателя, который как раз в эти годы втянулся в тяжбу с кастильской короной.

Андрес де Карраль сообщил следующее: «Пребывая при дворе, в Мадриде, вместе с Адмиралом, в то время, когда он хлопотал перед их высочествами о делах своих открытий, свидетель со слов Адмирала узнал, что члены совета противились ему, и говорили их высочествам, чтобы те не верили Адмиралу. Тогда Адмирал попросил, чтобы дело его передали лицу, коему их высочества доверяют, и дело передали одному монаху из ордена святого Франциска, а имя его свидетель запомнил, этот же монах затем сказал их высочествам, что все, что утверждает Адмирал, — истинная правда» (84, 60).

Здесь явно идет речь об аудиенции в Алькала-де-Энарес и о последующих событиях. Из Алькала-де-Энарес двор 20 февраля 1486 года перебрался в Мадрид и там пробыл неделю, причем до сентября 1494 года королевская чета больше Мадрид не посещала. Стало быть, Карраль действительно встретился в феврале 1486 года в Мадриде с Колумбом. Показания его очень важны: как выяснилось, Колумб добился на аудиенции, в общем для

¹ Их было десятка два, но на аудиенции в Алькала-де-Энарес присутствовали не все члены совета и не самые влиятельные из них.

него крайне неблагоприятной, чтобы с его делом в официальном порядке ознакомили сведущего эксперта. И этим экспертом был монах-францисканец, небезызвестный Антонио де Марчена.

24 февраля 1486 года Марчена получил аудиенцию у королевы и короля. И наполовину спас дело. Он убедил королевскую чету передать просьбу Колумба специальной комиссии и посоветовал во главе ее поставить своего друга Эрнандо де Талаверу.

Совет благой, но столь необычное дело решить быстро и определенно ни одна кастильская комиссия не могла. Хотя бы уже по той простой причине, что «законники», не разбираясь в навигационном деле и космографии, дабы снять с себя ответственность, должны были ввести в состав своей комиссии моряков и «астрологов», а их надо было где-то разыскивать и обучать правилам канцелярских процедур.

Да и сам глава комиссии, Талавера, не горел желанием ускорить дело.

Моряков и «астрологов» в комиссию ввели, но имена их история не сохранила. Помощником же Талаверы стал «законник» Родриго де Мальдонадо, правовед и дипломат.

В 1479—1480 годах он участвовал в очень сложных кастильско-португальских переговорах в городке Алькасовасе. Он и его португальские коллеги разделили тогда сферы заморской экспансии весьма оригинальным образом. На карте намечена была горизонтальная линия. Она пересекала Атлантику к югу от Канарских островов. Все моря и земли к югу от этой линии объявлены были португальскими. Канарские же острова и часть Моря-Океана к северу от них отошли Кастилии.

Естественно, что Мальдонадо волновал вопрос, совместимы ли планы Колумба с условиями алкасовасского соглашения.

Эти же соображения беспокоили и Талаверу. В 1479—1481 годах он не раз ездил в Португалию как чрезвычайный посол Изабеллы и знал, сколь настороженно отнесится Лиссабон к любым заморским предприятиям Кастилии.

Комиссия была создана в марте или апреле 1486 года, но весенне-летнее время не благоприятствовало ее работе. Как раз в эту весну и за это лето королевская чета, гастролируя по Кастилии, посетила сорок два населенных пункта.

Гастролировали король и королева, гастролировал Талавера, гастролировал Мальдонадо, вынужден был гастролировать и пленник комиссии — Колумб.

Наконец в ту пору, когда пожелтела листва в кастильских лесах, их высочества репфили отправиться на зимовку. 7 ноября 1486 года двор прибыл в Саламанку — «Иберийские Афины», город, который на всю Европу славился своим университетом.

В Саламанке королевская чета провела почти всю зиму, и за эти месяцы комиссия Талаверы неоднократно обсуждала дело Колумба.

Спустя 133 года после этой зимы Колумбовых тревог испанский хронист Антонио де Ремесаль, монах-доминиканец, не лишенный творческого воображения (историкам этот дар не всегда идет на пользу), удивил мир собственной версией о ходе событий в Саламанке.

Колумб, писал Ремесаль, «прибыл в Саламанку, чтобы изложить свои доводы профессорам астрологии и космографии, читавшим эти предметы в университете. Когда он стал развивать свои взгляды и соображения, к ним с должным вниманием отнеслись лишь монахи из монастыря святого Стефана, а в этом монастыре изучали не только свободные искусства и богословие, но прочие дисциплины, которые читались в университете.

В монастыре собирались хунты астрологов и математиков, здесь Колумб выдвигал свои тезисы и здесь же их защищал. И с одобрения монахов передал затем свой проект на отзыв наибольшим профессорам университета» (109, 84).

Доминиканский монастырь святого Стефана в Саламанке существовал, весьма возможно, что в нем Колумб жил зимой 1486/87 года. Не исключено, что он делился своими замыслами с монахами этой обители.

Однако монастырь святого Стефана не был филиалом Саламанкского университета, и совершенно необоснованно Ремесаль утверждал, будто сперва монахи, а затем университетские профессора, подменив комиссию Талаверы, решали вопрос, быть или не быть экспедиции Колумба.

Процедура разбора такого рода дел исключала подмену королевской комиссии группой астрологов-любителей.

Ремесаль подготовил почву для последующих, еще более фантастических «саламанкских домыслов».

В конце 20-х годов прошлого века к штату посольства США в Мадриде причислен был выдающийся американский романист Вашингтон Ирвинг. Его с детства привлекала судьба Колумба, и на испанской земле он создал труд о великом мореплавателе.

Книга Вашингтона Ирвинга, посвященная Колумбу, вышла в свет в 1829 году и мгновенно была переведена на многие европейские языки.

Она этого заслуживала: Ирвинг писал прекрасно. Но он был не только романистом, но и романтиком и, отдавая дань традициям этого жанра, создал легенду о великом споре Колумба с хунтой саламанкских ученых-мракобесов.

По Ирвингу, Колумб выступил в университете на публичном диспуте и посрамил ученых невежд, которые отвергали теорию шарообразности Земли и на этом основании отклонили проект великого мореплавателя.

Сцена разгрома «Саламанкской хунты» автору удалась. Она очень эффектна и назидательна. Колумб клеймит позором ретроградов, окопавшихся в цитадели средневековой лженауки (10, I, 11—123).

История этой битвы перекочевала в другие биографии Колумба, и ирвинговская версия нет-нет да и всплывает и в наши дни.

Увы, никакого торжественного диспута не было. Но даже если подобная дискуссия состоялась бы, ни один, пусть даже самый косный, саламанкский педант не решился бы с высоты университетской кафедры доказывать, что Земля не шар, а ковчег, стоящий на трех китах.

В XV веке, мы уже об этом упоминали неоднократно, сферичность Земли признавалась аксиомой.

И, кроме того, в Саламанке читали курс космографии виднейшие кастильские ученые, а здешний университет был центром передовой европейской научной мысли¹.

Лас Касас, сам питомец Саламанкского университета, ни о каких публичных диспутах не упоминал, но он писал, в точности следуя при этом Фернандо Колону, что комиссия Талаверы собиралась много раз и отводила доводы Колумба на том основании, что уж коли за тысячи лет, истекшие со дней сотворения мира, люди ничего не

¹ Превосходное описание Саламанкского университета конца XV века дал в одной из своих работ советский испанист В. Л. Афанасьев (7, 38—63).

узнали о западном пути в Индию, то нелепо было бы допустить, что проситель мудростью своей мог превзойти моряков и ученых всех веков и народов.

Эти возражения следует оставить на совести Фернандо Колона и Лас Касаса — у членов комиссии в запасе имелись и более сильные доводы, — но факт остается фактом. Зимой 1486/87 года комиссия неоднократно заседала в Саламанке, возможно, в стенах монастыря святого Стефана, и эти заседания проводились келейно.

30 января 1487 года королевская чета покинула Саламанку и, посетив по пути 13 городов, в начале марта прибыла в Кордову.

А между тем подходил к концу второй год кастильских мытарств Колумба. Очевидно, и в 1485 и в 1486 годах ему давалось при дворе какое-то вспомоществование, но первый платежный документ, который удалось обнаружить историкам, относится лишь к 1487 году.

Это краткая запись в счетной книге казначея Франсиско Гонсалеса де Севильи от 5 мая 1487 года: «Сего дня выдал Кристобаль Колону, иноземцу, три тысячи мараведи, а оное лицо пребывает здесь при дворе, выполняя нечто полезное для службы их высочествам. По поручению Алонсо де Кинтанильи и по распоряжению епископа» (95, II, 4).

Документ чрезвычайно любопытный. Во-первых, из текста его явствует, что дело Колумба все еще не было разрешено к началу мая 1487 года и он продолжал томиться в ожидании ответа комиссии. Это томление и было акцией, «полезной для службы их высочествам». Во-вторых, числился он за комиссией Талаверы. Епископ, распорядившийся выдать деньги, — Талавера — с августа 1485 года он носил это звание, хотя, вероятно, ни разу не посетил свою паству в епископальном граде Авиле. В-третьих, отчетливо видно, что в курсе дел просителя был главный эконом Алонсо де Кинтанилья, который выдал этот платежный документ. И, в-четвертых, кое о чем говорит и сама сумма, полученная Колумбом.

Приятно, когда счет идет на тысячи, но не слишком отраднo, если выплата производится не в звонких кастельяно, а в жалких мараведи. Мараведи — это даже не монета, а счетная единица, и при том очень мелкая: 450 мараведи содержалось в одном кастельяно, золотой монете весом 4,5 грамма.

Каменщики и плотники зарабатывали примерно тыся-

чу мараведи в месяц, столько же получал простой матрос Колумбовой флотилии. Таким образом, казна особой щедрости не проявила, выдав будущему адмиралу три тысячи мараведи. Тем более что следующий платеж последовал только через два месяца.

Но вторично, 3 июля 1487 года, три тысячи мараведи выданы были Колумбу уже не за «нечто полезное... их высочества», а в качестве «вспомоществования» (*ayuda de costa*).

Отсюда напрашивается вывод, что комиссия уже отделалась от Колумба, но, поскольку ее заключение еще не утвердила королевская чета, просителю продолжали выплачивать кормовые деньги.

Королеве и королю недосуг было заниматься делами докучливых просителей. 7 мая 1487 года кастильские войска приступили к осаде Малаги, второго по значению города Гранадского эмирата. Боевые операции затянулись, Малагу удалось взять только 18 августа.

На радостях королевская чета велела Колумбу прибить в ее ставку. 27 августа тот же казначей Франсиско Гонсалес де Севилья записал в своей счетной книге: «Кристобалю Колону выдано четыре тысячи мараведи, дабы он отправился в ставку. По приказу их высочеств и по поручению епископа. А всего выплачено семь тысяч мараведи, включая то, что было дано в качестве вспомоществования по другому счету от 3 июля» (95, II, 4).

На этот раз Колумб получил прогонные деньги.

Три записи в счетной книге казначея Франсиско Гонсалеса де Севильи — это единственные вехи, по которым можно проследить ход событий в летние месяцы 1487 года.

По всей вероятности, в середине июня комиссия вынесла свое решение, а в самом конце августа или в начале сентября последовала аудиенция в королевской ставке.

Каковы же были решения комиссии и королевской четы?

К сожалению, относительно вердикта комиссии суждения Фернандо Колона и Лас Касаса сомнительны. Оба они не могли примириться с заключением комиссии и изложили его весьма необъективно.

Фернандо Колон, например, утверждает, что комиссия отказала его отцу, ссылаясь на блаженного Августина, который считал, что не существует антиподов, а поэтому и невозможно из одного полушария проникнуть в другое.

Такой ответ Колумб, вероятно, получил бы, если бы события развертывались не в XV, а в X веке. И, кроме того, автор проекта не ставил вопрос о путешествии в «другое полушарие». Он желал коротким западным путем дойти до восточной оконечности Азии, то есть до земель, как и Европа, лежащих в северном полушарии и населенных отнюдь не антиподами.

Не менее странные аргументы противников проекта приводил Лас Касас. По его словам, эти деятели не только разделяли сомнения блаженного Августина, но и полагали, что, плывя в западном направлении, автор проекта сперва должен будет спуститься вниз, а затем, в другом полушарии, ему придется все время подниматься в гору, корабли же не приспособлены для такого восхождения.

Но и Фернандо Колон, и Лас Касас наряду с этими явно нереальными доводами ссылались и на вполне вероятный аргумент: не имеет смысла предпринимать заморские экспедиции, пока идет война с Гранадой.

К счастью, о работе комиссии сохранился отзыв одного из ее членов, Родриго де Мальдонадо.

В 1515 году, выступая в качестве свидетеля в тяжбе Диего Колона с кастильской короной, он дал такое показание:

«Сей свидетель заявил, что он, а также тогдашний приор Прадо, который стал затем архиепископом гранадским [Талавера], и другие ученые, юристы и моряки обсуждали с упомянутым Адмиралом то, что касалось плавания к названным островам, и все они согласились: противоречит истине то, что говорил Адмирал, но, вопреки мнению большинства членов комиссии, последний упорно настаивал на своем» (56, VII, 101—102).

Надо полагать, что космографы и моряки приводили те же резоны, что и члены лиссабонской Математической Хунты. Им ведь были ведомы расчеты Птолемея, считавшего, что суша по протяженности равна морю, и градусные расстояния они измеряли не в коротких милях.

Испанский колумбовед А. Алтолагире-и-Дувале заключил, что отрицательное решение комиссия приняла «к чести для кастильской науки».

Доля истины в этом утверждении есть, но, к чести Колумба, ему удалось обойти мужей кастильской науки и вопреки их прогнозам совершить великие открытия. Правда, открыл он не то, что искал...

Вторая аудиенция, данная королевской четой, не оправдала надежд Колумба. Однако королева и король воздержались от окончательного ответа.

Весьма возможно, что к тому времени у Колумба уже появились при дворе влиятельные сторонники, но так или иначе королевская чета предпочла оставить автора проекта в резерве. Посулы его были весьма соблазнительными, и стоило до поры до времени удерживать этого упрямого генуэзца на привязи.

Что Колумбу окончательно не отказали в королевских милостях, явствует из ведомостей казначея Франсиско Гонсалеса де Севильи.

15 октября 1487 года он получил четыре тысячи мараведи по непосредственному указанию их высочеств.

Королевский табор отбыл на север, а обескураженный Колумб остался в Кордове. Время шло, жернова по-прежнему вертелись.

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Кордова... Некогда этот город был столицей халифата Омейядов, жемчужиной мавританской Испании. Христиане завоевали его в 1236 году, и вскоре бывшая столица впала в ничтожество. Жизнь стороной обходила ее, большая часть города лежала в развалинах. Пустынные были узкие улицы со слепыми домами, но, как в давние времена халифата, пульс города бился в тенистых внутренних двориках.

Кордова лежала на пересечении важных торговых путей, и ее не обошли вниманием итальянские купцы и ремесленники. В ту пору в ней насчитывалось с полсотни итальянских семей, и добрую треть их составляли выходцы из Генуи. Дориа, Спинола, Джентиле — знакомые фамилии — блудные сыновья богатых альберго старых кварталов Старой Генуи.

Они вели крупные торговые операции, пускали деньги в рост, содержали лавки, трактиры и аптеки.

В квартале Сан-Сальвадор, близ Железных ворот и доминиканского монастыря святого Павла, двое генуэзцев, то ли братья, то ли однофамильцы — Лука и Леонардо Эбаройи, в 70-х годах открыли две аптеки.

Ближе к рынку, на самом бойком месте, стояла аптека Леонардо Эбаройи. Хозяин ее был весьма предпримчивым человеком, и его заведение славилось не

только рвотным корнем и желудочными настояками. Аптека Леонардо Эбаройи была прапрапрабабкой оклахомских и канзасских drug-stores, там можно было в доброй компании распить кувшин-другой вина, на скорую руку закусить куском сыра, печеными каштанами и вяленым мясом, узнать городские новости и обменяться сведениями о последних ценах на хлеб, шерсть и масло.

В этой аптеке Колумб бывал часто, и здесь он свел знакомство со всеми своими земляками. Впрочем, с некоторых пор его стали занимать не только сородичи-генуэзцы.

Свояк хозяина аптеки, бакалавр Хуан Диас де Торребланка, завсегдатай этого заведения, был вхож в один кордовский дом и ввел туда Колумба.

За рынком, в квартале Санто-Доминго, в двух шагах от аптеки Леонардо Эбаройи, жил кордовский обыватель Родриго Энрикес де Арана, жили его дети и его двоюродная племянница, девица Беатрис Энрикес де Арана, круглая сирота.

Было ей в ту пору девятнадцать-двадцать лет¹.

События развивались стремительно. Колумб познакомился с Беатрис летом или ранней осенью 1487 года, а 15 августа 1488 года у нее родился сын Фернандо.

В брак с Беатрис Колумб не вступил, что крайне шокировало некоторых биографов великого мореплавателя. Кое-кто из них явочным порядком объявил Беатрис законной женой Колумба, хотя подобное утверждение ни на чем не основывалось.

Обстоятельства заставили Колумба покинуть свою

¹ В 1933 году испанский историк Х. де ла Торре дель Серро выпустил в свет труд о Беатрис Энрикес де Аране (122). Де ла Торре разыскал в кордовских архивах около пятидесяти документов XV века, проливших свет на происхождение и имущественное положение родителей и близких родичей Беатрис Энрикес де Араны. Отец ее, Педро Торкемада, скромный земледelec, жил в деревеньке Санта-Мария-де-Трасьера, километрах в 15 от Кордовы.

Мать, Анна Нуньес де Арана, очевидно, была из более зажиточной семьи, и после ее смерти, в 1471 году (ее муж умер на несколько лет раньше), маленькую Беатрис взяла к себе ее тетка, а затем она перешла в дом кузена покойной Анны, Родриго Энрикеса де Араны.

Опекун Беатрис, должно быть, занимался торговлей, но особыми достоинствами похвалиться не мог. Переулок в квартале Санто-Доминго, где родился младший сын Колумба, ныне носит название улицы Фернандо Колона.

возлюбленную и новорожденного сына, но он никогда не забывал о ней и дважды, в 1502 и 1505 годах, наказывал своему старшему сыну Диего ни в коем случае не забывать о матери его брата.

Диего выполнил отцовскую волю и в своем завещании отказал мачехе известную сумму. Но Фернандо, родной сын Беатрис, ни разу о ней не упомянул и даже в своей эпитафии (он составил ее незадолго до смерти) «забыл» проставить имя матери.

Фернандо трудно простить, но его можно понять. Он считался незаконным сыном Колумба и лишен был прав на отцовское наследство. Кастильские законы были безжалостны по отношению к младшим и тем более незаконным сыновьям, отцам наследовали по праву майората только их первенцы.

В жизни же самого Колумба осенняя любовь к Беатрис оставила глубокий след. Бесспорно, эта дочь кордовского крестьянина была человеком высокой души. Она любила обиженного судьбой чужестранца в ту пору, когда он оказался в очень тяжелом положении, она никогда от него ничего не требовала и молча перенесла и наветы злоязычных сплетников, и попреки своих духовных наставников, которым она, как добрая христианка, должна была исповедоваться в своих грехах.

Конечно, во многом ей помогла семья. И дядя-опекун, и троюродные братья, и сестры окружили молодую мать заботой и не дали ей в обиду. Толки и пересуды постепенно смолкли, тем более что нравы в Кордове были не такие суровые, как в Бургосе или Вальядолиде, городах кастильского севера, и на случайные связи здесь привыкли смотреть сквозь пальцы.

Колумб оценил достоинства своих «незаконных» свойственников, доверял им и на них опирался. Кузеп Беатрис, Диего де Арана, был одним из его наиболее верных соратников по первому плаванью, и именно ему (увы, на его горе) Колумб доверил пост коменданта крепости Навидад, первого европейского поселения в Новом Свете.

ГОД УТРАЧЕННОЙ НАДЕЖДЫ

Великий мореплаватель всегда вел необычайно скромный образ жизни. Он был умерен в еде, вина не пил, одевался как простой горожанин — сукно предпочитал

бархату и шелку. Однако и на такую жизнь надо было ежемесячно тратить две-три тысячи мараведи, а за весь 1487 год королевская чета выплатила ему десять тысяч. Осенью же, когда Колумб стал часто бывать в доме своей возлюбленной, расходы его заметно возросли.

Должно быть, именно в эту пору он стал торговать книгами. Печатными изданиями; их Бернальдес называл *libros de estampa* — «тисненными» книгами.

В Испании «тисненых» книг было тогда немного. Только в 1474 году в Валенсии некто Ламберто Пальмарт открыл первую в стране книгопечатню. В 1476 году примеру Валенсии последовала Барселона, год спустя начали печатать книги в Севилье, в 80-х годах типографии появились в Саламанке, Медине-дель-Кампо, Саморе, Бургосе, Мурсии, Толедо и Вальядолиде.

Севилья, крупнейший центр кастильской полиграфии, выпускала в год книг шесть-семь, тиражи в двести экземпляров считались огромными.

Правда, испанские книгопечатни с трудом выдерживали конкуренцию итальянских. В Андалузии книголюб охотно покупали болонские, римские, венецианские, флорентийские издания Цицерона, Вергилия, Горация, Тацита, Тита Ливия, Плиния; немалый спрос был на Марко Поло, Страбона, Птолемея; география вошла в моду, ею увлекались даже знатные дамы.

Как это ни странно, королевская чета еще не осознала, сколь опасна «тисненная» книга. Их высочества спохватились лишь в 90-х годах, и тогда сомнительные книги разделили судьбу сомнительных христиан.

Вряд ли торговля «тисненными» книгами приносила Колумбу большие доходы, невелик был круг библиофилов, и далеко не все они могли приобрести весьма дорогие итальянские и отечественные издания.

«Стационарных» книжных лавок в ту пору в Испании не было. Продавец книг ходил из дома в дом и собирал «заявки» на новые книги.

Разумеется, такая торговля требовала немалой затраты энергии и сил. Поговорка «волка ноги кормят» в известной мере относилась и к продавцам «тисненых» книг...

Очевидно, по книжным делам Колумб часто ездил из Кордовы в Севилью, и иногда его сопровождала Беатрис Энрикес Арана, которая была верной помощницей своего возлюбленного.

Двор Фердинанда и Изабеллы зимовал в Арагоне, никаких известий оттуда, по-видимому, не поступало, и в начале 1488 года Колумб напомнил о своем существовании португальскому королю Жуану II.

Либо в 1487, либо в первой половине 1488 года Колумб узнал, что король Жуан год назад послал капитана-донатария азорского острова Тейшейра Фернана Дулмо на поиски таинственного острова Семи городов.

С этим Дулмо и жителем Мадейры Афонсо ди Иштрейто король действительно заключил в июле 1486 года соглашение, причем Жуан II дарил еще не открытый остров Семи городов «названному Фернано Дулмо, его наследникам и потомкам». А по дополнительному соглашению, подписанному королем спустя 11 дней после основного, половина всех еще не открытых земель передавалась компаньону Дулмо, Афонсо ди Иштрейто, причем указывалось, что последний должен в течение 40 дней указывать путь к их берегам (32, 268—269).

Дальнейших сведений об этой экспедиции не имеется, и, возможно, Дулмо и Иштрейто вообще не выходили в открытое море.

Однако сообщения о новом предприятии Жуана II не могли не взволновать Колумба. Ведь его замысел был введом королю Жуану II, и экспедицию Дулмо он мог рассматривать как попытку осуществить поиски западного пути в Азию.

Жуан II на письмо Колумба отозвался быстро, причем ответ его был исключительно любезным. Он назвал Колумба «нашим особым другом» (*posso especial amigo*), пригласил его в Португалию и заверил, что дозволит въезд и выезд из португальских владений.

Письмо король подписал 20 марта 1488 года и адресовал его в Севилью. Слову короля Жуана II можно было верить. Беспольных расправ он не совершал и покушаться на безопасность «особого друга» не собирался ни в 1485, ни в 1488 году.

Однако, получив это послание, Колумб не помчался в Лиссабон. Он решил еще раз попытать счастья при дворе королевской четы, благо приближалась весна и табор их высочеств уже отбыл на юг.

В конце марта или в начале апреля 1488 года Колумб прибыл в Валенсию, где по пути к границам Гранадского эмирата пребывал двор, а затем в свите короля и коро-

левы последовал за ними в Мурсию и здесь находился до конца июня.

Единственным достижением третьей кастильской весны была еще одна «получка». 18 июня 1488 года Колумбу выдали по приказу королевской четы три тысячи мараведи.

В Мурсии он ровно ничего не добился, и, видимо, ему не удалось получить аудиенцию у Изабеллы и Фердинанда.

С конца июня 1488 года до мая 1489 года имя Колумба ни разу не упоминается в кастильских документах.

И весьма возможно, что именно в это время он посетил Португалию, хотя о его вторичном пребывании в этой стране колумбоведы вели горячие споры, и многие из них полагали, что в 1488 году он в Лиссабоне не был.

До поры до времени историков приводило в недоумение признание самого Колумба. В маргиналии № 23 к «*Imago Mundi*» Пьера д'Айи он отметил:

«В 88-м году, в декабре месяце, прибыл в Лиссабон Бартоломеус Дидакус [Бартоломео Диаш], капитан трех каравелл, посланных королем Португалии в Гвинею ради открытия земель, и сообщил светлейшему королю, что прошел 650 лиг, 450 на юг и 250 на север, вплоть до мыса, им самим названного Доброй Надеждой и лежащего в Агесинбе [Эфиопия]; по астролябиям определили, что он расположен в 45 градусах за экватором и на расстоянии 3100 лиг от Лиссабона, а плавание это он описал и запечатлел из лиги в лигу и составил морскую карту, какую я видел воочию, и вручил ее светлейшему королю, а я при всем этом был (*in quibus omnibus interfui*)»¹.

Эту запись на полях «*Imago Mundi*» обнаружил Лас Касас. Она повергла его в величайшее изумление. Непререкаемый авторитет по части португальских открытий,

¹ Колумб допустил ошибки в этом сообщении о плавании Диаша. Южную оконечность Африки Диаш назвал мысом Бурь, в мыс Доброй Надежды ее переименовал Жуан II.

Мыс этот лежит не в 45, а в 34 градусах к югу от экватора. От него до Лиссабона не 3100, а 2100 лиг. Наконец, «на север», то есть вдоль восточного берега Африки (который сперва следует на восток, а затем отклоняется к северо-востоку), Диаш продвинулся не на 250, а на 160—170 лиг.

Любопытно, что расстояния, приведенные в маргиналии № 23, в полтора раза превышают истинные дистанции. Весьма возможно, что португальцы сознательно преувеличили длину пройденного ими пути, чтобы ввести в заблуждение своих конкурентов, и этими неточными сведениями воспользовался Колумб.

Жуан Барруш считал, что Бартоломео Диаш вернулся в Лиссабон в конце 1487 года. А в маргиналии № 23 стояла невозможная дата — декабрь 1488 года.

Лас Касас вышел из положения таким образом: путем сложных расчетов он попытался доказать, что в маргиналии фактически указан 1487 год. Однако в конце 1487 года Колумб был в Андалузии и никак не мог наблюдать в Лиссабоне прибытие из африканского плавания Бартоломеу Диаша. Поэтому Лас Касас решил, что запись на полях «Imago Mundi» принадлежит Бартоломеу Колумбу, благо почерки у братьев были сходными.

Концы с концами у Лас Касаса сошлись. Бартоломеу Колумб мог быть в Лиссабоне в конце 1487 года. Он лишь в феврале 1488 года попал в Англию, где тщетно пытался убедить короля Генриха VII, сколь выгоден проект его старшего брата.

Триста пятьдесят лет историки полагали, что Бартоломеу Диаш вернулся на родину в 1487 году, и применительно к этой дате они истолковывали то небольшое, что им было известно о португальских связях братьев Колумбов. Большинство исследователей полагало, что старший Колумб вторично не посещал резиденцию Жуана II.

В 1900-х годах была открыта рукопись под странным названием «Esmeraldo de situ orbis» — «Изумруд мира земного». В начале XVI века эту книгу написал замечательный португальский мореплаватель и космограф, друг Диаша, Дуарте Пашеко Перейра. В «Изумруде мира земного» содержались точнейшие сведения о плавании Диаша и об открытых им землях. И автор указывал, что Диаш возвратился в Лиссабон в конце 1488 года.

И Дуарте Пашеко Перейра был прав, это подтвердили кое-какие документы, найденные за последние десятилетия.

Следовательно, Жуан Барруш ошибался, не в 1487, а в 1488 году Жуан II встретил в гавани Риштеллу, мореплавателя, который обогнул Африку и указал дорогу к берегам Индии.

А коли так, то все становится на свои места: Колумб мог быть очевидцем события, о котором упоминается в маргиналии № 23.

И проясняются причины повторного поражения Колумба в Лиссабоне. В марте 1488 года Диаш плывал в гвинейских водах, и на успех его экспедиции еще нельзя было рассчитывать. Поэтому Жуан II и назвал «особого

друга» к себе в гости. Западный вариант пути в Индию, пусть даже сомнительный, представлял для короля известный интерес.

Но в конце 1488 года Бартоломеу Диаш доставил королю вести о великом открытии. Позади осталась южная оконечность Африки, было доказано, что за мысом Доброй Надежды берег Черного материка уходит на северо-восток, в сторону Индии.

Оставалось лишь пройти последний отрезок трассы Лиссабон — мыс Доброй Надежды — Индия.

Синица в руках лучше журавля в небе. Человек практического ума, Жуан II сразу же отбросил проект Колумба, против которого в свое время столь основательно возражали его эксперты. Отныне все свои надежды он связывал с восточной морской дорогой в Индию.

И король прекратил дальнейшие переговоры с Колумбом, дозволив ему вернуться в Кастилию.

Есть основания предполагать, что со своим «особым другом» Жуан II расстался крайне холодно.

Двадцать с лишним лет спустя, в связи с тяжбой Диего Колона, дал в качестве свидетеля показания один человек, которому известны были обстоятельства подготовки первого плавания Колумба. Он сообщил, что Колумб незадолго до этого плавания, посетив Португалию, умолял короля Жуана II дать ему корабли и людей для совершения новых открытий. Однако король «его выдворил и плохо с ним распрощался» (quel Rey avia echado y despedido mal) (84, 45).

Нет худа без добра. Бартоломеу Диаш развеял надежды на короля Жуана II, но открытие этого мореплавателя повысило акции Колумба при дворе Изабеллы и Фердинанда.

Для королевской четы новообретенная оконечность Африки была мысом Недоброй Надежды. Стало ясно: восточный путь в Индию будет португальским, западный же путь пока оставался открытым для их высочеств.

Маленькая, но героическая Гранада все еще сопротивлялась крестоносному войску Изабеллы и Фердинанда. Им было не до Колумбовых планов.

Но с 1489 года стремительный спуск сменяется подъемом. Очень медленным, с неожиданными срывами, но все же подъемом, и это восхождение будут все больше и больше облегчать новые и влиятельные союзники упорного генуэзца.

Cosas de España — самые высокие покровители могли в той стране действовать на благо подопечной особы, лишь поспешая медленно, но, как известно, и капля камень долбит...

В 1489 год Колумб вступил при обстоятельствах весьма неутешительных. Вальядолид — там зимовала королевская чета — хранил гробовое молчание. С Португалией все было кончено, Бартоломе Колумб получил отказ от английского короля Генриха VII. Братья решили предложить свои услуги французской короне. То ли в 1489, то ли в 1490 году Бартоломе направился во Францию и там вел переговоры с Анной де Боже, дочерью покойного короля Людовика XI и старшей сестрой малолетнего монарха Карла VIII.

Сам Колумб не раз порывался уехать во Францию и дважды — в 1489 и 1491 годах — едва не осуществил это намерение.

В 1489 году он остался в Кастилии, потому что неожиданно здесь наметились новые возможности.

«Находясь в ту пору в Севилье, — пишет Фернандо Колон, — и не встретив у их высочеств большей решимости, чем прежде, Адмирал сообщил о своем замысле герцогу Мединасидонии... (58, 69).

Можно не сомневаться, что, обратись Колумб к Мединасидонии лет на семнадцать раньше, он имел бы куда большие шансы на успех. Тогда, в годы короля Энрике IV, дон Энрике де Гусман, второй герцог Мединасидония, был гораздо сильнее своего сюзерена и в своих андалузских владениях вел себя как истинный самодержец. Да и в его сокровищницу поступало раза в три больше доходов, чем в королевскую казну.

Королева Изабелла основательно обузила его земли и раз навсегда внушила ему, что в Кастилии может быть лишь один монарх. И тем не менее дон Энрике де Гусман все еще владел устьем Гвадалквивира и огромными территориями в междуречье Одьеля и Рио-Тинто.

В «Заливе Кобыл», водном пространстве между Гибралтарской скалой (эту скалу несколько лет назад у герцога отобрала Изабелла) и Канарскими островами, дон Энрике держал свой флот, и его корабли водили опытные капитаны из Палоса, Уэльвы и Сан-Лукара-де-Баррамеды.

Точно никто не подсчитывал доходы дона Энрике, но

они даже после крутых мероприятий королевы Изабеллы достигали 15—20 миллионов мараведи в год. Недаром Лас Касас писал: «В те времена не было в Испании владыки богаче дона Энрике».

Разумеется, у королевы в 1489 году было больше доходов статей, чем у герцога Мединасидонии, но герцогу не приходилось нести расходы на прокормление армии чиновников и на боевые операции в Гранаде. Наличных денег в звонкой монете у него было больше, чем у ее высочества, и у него она заняла в 1493 году пять миллионов мараведи, снаряжая вторую флотилию Колумба.

Дон Энрике де Гусман легко и свободно мог истратить два-три миллиона мараведи на экспедицию Колумба.

О замыслах генуэзского гостя он узнал давно — летом 1487 года герцог встречался с Колумбом в королевском лагере под Малагой. Вполне вероятно, что Колумбу помогали генуэзские купцы и банкиры — они вхожи были в дом Гусманов, и мы вскоре убедимся, что им открыты были не только приемные андалузских магнатов.

В январе и феврале 1489 года Мединасидония не раз встречался с Колумбом, но в конце концов герцог решил с этим предприятием не связываться.

Лас Касас полагал, что либо Мединасидония не поверил Колумбу, либо не оценил величия его замысла, либо не счел возможным посылать в дальние моря экспедицию, пока шла война в Гранаде.

Но была и четвертая причина: боязнь вызвать недовольствие королевы. Изабелла смотрела сквозь пальцы на вояжи мединасидониевских кораблей в «Заливе Кобыл», но трассы Колумба выходили за пределы этой акватории, и с его плаванием связаны были далеко идущие следствия.

Потерпев неудачу у герцога Мединасидонии, Колумб обратился к другому андалузскому магнату, герцогу Мадинасели.

Дон Луис де ла Серда, пятый граф и второй герцог Мединасели, был «беднее» Мединасидонии. Годовой его доход не превышал десяти-двенадцати миллионов мараведи. Но зато в сравнении с ним и Гусманы, и сама королева Изабелла были людьми худородными.

Де ла Серды вели свой род от старшего сына короля Альфонса Мудрого (1252—1282). Сын этот умер раньше отца, и его потомков оттеснили от престола, а лет восемьдесят спустя корону Кастилии захватил бастард Энри-

ке II Трастмарский, пращур Изабеллы. По традиции всякий раз, когда в Испании короновался новый король, представитель дома де ла Серда заявлял протест «узурпатору».

У герцогов Мединасели также были свои гавани и суда. Им принадлежала гавань Пуэрто-де-Санта-Мария, соседка Кадиса, одного из лучших портов Кастилии.

В этой гавани и велись переговоры между герцогом и Колумбом. В 1493 году герцог писал кардиналу Педро Гонсалесу де Мендосе, что хотел отправить Колумба в путь на трех-четыре кораблях, но затем раздумал, опасаясь прогневить королеву (95, II, 20—21).

Лас Касас сообщал, что герцог готов был истратить 3—4 тысячи дукатов на три корабля и годовой запас провианта, но на это не отважился, не имея дозволения Изабеллы. Королева не желала, чтобы ее чересчур знатные вассалы пожинали плоды Колумбовых замыслов, и отозвала автора проекта ко двору. Вероятно, переговоры герцога Мединасели с Колумбом происходили в марте — апреле 1489 года. В мае Колумб получил приказ явиться ко двору. 12 мая 1489 года Изабелла предписала всем местным властям Андалузии предоставить бесплатный приют Христофору Колумбу на пути его следования в Кордову, где пребывал королевский двор (95, II, 6).

Покинув Пуэрто-де-Санта-Марию, Колумб отправился в дорогу.

Он не подозревал, что путь вверх растянется на три года. Гранада снова спутала все расчеты. В конце 1489 и в 1490 годах она оказала яростное сопротивление войскам Изабеллы и Фердинанда, и только к лету 1491 года им удалось стянуть петлю вокруг героического города. И тогда королевская чета решила заложить у стен Гранады большой военный лагерь и взять город измором.

За восемьдесят дней лагерь был сооружен, на него ушли мили полотна, сукна и шелка. Этому боевому стану присвоено было название Санта-Фе, ставки Святой Веры.

А голодная Гранада не сдавалась, и Колумб скитался по полотняному городу Святой Веры, и кормил его Алонсо де Кинтанилья.

Главный эконо́м Кастилии был щедр, но не хлебом единым жив человек, и жаркому лету 1491 года Колумб обязан ранней седивой.

К осени он дошел до отчаяния. Бартоломе уже год

сидел во Франции, но «Головастик» — юный король Карл VIII — травил дичь на полях Шампани, веселился в замках Блуа и Орлеана и никакого ответа не давал представителю фирмы «Братья Колумбы».

Шесть лет назад автору великого проекта помогли белые стены Рабиды. И в Рабиду Колумб снова направился осенью 1491 года.

Об этом визите писали и Фернандо Колов, и Лас Касас, и Овьедо, и Гомара, но ценнее всего очень любопытное, хотя и не слишком ясное свидетельство непосредственного участника осенней встречи в Рабиде. Это показание палосского врача Гарси Фернандеса, данные им в октябре 1515 года в связи с тяжбой Диего Колона.

Наиболее интересны последние строки его свидетельства. Он вспомнил о переговорах Колумба с монахом Хуаном Пересом, персонажем новым — в 1485 году в Рабиде его не было. В 1491 году Хуан Перес оказал Колумбу прием такой же теплый, как бывший настоятель Рабиды Антонио де Марчена шесть лет назад, и, подобно Марчене, он вмещался в дело генуэзского гостя. Был он монах не простой. В эти годы, будучи исповедником королевы, он пользовался немалым влиянием при дворе, и к его советам прислушивались Изабелла и ее царедворцы.

Вот что показал Гарси Фернандес: «Названный брат Хуан Перес, убедившись, сколь резонны соображения Колумба, послал за данным свидетелем [то есть за Гарси Фернандесом], с коим всегда и много, и от всей души вел беседы, а поелику этот свидетель кое-что смыслил в астрономическом искусстве, попросил его переговорить с Христофором Колумбом, и свидетель нашел, что тот предлагает стоящее дело. А затем о тех открытиях они беседовали втроем. А после этого направили к королеве Изабелле (да будет свята ее память) человека с письмом от названного брата Хуана Переса, был же он ее исповедником. Письмо вручил королеве Себастьян Родригес, кормчий из Лепе. Христофор Колумб остался в монастыре в ожидании ответа и дальнейших распоряжений королевы... Королева, наша госпожа, послала двадцать тысяч мараведи во флоринах, и деньги доставил Диего Прието, житель этого города Палоса, и их передал с письмом к данному свидетелю и приказом вручил оную сумму Христофору Колумбу, дабы он мог достойно приодеться и купить скотинку (una bestezuela — то есть ездового мула), а затем явиться к ее высочеству. И названный Христофор

Колумб получил эти 20 000 мараведи и предстал перед ее высочеством».

Слова Гарси Фернандеса подтверждают и другие свидетели по делу о Колумбовом наследстве. Один из них, некто Хуан Родригес Кабесудо, заявил, что «у него названный Адмирал нанял мула для монаха, который должен был отправиться ко двору для переговоров».

Свидетельские показания, приобщенные к материалам многолетней тяжбы, очень интересны и потому, что дают ярчайшее представление о том бедственном состоянии, до которого довели Колумба шестилетние скитания и мытарства.

«Видел его в городе Могере, и был он в нужде» — так говорил свидетель Ферран Перес Камачо.

«Довелось мне слышать, что дон Христофор Колумб очень нуждался и монахи Рабиды дали ему пищу» — это слова свидетеля Фернандо Мартина Гутьереса (56, VIII).

А папский легат Алессандро Джеральдини отметил, что Колумб жил в крайней нищете и прибыл в «один из монастырей Бетики [Андалузии] истомленный и униженный, нуждаясь в хлебе насущном» (42, IV, 505).

Очевидно, письмо королеве Хуан Перес отправил в середине октября 1491 года, а в ноябре по вызову Изабеллы Колумб и его новый покровитель прибыли в лагерь Санта-Фе.

В королевской ставке собрались все влиятельные сановники обеих корон. Кроме Антонио де Марчены (который, впрочем, к числу сановников не принадлежал; Марчену в качестве негласного советника с успехом заменял Хуан Перес) и Алонсо де Кинтанилья, всю зиму 1491/92 года просидевшего в Бургосе.

Здесь же находился папский легат, генуэзский прелат Алессандро Джеральдини, горячий сторонник своего пока еще не великого земляка.

2 января 1492 года Гранада капитулировала. Одиннадцатилетняя война окончилась, и ничто не мешало теперь королевской чете вернуться к делу Колумба.

В январе 1492 года оно было разрешено.

Вершина, которую Колумб упорно и порой безуспешно штурмовал семь лет, была взята.

При каких обстоятельствах, мы это скоро увидим. Но прежде чем приступить к изложению событий января 1492 года, отметим, что путь к малопрístupной вершине

автор проекта западного пути преодолел лишь потому, что в решающий момент его поддержали мощные и влиятельные покровители и союзники.

О них и следует замолвить слово в предпоследней главе той части книги, которая посвящена семилетним мытарствам великого мореплавателя.

CUI PRODEST? ¹

Итак, *cui prodest*? Кому выгоден был проект плавания западным путем в Индию, кто, в чаянии грядущих доходов от этого заморского предприятия, счел нужным поддержать генуэзского искателя новых дорог в Азию?

Лас Касас отвечает на этот вопрос так: Колумбу помогли влиятельные царедворцы: архиепископ толедский, кардинал Педро Гонсалес де Мендоса, наставник принца Хуана доминиканец Диего де Деса, Эрнандо Талавера, командор Гутьерре де Карденас, камергер короля Фердинанда Хуан Кабрера и хранитель казны того же короля Луис де Сантанхель (77, I, 156).

Список благожелательных сановников следует еще дополнить, включив в него имена Алонсо Кинтанилья и казначея короля Фердинанда Габриэля Санчеса.

Из этой восьмерки трое — Кинтанилья, Сантанхель и Санчес — деятели, прямо и непосредственно связанные с купцами и банкирами Кастилии и Арагона. Но и эта тройца, и прочие пятеро влиятельных царедворцев — лишь вершина айсберга, подводная часть которого скрыта от глаз биографов великого мореплавателя.

В пучине таятся неродовитые, не слишком, казалось бы, видные и порой совершенно неведомые историкам личности, которые, однако, сыграли решающую роль в судьбе Колумбова предприятия.

На вопрос «*cui prodest*?» именно они могли бы ответить однозначно и единодушно: НАМ!

В 1252 году, спустя четыре года после завоевания Севильи кастильским королем Фернандо III, генуэзская торговая колония в этом городе добила для себя всевозможных привилегий. Им, генуэзцам, отведен был особый квартал, со своим консулом, биржей и тюрьмой. Селились они вдоль Калье-де-Хенова — Генуэзской улицы, которая выходила к севильскому кафедральному со-

¹ Кому это выгодно? (латин.).

бору. Эта севильская Генуя росла и набирала силы в последующие полтора века, и к концу XV столетия не менее сотни лигурийских семейств проживало в столице Андалузии.

Некоторые генуэзские выходцы натурализовались в Кастилии, и их примеру последовали кое-какие представители Флоренции, а этот город также имел свою колонию в Севилье, хоть она не столь была многочисленной.

Франческо Пинелли стал сеньором Франсиско Пинело, синдиком Севильи, ее почетным гражданином, и проживал он на севильском Уолл-стрите, знаменитой Калье-де-лос-Сьерпес — Змеиной улице, где обитали богатейшие банкиры и купцы Кастилии. Кстати говоря, эта узкая и кривая улица была продолжением Калье-де-Хенова.

Его соседом был банкир Хуаното Берарди, в прошлом флорентийский купец Джанотто Джеральди.

На севильской лонхе — фондовой бирже, на хлебном рынке, в гавани Пинело и Берарди чувствовали себя в родной стихии. С ними тесно были связаны агенты главного эконома Кастилии Алонсо де Кинтанильи, они под соответствующие проценты ссужали деньги королеве и действовали в качестве откупщиков, арендуя различные податные сборы.

Оба эти дома вели торговлю с Италией, генуэзский альберго Пинелли не имел секретов от севильской фирмы «Пинело».

Деятельность Пинело и Берарди совсем нетрудно проследить по документам, в которых запечатлена история заморских экспедиций Колумба. Это часть айсберга, которая чуть выдается над поверхностью моря.

Глубинные его зоны прощупать труднее. Но такой зондаж возможен. В 1930 году в Испании вышел четырехтомный перечень нотариальных актов, заключенных в Севилье за время с 1493 по 1589 год (51)¹.

В этом перечне 5367 актов. 327 документов отражают деятельность севильских генуэзцев, 23 — севильских флорентийцев.

Просматривая эти акты, невольно забываешь, что со-

¹ Очень интересную работу о севильских генуэзцах недавно опубликовала американская исследовательница Р. Пайк, которая привела много новых данных о деятельности соотечественников Колумба в Андалузии и их роли в организации первых экспедиций в Новый Свет (102).

ставлены они на берегах Гвадалквивира. Так и кажется, что это документы из генуэзских архивов и что скрепляли их подписями не на Калье-де-Хенова или Калье-делос-Меркадерос в Севилье, а на площади Сен-Сиро или у Палаццо ди Сан-Джорджо в Старой Генуе.

Знакомые имена: Гримальди — их четверо: Гаспар, Баттиста, Эстебан, Мельчор. Это родичи покровителей Колумба, и их с распростертыми объятиями принял в городе Санто-Доминго, столице острова Эспаньолы, его наследник Диего Колон.

Далее встречаются фамилии Дориа, Ломеллини, Палавиччини (этих генуэзцев в Кастилии переименовали в Плавесинов), Адорно, Сальваджо, Риваролло, Монлеоне, Итальяно, Леардо, Каримо, и, конечно, в перечне имеются имена компаньонов (а быть может, и конкурентов) семейства Чентурионе из дома Спинола.

К сожалению, очень мало актов датировано концом XV века, большинство документов относится к десяткам — сороковым годам XVI века.

Но бросается в глаза одно «сквозное» обстоятельство. Все акты связаны с кастильскими заморскими предприятиями. Генуэзские торговые дома в Севилье ведут прибыльные операции на новооткрытых землях, создается впечатление, что ради них ходил в Море-Океан и отыскивал богатые острова и материки их земляк Христофор Колумб.

Севилья сразу же после возвращения великого мореплавателя из его первой экспедиции стала отправным пунктом для всех последующих кастильских заморских флотилий. Гвадалквивир теперь уже впадал не в Кадисский залив, а в далекое Анtilьское море. Монополия Севильи на торговлю с Новым Светом была закреплена законом, и в течение двухсот лет к севильской гавани привязаны были все заморские владения Испании.

О таком успехе, разумеется, и мечтать не могли господа Пинелли-Пинело, Джеральди-Берарди, Чентурионе и Спинола в 1489 или 1491 году, но и тогда они предвидели выгоды дальнейшей экспедиции Колумба.

Западный путь на Восток — не об этом ли грезил пять поколений генуэзских деловых людей, не эта ли мечта стала манией, после того как турки перерезали морскую дорогу в Черное море и захватили Константинополь?

Мы не знаем, о чем говорили между собой Фран-

сиско Пинело и Кинтанилья, какие беседы вел Хуаното Берарди с Луисом де Сантанхелем в 1489—1491 годах.

Зато нам отлично известно, что Франсиско Пинело одолжил кастильской короне большие суммы для снаряжения первой и второй экспедиций Колумба, действуя при этом рука об руку с Луисом де Сантанхелем. Он же устроил Изабелле заем у герцога Мединасидонии в пору, когда началась подготовка первой флотилии Колумба. Он же спустя десять лет набросал проект устава севильской Торговой палаты (Casa de Contractación), ведомства, которому суждено было на протяжении двух с лишним веков удерживать абсолютную монополию Севильи на все морские перевозки в Новый Свет. Он же стал одним из руководителей этой Торговой палаты, с его помощью десятки генуэзских купцов проникли на новооткрытые земли и пустили корни в столице «Индий» Санто-Доминго.

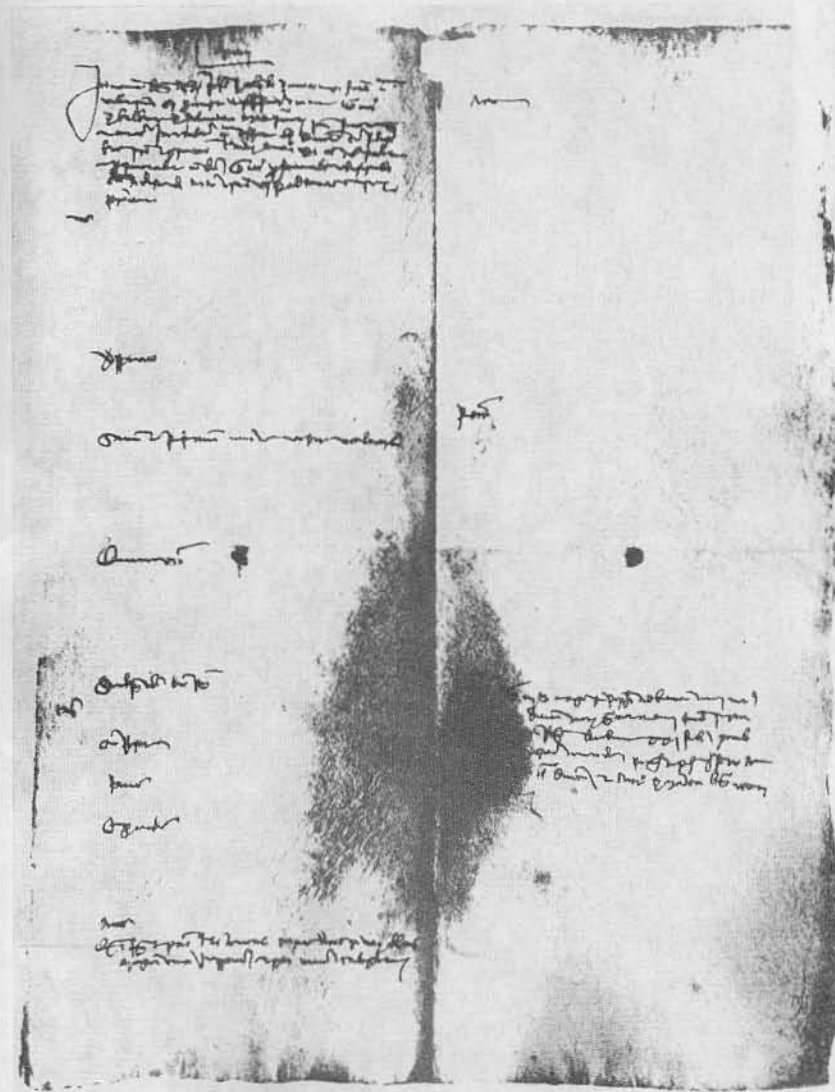
Нам ведомо также, что Хуаното Берарди, флорентиец, ссужал деньгами Колумба. В декабре 1495 года, отходя в лучший мир, он внес в свое завещание такой пункт: «Утверждаю и клянусь, — правдивы слова мои перед лицом господним, и да спасет всевышний душу мою, — что сеньор Адмирал, дон Христофор Колумб, мне должен и мне обязался выплатить в порядке текущих расчетов сто восемьдесят тысяч мараведи, может, чуть больше, может, чуть меньше, и тот долг показан в моих книгах, и, кроме того, я потрудился на благо его милости и на благо его братьям и сыновьям, и я для них много сделал за три года» (37, 7—9).

А. Бальестерос-и-Беретта отмечал, «что имелось молчаливое соглашение на условиях «do ut des» (даю, чтобы ты дал) между Колумбом и его соотечественниками. Генуэзцы открывали ему свой кошелек и предоставляли ему кредит, а автор проекта оказывал им покровительство как особа, близкая к придворным кругам» (42, IV, 504).

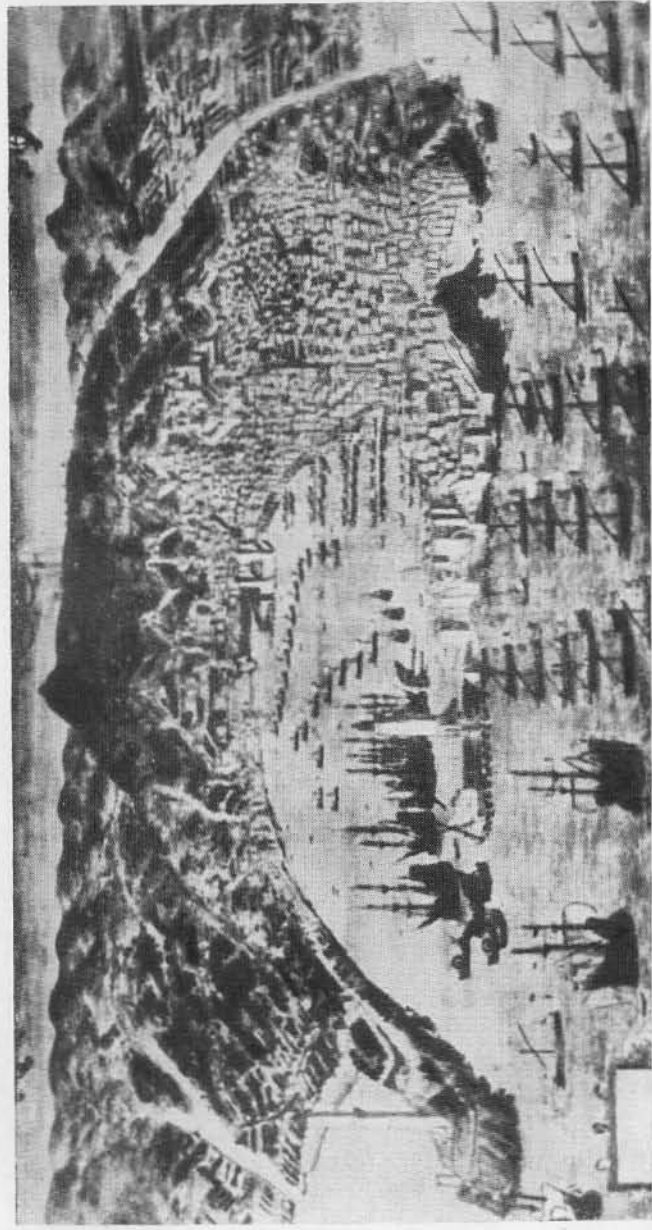
Бальестерос-и-Беретта имеет в виду те годы, когда Колумб из безвестного просителя превратился в Адмирала Моря-Океана и вице-короля Индий.

В 1489—1491 годах никаких услуг он еще не мог оказать своим землякам, но соглашение под девизом «do ut des» действовало и в то время.

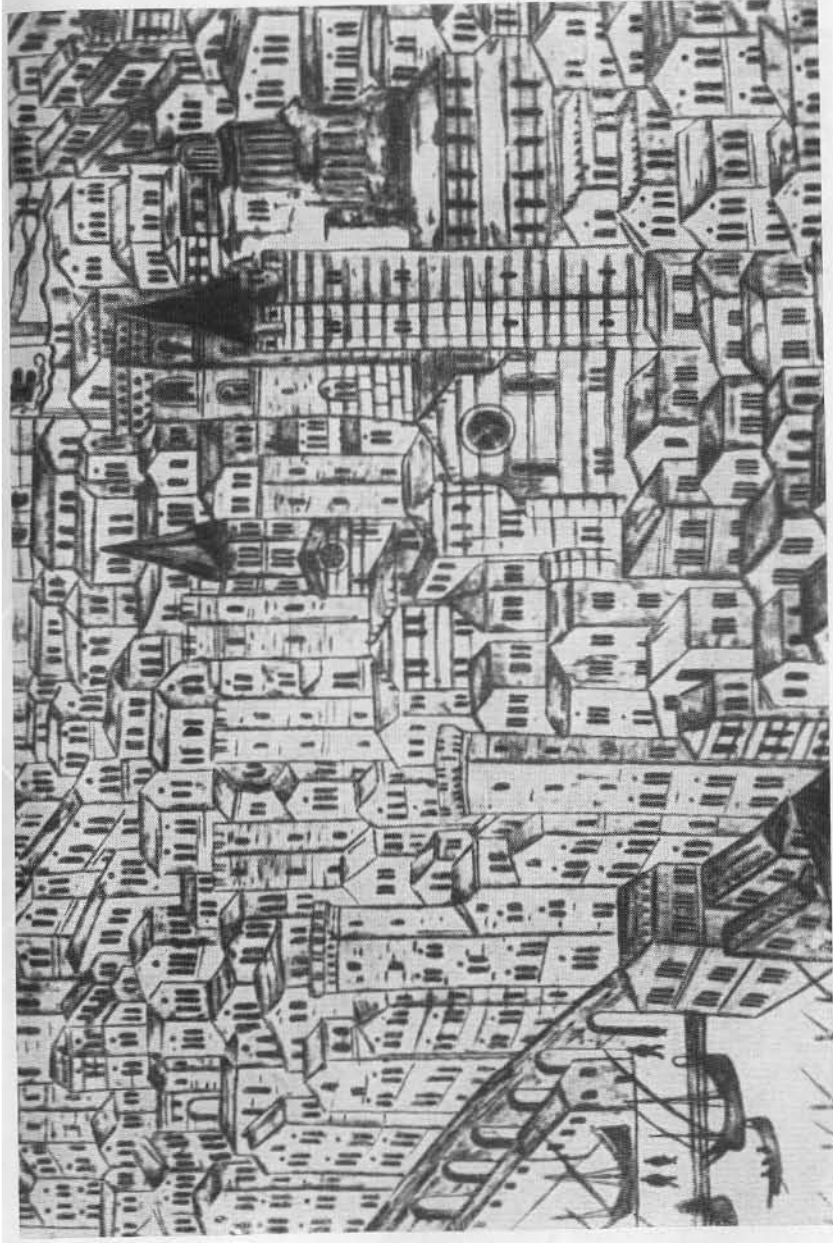
Пинелли-Пинело, Чентурione, Негро, Спинола были прозорливыми дельцами. Они знали: в случае успеха им сторицей воздастся за ту помощь, которую они оказы-

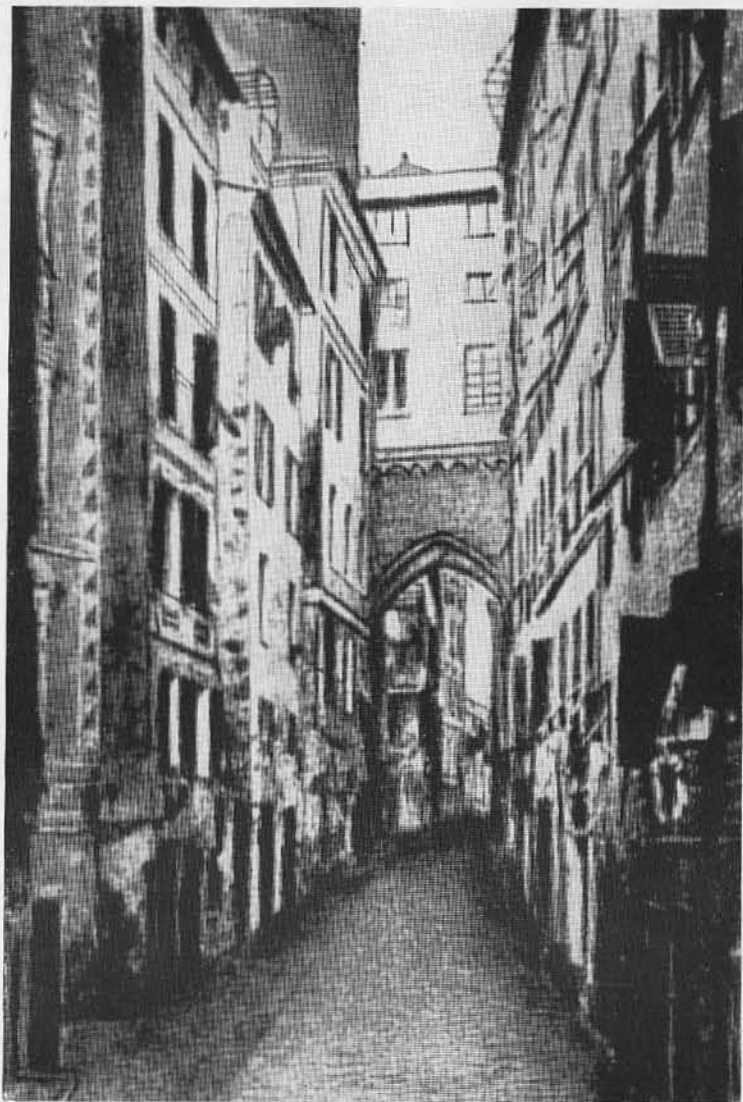
Нотариальный акт 1429 года, в котором упоминаются дед и отец Христофора Колумба.

Общий вид Генуи. Гравюра 1481 года Христофора Грасси.

Центральная часть Генуи. Фрагмент гравюры Христофора Грасси.

Ворота Сан-Андреа в Генуе. Справа «Дом Колумба».

Вид Лиссабона.
Гравюра XV века.

Улица Руа Нова душ
Меркадориш в Лиссабо-
не.
Гравюра XVI века.

ad hunc actum confertur
...
I

...
II

«Документ Ассерето» — нотариальный акт, удостоверяющий пребывание Колумба в Генуе в августе 1479 года.

mundi
...
De quantitate terre habitabilis
...
A Dismittenda quantitate habitabilis terre habitabilis est quae
...
De quantitate terre habitabilis
...
I

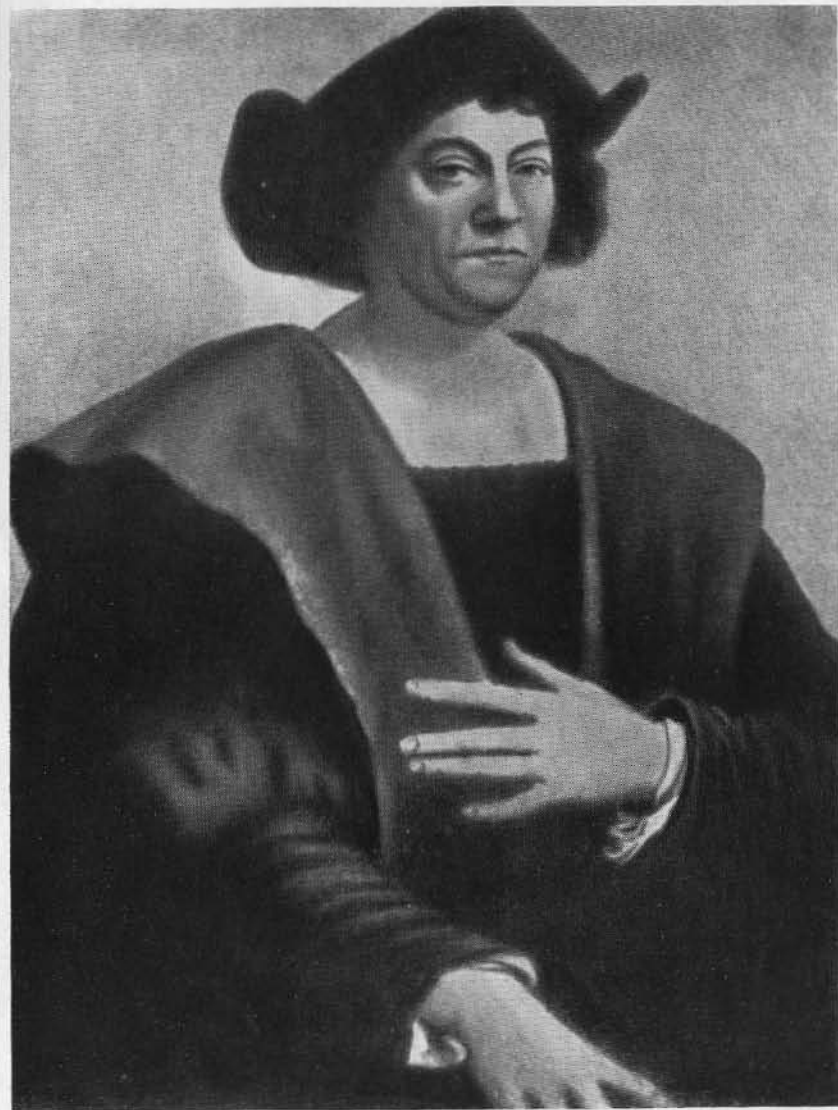
Маргиналии Колумба в книге П. д'Айи «Imago Mundi».

Дом в столице Мадейры
Фуншале, где в 1477 го-
ду жил Колумб.

Общий вид монастыря Рабида.

Портрет Колумба из собрания Талейрана.

Королева Кастилии Изабелла.

Король Арагона Фердинанд.

Изабелла и Фердинанд в кругу ученых и поэтов.

Золотая монета эпохи Изабеллы и Фердинанда.

Типы Испании эпохи
Изабеллы и Фердинанда.

Аристократ.

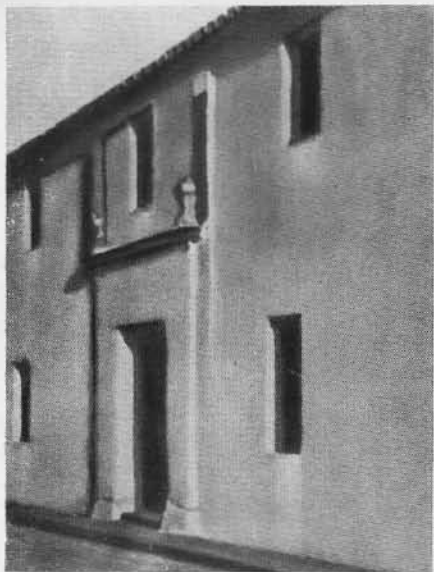
Солдат.

Священник.

Переписчик рукописей.

Дом Пинсона в Палосе.

Типы палосских моряков.
Картина Даниэля Васкеса
(1926 г.) в монастыре
Рабида.

Святая Мария — покровительница моряков. Картина Алехо Фернандеса (XVI в.) в севильском Алькасаре.

...en alguna forma de lo que ha de ser en las mares
...del mar de la India...
...de las mares de las Indias...

Primeramente que tras al... como señores que son de las mares...
...de don xpoual y Colon...
...de las mares de las Indias...

Otro si que tras al... de don xpoual...
...de las mares de las Indias...

Item q de todas iguales...
...de las mares de las Indias...

Otro si que si... de las mares de las Indias...
...de las mares de las Indias...

Item q en todas las... de las mares de las Indias...
...de las mares de las Indias...

Инструкция Изабеллы и Фердинанда Колумбу. Фрагмент.

вали создателю проекта в тоды, когда замысел этот еще казался сомнительным.

И до поры до времени не он им, а они ему оказывали покровительство и тишком, исподволь, расчищали нужные тропы, ведущие в королевскую ставку.

Кроме итальянских Крезов, в Кастилии и Арагоне были свои, отечественные купцы и банкиры, которым проект Колумба сулил немалые выгоды.

Прежде всего в деле Колумба была заинтересована севильская Калье-де-лос-Сьерпес — Змеиная улица, которая всегда и во всем поддерживала прибыльные предприятия.

В Арагоне с замыслом Колумба связывали определенные надежды члены некогда очень могущественной корпорации дельцов-маранов. Это были богатые сыновья и внуки богатых еврейских купцов, откупщиков и банкиров, крещенных в конце XIV и в начале XV века.

Из этой среды вышли влиятельные царедворцы короли Фердинанда Луис де Сантанхель и Габриель Санчес.

С 1480 года положение маранов в Арагоне резко ухудшилось, и лютым преследованиям они подверглись после того, как в 1485 году группа маранов убила в Сарагосе арагонского инквизитора Педро Арбуза.

В одной только Сарагосе репрессиям подверглось не менее двухсот человек. Инквизиция сознательно направила свой гнев на богатейшие маранские семейства Арагона, ее жертвами стали представители фамилий Сантанхелей, Санта-Фе, Санта-Крус, Кавальерия, Санчесов.

Были сожжены и замучены родичи Луиса де Сантанхеля и казначая Габриеля Санчеса. Имущество казенных и бежавших маранов конфисковывалось, и «операция возмездия», проведенная инквизицией в 1485 году, принесла арагонской казне десятки миллионов мараведи.

Однако уцелевшие члены гонимых семейств снасили часть семейных капиталов и изыскивали способы извлечения прибыли из фондов, упущенных фискальными органами инквизиции и арагонской короны.

Разумеется, вкладывая те или иные суммы в Колумбово предприятие, Луис де Сантанхель и Габриель Санчес не афишировали своих связей с разгромленными маранскими торговыми домами.

Экспроприированные дельцы-мараны никакого влияния на ход дела Колумба оказать не могли, но зато их неглас-

ный покровитель Луис де Сантанхель сыграл важную роль в судьбе великого проекта.

С Луиса де Сантанхеля следует поэтому начать особый раздел этой главы, посвященный восьми высоким покровителям Колумба.

Отец Луиса де Сантанхеля, христианин в третьем поколении, примерно в 1440 году обосновался в Валенсии, где успешно занимался торговлей и кредитными операциями. Сам Луис де Сантанхель пошел по отцовским стопам и округлил семейный капитал, участвуя в откупках. В 70-х годах XV века он в качестве откупщика сосредоточил в своих руках сборы различных податей в валенсийских землях арагонской короны, поддерживая в то же время тесные связи с местной генуэзской колонией.

В 1478 году он был причислен к арагонскому двору, а три года спустя король Фердинанд, оценив его выдающиеся финансовые способности, пожаловал ему пост хранителя дворцовой казны. Так весьма условно можно истолковывать титул *escribano de ración* (буквально «писарь расходов»), который носили лица, ведающие дворцовой кассой. Они платили установленные суммы придворным чинам, хранили драгоценности короны, выдавали пенсии и денежные пожалования, оплачивали почти все расходы двора. Главная задача хранителя дворцовой казны заключалась в поддержании активного сальдо. Надо было изыскивать средства на расходы и при этом постоянно иметь в резерве довольно значительные суммы на покрытие экстраординарных трат.

Луис де Сантанхель блестяще справлялся со своими обязанностями, прежде всего потому, что он, получив придворную должность, остался купцом, банкиром и откупщиком. Связи в деловых кругах Сарагосы, Валенсии, Барселоны у него были огромные, а благодаря тесному союзу арагонской и кастильской корон он вскоре завязал сношения с деловым миром Севильи и других городов Кастилии, и его способности по достоинству оценила королева Изабелла.

Луис де Сантанхель ученостью похвалиться не мог, он не знал, кто вернее оценил ширину Моря-Океана, Птолемей или Марин, и какими милями, длинными или короткими, надобно мерить это море.

Но, будучи опытным и предприимчивым дельцом, он предвидел выгоды западного пути. Если бы замысел генуэзца удалось осуществить, за морем открылись бы ис-

ключительные возможности для торговых операций и быстрого приращения капиталов.

С Колумбом он познакомился в 1486 году, но сошелся с ним позже, а в 1492 году стал самым близким его другом.

За спиной Луиса де Сантанхеля стояли его собратья — арагонские и кастильские мараны и угнездившиеся в Испании генуэзские и флорентийские купцы и банкиры, которым новый путь в Азию был нужен по многим причинам.

Он был отличным психологом, этот хранитель дворцовой казны короля Фердинанда. Разумеется, Фернандо Колон и Лас Касас сильно приукрасили те речи, которые он держал в защиту Колумбова проекта в решающие дни января 1492 года.

Однако ничто так не действовало на королеву, как перспектива ценой малых затрат получить большие выгоды, а именно этот довод, судя по словам обоих биографов Колумба, выдвинул на первый план Луис де Сантанхель. Он, маран, чьи близкие были замучены в застенках инквизиции или сожжены на торжественных аутодафе, он, за несколько месяцев до утверждения проекта Колумба прошедший через унижительную процедуру публичного покаяния, настойчиво твердил королеве, что Святая Церковь укрепитя, если к Истинной Вере удастся приобщить народы Китая и Индии, коснеющие в язычестве.

Сердце царя в руке мудрых советников. Несметные барыши ценой ничтожных затрат и насаждение истинной веры в языческих странах — именно об этом и мечтала Изабелла, и Луис де Сантанхель легко убедил ее в том, что предприятие Колумба ей выгодно.

Alter ego Луиса Сантанхеля, казначей королевства арагонского, Габриель Санчес, также был тесно связан с сарагосскими, барселонскими и валенсийскими маранами.

Он был христианином второго поколения; его отец, откупщик и банкир, один из богатейших дельцов арагонского города Калатаюда, принял крещение, но этот акт не избавил его сыновей от преследований святой инквизиции.

Габриель Санчес сделал поистине блестящую карьеру.

В 1475 году он стал помощником казначея арагонского королевства, а несколько лет спустя занял этот пост, причем, так же как и Луис Сантанхель, будучи ца-

редворцем, продолжал вести различные дела, связанные с откупами и кредитными операциями.

Его положение ухудшилось после 1485 года. Обоих его братьев, Алонсо и Хуана Педро, инквизиция сожгла. Правда, символически, *in effigie* (в изображении), ибо они после убийства инквизитора Педро Арбуэса бежали за пределы Арагона. Но тестю Габриеля Санчеса инквизиция отрубил голову.

Инквизиция, упустив братьев Габриеля Санчеса, взялась за него самого. Десять лет над казначеем висел дамоклов меч, и, вероятно, от костра его спасло лишь заступничество короля Фердинанда. Фердинанду нужен был Габриель Санчес, а нужных людей он иногда вызволял из цепких когтей инквизиции. Все же в 1495 году Габриель Санчес вынужден был подать в отставку.

Габриель Санчес сыграл важную роль в деле Колумба. Он внушил королю Фердинанду благоприятное мнение о проекте западного пути, действуя в тесном союзе с любимцем короля и его камергером Хуаном Кабрерой.

Колумб питал к Габриелю Санчесу теплые чувства, и ему и Луису де Сантанхелю адресовал свое знаменитое письмо, в котором содержались первые вести об открытии новых земель по ту сторону Моря-Океана.

Алонсо де Кинтанилья в отличие от Сантанхеля и Санчеса был из рода старых христиан. Сын захудалого астурийского рыцаря, он в ранней юности начал свою придворную карьеру. Сперва он был пажом, затем стал наставником наследного принца Энрике. Ему было лет тридцать пять, когда принц вступил на престол, и, оценив обстановку, сложившуюся в Кастилии в те годы, он служил не этому слабому и бездарному королю, а самому себе. Он вовремя связал свою судьбу с Изабеллой и в 1474 году захватил сеговийский Алькасар — отлично укрепленный замок, который стал штабом дерзкой претендентки на кастильский престол.

Но самые ценные услуги он оказал Изабелле после ее победы. Этот человек обладал способностью добывать деньги из воздуха, он ловко изыскивал всевозможные доходные статьи, он, наконец, разработал план нового союза кастильских городов — «Святой Эрмандады», главной опоры Изабеллы в годы ее борьбы со своевольными магнатами.

Кинтанилья оценил выгоды Колумбова проекта. Опыт португальских соседей многому научил главного эконома.

И он пришел к выводу, что стоит вложить кое-какие средства в заморскую экспедицию, о которой хлопотал настойчивый генуэзец.

Мнение Кинтанильи королева ценила, она знала, что этот семидесятидвухлетний эконома обладает тонким чутьем и огромным опытом.

Через Алонсо де Кинтанилью Колумб познакомился с могущественным князем испанской церкви, архиепископом толедским, примасом Кастилии и кардиналом Педро Гонсалесом де Мендосой. Человеком, которого Пьетре Мартир де Ангера называл «третьим королем Испании».

Он был сыном кастильского Бокаччо, поэта, новеллиста и автора острых политических памфлетов, Иньиго Лопеса де Мендосы, маркиза Сантильяны. Отец дал ему прекрасное образование, аристократическое происхождение обеспечило юному маркизу блестящую карьеру.

В эпоху великой кастильской смуты он принял сторону Изабеллы и вскоре после ее воцарения занял пост мятежного толедского архиепископа Алонсо Карильи и как глава кастильской церкви во всем поддерживал королеву.

Кардинальской шляпе он предпочитал боевой шлем, с энтузиазмом участвовал в битвах и сражениях и даже на старости лет готов был с оружием в руках биться с гранадскими маврами.

Аскетом он не был. Обеты безбрачия охотно нарушал и имел множество незаконных детей.

В отличие от Кинтанильи или Сантанхеля он не утруждал себя делами, но, обладая незаурядным умом и тактом, давал королеве великолепные советы; без него она не обходилась, когда решались важные государственные дела.

В 1492 году ему было 64 года, но держался он бодро, превозмогал старческие недуги и не утратил репутации жуира и дамского угодника.

Никаких личных выгод проект Колумба ему не обещал, но западный путь в Китай и Индию привлекал его по другой причине. Сторонник великодержавной политики, кардинал Мендоса именно с этой точки зрения оценивал преимущества новой морской дороги в Азию.

Весьма упорно и настойчиво ратовал за Колумба деятель, в ту пору куда менее влиятельный, доминиканец Диего де Деса. Спустя шесть лет он, правда, обогнал многих королевских царедворцев.

Но и в 1492 году его слово кое-что значило.

В тихих омутах водятся черти. Целая орда бесов сидела в душе этого тихого доминиканца. Бесов честолюбия и любомудрия, бесов нетерпимости и гордыни. Ходили слухи, будто предки его были галисийскими евреями, и всем своим поведением он стремился показать, что достоинствами своими равен грандам, а рвением в делах истинной веры превосходит святую инквизицию.

В детстве Деса осиротел, и воспитал его фанатичный рыцарь, герой гранадских войн середины XV века, Диего де Мерло.

Деса рано принял постриг, вступил в доминиканский орден, блестяще окончил курс в Саламанке и некоторое время был настоятелем Сан-Стефанского монастыря, обители, в которой пятнадцать лет спустя нашел временный приют Колумб.

Деса родился в 1443 году и принадлежал к тому новому поколению клириков, которое дало королеве Изабелле легионы ревностных исполнителей ее решений. Но до известного времени он держался в стороне от двора. Его прельщала ученая карьера, и тридцати трех лет он возглавил первую и главную кафедру богословия в Саламанкском университете, заняв место профессора-еретика Педро Мартинеса де Осмы.

В 1485 году королева встретила Десой, и этот скромный и учтивый доминиканец поразил ее своей глубокой ученостью и ортодоксальными воззрениями.

Осенью 1485 года он был назначен наставником семилетнего принца Хуана с годичным жалованьем в 100 тысяч мараведи.

Этот пост открыл перед ним возможности, о которых он ранее не мог и мечтать. Он быстро завоевал полное доверие королевы и стал ее советником в делах религиозной политики.

Единоверие и единомыслие любой ценой — таково было его кредо, и он был сторонником беспощадных мер по отношению к маврам, евреям и дурным христианам.

В 1498 году умер первый генеральный инквизитор Томас Торквемада, и Деса стал его преемником.

При нем неистовые преследования марапов достигли такого масштаба, что даже папа вынужден был выступить в их защиту. Десу, однако, не испугало вмешательство Рима, он ни на йоту не отступил от своих принципов, а в 1505—1506 годах поддержал оголтелого изувера, кордов-

ского инквизитора Лусеро. Не без участия Десы обвинен был в ереси Эрнандо де Талавера, архиепископ гранадский (16, 140).

В 1507 году Деса ушел с поста генерального инквизитора, но до конца своих дней оставался архиепископом севильским, а в 1523 году, за несколько дней до смерти, был назначен примасом Кастилии.

Этот очень опасный и очень умный сановник впервые встретился с Колумбом в конце 1485 или в начале 1486 года и вскоре стал убежденным сторонником будущего Адмирала Моря-Океана.

На разных этапах борьбы за проект Деса неизменно выступал в его защиту, и Колумб считал, что после бога и Антонио де Марчены более всего обязан этому стойкому покровителю. В 1504 году в письмах к своему сыну Диего Колумб неоднократно с величайшей похвалой отзывался о Десе и однажды заявил, что именно Деса «был причиной того, что их высочества заимели Индии».

В точности так же Колумб оценивал и роль, которую сыграл в его деле камергер короля Фердинанда и ровесник Десы, Хуан Кабрера. Сын арагонского законника и дипломата, он начал свою службу при дворе пажом, а затем стал полукамердинером, полукамергером короля и его ближайшим наперсником.

Сам король считал, что Хуану Кабрере Колумб обязан очень многим. В 1510 году Фердинанд писал Диего Колону: «Знайте же, что Хуан Кабрера, мой камергер... дал ход предприятию Адмирала, вашего отца» (116, 37).

Вероятно, Хуан Кабрера был одним из самых бескорыстных покровителей Колумба, но новооткрытые земли его изрядно обогатили.

Король Фердинанд трижды жаловал ему в собственность индейцев острова Эспаньола, а будучи приемщиком денежных поступлений из вновь приобретенных земель, он получал щедрые награды из этих фондов. В 1511 году король выплатил ему огромную сумму — 13 тысяч дукатов в виде премии (42, IV, 532).

Спорный проект деятельно поддерживал командор Гутьерре де Карденас. Он был майордомом принца Хуана, стольником королевы и главным экономом Асьенды, финансового ведомства кастильской короны. Пост этот соответствовал должности хранителя дворцовой казны арагонского короля, и через Карденаса шли все платежи по пенсиям, коронным пожалованиям и вспомоществованиям.

Это была колоритная фигура. Все в его облике — голос, подобный лвиному рыку, гордая осанка, дремучая борода, неизменная трость, которую он порой пускал в ход, — было от буйных времен Реконкисты. Но этот тучный кастильский Ланселот, величайший авторитет по части кавалерственного этикета и рыцарской чести, в искусстве делать деньги не уступал Кинтанилье и со старинными счетами — абакой — управлялся не хуже, чем с тяжелым дедовским мечом.

Карденас пользовался при дворе Изабеллы значительным влиянием. В силе была и его жена, Тереса Энрикес, кузина короля Фердинанда. И Карденас, и его супруга безотлучно находились в кочующем королевском таборе, без их участия не решалось ни одно сколь-нибудь серьезное дело.

Карденас горой стоял за все предприятия, из которых можно было извлечь прибыль. В этом смысле проект Колумба его весьма интересовал, благо не его ведомство должно было отпускать средства на заморские экспедиции.

О восьмом покровителе Колумба, Эрнандо де Талавере, мы уже упоминали. Стоит, пожалуй, отметить, что в 1492 году он лучше относился к проекту, за пять лет до того отвергнутому его комиссией, а с мнениями будущего архиепископа гранадского весьма считалась королева.

Восемь высоких царедворцев, восемь неперемных советников королевской четы. Люди различного происхождения, образования, права и темперамента. Но все они навечно связали свои судьбы с королевским двором, все они были ратоборцами единой державы и единой веры, и все они (быть может, за исключением Хуана Кабреры) поднялись на вершины власти, движимые ненасытным честолюбием, неумолимой страстью к наживе, пылким желанием править, судить, карать, распорядиться судьбами безгласных подданных их высочеств.

Cui prodest? Кому выгоден был западный путь к землям Востока? ИМ!

Пешки, слоны, кони и ладьи заняли исходные позиции в последней партии семилетнего турнира. Исход ее зависел от королевы и короля.

Король. Дело Колумба решалось кастильской, а не арагонской короной, и все непосредственные выгоды западного пути должны были достаться державе Изабеллы.

Берега Арагона омывало Средиземное море, и Фердинанда прежде всего волновали проблемы Неаполя и Сицилии, Милана и Руссильона, Сардинии и Алжира.

В ту пору король Фердинанд вел лишь пристрелку к грядущей битве за Италию, лишь недавно ему удалось погасить пламя каталонской крестьянской войны, да и Гранада отняла у него много сил и средств.

Но и тогда у него были все задатки идеального государя. Идеального в понимании Макиавелли.

«Разумный правитель, — писал Макиавелли, — не должен быть верен данному слову, когда такая честность обращается против него и не существует больше причин, побудивших его дать обещание... кто искуснее других умел действовать по-лицейскому, тому и приходилось лучше. Однако необходимо скрывать в себе это licee существо и быть великим притворщиком и лицемером» (21, 284).

Этому идеалу Фердинанд вполне соответствовал, что подтвердил и сам автор «Князя».

В весьма назидательной главе «Как поступать князю, чтобы его почитали» Макиавелли в качестве примерного государя привел Фердинанда.

«Его, Фердинанда, почти можно назвать новым Князем, потому что из слабого короля он стал, благодаря молве и прославленности, государем христианского мира... действуя всегда во имя веры, он предавался благочестивым жестокостям, изгоняя из своего королевства маранов и разоряя их. Не может быть примера более редкого и удивительного: прикрываясь той же религией, он захватил Африку, потом двинулся на Италию и напал, наконец, на Францию; так он все время совершал и готовил великие дела, чем и держал умы подданных, занятых мыслью об их исходе, в состоянии непрерывного напряжения и преклонения. Эти его предприятия были так связаны одно с другим, что в перерывах между ними у людей никогда не было ни времени, ни возможности одуматься и начать ему противодействовать» (21, 309—310).

Не менее выразительно писал о Фердинанде один современный испанский историк, который осторожности ради отзыв об этом монархе вложил в уста его недоброжелателей, хотя сам он, вероятно, разделял эти негативные мнения.

«В глазах очернителей Фердинанд — это человек с извращенными наклонностями, деятель, который на каждом шагу прибегает к неблагоприятным приемам, бессовест-

ный лицемер, дурной отец, который преспокойно приносил в жертву своих чад, когда дело шло о его собственной выгоде, мастер найтемнейших комбинаций, всегда замаскированных благородными и бессодержательными фразами, ханжа, который свои низменные инстинкты искусно прикрывал религиозными мотивами, обманщик, который постоянно нарушал христианские заповеди и законы своей страны, хитрец и завистник, который готов был сжечь со свету всех, кто поднимался над уровнем жадкой посредственности, будь то Колумб, Сиснерос или Великий капитан [завоеватель Неаполя Гонсало де Кордова], гнусный скупец и алчный барышник, вероломный государь, который с легким сердцем прибегал к яду, когда надо было устранить тех, кто стоял на его дороге» (61, 9).

Этих принципов Фердинанд придерживался с железной последовательностью. В 1492 году он поддержал Колумба, но, когда мавр сделал свое дело, он считал нужным от мавра избавиться.

Делить с первооткрывателем Нового Света доходы и власть Фердинанд не желал, и он с легким сердцем нарушил все соглашения и повернулся к Колумбу спиной. Впрочем, в данном случае он следовал примеру королевы.

В 1492 году Фердинанд охотно внимал убеждениям покровителей Колумба.

Не он должен был давать деньги на его экспедицию, не он нес ответственность за ее исход. Но западный путь в Индию нужен был и Арагонскому королевству; можно было не сомневаться, что буде экспедиция увенчается успехом, то и арагонской казне перепадет какая-то доля доходов с новооткрытых земель.

О народах этих земель думать еще было рано. Но придет пора, и Фердинанд с холодной жестокостью проведет в жизнь программу полного закабаления индейцев Нового Света.

В 1492 году королю исполнилось 38 лет (он на два года был моложе Изабеллы), и предстояло ему царствовать 24 года и на двенадцать лет пережить свою супругу. Был он в расцвете сил, полон энергии, он уже знал, когда и каким образом будет нарушено соглашение с Боабдилем гранадским (Боабдиль сдался, когда его заверили, что мусульман в Гранаде не будут преследовать), он уже наметил совместно с королевой план изгнания из Испании евреев и готов был, «скры-

вая свое лисье существо», принять предложения и требования Колумба.

Королева. Спору нет, она была мудрее и прозорливее своего мужа. Природа наделила ее ясным умом, решимостью, незаурядными способностями и великим обаянием. Неуклонно, последовательно, действительно она преследовала цели, которые поставила перед собой, силой захватив кастильский престол.

Она умела выбирать себе помощников, и они служили ей с беззаветной преданностью. Не только потому, что поддавались ее чарам. Не щедро, но и не скупко она вознаграждала за оказанные услуги и доверяла своим избранныкам.

О ее мягкой улыбке и синих лучистых глазах придворные пииты слагали хвалебные оды. Но случалось — пиитам такое приходилось наблюдать не раз, — что от одного-единственного неосторожного слова, от ничтожного промаха, от дурно исполненного приказа леденели ее глаза, сжимались губы, в голосе, ангельском и сладкозвучном, прорезывались свистящие нотки.

Она была добра к нужным людям. Она была беспощадна ко всем, кто был ей неуютен. Беспощадна и немоллима. Не личными симпатиями и антипатиями руководствовалась она, милуя и карая своих подданных. Как усохшую ветвь, она отсекала от ствола власти любого деятеля, чьи поступки, убеждения, мысли не согласны были с державными интересами или с принципами единой и истинной веры.

Принципы веры и державные интересы переплетались между собой теснейшим образом. Она была свято убеждена — бог благословил и одобрил костры святой инквизиции, ибо ее помыслы были высоки и чисты: Испания должна стать царством божьим на земле, могучим и процветающим, землей обетованной, в которой не будет ни мавра, ни иудея и откуда во ад отправлены будут все дурные христиане.

Она обладала острым умом, необыкновенной памятью, умением мгновенно схватывать суть любого государственного дела.

Кинтанилья и Сантанхель считали лучше ее. Деса был сильнее в богословии, король Фердинанд в искусстве темных дипломатических интриг.

Однако и в части финансов, и в сфере религиозной политики, и в вопросах войны и мира решающее сло-

во принадлежало королеве, и слово это было продуманным и веским.

Фердинанд был беспринципным лицемером, Изабелла лицемеркой принципиальной. Она нарушала обещания и договоры, когда в том видела государственную необходимость. Без лисьей хитрости Фердинанда, с печальной миной, с глубоким сокрушением, и жертвы ее вероломных решений до конца своих дней сохраняли веру в ее справедливость и тешили себя напрасными надеждами на ее милость.

Она навечно пленила душу Колумба. Пережив королеву, он горячо молился за упокой ее души. Он помнил — она велела снять с него кандалы в злосчастном 1500 году, и забывал, что не без ее ведома он был в эти кандалы закован.

Католические Короли... Это звание Изабелле и Фердинанду в 1493 году присвоил папа Александр VI за рвение в делах истинной веры и за одоление гранадских супостатов. Себя они таковыми считали и до папского пожалования. Разве не промыслом господним одолели они своих врагов, утвердились на шатких престолах, вылололи сорные травы ересей, захватили последний оплот богомерзких мавров?

Deus vult — господь желает — таков был девиз первых крестоносцев, которых Петр Амьенский повел в Святую землю.

Deus vult — так думали католические короли в январе 1492 года, утверждая Колумбов проект.

Cui prodest? Кому он был выгоден? Кому нужны были несметные богатства стран Востока? Кому по душе был новый крестовый поход в земли азиатских язычников? Кому грезилась великая Кастильско-Арагонская империя, владеющая чудо-городами Катая и долиной Ганга? На этот вопрос католическая чета, единая в своих помыслах и расчетах, могла с большим основанием, чем все ее советники, ответить — НАМ!

ПОБЕДА В САНТА-ФЕ

Формула «Cui prodest?» объясняет многое, но далеко не все. Она действует безотказно, когда речь идет о деле заурядном, ясном, сулящем несомненные выгоды. Она, однако, не всегда применима, коли замыслы и проекты необычны и безумны...

Замысел Колумба, безумный и дерзкий, туго внедрялся в сознание его современников. Правда, к экстравагантным предложениям упрямого гемуэца за шесть с половиной лет успели уже притерпеться в Кастилии, но и в начале 1492 года они вызывали недоумение и сомнения.

К несчастью, никто не вел протоколов на переговорах в Санта-Фе. Не оставили мемуаров и их непосредственные участники. Только папский легат Алессандро Джеральдини упомянул о горячих спорах между сторонниками и противниками проекта. Но его «Itenerarium» — записки о пребывании в Испании — увидели свет спустя сто с лишним лет после смерти автора, и создается впечатление, что чья-то рука внесла дополнения и поправки в первоначальный текст рукописи.

Версии же Фернандо Колона и Лас Касаса чрезвычайно интересны, драматичны и, увы, не слишком правдоподобны. Во всяком случае, их сообщения о событиях в Санта-Фе навсегда останутся истинным кладом для романистов и авторов киносценариев...

Оба они писали, что в один далеко не прекрасный для Колумба момент переговоры зашли в тупик. Королева склонилась на сторону противников проекта, и, получив отказ, Колумб покинул Гранаду и отправился в сторону Кордовы в намерении навсегда покинуть Кастилию и перебраться во Францию, где уже третий год боролся за проект западного пути его брат Бартоломе.

Между тем к королеве явился Луис де Сантанхель. Хотя говорил он с Изабеллой без свидетелей, но это никак не помешало Лас Касасу вставить в его уста длинную речь в защиту Колумбова проекта. Далее оба автора утверждают: произошло чудо — королева вняла доводам Сантанхеля и послала вдогонку беглецу придворного альгвазила. Альгвазил настиг Колумба в двух лигах от Гранады, у моста Пинос, гемуэец возвратился в королевский лагерь, и все его требования были немедленно и полностью удовлетворены.

Мы склонны думать, что не было ни исхода из Гранады, ни погони за автором проекта, ни эффектной развязки великой драмы. Сам Колумб, отдавая должное Сантанхелю, считал, что, помимо него, решающую роль в переговорах сыграли Деса и Кабрера, Джеральдини отдавал в этом смысле пальму первенства кардиналу Мендосе, а король Фердинанд в 1508 году, когда Изабел-

лы уже не было на свете, заявил, что он «явился причиной того, что эти острова были открыты».

Очевидно, Изабелла действительно долго не желала принять окончательного решения, весьма возможно, что Колумб известил ее о своем намерении отправиться во Францию, и в момент, когда королева впала в наибольшие сомнения, совместное вмешательство нескольких влиятельных советников склонило чашу весов в пользу Колумба.

Бальестерос-и-Беретта полагает, что был и мост Пинос, и придворный альгвазил, но вся история исхода Колумба не что иное, как комедия, разыгранная им совместно с Сантанхелем. Пока Колумб, «медленно поспешая», ехал на муле по кордовской дороге, Сантанхель завоевал согласие королевы. Предположение более чем сомнительное, учитывая бескомпромиссный нрав Колумба.

В 1524 году Диего Колон не без раздражения писал, что королевская чета вяла убеждениям доброжелателей его отца, «дабы не приписали их высочествам боязни издержек» (56, VIII, 397). Такого рода помыслы вряд ли тревожили королеву и короля, ибо их советники в равной мере не склонны были транжирить деньги, да и не посмели бы они осуждать своих государей, но, бесспорно, королева без энтузиазма относилась к проекту Колумба главным образом потому, что в кастильской казне в январе 1492 года было хоть шаром покати.

Контрибуция, которую уплатил бывший властитель Гранады Боабдиль, ушла на оплату срочных долгов, наличных денег не было, предстояла же расплата с войском, требовались десятки миллионов мараведи на укрепление северных границ — война с Францией могла разразиться в любой момент. С финансовыми затруднениями королевы связана еще одна прекрасная легенда. Фернандо Колон и Лас Касас уверяли, будто королева настолько была тронута доводами Сантанхеля, что выразила готовность заложить свои драгоценности, каковое предложение хранитель арагонской дворцовой казны великодушно отклонил, заявив, что и без залога даст взаимную для снаряжения экспедиции сумму. Испанский историк Писсарро-и-Орельяна, который писал спустя сто лет после Фернандо Колона и Лас Касаса, внес в беседу королевы и Сантанхеля маленькую поправку, отметив, что Сантанхель драгоценности все же взял, после чего выдал ее высочеству 16 тысяч эскудо.

Все эти версии более чем сомнительны. В конце прошлого века историк Фернандес Дуро, а вслед за ним валенсийский эрудит Франсиско Мартинес доказали, что в 1492 году никаких драгоценностей у Изабеллы уже не было. Она их заложила в 1489 году валенсийским и барселонским дельцам.

Вероятно, утверждение проекта Колумба тормозилось и по иным, чисто дипломатическим соображениям. Заморская экспедиция неминуемо должна была обострить отношения с Португалией, что отнюдь не соответствовало планам королевской четы.

На счастье, в лагерь Санта-Фе, по-видимому, не были вызваны главные противники Колумба, кастильские мучки науки. А их отзывы, которые пять лет назад так повредили автору проекта, на этот раз не принимались во внимание.

Переговоры закончились в январе, но только 17 апреля 1492 года королевская чета подписала с Колумбом соглашение. Это была знаменитая «капитуляция» в Санта-Фе, в которой очень глухо были указаны цели экспедиции Колумба и очень четко были оговорены титулы, права и привилегии будущего первооткрывателя неведомых земель.

В наш век капитуляции подписывают потерпевшие поражение полководцы и государственные деятели, но в Кастилии XV и XVI веков документы под таким названием ничего общего с подобными актами не имели. В буквальном смысле слова *capitulación* — это перечень разделов (*capítulos*) того или иного договора или соглашения. В случае сделки, заключенной королевской четой с автором проекта западного пути в Индию, капитуляцию можно было рассматривать и как равноправный договор, и как документ, фиксирующий определенные пожалования короны. Юристы и по сию пору спорят о существе этого акта, но ведь испокон веков известно, что императоры, папы и короли соблюдают данные ими обязательства и не отбирают данных ими пожалований, пока это им выгодно, а затем с легким сердцем нарушают свое слово.

Мы убедимся, что их высочества со временем вступили на подобный путь.

Условия капитуляции были таковы: Колумбу навечно жаловались титулы Адмирала Моря-Океана и вице-короля всех земель, которые ему посчастливится открыть.

Адмиральский титул переходил к его наследникам. Со всего, что будет добыто в новооткрытых землях, Адмирал должен был получать десятую часть и восьмую долю прибылей от торговли с этими землями. Адмиралу предоставлялись права разбора всех тяжб (24, 57—59).

Тринадцать дней спустя, 30 апреля 1492 года, королевская чета утвердила свидетельство о пожаловании Колумбу титулов Адмирала Моря-Океана и вице-короля всех земель, которые будут им открыты в плавании по названному Моря-Океану. Титулы жаловались навечно «от наследника к наследнику», и одновременно бывший шерстяник из Генуи возводился в дворянское звание и мог «именовать и титуловать себя доном Христофором Колумбом» (24, 64).

В тот же день Изабелла и Фердинанд подписали еще один документ, для колумбоведов не менее важный, чем знаменитая «капитуляция». Это была верительная грамота, адресованная Великому хану. Короли извещали могущественного восточного государя, что податель означенной грамоты, благородный муж Христофор Колумб, послан на трех каравеллах в индийские земли для свершения дел, споспешествующих приумножению славы господней.

В XIII и XIV веках папа и короли не раз направляли своих послов к монгольским владыкам из дома Чингисхана и получали от этих владык ответы. Переписка велась довольно регулярно, и Европа объяснялась с монгольскими улусами на латыни. На латыни же кастильский король Энрике III отписал послание грозному завоевателю Тимуру, к которому направил любознательно дипломата Клавихо.

На этот раз грамота к Великому хану также писалась на языке, который канцеляристы их высочеств считали латинским.

Вероятно, этот документ навеки остался бы примером дипломатических курьезов, если в силу особых обстоятельств он не приобрел бы большого значения в начале нашего века (66).

В 1911 году американец Г. Виньо опубликовал свою «Критическую историю Христофора Колумба» (129) и в этой книге выдвинул более чем смелую гипотезу. Он предпринял попытку доказать, будто Колумб шел открывать не берега Восточной Азии, а сравнительно близкие острова Атлантики, до него якобы уже проведен-

ные другими мореплавателями. Версия же о плавании в страну Великого хана и в Индию зародилась, по мнению Виньо, уже после возвращения Колумба из первого путешествия.

В 30-х годах эту гипотезу «развил» аргентинец Р. Карбиа (49), а в 50-х и в начале 60-х годов ее «обновил» советский историк Д. Я. Цукерник, обвинивший Колумба и королевскую чету в фальсификации и обмане (33, 34, 35, 36). По Д. Я. Цукернику получалось, что после возвращения из первого плавания Колумб и его высокие покровители подтасовали и подчистили все документы и создали легенду об азиатских замыслах хитроумного генуэзца. По мнению Д. Я. Цукерника, до марта 1493 года не было ни единого документа, в котором содержались бы указания на азиатские цели первой экспедиции Колумба. Дневник первого плавания хоть и датирован августом 1492 — мартом 1493 года, но дошел он в переработке Лас Касаса, а поэтому во внимание принят быть не может.

Однако Д. Я. Цукерник «забывает», что дневник первого плавания вовсе не единственный документ, восходящий к тому времени, когда Колумб еще не отправлялся в свое первое путешествие. Верительная грамота Великому хану, подписанная за одиннадцать месяцев до возвращения Колумба из первого плавания, — это документ № 2. И документ подлинный. В 1862 году его опубликовал английский исследователь Бергенрот в собрании британских государственных актов (Calendar of State Papers), а обнаружил эту грамоту Бергенрот в архиве арагонской короны.

Есть не менее существенные свидетельства, которые подтверждают, что задолго до 1493 года Колумб разрабатывал план плавания к берегам Азии. О них мы ранее уже упоминали: это маргиналии к различным книгам личной библиотеки Колумба, и, в частности, к «Imago Mundi» Пьера д'Айи. Д. Я. Цукерник, видимо, «позабыл» и о Колумбовых пометках на полях «Imago Mundi».

Весной или летом 1492 года к экспедиции Колумба был причислен толмач, сведущий в восточных языках. Никакой нужды в нем не было бы, если бы Изабелла и Фердинанд посылали флотилию Адмирала Моря-Океана не в Китай и Индию, а к сравнительно недалеким островам в Атлантике.

Конечно, при наличии богатого воображения можно

допустить, что Колумб и королевская чета приступили к фальсификации документов, относящихся к первой экспедиции, не в марте 1493 года, а гораздо раньше.

С этой целью сфабрикован был и потом зачем-то скрыт в архивах дипломатический паспорт к Великому хану, а сам Колумб в поте лица исписывал обманными надписями все свободные места на полях своих книг.

С этой же целью королевская чета раздобыла знатока восточных языков и для отвода глаз (чыхх???) послала его в плавание. С этой целью Колумб назвал жителей новооткрытых земель индейцами и на обратном пути сочинил письмо, в котором сообщал, что дошел до Индий.

Допустим, что всю эту бессмысленную работу Колумб и королевская чета проделали. Но ради чего им понадобилось пускаться во все тяжкие и создавать архижлобную версию о плавании к берегам Азии? Изабелла и Фердинанд были отличными дипломатами и прекрасно понимали, что именно такая версия вызовет серьезные последствия: конфликт с Португалией, а возможно, и вмешательство других морских держав в дело новых открытий. Целесообразней и проще всего было бы скрыть азиатские цели первой экспедиции и распространить слух, что она послана к незначительным островам Атлантики.

И наконец, рассуждая о целях первого плавания, нельзя не принимать во внимание права самого Адмирала Моря-Океана. Всю жизнь он грезил о странах Востока, обретение этих стран представлялось ему главной и священной целью его плаваний, мысли об этих странах навязчиво владели его душой, не жалкие острова на полпути из Европы в Азию, а сама Азия была предметом его страстных и необузданных желаний.

Вряд ли стоит вдаваться здесь в разбор несостоятельных аргументов «гиперкритиков» школы Виньо. Все прочие их доводы строятся на подобных же передержках, и хуже всего, что эти авторы вольно или невольно игнорируют факты, которые не укладываются в их схемы. Тщета такого рода попыток весьма убедительно была выявлена в работах советских колумбоведов В. Л. Афанасьева и М. А. Когана (5, 11, 12), к коим мы и отсылаем наших читателей.

Семилетние мытарства окончились. В лагере Санта-Фе Колумб одержал победу и добился всего, чего так страстно желал.

В свое время его требования отверг король Жуан II. Бесспорно, выдвигая весьма дерзкие пожелания, Колумб чрезвычайно осложнял и без того трудную борьбу за свой проект. Но он упорно и настойчиво добивался титулов, званий и привилегий и ни на йоту не уступал своим высоким покровителям, требуя беспрецедентного вознаграждения за еще не совершенные открытия.

Господа Чентурионе, Negro, Пинелли, Каттанео, Спинола и Берарди с огромным удовлетворением читали копии апрельской капитуляции. Им было ясно: генуэзским духом дышит этот удивительный документ: приобретать, менять, покупать, хватать все, что приносит барыши, отсыпать в кубышку золотой песок, набивать трюмы доходным товаром, перекачивать из ладони в ладонь рубины, изумруды, топазы, сапфиры, алмазы, любуясь их драгоценным блеском, — таковы категорические императивы этого несытного духа.

Так, все верно. Томление генуэзских страстей в каждом разделе капитуляции, но несправедным будет тот судья, который генуэзской мерой будет мерить поступки и помыслы бывшего генуэзского гражданина, дона Христофора Колумба.

Алчные требования предъявлял королевской чете бескорыстный стяжатель. И в 1492 году, и четырнадцать лет спустя, на своем смертном одре, он заботился о приращении собственных богатств, но ренты, доходные статьи, десятые и восьмые доли в прибылях ему прежде всего нужны были для новых грандиозных предприятий.

За Морем-Океаном лежала Великая Суша, и четырежды он устремлялся к ее непроведанным берегам в надежде отыскать страну Великого хана, цветущий остров Сипанго, райские земли Индий, легендарный Золотой Херсонес, и только смерть помешала ему в пятый, в седьмой и одиннадцатый раз отправиться на дальнейшие поиски этих неуловимых стран, островов и земель.

Разумеется, он мечтал о сказочных богатствах Востока и, обретя за морем новые земли, вел счет своим приобретениям. Но совершенно необоснованно его иногда сравнивают с генуэзскими негоциантами, рыцарями оптовой и розничной торговли, которые шли на край света, движимые страстью к быстрой наживе.

Золотом Индий, драгоценными камнями Тапробаны, приносами дальних восточных стран он желал одарить христианский мир в напрасной надежде, что его святей-

шество папа и католические короли вооружат несметную крестоносную рать и отвоют у агарян гроб господний. Католические короли, подписывая условия знаменитой капитуляции, отлично знали: если и в самом деле будут открыты богатые земли на далеком Востоке, то доходы от этих земель поступят в их казну, и ни единого мараведи они не истратят на вызволение гроба господнего. Казалось бы, это должен был понять и Колумб, ведь семь лет он провел в Кастилии и многое успел повидать, странствуя по дорогам этой страны вместе с кочующим табором их высочеств.

Но истинные намерения королевской четы он постиг после того, как в цепях был доставлен в Кастилию. И тогда с неистовой горечью он отписал Фердинанду и Изабелле: «Убеждал я ваших высочеств всю выручку от моего предприятия истратить на завоевание Иерусалима, а ваши высочества, говоря, что подобное им по душе, насмехались надо мной» (95, I, 265).

И, вероятно, так же втихомолку смеялись над своим наивным соотечественником господина Пинелли и Берарди — им-то заранее было ведомо, как распорядятся с доходными заморскими статьями Католические Короли. И, должно быть, язвительно ухмылялся душелюб Деса, обсуждая в своем очень узком кругу безрассудные замыслы обретения гроба господнего, а друг великого мореплавателя, сельский священник Андрес Бернальдес, лишь тяжело вздыхал, выслушивая горячие речи о новых крестовых походах и приобщении к христианскому миру Святой Земли...

Титулы, звания, почести. Жажда их обретения распалая автора безумного проекта. С младенческой наивностью он полагал, что стоит их высочествам скрепить своей подписью соответствующие грамоты, и сразу же дон Христофор Колумб, Адмирал и вице-король, войдет в круг царедворцев, магнатов и князей церкви, и мир забудет, что дон Христофор некогда чесал шерсть в убогой мастерской близ ворот Сан-Андреа...

Тщеславие? Да, конечно. Но, настойчиво требуя высокие титулы, Колумб в глубине души считал, что все эти пожалования и привилегии ему положены по праву, что тот, кто открывает новый путь в новые земли, достоинствами своими превосходит графов и герцогов. А быть может, и королей. Недаром он однажды сказал, что как подданный стоит ниже их высочеств, но как че-

ловек, совершивший величайшие дела, должен быть признан особой более высокой.

Он страстно стремился получить воздаяние за все перенесенные им унижения. Он был твердо убежден, что проект западного пути в Индию и Китай осчастливит весь христианский мир, он верил, что святая троица внушила ему этот грандиозный замысел. И трудно передать, какую ярость он испытывал, обивая пороги королевских канцелярий, кланяясь кувшинным рылам и чернильным душам, убеждая в своей правоте надменных невежд и кичливых глупцов, получая отказы от высоких комиссий и низких духом магнатов, подобных герцогам Мединасидония и Мединасели.

Он сдерживал безмерный гнев, он молча выслушивал мнения своих противников, он ел чужой хлеб и скитался по чужим дорогам, утешая себя мыслью, что рано или поздно настанет праздник на его улице и все его муки и страдания возместятся сторицей.

И он полагал, что в апреле 1492 года получил то, что давно ему причиталось, и в новом звании держался с изумительным достоинством. Недаром Лас Касас говорил, что в кругу королевских царедворцев он казался римским сенатором.

В апреле 1492 года никто не предполагал, каким успехом завершится первая экспедиция Колумба. В Санта-Фе делили шкуру убитого медведя, и королевская чета с легким сердцем жаловала иллюзорные титулы Адмирала неведомого Моря-Океана и вице-короля еще не открытых земель, лежащих за этим морем.

Ни королева, ни король, ни Кинтанилья с Карденасом, ни Сантанхель и Санчес (а все они в искусстве счета знали толк) не могли и подозревать, что десятые доли доходов и восьмые доли прибылей, гарантированные автору проекта, составят со временем сумму поистине баснословную.

Если бы правнук Изабеллы и Фердинанда Филипп II сто лет спустя, руководствуясь условиями капитуляции, пожелал бы выплатить правнуку Адмирала Моря-Океана его «законную долю», ему пришлось бы отдать наследнику великого мореплавателя золота и серебра на сумму в 350 миллионов мараведи. Эти 350 миллионов соответствовали бы десятой доле стоимости сокровищ, вывезенных в 1592 году из Нового Света. Восьмая же часть от общей суммы торговых оборотов с заморскими владениями

Испания составила бы 600 миллионов мараведи. В общей сложности правнук Колумба получил бы почти миллиард мараведи, или 10 тонн чистого золота. Сумма эта примерно вдесятеро превышала бы все доходы кастильской казны в 1492 году.

К счастью для потомков Католических Королей, любые соглашения имели силу, доколе это было угодно их предкам. Капитуляция, подписанная их высочествами в Санта-Фе, еще при жизни Колумба превратилась в клочок бумаги, и никто о ней не вспоминал в 1592 году.

Вся экспедиция стоила всего-навсего два миллиона мараведи. Причем кастильская корона вложила в это предприятие только миллион 140 тысяч мараведи. Деньги ссудили королеве Луис де Сантанхель и Франсиско Пинело (он же Пинелли). Оба они несколько лет назад взяли на откуп сбор налогов с городских эрмандад (союзов), и наличные деньги у них водились. Эти миллион 140 тысяч мараведи Сантанхель вручил Эрнандо де Талавере в мае 1492 года.

Но до нужных двух миллионов не хватало более 800 тысяч. И полмиллиона внес сам глава экспедиции. Кошелек его был пуст, но теперь ему открыли кредит прозорливые земляки. 500 тысяч мараведи Адмиралу выдал Хуаното Берарди, причем, как уже отмечалось ранее, со своим кредитором первооткрыватель Нового Света не мог расквитаться и три года спустя. А незадолго до смерти в «Записке об утеснениях», пространной жалобе на обиды, причиненные ему в Кастилии, Колумб прямо обвинил королевскую чету в скаредности: «Их высочества, — писал он, — на это предприятие не пожелали дать больше одного куэнто [куэнто — миллион мараведи], и мне пришлось добавить сверх того половину названной суммы, ибо ее для такого дела не хватало» (38, 28).

Лас Касас также говорил, что Колумб внес на снаряжение своей экспедиции 500 тысяч мараведи, ибо таков был размер восьмой доли расходов на нее, да и миллионной суммы, данной Сантанхелем, все равно было недостаточно для оплаты всех издержек. Лас Касас, видимо, считал, что эти издержки составили 4 миллиона мараведи, тогда как фактически удалось обойтись вдвое меньшей суммой (77, I, 176).

$$1\ 140\ 000 + 500\ 000 = 1\ 640\ 000$$

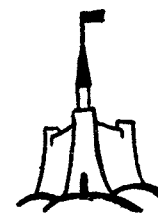
Следовательно, корона и Адмирал не покрыли всех расходов. Недостающие 360 тысяч мараведи израсходова-

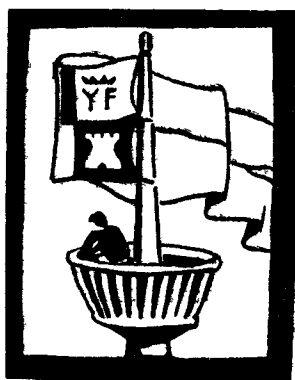
ли (и при этом безвозмездно) власти города Палоса, в котором снаряжалась экспедиция.

В общем, их высочества в пересчете на золото истратили на подготовку великой экспедиции килограммов десять этого металла. По самым же скромным подсчетам, за триста лет своего владычества в Новом Свете Испания там добыла и оттуда вывезла такое количество драгоценных металлов, которое соответствовало 3 миллионам (!) килограммов золота.

Поистине ничтожны были вложения их высочеств в столь завлекательное предприятие!

30 апреля 1492 года, в тот день, когда Христофор Колумб, виноват, дон Христофор Колумб, стал Адмиралом и Вице-Королем, королевская чета распорядилась начать подготовку к экспедиции. Город Палос, куда семь лет назад прибыл из Португалии автор проекта, отвергнутого Математической Хунтой и королем Жуаном II, избран был главной базой экспедиции.

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ

ПАЛОС

Так же как и семь лет назад, катила в океан свои темные воды Чернильная река, с запада дули соленые ветры, и солью серебрились плоские равнины у подножия горы Ваала. Но теперь по дорогам унылого между-речья шагал не нищий изгнанник, а Адмирал Моря-Океана. Уэльва, Могер, Палос, Рабида, старые, знакомые места встречали командира великой заморской экспедиции, особу, взысканную милостями их высочеств.

Тогда, летом 1485 года, несчастный беглец сошел на дощатый палосский причал с семилетним Диего, и ни отец, ни сын не знали и не ведали, что ждет их на чужой стороне.

Ныне четырнадцатилетний наследник Адмирала стал жертвой королевских портных, сапожников и цирюльников. Примерялись бархатные камзолы, из кордуанского сафьяна шились остроносые башмаки, адмиральский сын определен был королевской четой в пажи к наследному принцу дону Хуану, и ему с 8 мая 1492 года командор Гутьерре де Карденас платил жалованье — 9400 мараведи в год.

А сам Адмирал прибыл в Палос с указами их высочеств.

Палос... Почему на этот город, один из многих приморских городов Кастилии, пал выбор королевской четы?

На этот вопрос Лас Касас ответил таким образом: «Во-первых, там были хорошие и опытные моряки; во-вторых, в этом городе у Адмирала были знакомые и друзья; в-третьих, потому, что Адмирал знал и почитал и не раз беседовал и получал помощь от отца Хуана Переса, настоятеля обители или монастыря Рабиды; в-четвертых, насколько мне ведомо, короли, уж не знаю, то ли из-за содеянного преступления, то ли по праву взыскания, обязали город Палос снаряжать ежегодно по две каравеллы сроком на три месяца» (77, I, 175).

Несомненно, расчетливые монархи приняли во внимание и то обстоятельство, что палосцы были в долгу перед кастильской короной. В 1486 году Палос не пожелал послать корабли на выручку союзника Изабеллы, неаполитанского короля, и за это королева наложила на город своеобразную «епитимию», которая им как нельзя более кстати пришлось в пору подготовки первой экспедиции (84, 349—352).

Любопытно, что до июня 1492 года Палос королеве не принадлежал. Этим городом совместно владели три магната — герцог Мединасидония, граф Миранда и братья де Сильва. Но, определив, что Палос станет исходной гаванью экспедиции Адмирала, их высочества тут же выкупили половину города у его владельцев (104).

Палос был невелик, всего-то и насчитывалось в нем 600 «хозяев» (vecinos), и, стало быть, население его не превышало 3—4 тысяч душ. Но почти все палосские жители были тесно связаны с морем.

Слава о палосских рыбаках, кормчих, капитанах доходила до Лиссабона и Лондона, и, что весьма существенно, эти потомственные мореходы отлично знали воды Атлантики: им доводилось плавать и в Гвинею, и к Канарским и Азорским островам.

Одним из наиболее опытных, богатых и влиятельных палосских моряков был Мартин Алонсо Пинсон, с которым тесный контакт поддерживали настоятели Рабиды. Он и его младшие братья Висенте Янбес и Франсиско Мартин Пинсоны по инициативе Марчены и Переса привлечены были к предприятию Колумба и, как мы вскоре убедимся, оказали ему очень большую помощь летом 1492 года.

Колумб покинул 12 мая 1492 года лагерь Санта-Фе и направился в Рабиду. По пути он заехал в Кордову к донье Беатрис и там встретился с престарелым ка-

стильским путешественником Перо Тафуром, тем самым Тафуром, который за 57 лет до этой встречи посетил Геную и оставил ее описание, которым мы воспользовались в первой части этой книги. Тафур, правда, не проникал на Восток дальше Синая, но он встречался с Никколо Конти и многое мог рассказать Колумбу об Индии и «стране Великого хана». Из Рабиды 23 мая Колумб в сопровождении Хуана Переса выехал в Палос.

Адмирал привез с собой указ королевы и короля к властям и жителям Палоса. Королевская чета призвала обитателей этого города оказывать всемерное содействие главе экспедиции.

Этот указ торжественно был зачитан городским нотариусом Франсиско Фернандесом в палосской церкви святого Георгия при довольно большом стечении народа. Люди, которые присутствовали в церкви в среду 23 мая, разумеется, не подозревали, что много лет спустя им придется давать показания о знаменательных событиях лета 1492 года в связи с тяжбой Диего Колона с кастильской короной. Очевидцам опасно доверять, особенно если толкуют они о делах двадцати- или тридцатилетней давности, но их показания кое-что дают историкам, и мы не преминем ими воспользоваться.

Нотариуса выслушали молча. Неуместно высказывать суждения о королевских указах, но, право, когда народ безмолвствует, полагаться на его добрую волю опасно. Так произошло и в Палосе в майские дни 1492 года.

Королевская чета предписала: за десять дней подготавливать три корабля и без дальнейшего промедления укомплектовать их командами.

Корабли нашлись, но затем все замерло на мертвой точке. Охотников, согласных по доброй воле отправиться в дальнее плавание, не находилось. Отчасти тому виной были их высочества. Во избежание огласки цели экспедиции излагались крайне туманно. Но была и другая причина. Палосские моряки при иных обстоятельствах с легким сердцем отправились бы хоть на край света, трусами их никто не посмел бы назвать. Однако они не желали вербоваться в экспедицию, которой командовал безвестный иноземец.

И о том, как отнеслись в Палосе к Адмиралу и его

планам, говорили в феврале 1515 года многие свидетели пресловутой тяжбы. Вот каковы были их показания.

Хуан Кинтеро: «Полагали мы, что если уж португальцы не нашли земли в Море-Океане, то нынешняя затея была делом напрасным» (56, VIII, 59).

Мартин Гонсалес: «Много сведущих в морском деле людей говорили, что, следуя на запад от мыса Сан-Висенте, при ветрах, там дующих, никогда не удастся найти земли, даже если плыть пришлось бы целых два года, и все твердили — затея дона Христофора Колумба напрасна, и над ним насмехались, говоря, что никогда этому Адмиралу не доведется отыскать землю» (56, VIII, 91).

Хуан Карон: «Слышал я перед тем, как Адмирал ушел в море, и при этом много раз и от многих, что нет в той стороне земли» (56, VII, 429).

Хуан Бермудес: «Над предприятием этим все насмехались, ибо считали, что дело сие невозможно и землю на западе найти нельзя» (84, 358).

Хуан Родригес де Мафра, кормчий: «Прежде чем Адмирал открыл эти Индии, говорили, что в той стороне нет никакой земли и что, идя на запад, найти ее невозможно» (56, VIII, 27).

Хуан Родригес Кабесудо, человек, который в 1491 году дал своего мула Хуану Пересу, когда тот отправился с Колумбом в Санта-Фе: «Очень многие насмехались над Адмиралом и над его предприятием и замыслом идти в Индию, а свидетеля упрекали за то, что когда-то он дал своего мула: люди издевались открыто, считая затею напрасной, и то были здешние горожане и люди из других мест» (56, VIII, 19).

В 1535 году 85-летний свидетель Хуан Домингес из города Уэльвы, отвечая на вопросы королевского фискала, показал: «Ни один человек не отваживался идти с этим Колумбом; ибо никто его не знал, ведь он был чужеземцем и никаким доверием не пользовался» (84, 518).

Положение создалось поистине нелепое: был Адмирал, были корабли, но не было матросов и кормчих. А между тем Колумб держался превосходно. Он не пытался сломить сопротивление палосских жигелей, он не вступал с ними в бесполезные пререкания. Отправив не очень радостное письмо королевской чете, он покинул Палос и обосновался в Рабиде. Снова он прибег к по-

мощи Хуана Переса и Антонио де Марчезы, зная, что им несравненно легче будет уговорить своих прихожан и земляков.

Адмирал не сомневался: дело, начатое весной 1492 года, будет доведено до конца.

А пока палосские жители предавались толкам и пересудам, в списках команд появились первые имена. Правда, это были не волонтеры, по доброй воле готовые плыть к неведомой земле, а колодники, которых ждала плаха...

В 1919 году Алиса Б. Гоулд-и-Куинси, неутомимая исследовательница, совершившая немало выдающихся открытий в испанских архивах, разыскала дела четверых смертников, спасенных Адмиралом и зачисленных им в штат экспедиции (69, N 76, 201—214).

Еще в апреле 1492 года, в лагере Санта-Фе, королевская чета, подозревая, что в Палосе найдется немного охотников до дальних плаваний в Море-Океане, дозволила зачислять в состав экспедиции преступников. Тем из них, кто предпочел бы галерам или виселице рискованное путешествие на запад, заранее объявлялась амнистия.

В ноябре 1491 года палосский моряк Бартоломе Торрес, человек вспыльчивого нрава, убил в драке местного глашатая Хуана Мартина. Судьи приговорили его к смерти, и исполнения приговора он ждал в местной тюрьме. Трое друзей Торреса, Хуан де Могер, Педро Искьердо и Алонсо Клавихо, предприняли попытку вызвать смертника. Их поймали, а соучастие в побеге в Кастилии считалось тягчайшим преступлением. Могер, Искьердо и Клавихо разделили участь Торреса, и не за горами был день их казни.

Адмирал освободил эту четверку и впоследствии не имел основания сожалеть о своем поступке. Торрес и его друзья вели себя в плавании примерно, и в мае 1493 года по просьбе Адмирала королева их полностью реабилитировала.

Итак, в начале июня Адмирал прибыл в Рабиду. Там был разработан план дальнейших действий. Первостепенная роль в нем отводилась Мартину Алонсо Пинсону. Очевидно, Марчена и Перес решили действовать через него, но в первой половине июня Мартина Алонсо Пинсона в Испании не было, он еще не возвратился

из Рима, куда повез на продажу ценный товар — атлантические сардины.

Вероятно, числа 15—18 июня Пинсон вернулся в Палос и либо в Рабиде, либо у себя дома встретился с Колумбом. 23 июня Пинсон приступил к вербовке, в короткий срок ему удалось подобрать для всех трех кораблей команды Колумбовой флотилии.

О роли Мартина Алонсо Пинсона в первой экспедиции Колумба и в первых открытиях в Новом Свете существуют различные и порой взаимно друг друга исключающие мнения.

Разногочия в оценках вызваны прежде всего тем, что имя Мартина Алонсо Пинсона использовано было в весьма неблагоприятных целях кастильскими законниками в 1510—1550 годах, в пору, когда шла тяжба с наследниками Колумба. Кастильской короне во что бы то ни стало требовалось доказать, что Колумб не открывал Нового Света и что честь обретения первых заморских земель принадлежит не Адмиралу, а иным лицам и, в частности, Мартину Алонсо Пинсону.

Коронные фискалы очень ловко подбирали нужных им свидетелей, да и к тому же многие из них были земляками или родственниками Мартина Алонсо Пинсона и охотно давали показания в пользу этого деятеля. А двое свидетелей, сын Мартина Алонсо, Педро Ариас, и его зять, Диего Фернандес Кольменаро, считали, что душой всего заморского предприятия был их отец и тесть и что без него Адмирал вообще не добрался бы до Индии.

Новейшие исследования восстановили истину: Колумб, и только Колумб, был начинателем, главным организатором и руководителем первой экспедиции. Однако Мартин Алонсо Пинсон оказал Адмиралу очень большую помощь и содействовал быстрому завершению подготовки первого плавания. Надо отметить также, что некоторые нелицеприятные свидетели держали сторону Колумба¹.

Несомненно, Мартин Алонсо Пинсон действовал небескорыстно, за свою помощь он должен был получить от Колумба определенную компенсацию.

¹ Так, в декабре 1536 года некто Хиль Ромеро показал: «Никогда не доводилось мне слышать, будто Пинсон желал совершать открытия или делал их. Оные открытия совершил дон Христор Колумб, который прибыл в Палос и дал все приказы...» (84, 371).

Что именно посулил Мартину Алонсо Пинсону Адмирал, сказать трудно. Педро Ариас и Диего Фернандес Кольменаро утверждают, что Колумб обещал «отдать половину пожалований и привилегий, дарованных ему королями»; другой свидетель, Алонсо Гальего, полагал, что, убеждая Мартина Алонсо Пинсона принять участие в экспедиции, Адмирал посулил ему, что будет обращаться с ним как с родным братом, а свидетель Франсиско Медель заявил, будто Колумб обещал дать Пинсону все, что тот пожелает и попросит (84, 370).

Во всяком случае, Мартину Алонсо Пинсону Колумб открыл тайну своей экспедиции, ее цели, ее маршрут. И, должно быть, глава рода Пинсонов счел разумным и выгодным поддержать Адмирала.

И Мартин Алонсо приступил к делу: объехал все междуречье, побывал в Уэльве, Могере, не раз беседовал по душам с палосскими жителями и повсюду говорил, что экспедиция нуждается в смелых и опытных моряках и что ее участникам достанутся большие выгоды.

Разумеется, слова его никто не записывал, но смысл их передал сорок четыре года спустя участник экспедиции Фернан Яньес де Монтель: «Друзья, идите туда, и мы отправимся в этот поход все вместе; неимущими уйдете вы, но если с божьей помощью удастся открыть нам землю, то, обретя ее, вернемся с золотыми слитками, и все разбогатеем, и получим большой барыш» (84, 371).

Мартину Алонсо Пинсону верили, к его словам прислушивались. Вскоре в палосскую гавань потянулись добровольцы, желающие принять участие в плавании к берегам неведомой земли. Надо полагать, что не только чистое любопытство влекло их на корабли таинственной флотилии. Мартин Алонсо Пинсон недаром сулил большие барыши участникам плавания. Он отлично знал, что «сдвинуть с места» можно без труда, если «к тому имеется выгода и польза».

Судя по показаниям свидетелей, от желающих участвовать в экспедиции не было отбоя, и только большие или обремененные семейными делами люди не явились на призыв Мартина Алонсо Пинсона.

Между тем в начале июля прибыл посланец королевской четы с новыми распоряжениями палосским властям. Королева и король снова посулили всем участни-

кам плавания различные льготы и вознаграждения, что, несомненно, еще больше подогрело интерес местных жителей к экспедиции Колумба.

К концу июля подготовка к великому плаванию была закончена, экипажи полностью укомплектованы, и ничто больше не задерживало выход флотилии в море.

В пятницу, 3 августа 1492 года, в восемь часов утра, якоря были выбраны, и от отдели Сальтес, лежащей у слияния Одьеля и Рио-Тинто, корабли направились в открытое море.

ТРИ КОРАБЛЯ И ДЕВЯНОСТО ЧЕЛОВЕК. КОРАБЛИ

Человечество свято чтит имена кораблей-героев. Это Магелланова «Виктория», «Святой Петр» и «Святой Павел» Беринга и Чирикова, «Резолюшн» капитана Кука, «Восток» и «Мирный» Беллинсгаузена и Лазарева, нансеновский «Фрам», легендарный ледокол «Сибиряков». Список таких кораблей велик, и он неизменно содержит три заветных имени: «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта».

Флагман флотилии Адмирала Моря-Океана «Санта-Мария» принадлежал к классу кораблей, которые в Испании назывались «нао», в Португалии «нау», в Генуе «наве». «Нинья» и «Пинта» были каравеллами.

Нао и каравеллы — суда эпохи великих открытий. И хотя еще в середине XIII века оба эти типа кораблей упоминались в кастильских и португальских источниках, но конструктивной зрелости они достигли в XV столетии.

Средиземноморские народы — венецианцы, генуэзцы, пизанцы, каталонцы, византийцы, арабы и турки, наследники мореходных традиций античной древности, создали немало самых разнообразных типов парусных кораблей, которые бороздили воды Средиземного моря задолго до того, как португальцы начали прокладывать новые пути в Атлантике. Но все эти суда, как парусные, так и гребные, рассчитаны были на плавание у «домашних» берегов Средиземного моря.

Чем крупнее они были, тем медленнее ходили по морю и тем хуже совершали всевозможные маневры. Поэтому и в бою, и в торговых рейсах предпочтение отдавалось гребным судам — галерам. Галеры были покорны воле гребцов и плавали по морю вне зависимости от на-

правления ветра. Средиземноморских моряков вполне удовлетворяли гребные суда, вооруженные парусами. Подобная комбинация весел и парусов позволяла совершать переходы значительной дальности при противных ветрах в любом заданном направлении.

Но в XIV и особенно в XV веке европейские мореходы столкнулись с большими трудностями. Все чаще и чаще корабли стали выходить в открытый океан, а капитанам принца Энрике Мореплавателя приходилось совершать многомесячные походы вдоль пустынных и неведомых берегов, а для этого они вынуждены были запасаться впрок провиантом и пресной водой. О галерах в таких походах и думать не приходилось — слишком много пищи и воды требовалось для многочисленных гребных команд.

Явилась настоятельная нужда в новом типе парусного корабля, быстроходном, маневренном, остойчивом и емком, способном принять в свои трюмы многомесячные запасы провианта и на обратном пути вместить в себя партии черных рабов.

Именно такими кораблями и были каравеллы. Недаром венецианец Кадамосто, участник португальских плаваний в Африку, писал в 1456 году: «Каравелла — лучший корабль из всех, когда-либо ходивших по морю».

Мореходные качества каравелл были и в самом деле необычайно высокими. Они могли проходить 10, 12 и даже 15 итальянских миль в час, а 15 миль — это 22 километра. Каравелла, на которой ходил Кадамосто, при ветре с юго-запада следовала западно-северо-западным курсом, то есть держалась всего лишь в шести румбах от ветра.

По свидетельству одного моряка XV века, «каравеллы отлично лавировали, поворачиваясь к ветру то одним, то другим бортом, как будто у них были весла». Всем этим качествам мог позавидовать любой парусник тяжелого типа XX века. Легкие и маневренные каравеллы были чудесно приспособлены для плаваний в неизведанных водах открытых морей.

На этих судах, обычно трехмачтовых, латинские треугольные паруса растягивались на слегка выгнутых гафелях. Гафели крепились к мачтам под углом, наподобие перекладыны колодца — «журавля». Таким образом, эти каравеллы имели косые паруса (то есть паруса, расположенные, когда корабль находится в покое, не по-

перек судна, а в его диаметральной плоскости). Паруса такого типа известны были уже в глубокой древности. Но на каравеллах коренным образом изменилась система оснастки. Если прежде корабли несли паруса на двух мачтах и не знали бушприта, то каравеллы получили при равной, а порой и меньшей длине корпуса три мачты (фок-, грот- и бизань-мачты) и бушприт, к которому крепился небольшой треугольный парус — блинд.

Площадь парусов возросла почти вдвое, и благодаря строго продуманной системе управления это приращение было умело использовано.

Изменилась в сравнении с судами старых типов и конструкция корпуса. За счет более выгодного соотношения его длины и ширины каравеллы приобрели большую остойчивость — качество очень важное, если учесть, что им приходилось выдерживать суровые атлантические штормы.

Эти «классические» каравеллы вышли в море в конце XIV века. Строили их в приморских городах Португалии, бискайского побережья Кастилии и в гаванях Андалузии. Однако ко времени Бартоломео Диаша и Колумба в конструкцию и оснастку «классических» каравелл удалось внести много всевозможных изменений. Появились «большие братья» каравелл — корабли типа «нао редондо». Это были суда гораздо большей грузоподъемности, с прямыми парусами, которые растягивались не на кривых гафелях, а на поперечных бревнах — реях. Эти паруса позволяли держать круче к ветру и обладали поэтому одним неоценимым качеством: на них куда легче было ходить при противных ветрах. Прямые паруса известны были издревле, но только в XV веке их стали применять в дальних океанских плаваниях.

Но при этом возрос вес парусов, и, чтобы избежать вредных последствий этого, строители изменили конструкцию мачт. Грот-мачта, которая теперь несла, помимо нижнего паруса, еще и марсель, стала составной: к очень толстому и прочному основанию прикрепляли съемную стеньгу и на нее подвешивали марсель.

Помимо этих основных парусов, каравеллы получили еще добавочные косые паруса — лиселя, или бинеты (в дневнике Колумба они называются *bonetas*), в виде добавочных полос, которые прищуровывались снизу к гроту.

Вся последующая эволюция парусного флота, кото-

рая привела в XVIII веке к появлению многомачтовых кораблей-гигантов с пятью или даже шестью ярусами парусов, связана с прямыми парусами, но уже в век Колумба они получили признание мореплавателей.

У «Санта-Марии» и «Пинты» при выходе из Палоса были прямые паруса, у «Ниньи» — косые, но на Канарских островах Колумб и Мартин Алонсо Пинсон заметили косые паруса прямыми.

Как выглядели корабли первой экспедиции Колумба? Ответить на этот вопрос нелегко. Дело в том, что до нас не дошли ни чертежи, ни более или менее точные зарисовки кораблей первой экспедиции Колумба. И, оценивая все ныне существующие модели «Санта-Марии», «Ниньи» и «Пинты» (а в одной только Испании с 1892 по 1971 год предпринималось не менее семи попыток реконструкции этих кораблей), можно сказать лишь одно: все они воспроизводят подлинную конструкцию и оснастку этих судов с такой же точностью, с какой беглый карандашный эскиз, сделанный по памяти, передает черты давно утраченного оригинала.

В своих кропотливых и нелегких изысканиях историки кораблестроения учитывают решительно все сведения, касающиеся «Санта-Марии», «Ниньи» и «Пинты», в документах первого плавания Колумба. Беда, однако, в том, что основной источник, относящийся к этому плаванию, — дневники Колумба, дошел до нас лишь в пересказе Лас Касаса. Лас Касас же не был моряком, его не слишком интересовали конструктивные особенности кораблей флотилии Адмирала Моря-Океана, и он, по всей вероятности, оставил «за бортом» почти все ссылки Колумба на эти детали.

В одном месте сохранилось, однако, указание, которое позволяет представить себе, под какими парусами шла «Санта-Мария». Это запись от 24 октября 1492 года: «Я поставил все паруса корабля — грот с двумя лиселями, фок, блинд и бизань».

Наибольшие мучения создателям современных моделей доставляет «Санта-Мария». Конструкторы подразделяются на две группы — «каравеллистов», считающих, что этот корабль был каравеллой, и «наоистов», убежденных, что он относился к классу нао. Нао отличались от каравелл более широким, емким и массивным корпусом и несли высокие надстройки на носу и корме. Кор-

мовая надстройка была у судов этого класса двухъярусной, у каравелл же она второго яруса не имела.

В 1969 году в Барселоне вышла книга испанского конструктора Х. М. Мартинеса Идальго (85). Он собрал и сопоставил все прямые и косвенные данные о «Санта-Марии» и пришел к твердому убеждению, что этот корабль принадлежал к классу нао.

Наиболее обстоятельные работы, посвященные кораблям Колумба, принадлежат итальянцу Альбертису (1892) и испанцам Фернандесу Дуру и Монлеону (1892—1893), Гилену-и-Тато (1927), Х. М. Мартинесу Идальго (1969) и Карлосу Этайо (1971). В кратких чертах описал корабли первой экспедиции Колумба С. Э. Моррисон (93, I) и автор этих строк (24, 228—235).

На «Санта-Марии», как уже отмечалось, на юте была двухъярусная надстройка. Ее нижний ярус — тольда — использовался как кладовая: там хранилось различное корабельное имущество (канаты, блоки, якоря и т. д.). Верхний ярус — тольдилья — был адмиральской рубкой.

Часть палубы между ютом и фок-мачтой (камбес) не имела никаких надстроек. Здесь помещались баркасы, кухня и площадка, отведенная для компаса, который хранился в особом деревянном ящике — битакоре. На камбесе устроен был колодец для деревянной трюмной помпы, тут же пристроен был брашпиль для якорного каната.

На баке, между фок-мачтой и носом, располагалась надстройка — кубрик. В передней части ее, на самом носу, была наблюдательная площадка. Еще одна такая площадка (габия — буквально «клетка») была на грот-мачте.

Трудно себе представить, в какой невероятной тесноте жили и плавали моряки этих кораблей. На ничтожной площади надо было разместить не менее тридцати человек, да и, кроме того, обеспечить этот экипаж всем необходимым на долгие месяцы плавания в открытом море. Каждый дюйм свободного пространства ценился на вес золота, о каких бы то ни было удобствах нечего было и думать. Спали вповалку, в невероятной тесноте, на ящиках, бочках, на досках, в трюме и на палубных надстройках, подстилая под себя собственное платье, зачастую мокрое — сушить одежду было негде. Матросы, отстоявшие многочасовую вахту, занимали места, только что оставленные товарищами. Подвесные койки,

прототипом которых был индейский гамак, появились лишь в XVI веке. Постели были привилегией избранных, и во всей флотилии на них спали лишь 10—12 человек.

Пищу готовили на примитивном очаге, кормились же больше сухомятку — сухарями и солониной, а пресную воду берегли как зеницу ока: запасы ее были невелики, да и к тому же в тропиках она очень быстро портилась.

В такой тесноте трудно было наводить чистоту и порядок. Любой нынешний боцман пришел бы в ярость от грязи в корабельных помещениях, а способы хранения всяческого флотского припаса привели бы его в отчаяние.

Однако со стороны корабли выглядели весьма эффектно. Их борта выше ватерлинии были алые, как кровь, на парусах красовались геральдические фигуры и кресты, в торжественных случаях поднимался королевский штандарт — полотнище с гербом Кастилии и Леона — двумя башнями и двумя львами, рашни и львы располагались в шахматном порядке. У экспедиции был свой флаг — белый прямоугольник с зеленым крестом, концы креста венчали арагонские короны. При входе в чужеземные порты и при высадке на новооткрытую землю вывешивался вымпел с литерами F и Y — инициалами Фердинанда и Изабеллы.

На кораблях было несколько бомбард — небольших пушек, стреляющих каменными ядрами, и фальконетов — длинноствольных пищалей. На случай ближнего боя были взяты аркебузы и арбалеты. Порох запасли в изрядном количестве, равно как и свинцовые пули.

В ночное время капитаны кораблей переговаривались световыми сигналами. Чугунные светильники нынешних таллинских мастеров по форме подобны сигнальным фонарям Колумбовых каравелл...

«Нинью» и «Пинту» передали в распоряжение экспедиции власти города Палоса, искупив этим свои былые провинности. «Санта-Марию» Колумб законтрактовал у ее бывшего владельца.

И в ту пору, и позже, в XVI—XVII веках, корабли обычно носили два названия — будничное, «домашнее», и торжественное, официальное; последнее давалось в честь святых католического Пантеона. «Нинья» официально называлась «Санта-Кларой». Она была построена на верфях ныне занесенной илом гавани Ривера-де-

Могер в устье Рио-Тинто и прежде принадлежала Хуану Ниньо, жителю города Могера. По бывшему владельцу она и получила свою кличку, милую и нежную (niña — по-испански — детка). До самого последнего времени колумбоведы полагали, что «Нинья», возвратившись из первого плавания к берегам Нового Света, принимала затем участие во второй и третьей экспедициях Колумба. Однако в 1970 году испанский историк-моряк К. Этайо не без основания опроверг эту версию и высказал мнение, что в последующих плаваниях участвовал корабль — тезка знаменитой «Ниньи» (64).

В истории первой экспедиции «Нинья» сыграла выдающуюся роль: именно ей суждено было стать флагманом Адмирала после гибели «Санта-Марии».

«Пинта» была уроженкой Палоса. Как называлась она официально, неизвестно, обыденному своему имени она обязана одному из бывших владельцев, некоему Пинто. Ее хозяин, палосский житель Кристобаль Кинтеро, отправился в плавание и немало досадил в пути Колумбу. Подобно «Нинье», «Пинта» обладала отличными мореходными качествами и благополучно вернулась из плавания, выдержав бешеные февральские штормы в Восточной Атлантике. Какова была ее дальнейшая судьба, неизвестно.

«Санта-Мария» в отличие от «Ниньи» и «Пинты» родилась на свет не на юге, а на севере. Почему-то ее кличка «Гальега» («Галисийка») не привилась, и в отличие от «Ниньи» и «Пинты» ее называли «крестным», официальным, именем. Колумб арендовал ее у уроженца селения Сантоньи близ Сантандера Хуана де ла Косы. Неясно, был ли он тем знаменитым кормчим и картографом, который участвовал во второй экспедиции Адмирала и около 1500 года составил карту новооткрытых земель, или его однофамильцем¹.

Колумб «Санта-Марию» не любил, он считал ее чересчур тяжелым судном, не слишком пригодным для дальних плаваний.

Для этого у него были известные основания: «Санта-Мария» уступала в скорости своим сестрам, что порой ставило Адмирала в неудобное положение.

¹ Алиса Б. Гоулд считала, что владелец «Санта-Марии» и кормчий Хуан де ла Коса разные люди, но А. Бальестерос-и-Беррета в 1954 году попытался опровергнуть эту точку зрения.

«Санта-Мария» погибла в ночь с 24 на 25 декабря 1492 года у берегов Эспаньолы нелепейшим образом, и об обстоятельствах этой катастрофы будет сказано позже. В 1969—1970 годах группа американских ученых из Флоридского университета набрела на следы какого-то старинного корабля на побережье Гаити у мыса Аитьен, близ места гибели «Санта-Марии». Установить, действительно ли здесь покоятся обломки «Санта-Марии», вероятно трудно: в свое время Колумб велел снять с потерпевшего крушение судна всю обшивку, а киль и шпангоуты за 480 лет, вероятно, были растерзаны сильными прибрежными течениями.

Пассажирам современного океанского лайнера Колумбовы корабли могут показаться почти столь же утлыми скорлупками, как тростниковые плоты «Ра-I» и «Ра-II» Тура Хейердала. Однако спутники Адмирала доверяли своим кораблям, и их доверие было оправдано. Неведомые строители «Санта-Марии», «Ниньи» и «Пинты» использовали богатейший опыт своих отцов и дедов и создали суда, которые, как писал Колумб, оказались «очень пригодны для подобного дела», то есть для дела великих открытий.

Разумеется, пригодными они были лишь в умелых руках, а вахту на них отбывали отличные матросы, вели их к неведомым берегам сведущие кормчие, и командовали ими опытные капитаны.

люди

Да, командиру великой экспедиции повезло: команды его кораблей были укомплектованы превосходно. Это была не беспшашная вольница, не человеческое отребье из портовых кабаков и притонов.

Палос, Уэльва, Могер и более отдаленные андалузские города — Херес, Пуэрто-де-Санта-Мария, Кадис, Сан-Лукар-де-Баррамеда, Севилья дали не худших своих сыновей Адмиралу Моря-Океана. Правда, не все они были опытными моряками, но любой из уроженцев приморских андалузских городов имел профессию, так или иначе связанную с морским делом. В плавание ушли искусные плотники, конопатчики, парусные мастера, бондари, бомбардиры, и не всем этим людям подсобных профессий суждено было вернуться на родину. Большинство их осталось на острове Эспаньола, где после гибели

«Санта-Марии» Адмирал высадил на берег часть экипажа своей флотилии.

О рядовых участниках великого плавания почти совершенно не упоминали первые биографы Колумба. Даже в оценке их численности эти авторы значительно расходились. Лас Касас и Эррера полагали, что у Колумба было 90 спутников, Пьетро Мартир де Ангыера и Овьедо указывали, что в плавание отправились 120 человек.

Лишь с конца XVIII века историки приступили к поискам судовых документов экспедиции, и спустя сто лет благодаря изысканиям Х. Б. Муньоса, М. Ф. Наваретте, С. Фернандеса Дуро и Н. Тенорио-и-Сереро удалось выявить 70 участников первого плавания.

В самом конце XIX века посчастливилось найти «Роль» — список, составленный накануне выхода в море для выдачи аванса участникам экспедиции, а в 1919—1945 годах огромную работу по изучению всех платежных ведомостей, реестров и других документов, содержащих данные о личном составе экспедиции, провела Алиса Б. Гоулд.

В итоге ее плодотворных исследований в перечень участников первого плавания вошло 87 имен (69).

Славу первых открытий в морях и землях Нового Света эти 87 человек разделяют с главой великой экспедиции, и ни один биограф Колумба не вправе обойти стороной героев 1492 года.

Всех участников плавания можно подразделить на четыре группы:

Командиры

Младший командный состав

Матросы

Прочие участники экспедиции.

Командиры. Совершенно особое положение занимал глава экспедиции, Адмирал Моря-Океана. Ему были присвоены большие права, ибо он одновременно считался и вице-королем пока еще не открытых земель, и чрезвычайным послом королевской четы к государям Востока. Прежде такими правами пользовались только главные адмиралы Кастилии, но они командовали флотилиями, которые плавали в испанских водах и не посылались на край света.

Адмирал Моря-Океана одновременно был и верховным судьей с неограниченными полномочиями. По сво-

ему усмотрению он мог казнить и миловать участников экспедиции. Естественно, что он, и только он, отвечал за маршрут плавания, намечал общий курс флотилии и принимал ответственные решения, от которых зависела судьба экспедиции.

Адмиралу Моря-Океана непосредственно подчинялись капитаны кораблей. Это был высокий пост, как ни странно, прямо не связанный с руководством морской службой. Капитан исполнял обязанность начальника и коменданта корабля. По смыслу испанского морского устава конца XVI века он мог и не знать навигационного дела, но должен был обладать твердым характером, отвагой и «благородством» и держать в шорах корабельную команду. Если судно подвергалось нападению, капитан единолично руководил боем.

Должность шкиперов занимали «маэстре» (мастера, наставники) — стопроцентные моряки, а им подчинялись кормчие, которые вели астрономические наблюдения, определяли положение корабля и прокладывали на карте курс. На этот пост назначались самые опытные моряки.

Вот имена капитанов, маэстре и кормчих флотилии Колумба:

	«Санта-Мария»	«Нинья»	«Пинта»
Капитаны	Христофор Колумб	Висенте Яньес Пинсон	Мартин Алонсо Пинсон
Маэстре	Хуан де ла Коса	Хуан Ниньо	Франсиско Мартин Пинсон
Кормчие	Пералонсо Ниньо	Санчо Руис де Гама	Кристобаль Гарсиа Сармьенто

Не говоря уже о Мартине Алонсо Пинсоне, знания и заслуги которого признавали все без исключения участники экспедиции, все эти командиры были истинными «морскими волками». У Пералонсо Ниньо были за плечами опыт плаваний в Атлантике, а впоследствии он стал главным кормчим Кастилии. Висенте Яньес Пинсон прошел школу практического мореплавания у своего старшего брата, а в 1500 году ему суждено было совер-

шить выдающиеся открытия на берегах Южной Америки. О третьем брате — Франсиско Мартине Пинсоне известно немного, но можно не сомневаться, что в искусстве ставить паруса и вязать узлы он знал толк. Отличными кормчими были Санчо Руис де Гама и Кристобаль Гарсиа Сармьенто. Правда, Хуан де ла Коса и Хуан Ниньо скорее всего получили должности маэстре как владельцы «Санта-Марии» и «Ниньи», но, вероятно, они не были новичками в морском деле.

К числу командиров следует отнести главного альвазила флотилии Диего Энрикеса де Арану, кузена Беатрис Араны. Он ведал всем «арсеналом» экспедиции и надзирает за порядком на кораблях.

Младший командный состав. В эту группу входили так называемые «контрамаэстре» — боцманы, лица, которые фигурировали в списках личного состава под рубрикой «диспенсеро» (они ведали хранением и выдачей провианта и пресной воды, а также отвечали за исправность сигнальных фонарей), конопатчики, плотники и бондари.

Известно, что на «Санта-Марии» боцманом был баск Чачу, личность с весьма неуживчивым нравом, а на «Пинте» — палосский житель Хуан Кинтеро де Альгутра.

Матросы. Матросы подразделялись на два разряда: обученных матросов (маринеро) и палубных матросов (грумете). К разряду палубных матросов относились корабельные юнги.

Прочие участники экспедиции. К этой группе относились шесть человек:

1. Полномочный инспектор короны (veedor real) Родриго Санчес де Сеговия.
2. Нотариус флотилии (escribano de toda armada) Родриго де Эсковеда.
3. Толмач, крещеный еврей Луис де Торрес.
4. Единственный пассажир флотилии, королевский постельничий Перо Гутьерес.
5. Слуга Колумба Педро де Торрерос.
6. Паж Колумба Педро де Сальседо.

Их высочества, посылая новоиспеченного Адмирала Моря-Океана к берегам Индии и страны Великого хана, отнюдь не намерены были предоставить ему неограниченную свободу действий.

Поэтому-то в состав участников экспедиции введены были глаза и уши Католических Королей, сеньоры Род-

риго Санчес де Сеговия и Родриго де Эсковеда. Очень возможно, что и любознательный пассажир Перо Гутьерес выполнял кое-какие доверительные поручения короля Фердинанда.

Вся эта троица была абсолютно бесполезна, в морском деле никто из них ничего не смыслил, да и к тому же держались они на кораблях весьма надменно.

Никакой пользы, но по совсем иным причинам, не мог принести Адмиралу толмач Луис де Торрес, крещеный еврей, прежде служивший в канцелярии губернатора Мурсии. Ведь ему полагалось переводить на кастильский язык речи государей и наместников азиатских стран, и владел он арабским и халдейским языками, о которых ни малейшего представления не имели индейцы Кубы и Эспаньолы.

Ежемесячно корабельным командам выплачивалось 250 180 мараведи. Маэстре и кормчие получали в месяц 2 тысячи, маринеро — 1000 и грумете 666 мараведи.

В экспедиции участвовали преимущественно молодые моряки; Мартин Алонсо Пинсон, которому было лет пятьдесят, и Адмирал Моря-Океана (ему лишь недавно пошел пятый десяток) многим своим спутникам годились в отцы.

Не только в 1512 и 1515, но даже в 1532, 1535 и 1536 годах соплаватели Колумба по первой экспедиции выступали в качестве свидетелей в тяжбе его наследников с испанской короной, и нетрудно установить, что в 1492 году большинству из них было лет 25—30 (56, VII, VIII; 94).

Девяносто человек — это девяносто разных характеров, это разные нравы и разные предубеждения. В Кастилии XV века андалузец казался чужаком баску или галисийцу, и даже жители соседних городов не всегда уживались мирно, яростно отстаивая славу, честь или приоритет своего родного гнезда. На кораблях первой экспедиции было не менее пятидесяти выходцев из Палоса, Уэльвы и других гаваней междуречья. Затем шла следующая по численности группа представителей других андалузских городов. Особняком стояли десять северян — басков, астурийцев, галисийцев и пятеро иноземцев — сам Колумб, португалец Жуан Ариаш, генуэзец Джакомо Рико, калабриец Антонио Калабрес и венецианец Джованни Весано.

Люди группировались по землячествам, и, кроме то-

го, существовали «кровно-родственные» партии. Фамилии Пинсонов и Ниньо дали флотилии трех братьев. На «Нинье» служили отец и сын Арреасы, на «Пинте» дядя и племянник Пересы, братья Медели и братья Кинтеро. Родичи либо создавали блоки, в которые входили люди из тесно между собой связанных фамилий, либо люто враждовали с подобными же партиями, вспоминая давние обиды. Старые, начавшиеся еще лет десять назад распри продолжались в плавании и возбуждали пылкие страсти.

Постоянно ссорились между собой южане и северяне. Во главе северян стояли маэстре Хуан де ла Коса и боцман Чачу, которые никому не давали спуска.

На «Пинте» преобладала группа палосских выходцев, друзей, дальних родичей и знакомых Мартина Алонсо Пинсона, и команда этого корабля доставила Адмиралу немало забот и тревог.

Явление совершенно необычайное: вопреки всем традициям на кораблях первой экспедиции не было ни монахов, ни священников.

В общем держать в руках такой экипаж было не так просто, и Адмирал вынужден был прибегать к весьма хитроумным мерам, чтобы внушить своим спутникам уверенность в успехе трудного предприятия.

И все же благополучному исходу экспедиция обязана не только энергии и предприимчивости ее главы, но и стойкости подавляющего большинства простых матросов, людей, сроднившихся с морем, и уроженцев тех областей Кастилии, которые дали этой стране тысячи прекрасных моряков.

ПУТЬ НА ЗАПАД

Два исхода. Три корабля в пятницу, 3 августа 1492 года, при крепком северном ветре отошли от песчаных отмелей в устье Одьеля — Рио-Тинто и взяли курс на юг.

Миновав унылый и плоский мыс Умбрию, они вступили в открытое море.

Кастилия и Арагон в этот день проснулись в великом волнении. Потрясающую новость обсуждали на все лады: дома, в четырех стенах — откровенно, но не слишком громко, на улицах и площадях — вполголоса, с оглядкой на случайных прохожих.

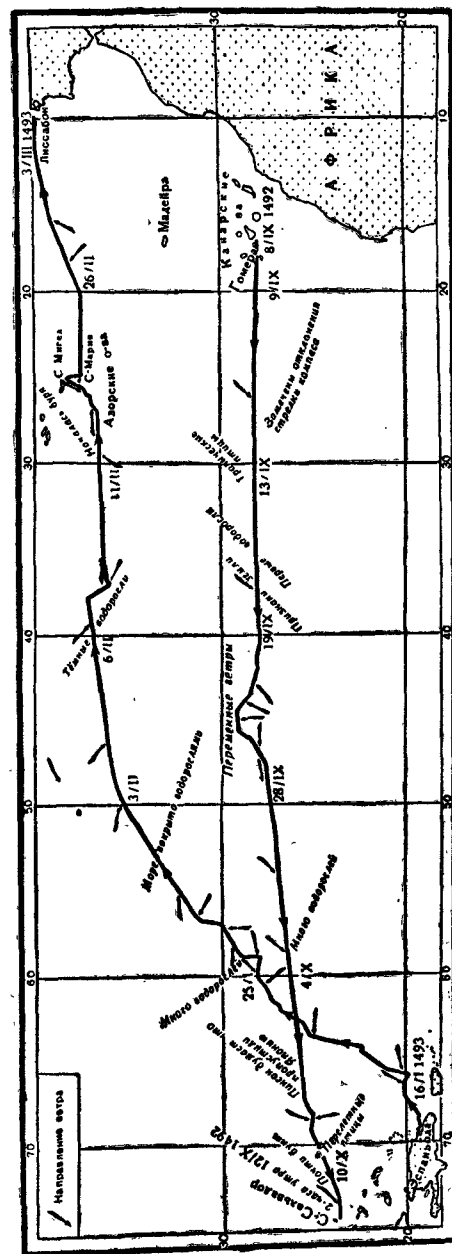
Накануне, в четверг, 2 августа, истек последний срок указа их высочеств от 31 марта 1492 года. Указа о поголовном изгнании из кастильского и арагонского королевства всех Моисеевых сынов.

Последние корабли с последними изгнанниками покинули гавани Испании в ночь со 2 на 3 августа. С наступлением дня — а 3 августа солнце взошло в шесть часов утра — любой иудей, какого бы пола и возраста он ни был, обнаруженный на территории Кастилии, подлежал казни.

Корабли с последними изгнанниками утром 3 августа уже были в открытом море и держали курс на Лиссабон, Геную, Марсель, Оран, Алжир, Ла-Рошель и Лондон.

За мысом Умбрия им, возможно, встретилась небольшая флотилия, которая под всеми парусами шла прямо на юг. Флотилия Адмирала Моря-Океана. О выходе же ее в дальнейшее плавание решительно ничего не знали подданные Католических Королей, встревоженные, опечаленные и обрадованные вестью об исходе из Испании двухсот тысяч врагов истинной веры.

«Атлантическое кольцо». Уже сам по себе выбор генерального курса — до Канарских островов на юг и далее на запад — был решением гениальным. Лучшей морской дороги из Испании в тропические области Нового Света не существует. От берегов Пиренейского полуострова к Канарским островам следует очень сильное Канарское течение. Сразу же к югу от этих островов оно круто поворачивает на запад и вливается в струю Северного Пассатного течения. Это течение в полосе восточных пассатов пересекает Атлантический океан в интервале между 25 и 10 градусами северной широты и доходит до берегов Кубы и Флориды. Но по Северо-Пассатному пути возможно лишь одностороннее движение (конечно, для парусных кораблей, а не для паро- и теплоходов). В обратном направлении, от Антильских островов в Испанию, надо держать путь в зоне Гольфстрима, который пересекает Северную Атлантику с юго-запада на северо-восток и выносит корабли к Азорским островам. Именно так шел Колумб домой в 1493 году, вторично избрав единственно верную трассу. С той поры только так — туда через Канарские острова, обратно через Азоры — ходили решительно все корабли на линиях, связывающих Испанию с Центральной и Южной Америкой. Правда, в 1664 году один упрямец решил

Первое плавание Колумба. Показан маршрут перехода от Канарских островов к Новому Свету и маршрут обратного плавания из Испании к берегам Пиренейского полуострова. Переход в Новый Свет осуществлялся в полосе восточного Северного Пассатного течения, переход из Испании в Испанию в струе Гольфстрима.

пройти из Америки в Испанию по «южной» дороге, но вместо полутора месяцев он затратил на этот путь полтора года.

Колумб, таким образом, открыл кольцевые течения в Атлантике и тем самым предопределил всю систему трансокеанской навигации. Бесспорно, он использовал богатый португальский опыт: законы течений в восточной части Атлантики португальские мореплаватели познали еще в первой половине XV века. Но португальцы не заходили далеко на запад от Канарских островов и тем более не совершали кольцевых плаваний в Атлантике, и заслуга первого такого перехода, несомненно, принадлежит Адмиралу Моря-Океана.

Странно, но его биографы крайне редко отмечают значение этого выдающегося открытия, хотя именно оно и определило возможность постоянных сообщений с Новым Светом в кольцевом контуре североатлантических течений.

Искусство водить корабли. Три корабля Колумба вышли в плавание в ту пору, когда кораблевождение было хитрым и тонким искусством. Только огромный опыт и богатая интуиция помогали капитанам и кормчим Колумбовой эпохи определять место корабля в открытом море. Никаких приборов для определения долготы тогда не существовало в природе. Широту «ловили» весьма несовершенными способами. Ее можно было определить либо по высоте Полярной звезды, либо по высоте солнца в полдень, в то время уже существовали таблицы, в которых было указано, какой широте соответствует угол возвышения над горизонтом солнца в полуденный час. Но беда заключалась в том, что угол этот измерялся крайне неточными приборами, квадрантом и морской астролябией, причем пользоваться ими было невероятно трудно при малейшем волнении на море.

Но по одной только широте совершенно невозможно было проложить курс и определить, где же именно в данный момент находится корабль. Сугубо приближенно это удавалось сделать методом счисления, сущность же его заключалась в том, что кормчий устанавливал место корабля по трем элементам: направлению, времени и скорости хода.

В самом деле, если известно, что судно шло на северо-северо-запад 24 часа со средней скоростью 10 миль

в час, то нетрудно определить, в каком месте оно находилось в исходе 24-го часа в сравнении с его положением, зафиксированным сутки назад.

Направление легко было определить по компасу, хотя в те времена никто не знал, что стрелка тянется не к географическому, а к магнитному полюсу Земли. Куда хуже обстояло дело со скоростью. В XV веке еще не было лага, прибора для измерения скорости хода судна, и ее оценивали лишь на глаз. При этом, разумеется, можно было допустить очень серьезную ошибку, ведь наблюдатель не мог учесть скорость попутного или противного течения, а оно либо форсировало, либо замедляло движение судна.

Неладно обстояло дело и с измерением времени. Карманных часов XV век не знал, время на кораблях рассчитывалось по песочным часам — ампольетам. Песок пересыпался из верхней склянки в нижнюю за полчаса, после чего приставленный к этому прибору юнга должен был перевернуть ампольеты, а вахтенный начальник отметить на грифельной доске очередной интервал времени. Стоило юнге на несколько минут зазеваться или командиру, стоящему на вахте, пропустить очередную отметку, и в отсчет времени вносились серьезные ошибки.

К счастью, исправимые, так как мореплаватели имели возможность определять местное время по солнцу или по Полярной звезде (если эти светила не скрывались за облаками).

В результате допускались колоссальные ошибки. На обратном пути Колумб и его кормчие разошлись, определяя место корабля, на 10 градусов, или почти на 900 километров!

Мы доплывем, хоть путь далек... Хотя дисциплина на кораблях оставляла желать лучшего, распорядок морской службы соблюдался весьма строго. Вахта сменялась через каждые восемь ампольет, то есть по истечении четырех часов, причем время смены возвещал судовой колокол.

Корабли шли под флагом Католических Королей, и естественно, что во флотилии соблюдались традиционные религиозные церемонии.

С. Э. Морисон описал их очень образно и ярко:

«На каждом корабле юнга должен был встречать утреннюю зарю песней, начинавшейся так:

Благословен будь свет дневной,
Благословен будь крест святой.

После чего он читал «Отче наш» и «Аве Мария» и просил благословения команде корабля. Юнга перевертывал склянки ампульеты каждые полчаса тоже с песней. Так, например, когда било пять склянок, он пел:

Пять минуло, шесть пришло,
Бог захочет — семь придет.
Ход быстрее, усердней счет.

С заходом солнца, перед ночной вахтой, все матросы вызывались на вечернюю молитву. Церемония начиналась с того, что юнга зажигал лампу нактоуза и пел:

Дай нам, господь, доброй ночи,
Доброго плавания дай кораблю.
И капитану, и всей корабельной команде.

Потом все матросы пели «Отче наш», «Верую» и «Аве Мария», в заключение исполнялась «Сальве Регина». До нас дошел точный текст и музыка этой старинной бенедиктинской песни, но сам Колумб говорил, что «моряки поют и пересказывают ее всяк на свой лад», искажая без пощады мелодию и перевирая торжественную латынь. Но разве она, пусть искаженная, не возносилась к святой деве, под чьим покровительством все моряки чувствовали себя в безопасности?

Вот юнга перевертывает склянку восьмой раз и поет так:

Лишь в склянке кончится песок —
И время вахты минет,
Мы доплывем, хоть путь далек,
Господь нас не покинет.

А чудесной тропической ночью, когда корабли, стремясь на запад, вздымались и опускались на волнах, хлопали парусами и надували их, натягивали шкоты и отбрасывали носами пену, каждые полчаса юнга отмечал следующей песней:

Давайте господа молить,
Чтоб в гавань счастливо доплыть.
Защита наша божья мать,
Нас не коснется горе, —
И нам ни смерч, ни ураган
Не страшны будут в море.

Таков был повседневный ритуал на море, не меняющийся ни при какой погоде» (22, 50—52).

Лето 1492 года было на исходе, и в предосенние дни шли к неведомой земле корабли с кастильскими аргонавтами. Это были сыновья своего времени, люди XV столетия, которые горячо верили в пресвятую деву и в блаженных мучеников, держали в своих сундучках чудотворные реликвии — волос из бороды святого Петра или зуб святого Роха, — пугливо осеяли себя крестным знаменем, когда на верхушках мачт занимались таинственные огни святого Эльма, и даже в самые знойные дни не сбрасывали с себя рубах, ибо добрым христианам не полагалось обнажать прилюдно грешное тело.

Все это не мешало им браниться черными словами, втихомолку играть в карты и кости, по любому поводу вступать в драку и рассказывать о былых своих похождениях в палосских и севильских кабаках.

Адмирал был их современником, никого не удивляло, что в те минуты, когда сорок глоток пели «всяк на свой лад» «Сальве Регина», он преклонял колени на грязной палубе и обнажал голову, когда поминал имена господина и пресвятой девы.

Но для всех он оставался загадкой, его не понимали, ему не очень верили, хотя постепенно люди убеждались, что в морском деле он ничуть не уступает Мартину Алонсо Пинсону или Пералонсо Ниньо.

Глухая и смутная тревога жила в душах этих невольных аргонавтов, и чем дальше отодвигались родные берега, тем беспокойней становилось на кораблях Колумбовой флотилии.

Начало пути. «Залив Кобыл» — уголок Атлантики между юго-западным выступом Пиренейского полуострова и Канарскими островами — был самой обжитой частью Моря-Океана, Колумб бывал в этих водах в пору своих гвинейских плаваний, а палосские моряки чувствовали себя здесь как дома. Переход к Канарским островам занял шесть дней, но благополучным он не был. Случилось происшествие, без которого редко обходятся авторы морских романов. В 1492 году такие происшествия считаются диверсиями, в 1492 году Колумб называл их кознями. На «Пинте» дважды, 6 и 7 августа, ломался руль. После второй поломки выяснилось, что рулевое

управление требует полной замены, да к тому же еще в корпусе «Пинты» открылась течь.

«Полагают и подозревают, — говорится в дневнике первого плавания (24, 80), — что все это случилось из-за козней Гомеса Раскона и Кристобаля Кинтеро, которому принадлежала каравелла, потому что он не желал выйти в это плавание. И Адмирал говорит, что перед выходом в море было замечено, что эти люди строят козни и ковы».

Гомес Раскон был совладельцем «Пинты» и соумышленником главного «диверсанта» — Кинтеро. Надо полагать, что капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон прозрачно намекнул заговорщикам, какова будет их участь, в случае если подобные происшествия повторятся, и в дальнейшем на «Пинте» аварий больше не было. Однако поврежденный корабль нуждался в замене или ремонте, а поэтому решено было «идти к острову Гран-Канария, дабы там оставить каравеллу» (24, 80).

9 августа флотилия подошла к Канарским островам. В ту пору Кастилия утвердилась лишь на восточных и центральных островах этого архипелага — Лансароте, Гран-Канарии и Гомере. На самом большом из этих островов — Гран-Канарии правила вдова ленника королевы Изабеллы Хуана Фернандеса де Боабильи, которая впоследствии, если верить земляку Адмирала и его спутнику по второму плаванью Микелю Кунео, была неравнодушна к первооткрывателю Нового Света.

«Пинта» отдала якорь у берегов Гран-Канарии, но противные ветры помешали пристать к этому острову «Санта-Марии» и «Нинье», и Адмирал увел оба эти корабля на Гомеру, куда прибыл 12 августа. Он надеялся заменить «Пинту» одним севильским кораблем, на котором где-то плавала донья Беатрис, но ни ее, ни этого корабля не дождался. Волей-неволей пришлось оставить во флотилии «Пинту». Ремонт «Пинты» затянулся и был закончен только в первых числах сентября, и тем временем Адмирал сменил оснастку на «Нинье» и поставил вместо косых парусов прямые.

В двадцатых числах августа Адмирал побывал на Гран-Канарии и по пути, проходя мимо острова Тенерифе и гигантского вулкана Пико-де-Тейде, «растолковал морякам, какова причина и основание такому огню, и слова свои подкрепил описанием горы Этны в Сици-

лии и многих других подобных же гор, которые довелось ему повидать» (58, 77).

Здесь, у подножия огнедышащей горы, которую суевверные моряки считали частью дьявола, Колумб ошеломил свою аудиторию, объяснив ей суть вполне естественных причин грандиозных вулканических извержений. Недаром Александр Гумбольдт отметил, что великий мореплаватель был великим натуралистом, наделенным даром познавать загадочные явления природы. Он открыл законы атлантических течений, он обратил внимание на феномен магнитных склонений, он дал первое описание флоры и фауны новооткрытых земель Нового Света.

Правда, этот дар сочетался в нем с наивным и слепым преклонением перед боговдохновенным Ветхим заветом, правда, он свято верил авторитетам седой древности, утверждая, что мир мал, правда, у берегов Ориноко он искал земной рай, но ведь жил, думал и плавал он в XV веке, предпоследнем столетии средневековья...

В начале сентября Адмирал пополнил на Гомере запасы мяса, пресной воды и дров и в четверг, 6 сентября, вышел в море, взяв курс на запад. «Таким образом, — писал Фернандо Колон, — день 6 сентября 1492 года следует считать исходным днем этого предприятия и перехода через океан» (58, 78).

Только 7 сентября на море был штиль, с 8-го подули северо-восточные пассаты, свежие и благословенные ветры, попутные для плавания в западном направлении.

«В течение первых десяти дней (с 9 по 18 сентября) дул ровный восточный пассат, и флотилия продвинулась к западу на 1163 морские мили. Это был медовый месяц плавания», — пишет С. Э. Морисон. «Que era plazer grande el gusto de las mañanas» — «Как чудесен был вкус утра!» — записал Колумб в своем дневнике. Эти слова тронут сердце любого, кто только плавал в пассатах, — ему придут на память и прелесть утренней зари, бросающей розовые отсветы на облака и паруса, он вспомнит и нечто такое, чего не было у Колумба, — первую чашку кофе. Каравеллы шли по северной границе северо-восточных пассатов, где ветер только начинает взрывать воду, и море было спокойным, а воздух, как отметил Адмирал в своем дневнике, «был как в Андалузии в апреле, не хватало только пения соловья» (22, 52).

Корабли шли на запад необыкновенно быстро, слу-

чалось, что за сутки они пробежали по 60 лиг, а 60 лиг — это около 150 морских миль¹.

Пожалуй, шли они даже слишком быстро! С каждым днем отдалялась флотилия от родных берегов, а Морю-Океану не было конца, и на кораблях нарастала тревога. Адмирал, однако, нашел способ успокоить команду.

В воскресенье, 9 сентября, в дневнике было отмечено: «Прошли за день 15 лиг, Адмирал принял решение отсчитывать доли пути меньше, чем проходили в действительности, в том случае, если плавание оказалось бы длительным, чтобы людьми не овладевали страх и растерянность» (24, 81).

На следующий день вместо 60 лиг, пройденных за сутки, объявили экипажу 48 лиг.

Так заведена была «двойная бухгалтерия», так отныне вели истинную и обманную запись пройденным дистанциям.

У Адмирала совесть была чиста. Сама церковь, всемогущая и непогрешимая, оправдывает «ложь во спасение». В данном же случае от поведения участников экспедиции зависело, быть ей или не быть.

В четверг, 13 сентября, взбунтовались стрелки компаса. «В первые часы ночи, — писал Фернандо Колон, — компасные иглы отошли на северо-восток на полчетверти [четверть 11¹/₄ градуса], а к утру они отошли еще на полчетверти, и отсюда он, Адмирал, заключил, что стрелка глядит не на звезду, которую называют Полярной, а в другую точку, определенную, но невидимую. Это отклонение, до той поры никому не вемое, по праву вызвало удивление, и еще больше изумило оно на третий день, когда от тех мест прошли сто лиг и стрелки в начале ночи отошли на целую четверть, а к утру снова показывали в то место, где находилась Полярная звезда» (58, 78).

Это было явление магнитного склонения, и Колумб сразу же сообразил, что не везде и не всегда стрелка компаса точно указывает на север. Отныне он постоянно сверял по Полярной звезде показания путевого прибора.

¹ Счет пройденному расстоянию Колумб вел в лигах, причем он отмечал, что лига равна 4 итальянским милям (5924 м). Однако если эту величину принять в основу при оценке суммарного пути, то окажется, что дистанции, показанные в «Дневнике», на 8—10 процентов превышают истинные.

Богу хвала, 16 сентября появилось «множество пучков зеленой травы, и, как можно было судить по ее виду, трава эта лишь недавно была оторвана от земли. Поэтому все полагали, что корабли находятся вблизи какого-то острова, и, по мнению Адмирала, это был именно остров, а не материк. Он говорит: «Материк лежит еще дальше» (24, 82—83).

Итак, корабли подошли к неведомому острову. Быть может, к таинственному острову Антилье, быть может, к не менее загадочному острову Семи городов...

Саргассово море. Да, трава была зеленая и свежая, и становилось ее все больше и больше, но лот всякий раз, когда бросали его в воду (удивительно прозрачную и голубую, как небо), дна не доставал.

Где там! Свинцовое грузило уходило в пучину, двести сажений линия вытравили впустую, и морякам невдомек было, что даже на двух тысячах сажений лот не достигнет дна. Корабли вступили в Саргассово море, в море без берегов, тихую океанскую заводь, окольцованную великими атлантическими течениями. Стаи морских птиц пасутся здесь на бездонных лугах. Огромные скопления саргассовых водорослей странствуют в этом море по воле волн, по прихоти переменчивых ветров. Порой кажется, будто на пенистых гребнях колышутся морские виноградники. Подобны лозам длинные зеленовато-бурые плети, и часто они усеяны крупными «виноградинами» — полыми поплавками, которые удерживают на воде эти блуждающие заросли.

Плавающие луга радовали моряков, всем казалось, что вот-вот покажется земля, и однажды с «Пинты» заметили берег, и Адмирал, стоя на коленях, дал приказ: всем петь благодарственную молитву. Земля, однако, вскоре превратилась в легкое облачко. Капитан «Пинты» очень хотел продолжить поиски ближнего острова, но Адмирал сказал: не надо, наша цель Индии, и здесь задерживаться нет смысла.

А зеленая трава по-прежнему щекотала борта кораблей, и она уже не возбуждала надежд на обретение земли. Напротив, многие опасались натолкнуться на предательские рифы, скрытые этой постылой зеленью.

Как это ни удивительно, но противные ветры (а они дули весь день 22 сентября) не обескуражили, а обрадовали людей. «Мне пришлось очень кстати этот про-

тивный ветер, потому что мои люди очень тревожатся, решив, что в этих морях не дуют ветры, с которыми можно возвратиться в Испанию» (24, 85).

Правда, эти настроения были столь же изменчивы, как и ветры. На следующий день наступил штиль, и «люди стали роптать, говоря, что море тут странное и никогда не подуют ветры, которые помогли бы им возвратиться в Испанию» (24, 85). И тут же они снова угомонились — началось при безветрии сильное волнение, которое почему-то всем пришлось по душе. «Большую пользу принесло мне это бурное море, — писал Адмирал, — и подобного, пожалуй, не случалось со времен иудейских, когда евреи роптали на Моисея за то, что он освободил их из плена» (24, 85).

Над кораблями часто пролетали морские птицы: фрегаты, глухыши и фазаны. Когда 30 сентября четыре фазана показались над «Санта-Марией», Адмирал отметил, что это «важный признак близости земли, потому что, когда появляются вместе несколько птиц одной породы, можно с уверенностью сказать, что то не отбившиеся стаи и не потерявшие свой путь птицы» (24, 85). Увы, уповать на близость берега при виде стайки фазанов никогда не следует — эти птицы отличные летуны, и 30 сентября 1492 года флотилия их встретила, когда до ближайшей земли оставалось не менее 800 морских миль.

В пятницу, 5 октября, травы не стало. Корабли вышли из Саргассова моря. Никаких признаков земли не было, начался новый и самый тяжелый этап плавания.

Перелетные птицы и таинственная карта Пинсона. Йерро — последний остров Канарского архипелага — флотилия миновала 9 сентября. Стало быть, 6 октября корабли шли Морем-Океаном двадцать восьмой день. Шли на запад через необъятное водное пространство. До субботы, 6 октября, Мартин Алонсо Пинсон беспрекословно подчинялся указаниям Адмирала. Курс — запад возражений у него не вызывал. Однако в ночь на 6 октября он вступил в переговоры с Адмиралом и «сказал, что лучше было бы плыть на запад, четверть к юго-западу. Адмиралу показалось, что Мартин Алонсо, говоря это, имеет в виду не остров Сипанго» (24, 87—88).

Двадцать с лишним лет спустя король Фердинанд и его советники проявили немалую изобретательность в

стремлении умалить заслуги Колумба и лишить юридической силы претензии его сына Диего на отцовские титулы и привилегии.

В 1515 году не без участия дона Хуана де Фонсеки, главы коронного ведомства, которое управляло всеми новооткрытыми землями (с этим деятелем нам предстоит неоднократно встретиться в будущем), был разработан хитроумный вопросник из 24 пунктов. Вопросник был вручен коронному фискалу Педро Руису, который должен был объехать ряд андалузских городов и предъявить означенный документ тамошним морякам-старожилам. Все 24 вопроса поставлены были так, чтобы ответы на них могли опорочить покойного Адмирала Моря-Океана.

От свидетелей требовалось подтвердить, что во всех четырех плаваниях Колумб не совершал, в сущности, никаких открытий, что он либо следовал в решающий момент рекомендациям своих спутников, либо искал новые земли в тех местах, где до него уже побывали кастильские мореплаватели.

Разумеется, прежде всего корона стремилась свести на нет заслугу Адмирала в открытиях 1492 года. Для этого надо было доказать, что корабли первой экспедиции привел к берегам Индий не ее глава, а поскольку Мартин Алонсо Пинсон заслуженно считался выдающимся мореходом, составители вопросника заранее приписывали ему роль истинного первооткрывателя Нового Света¹.

Фискал Педро Руис в сентябре и октябре 1515 года посетил города Севилью, Уэльву, Лепе и Палос, и опрошенные им свидетели дали ответы по всем 24 пунктам. Три вопроса, № 11, 12 и 15, непосредственно касались знаменательных событий октября 1492 года и были

¹ В конце XIX века испанский историк С. Фернандес Дуро, издатель материалов этой тяжбы, выступил в защиту Мартина Алонсо Пинсона. В двух своих трудах (62, 63) Фернандес Дуро пытался доказать, что в экспедиции 1492 года все выдающиеся открытия совершил не Колумб, а Пинсон. Доводы Фернандеса Дуро были отвергнуты колумбоведами, несостоятельность их продемонстрировал, в частности, выдающийся русский географ Д. Н. Анучин (4).

В равной мере пропинсоновские гипотезы не удалось возродить и 60 лет спустя советскому историку Д. Я. Цукеркину (33), взгляды которого были подвергнуты обоснованной критике (11, 12).

сформулированы так, чтобы свидетели сразу же сообразили, чего от них хочет король Фердинанд.

Сущность этих вопросов сводилась к следующему. Верно ли, что Мартин Алонсо Пинсон в 1491 году приобрел в Риме, в библиотеке папы Иннокентия VIII, какое-то описание или карту Соломоновых времен? Верно ли, что Мартин Алонсо Пинсон сообщил Колумбу, что от Испании до земли Сипанго, показанной на этой карте, надо плыть на запад до 95-го градуса и что эта земля больше и богаче Европы и Африки? Верно ли, что в первом плавании Мартин Алонсо Пинсон был главным лицом, что именно он в пору, когда корабли находились в 200 лигах от земли и когда Адмирал растерялся, дал нужные путеводные указания?

Большинство опрошенных свидетелей, не желая кривить душой, уклонялись от ответов или указывали, что нечто подобное где-то слышали, но толком ничего не знают. Однако нужные королю ответы охотно дал сын Мартина Алонсо Пинсона, Ариас Перес. Он отметил, что в 1491 году был с отцом в Риме и что оба они получили в папской библиотеке от одного великого космографа сведения о землях, которые надлежало открыть, и описание этих земель. Отец показал приобретенную в Риме карту Адмиралу, и тот по настоянию Мартина Алонсо решил принять курс на юго-запад (56, VIII, 228—229).

И вопросы, и ответы призваны были подорвать доверие к Адмиралу и внушить мысль, будто Мартин Алонсо Пинсон вел корабли экспедиции по маршруту, который указан был в таинственном «описании», найденном в папской библиотеке.

Но составители вопросника слегка перемудрили. Для вящей убедительности они объявили римскую находку «шпаргалкой» Соломоновых времен. В XVI веке это звучало солидно, в XX столетии ссылка на царя Соломона лишает пинсоновский документ какого бы то ни было значения.

Допустим, однако, что римский друг Мартина Алонсо Пинсона снабдил его не путеводителем библейских времен, а картой, составленной в том же 1491 году лучшими картографами Европы.

Увы! Такая карта была абсолютно бесполезна, и, пользуясь ею, нельзя было прокладывать путь к желан-

ным островам и материкам, показанным ее составителями в Море-Океане.

До 1493 года картографы решительно никаких сведений о дальних атлантических землях не имели, что, однако, не мешало им размещать в Море-Океане всевозможные острова, большие и малые. Рассеивая их в Атлантике, картографы руководствовались совершенно фантастическими озарениями.

Так поступал, в частности, консультант Жуана II Португальского немец Мартин Бехайм. На его глобусе, изготовленном в 1492 году, мифические острова «плавали» как раз в тех местах, где 6 октября находились корабли Колумба, а полумифическая страна Сипанго располагалась в той же широте, но чуть западнее.

Вполне возможно, что в Риме Мартин Алонсо Пинсон и в самом деле раздобыл какую-то карту, весьма вероятно, что он пользовался ею в пути, отнюдь не исключено, что он показывал ее Адмиралу и, ссылаясь на нее, убеждал главу экспедиции отклониться от взятого курса к югу-западу.

Но пинсоновский остров на пинсоновской карте был землей мифической, в природе его не существовало, а поэтому и пинсоновские целеуказания лишены были смысла.

7 октября Адмирал, однако, сменил курс и направился на запад-юго-запад. Последовал он при этом совету Мартина Алонсо Пинсона?

Вряд ли. Есть все основания полагать, что такое решение он принял по иной, гораздо более убедительной причине. Не пинсоновская карта, а перелетные птицы побудили его отклониться от западного курса. Тому свидетельством запись от 7 октября:

«Пролетело великое множество птиц от севера к юго-западу: судя по всему, можно было полагать, что они летят, чтобы ночевать на суше, или же, быть может, бегут от зимы, которая в тех землях, откуда они вылетели, должна была уже наступить (Адмирал знал, что большинство островов, которыми владеют португальцы, были открыты благодаря птицам). Поэтому Адмирал решил оставить путь к западу и направился на запад-юго-запад с тем, чтобы в течение двух дней идти этим путем. Это случилось за час до захода солнца» (24, 88).

Всего лишь на четверть румба — на $11\frac{1}{4}$ градуса отклонился Адмирал от прежнего курса. Слава птицам!

они подсказали ему наивернейший путь к ближайшей земле. Трудно сказать, чем закончилось бы Колумбово плавание, если он и дальше шел бы строго на запад. Первая земля по этому курсу — мыс Канаверал на восточном берегу Флориды, где ныне расположен главный американский космодром. Но вдоль флоридского берега проходит могучий Гольфстрим, и эта великая океанская река могла бы отбросить корабли Адмирала от американской суши и отнести их затем на северо-восток в открытое море.

Стаи птиц летели на юго-запад и в последующие дни, а поэтому Адмирал по-прежнему шел новым курсом — запад-юго-запад. Корабли незаметно отклонялись к югу, но пернатые вестники земли обманывали ожидания главы экспедиции. Прошли четыре дня — 7, 8, 9, 10 октября, но никаких признаков близкой суши не было. Из постылого моря, тихого, теплого, синего, на рассвете выкатывалось осеннее солнце, и в это же море оно погружалось на закате, в той стороне, где люди уже не чаяли найти землю.

Мятеж. Именно в эти дни глухое беспокойство переросло в открытое возмущение. Дневник донес до нас лишь очень слабый отголосок бурных событий второй недели октября. Это сообщение от 10 октября, вероятно весьма далекое от записи в дневнике Колумба: «Плыли к запад-юго-западу, шли по 10, а порой по 12 и по 7 миль в час, и за день и ночь прошли 59 лиг. Насчитали людям не более 44 лиг. Люди теперь уже не могли больше терпеть, жалуясь на долгое плавание. Но Адмирал ободрял их, как нельзя лучше вселив в них добрые надежды на большие выгоды в будущем. Он добавил, что тщетно было бы жаловаться, так как уже прибыли в Индию, и следует продолжить путь до тех пор, пока Индии не будут, с помощью господ нашего, найдены» (24, 89).

Гораздо подробнее тягостные события последних дней плавания Лас Касас описал в «Истории Индии». Он утверждал, что моряки возмущались «самоубийственными» планами Колумба и готовы были сбросить упорного чужестранца в море. Лас Касас прямо обвинял Пинсонов в подстрекательстве к мятежу, подчеркивая, что они верховодили большой группой своих земляков.

Версия о злодейском замысле смутьянов, которые решились, улучив удобный момент, столкнуть Адмирала в море, восходит к Пьетро Мартиру де Ангьере, а Мартир

не раз беседовал с Колумбом и подобные сведения мог получить непосредственно от него. Но Мартир ни звука не говорит об участии в заговоре Пинсонов, и прямо не обвиняет их в подобном грехе и Фернандо Колон, который во всем остальном предварил сообщение Лас Касаса.

Обвинения Пинсонов в предательстве и мятежных умыслах выдвинуты были во второй четверти XVI века, когда страсти в Кастилии разгорелись в связи с тяжбой между короной и наследниками Колумба. Адмирал имел основания жаловаться на Мартина Алонсо Пинсона, черная кошка не раз пробегала между командиром флотилии и капитаном «Пинты», но никогда Колумб не обвинял Мартина Алонсо в подстрекательстве к мятежу. А с Висенте Янсоном Пинсоном Адмирал перенес все тяготы обратного пути в Кастилию, и младший брат Мартина Алонсо в трудные минуты неизменно оказывает ему поддержку.

Материалы тяжбы далеко не всегда заслуживают доверия, порой пользоваться ими бывает опасно, но кое-какие показания свидетелей все же небезынтересны.

В 1536 году восьмидесятилетний Эрнан Перес Матеос, кузен братьев Пинсонов, сообщил следующее: «Когда в связи с волнениями на «Санта-Марии» Адмирал спросил Мартина Алонсо, как ему поступить, капитан «Пинты» ответил: «Сеньор, вздерните пяток этих людишек или бросьте их в море, а ежели вы на это не решитесь, мы подрулим к вам и разделаемся с ними сами. Нельзя допустить, чтобы флотилия, посланная высокими государями, возвратилась не солоно хлебавши домой». Колумб этот совет отклонил: «Мы, — сказал он, — с этими рыцарями пойдем дальше, а коли в ближайшие дни не найдем землю, дадим иной приказ» (93, I, 287—288; 56, VII, 421—422).

Эти показания даны сторонником Пинсонов, но они отнюдь не бросают тень на Адмирала.

Довольно правдоподобно звучит свидетельство некоего Франсиско Моралеса. Моралес слышал от участника первого плавания Хуана Ниньо, что еще на полпути Колумбу предъявили требование возвратиться на родину все три маэстре, причем, когда тот отверг их требование, они и бывшие с ними в створе моряки взяли за оружие, но Адмирал заставил их смириться, напомнив, что мя-

тежные действия рано или поздно сурово покарают король и королева. В конце концов они согласились выждать еще три-четыре дня, а затем уж взять курс на Кастилию» (56, VII, 421—422).

Маэстре-подстрекатели — это Хуан де ла Коса, Хуан Ниньо, от которого все это слышал свидетель, и Франсиско Мартин Пинсон. С Колумбом у Косы впоследствии были серьезные столкновения, и он, несомненно, был в числе возмутителей спокойствия. Хуан Ниньо был владельцем «Нинья», и ему, естественно, хотелось уберечь свою собственность и как можно скорее в целости и сохранности вернуть «Нинью» в родную гавань.

Во всяком случае, несомненно одно — и первые биографы Колумба, и очень многие его спутники, люди, которые, кстати говоря, гораздо лучше относились к своим землякам Пинсонам, чем к Адмиралу, неизменно подчеркивают: в эти роковые дни глава экспедиции вел себя с великой выдержкой и негибимым мужеством.

На «Санта-Марии» вот-вот должен был вспыхнуть мятеж, люди открыто поносили Адмирала, они грозили сбросить его в море, но он спокойно беседовал с бунтовщиками и доказывал им, что все их опасения и тревоги неосновательны.

Взрыв был бы неминуем, если бы Адмирал повел себя высокомерно и запальчиво и, вместо того чтобы убеждать мятежно настроенных моряков, стал бы им угрожать крутой расправой, на что, кстати говоря, имел неотъемлемое право.

Любопытно другое. Адмирал никогда не прощал обид, причиненных ему врагами и недоброжелателями, но он не затаил недобрых чувств к виновникам волнений на кораблях, и многие из них принимали участие в последующих экспедициях великого мореплавателя и пользовались его неограниченным доверием.

Установить, что на самом деле произошло во флотилии Колумба в исходе первой декады октября 1492 года, невозможно было уже двадцать лет спустя. Тем более немислимо разобраться в этих событиях по прошествии без малого пяти столетий.

Можно лишь предположить, что до бунта дело не дошло отчасти благодаря отваге и такту Адмирала, отчасти и по иной причине: 11 октября, а именно в этот день трехдневная отсрочка пришла к концу, признаки суши стали настолько явными, что ропот на кораблях

смолк, и о возвращении в Кастилию позабыли думать даже самые отъявленные бунтовщики.

Земля! Земля! За черной средой настал светлый четверг. В этот день, 11 октября, «люди с каравеллы «Пинты» заметили тростинку и сук и выловили обтесанную, возможно железом, палочку и обломок тростинки, и прочие травы, что родятся на земле, и одну дощечку. Люди на каравелле «Нинья» видели другие приметы суши и веточку, усеянную ягодами шиповника, и обрадовались, видя эти приметы» (24, 89).

Между тем попутный пассат достиг силы шторма и развел на море высокую волну. Корабли безудержно неслись по курсу запад-юго-запад, и кормчий «Санта-Марии» Пералонсо Ниньо высказал серьезные опасения: при столь быстром ходе флотилия могла в почную пору нарваться на прибрежные рифы. Флагман шел в арьергарде, впереди держались обе каравеллы, «Пинта» и «Нинья».

В час заката, когда команда «Санта-Марии» собралась, чтобы хором пропеть «Salve Regina», Адмирал обратился к морякам с речью. С господней помощью, сказал он, нам всем удалось совершить переход через Море-Океан, и сегодня мы убедились, что желанная земля близка. Еще на Канарских островах капитанам дана была инструкция — коль скоро флотилия пройдет семьсот лиг, в ночные часы корабли должны продвигаться вперед с зарифленными парусами, и моряки, отбывающие вахту, обязаны проявлять особую бдительность. До сих пор мы так поступали не всегда, но нынче ночь сулит встречу с землей, а поэтому все должны приложить старания, чтобы приметить берег, и первому, кто его увидит, дана будет годовая пенсия в 10 тысяч маравети и бархатный камзол.

В 10 часов вечера Адмирал, «находясь на кормовой площадке, увидел свет, но он был неясен, и, чтобы удостовериться, не земля ли впереди, Адмирал вызвал королевского постельничего Перо Гутьереса и сказал ему, что он видел свет, и попросил его всмотреться в даль. Тот исполнил просьбу, также увидел свет. Об этом Адмирал сообщил Родриго Санчесу де Сеговии... и они стали всматриваться и раз или два увидели нечто подобное огоньку восковой свечи, который то поднимался, то опускался» (24, 89).

А затем заметил свет еще один матрос, и паж Адми-

рала, Педро Сальседо, сказал ему, что его господин уже видел какой-то огонь¹.

В двенадцатом часу ночи взошла луна. Корабли растянулись в кильватерной колонне: впереди «Пинта», за ней «Нинья», за «Ниньей» «Санта-Мария». Крепкий пассат при ясном небе и сильном волнении — погода и ветер хороши, но смотреть надо было в оба, чересчур быстро флотилия неслась вперед, и дозорные с корабельных надстроек беспокойно вглядывались в прозрачную полумглу. В ампульетах медленно пересыпался песок. Через тридцать минут после полуночи юнга перекинул склянки, миновала первая ампульета ночной вахты.

Тихо шурша, ссыпался песок второй ампульеты, склянки переменились местами, истекла третья ночная ампульета.

Луна клонилась к западу. Волны взрывали серебристые лунные дорожки, чуть выше горизонта мерцала Полярная звезда. Восток тонул во мгле, запад тускло сиял в жемчужном свете ущербной луны.

В узкую воронку втягивались последние песчинки четвертой ампульеты. Было два часа пополуночи.

Родриго Бермехо, он же Родриго де Триана, матрос в экипаже «Пинты», с носовой надстройки прокричал

¹ Игак, пятеро участников экспедиции заметили дальний огонек. В это время корабли находились в 35 милях от берега. С. Э. Морисон резонно заключил, что на таком расстоянии различим даже световой сигнал яркостью в 400 тысяч свечей. По мнению Морисона, в эту ветреную ночь в море не было и рыболовов, и никто не мог подать сигнал с лодки (93, I, 297).

В октябре 1959 года директриса музея Нового Света на острове Уотлинг-Гуанахани Рут Вольпер, удалившись от берега этого острова на 30 миль, заметила в 21 час 45 минут довольно яркий свет на суше. Оказалось, что в этот вечер островитяне на большом костре выжигали из разного тряпья земляных блох. Но, во-первых, нет уверенности, что к таким санитарным мерам прибегали аборигены в XV веке, и, во-вторых, пламя блошиных костров куда долговечнее тех мгновенных вспышек, которые приметили Колумб и его спутники.

И, вероятно, прав С. Э. Морисон, который пришел к такому выводу: «В попытках найти объяснение вспышке... исписаны целые тома. Однако моряку не требуется никаких объяснений. Когда вы не знаете, где вы находитесь, и жаждете увидеть в ночной темноте землю, вы можете услышать звон несуществующих колоколов или шум берегового прибоя» (22, 56—57).

Это объяснение, бесспорно, правдоподобнее и «блошиной» версии, и гипотезы французского колумбоведа Россели де Лорга, который сто с лишним лет назад объявил, что световой сигнал был дан самим господом богом...

капитану: «Тiegга, Тiegга! — Земля! Земля!»¹ Вдали, на западе, он увидел невысокий холм или утес, его вершина слегка поблескивала, будто покрытая лунным снегом.

Мартин Алонсо Пинсон дал выстрел из бомбарды. Он приказал убавить паруса. «Пинта» замедлила ход, спустя несколько минут ее догнала «Санта-Мария».

— За мной рождественский подарок, — сказал Адмирал Мартину Алонсо Пинсону.

Далекий холмик на неведомом берегу. Два часа пополуночи 12 октября 1492 года. Семь часов утра в Севилье, девять в Стамбуле и Москве, десять в Казани и Астрахани. Европа, старая Европа, не спеша просыпалась, служила мессы, заутрени и ранние намазы; она еще не ведала, что открыта первая земля Нового Света, о которой понятия не имели библейские пророки и александрийские географы, Пьер д'Айи и Эней Сильвий Пикколомини.

Осторожно! Неведомый берег! Дана команда убрать паруса и лечь в дрейф.

НА ПЕРВОЙ ЗЕМЛЕ НОВОГО СВЕТА

В ночь с 11 на 12 октября 1492 года пассаты и попутные течения вынесли флотилию Адмирала Моря-Океана к Багамским островам. Цепочка Багамских островов, не очень больших и совсем маленьких, протягивается от Флориды к Кубе и Гаити. Все эти острова (а их, если счет вести также и крупным рифам, и заметным прибрежным скалам, наберется не менее тысячи) подобны быкам грандиозного моста, некогда взорванного подземными силами.

Случилось это десятки миллионов лет назад, и с тех пор Багамский архипелаг стоит на мертвом якоре в теплых морях Нового Света. Пожалуй, если бы не кораллы, он с головой ушел бы в океаническую пучину. Однако несметная рать этих строителей создала на полузатоп-

¹ Родриго Бермехо был родом не то из севильского пригорода Трианы, не то из андалузского городка Молинаса. И порой его называли не только Родриго де Трианой, но и Родриго де Молинасом. Награды он не получил, она была дана Колумбу, который за четыре часа до того, как Родриго заметил землю, увидел посланный с этой земли свет. Годовую пенсию в 10 тысяч мараведи получала Беатрис Энрикес Арана, и корона платила ей деньги со сборов, взимаемых у кордовских мясников.

ленных древних цоколях долговечные каменные надстройки.

На восточном краю Багамской гирлянды, в самом ее центре, лежит остров Гуанаханí. С птичьего полета он похож на длинный плот, потерпевший крушение в здешних водах. Почти во всю длину его зияет огромная «пробоина» — провал, вместивший в себя большое озеро. Рядом меньше «пробоины» — вмятины, заполненные мелкими озерами.

Остров невелик. Длина — пятнадцать, ширина четыре-пять миль. Вдоль берегов, как зубы дракона, рассеяны коралловые рифы. Только в двух-трех местах, к бухтам, врезанным в белые берега, ведут безопасные проходы.

Примерно на таком же острове нашел приют Робинзон. Но в отличие от робинзоновской обители Гуанахани был островом обитаемым.

Утром 12 октября 1492 года тысячи полторы его жителей занимались повседневными делами, не зная и не ведая, что к их родным берегам приближаются белокрылые корабли незваных гостей из Страны Восхода.

Пройдет два-три часа, и вождь пришельцев назовет этих голых островитян с кожей цвета бронзы индейцами. Себя же они называли лукайцами — людьми островов.

Лукайцы, аборигены Багамского архипелага, принадлежали к семье таинов, довольно многочисленного народа, который в ту пору обитал и на Больших Антильских островах — Кубе и Гаити.

Эти мирные рыболовы и земледельцы в эпоху Колумба все еще жили в каменном веке. От кастильских гостей они отстали, по крайней мере, на три тысячелетия. Эти островитяне возделывали неведомые европейцам сельскохозяйственные культуры — юкку, маис, ямс, ловили рыбу сетями и вершами, жили в круглых «бохио» — хижинах, крытых пальмовыми листьями, и единственным их оружием было короткое копье с наконечником из кости или рыбьего зуба.

Люди эти поклонялись духам лесов, моря, грома и урагана, и были у них каменные или деревянные идолы — земли — необычайно изящные фигурки забавного вида.

Островитяне отличались веселым нравом: на «батеях» — главных площадях своих селений они часто устраивали «арейто» — празднества с плясками и песня-

ми; они очень любили игру, подобную футболу, но гораздо более трудную: лукайские мячи — тугие шары из травы, пропитанной смолой, — были куда тяжелее футбольных, и отбивать их можно было только коленями, локтями и головой.

Так жили они до 12 октября 1492 года. И утром этого дня никто из них не подозревал, какая лютая беда надвигается на остров Гуанахани. Тридцать лет спустя Пьетро Мартин де Ангера вскользь отметит в своей книге о Новом Свете: на всех Лукайских островах осталось одиннадцать индейцев. Возможно, что к тому времени Гуанахани стал необитаемым островом, все его жители погибли за два-три десятилетия кастильского господства...

Корабли держались в полутора-двух милях от берега: цепь белых рифов окаймляла и здесь все побережье. Милях в трех от юго-западного мыса в море вдавался массивный береговой выступ. Обогнув его, флотилия вошла в большую бухту. Ныне она носит название залив Лонг-бэй.

Здесь корабли отдали якоря.

Дальнейшие события так описаны в дневнике первого плавания:

«Пятница, 12 октября. В пятницу достигли одного из Лукайских островков, а на языке индейцев он назывался Гуанахани. Тут же увидели нагих людей, и Адмирал съехал на берег в лодке, а с ним были Мартин Алонсо Пинсон и Висенте Яньес, брат Мартина Алонсо, капитан «Нинья». Адмирал захватил с собой королевский стяг, капитаны два знамени с зелеными крестами. Адмирал держал их как вымпелы на всех кораблях, и на них были буквы F и Y, а над каждой буквой изображены были короны, одна справа, другая слева от креста.

Высадившись на землю, они увидели очень зеленые деревья, и много воды, и разнообразные плоды. Адмирал призвал обоих капитанов и всех прочих, кто высадился на землю, в том числе Родриго Эсковеду, нотариуса всей флотилии, и Родриго Санчеса де Сеговию, и сказал им, чтобы они под присягой засвидетельствовали, что он, Адмирал, первым вступил, как оно воистину и было, во владение этим островом от имени короля и королевы, его государей, свершив при этом все формальности, какие требовались: более подробно это отмечено в актах, которые здесь же были составлены в письменном виде. Вско-

ре на берегу собралось много островитян. Я, говорит Адмирал, сознавал, что поелику они держали себя дружелюбно по отношению к нам, то обратить их в нашу святую веру следовало бы не силой, а любовью; я дал им несколько красных колпаков и стеклянные четки, что вешают на шею, и много других малоценных предметов, и все это доставило им большое удовольствие, и стали эти люди столь нашенскими (*tanto nuestro*), что казалось это чудом. Они затем вплавь добирались до лодок, в которых мы находились, и приносили с собой попугаев и мотки хлопковой пряжи и асеган [копья], и многое другое, и все это выменивали на то, что мы им давали, а именно, на осколки стекла и бубенчики. И все они давали и получали по доброй воле. Однако мне показалось, что люди они очень бедные. Все они ходят нагие, в чем мать родила, и женщины тоже, хотя я видел только одну из них, да и та была еще девочкой. И все люди, которых я видел, были еще молоды, никто из них не имел больше 30 лет, и сложены они были хорошо, и тела и лица у них были красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие. Волосы зачесывают они вниз, на брови, только небольшую часть, и притом самых длинных, никогда не подстригаемых, они забрасывают назад. Некоторые разрисовывают себя черной краской, а кожа у них как у обитателей Канарских островов, которые не черны и не белы, другие красной краской, другие белой, а иные чем попадетсЯ, и одни разрисовывают лицо, другие все тело, а у некоторых разрисован только нос или места вокруг глаз. Они не носят оружия и не знают его. Когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведению обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики — это палицы без железа; у некоторых дротиков на конце рыбий зуб, у некоторых же наконечники из другого материала.

Они все без исключения рослые и хорошо сложенные люди, черты лица у них правильные, выражение приветливое. У многих я видел на теле рубцы и, объясняясь знаками, спросил, отчего у них эти шрамы, и они таким же образом растолковали мне, что сюда приходили люди с других, лежащих рядом, островов и хотели эти люди захватить их всех, они же оборонялись. И я думаю, и думал, что те люди приходили с материка, чтобы взять пленников. Они, должно быть, хорошие и сметливые слуги — я заметил, что они очень быстро научились повто-

рять то, что им говорили, и я полагаю, что они легко станут христианами, так как мне показалось, что нет у них никаких верований. И, с божьей помощью, я привезу отсюда для ваших высочеств шесть человек, которых возьму, отправляясь в обратный путь, дабы научились они говорить по-нашему. Никаких тварей какого-то бы ни было рода, кроме попугаев, я на этом острове не видел» (24, 90—92).

Итак, Адмирал Моря-Океана высадился на первой земле, открытой им в плавании к берегам Дальней Азии.

Часов в десять утра 12 октября 1492 года эта земля торжественно была введена во владение королевы Изабеллы и короля Фердинанда. Нотариус Родриго Эсковеда по всей форме составил соответствующий акт. Адмирал скрепил его своей подписью. Только конец этой странной церемонии увидели островитяне, они не сразу добрались до места высадки, песчаного берега, над которым с криком кружились встревоженные чайки.

На этом берегу впервые встретились люди двух миров. Под королевским стягом Кастилии стояли выходцы из страны пороха и печатного станка, грандиозных соборов и белокрылых кораблей, великих гуманистов и свирепых инквизиторов. Стояли новые Ясоны, проложившие путь через океан. Стояли лодчаны заморской экспедиции, пионеры грядущих колониальных захватов.

А кругом толпились нагие, доверчивые и беззащитные лукайцы, люди, которые рыхлили землю острыми кольями, жили в соломенных хижинах, не знали ни железа, ни пороха, ни костров аутодафе.

В этот день никто — ни Адмирал, ни нагие островитяне — не могли предвидеть, к каким последствиям приведет эта встреча двух миров и сколь горькими будут судьбы обитателей Нового Света, простодушных «индейцев», о которых он сам сказал: «Они так радушны, что кажется, будто дарят свои сердца» (24, 68).

Под час торжественной церемонии Адмирал дал острову христианское имя. Гуанакани стал Сан-Сальвадором, островом Святого Спасителя¹.

¹ М. А. Коган недавно подсчитал, что не менее двадцати исследователей на протяжении двух веков вели спор об истинном положении острова Сан-Сальвадор. Большинство из них склонялось к мнению, что это остров Гуанакани. М. А. Коган (14) привел сведения о трех попытках реконструкции маршрута первого плавания Колумба, в которых особое внимание уделялось

Первое знакомство с новооткрытой землей состоялось, и Адмирал занялся сбором дальнейших сведений об этих заморских краях. Мотки хлопковой пряжи, дротики и попугаи, дары Сан-Сальвадора, моряки принимали охотно, но не эти туземные ненужности требовались главе экспедиции. Королевской чете он обещал отыскать за Морем-Океаном золото и пряности, и надо было как можно скорее дознаться, есть ли на острове и на ближних землях бесценный желтый металл, корица, перец, гвоздика и прочие специи.

Весь день 13 октября Адмирал провел на корабле и на палубе вел беседы с многочисленными гостями. Индейцы — отныне так Адмирал называл всех обитателей новообетенных земель, ибо он считал, что привел свою флотилию к порогу Индий, — добирались на корабли на лодках-однодеревках, такие лодки назывались каноя, и эти каноя были разной величины.

Адмирал решил отправиться на поиски более богатого острова, но предварительно он счел нужным обследовать берега Гуанахани.

14 октября с кораблей спущены были шлюпки, и Адмирал повел небольшую лодочную флотилию на север вдоль западного, подветренного, берега острова.

У доверчивого индейского вождя (эти вожди назывались «касыками») Адмирал выпросил семерых проводников, рослых и смышленных юношей. Один из них необычайно быстро, буквально на лету, запоминал испанские слова, оказывал Адмиралу немалую помощь в беседах с местными жителями.

определению истинного местонахождения первой земли, открытой 12 октября 1492 года. В 1938 году первую такую попытку совершил С. Э. Морисон. Он вышел на парусном деревянном судне из Палоса 3 августа и в середине октября подошел к Уотлингу.

Вторая попытка — это упомянутый на стр. 190 эксперимент Р. Вольпер, хотя, строго говоря, ее опыт относился только к загадке световой вспышки, замеченной Адмиралом.

Третья попытка, пожалуй, самая интересная, прежде всего потому, что она осуществлена была в 1960 году Христофором Колумбом. Конечно, не Адмиралом Моря-Океана, а его потомком, XVII герцогом Верагуа. Будучи испанцем, он называет себя Кристобелем Колоном. Этот Колумб № 17 на каравелле «Нинья-П» вышел 3 августа из Палоса и 13 октября (с опозданием на один день — его пращур сделал это 12 октября) подошел к острову Уотлинг. В заключение скажем, что в 1926 году Гуанахани был официально идентифицирован с Уотлингом и получил двойное название Уотлинг — Сан-Сальвадор.

Касик, разумеется, не подозревал, что этих людей вождь бледнолицых пришельцев взял не для прогулки к северным берегам Гуанахани. Адмирал счел за благо не возвращать семерых индейцев восвояси и доставить их в Кастилию. Их высочествам, полагал Адмирал, небезынтересны будут эти живые достопримечательности, и, кроме того, для грядущих экспедиций понадобятся индейцы-толмачи, обученные языку их хозяев.

Менее всего Адмирал считался с желаниями заморских «дикарей». Он вырос в Генуе, он не раз наблюдал, как выводят из трюмов белых рабов, он девять лет прожил в Португалии, стране, где черными невольниками торговали во всех портах, он воочию видел, как отправляли партии рабов из гвинейской фактории Сан-Жоржида-Мина. Работоторговцем он не был, но промысел этот обход не считал зазорным. Поэтому, совершая в лодке обход необследованных гуанаханийских берегов, он хладнокровно прикидывал в уме, что окажется выгоднее: отправить ли в дальнейшем всех здешних индейцев в Кастилию или оставить их «на этом острове пленниками, ибо достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все, что угодно» (24, 93).

А между тем эти будущие рабы и пленники сбегались к берегу и выплавь добирались до лодок с дарами и приношениями — лепешками кассавы, плодами, ключевой водой. «Несите пищу и питье посланцам неба», — возглашали ликующие островитяне, и они искренне огорчались, когда лодки, минуя их селения, удалялись прочь.

К вечеру Адмирал вернулся к месту стоянки флотилии и приказал поднять паруса. Корабли взяли курс на юго-запад, к ближайшим островам Багамского архипелага. Не девяносто, а девяносто семь человек было теперь на судах Колумбовой армады. Семь пленников увозил с собой в неведомые края Адмирал Моря-Океана. одному из них, бойкому и смышленому гуанаханийцу, который сразу же полюбился Адмиралу (этот индеец получил испанское имя Диего), суждено было стать личным толмачом Колумба и его спутником во второй экспедиции. Двое исхитрились на следующий день бежать с корабля, остальные же вскоре умерли. На чужих плавучих домах или на чужой стороне.

Две недели курсировала флотилия в водах Багамского архипелага, не спеша продвигаясь на юг. Повсюду в ласковом море были рассеяны большие и малые острова, невысокие, зеленые, обитаемые. Смертельные опасности таили эти воды — вдоль островов тянулись цепи белых рифов, несметное множество подводных скал скрывалось в уютных бухтах и в извилистых проходах.

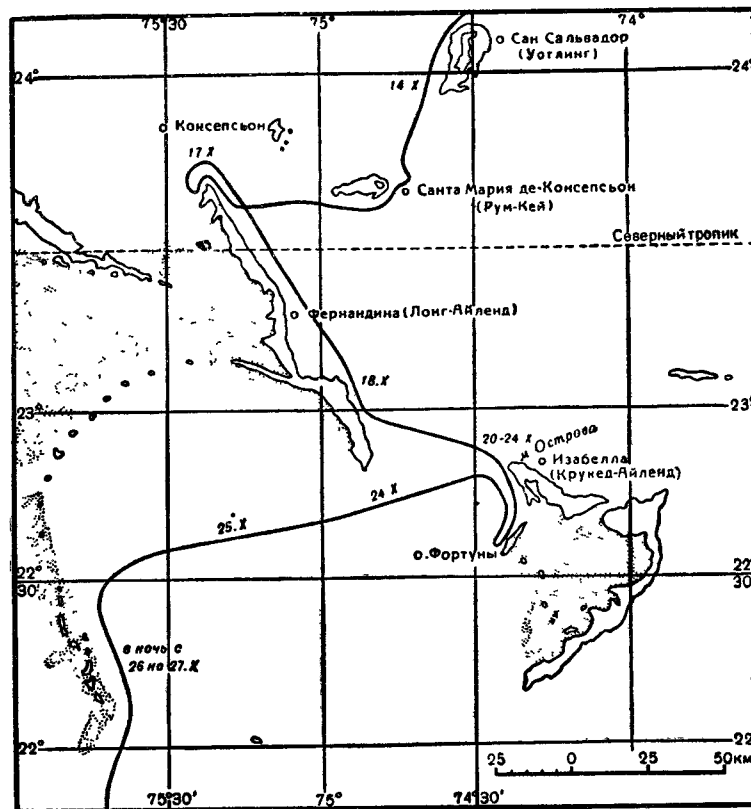
На карту Адмирал нанес острова Санта-Мария-де-Консепсьон, Фернандина, Изабелла¹, все они были очень похожи на остров Гуанахани, и обитали на них такие же приветливые и доверчивые люди, говорили же они на том же языке, что и гуацаханийцы, и так же охотно «дарили свои сердца» диковинным пришельцам.

Формула Т—Д—Т — товар — деньги — товар — не применялась и на этих, «более домовитых» островах. Здесь бубенчики, осколки стекла и красные колпаки непосредственно по формуле Т—Т обменивались на мотки хлопковой пряжи и золотые палочки, которыми были украшены носы островитян, но фернандинцы очень быстро дозрели до понятий товарного общества, а это обстоятельство радовало генуэзскую душу Адмирала.

На каждом шагу Адмирал и его спутники совершали удивительные открытия. На Фернандине они открыли «висячие постели» — гамаки — утварь, которую не знал Старый Свет. Чуть позже гостей из Страны Восхода поразила странный обычай аборигенов: они зачем-то вставляли себе в ноздри трубочки с каким-то зельем, это зелье поджигали и с явным удовольствием втягивали в легкие дым. Трубочки назывались «тобако», зелье «кохибой». По непонятной причине это бурое крошево кастильцы окрестили именем прибора, который вставлялся в носы курильщиков.

Табак был открытием вредным. Но на берегах новообретенных островов генуэзский Ясон и его кастильские аргонавты открыли множество полезных вещей. Здесь возделывались удивительные корнеплоды — юкка, ямс, бататы; здесь росли деревья, которые давали воск и благовонные смолы. Поражало и другое: не водились в за-

¹ Это соответственно острова Рам-Кей, Лонг-Айленд и Крукед-Айленд современных карт. Попутно Адмирал открыл несколько более мелких островов в центральной части Багамского архипелага.

Путь Колумба от острова Гуанахани к берегам Кубы.

морских землях европейские звери, здешний люд понятия не имел о лошадях, овцах, быках, кошках. Собаки были, маленькие, смиренные и немые — лаять они не умели. И, странное дело, народы этого заморского мира не знали колеса.

Между тем и пленники, взятые на Гуанахани, и индейцы других Лукайских островов все время твердили, будто где-то на юге лежат большие острова Кольба, или Куба, и Бохио и что там много золота.

По расчетам Адмирала, где-то поблизости должен был находиться остров Сипанго, за которым лежала страна Великого хана. И он решил «идти к материковой земле и к городу Кинсаю, чтобы передать письма их высочеств

Великому хану, испросить у него ответ и с ответным письмом вернуться в Кастилию» (24, 104).

В среду, 24 октября 1492 года, от острова Изабеллы Адмирал круто повернул на юго-запад и направился к острову Куба.

Три дня спустя перед наступлением ночи корабли подошли к большой земле и наутро отдали якорь у дивных берегов. В море стекала широкая река, и в ее долине росли пальмы с огромными листьями и множество деревьев с неведомыми плодами. То была Куба. Где именно вышел к ней Адмирал, сказать трудно. Быть может, вступил он в узкую бухту Барнай, быть может, в бухту Нипе, подобную фляге с тесным горлышком. Несомненно лишь одно — то был северо-восточный берег этого острова¹.

До сих пор Адмиралу встречались лишь небольшие острова. Теперь перед ним лежала необъятная земля, берега ее тянулись и к западу и к востоку на сотни миль.

Куба... Адмирал уже не сомневался: он дошел до владений Великого хана.

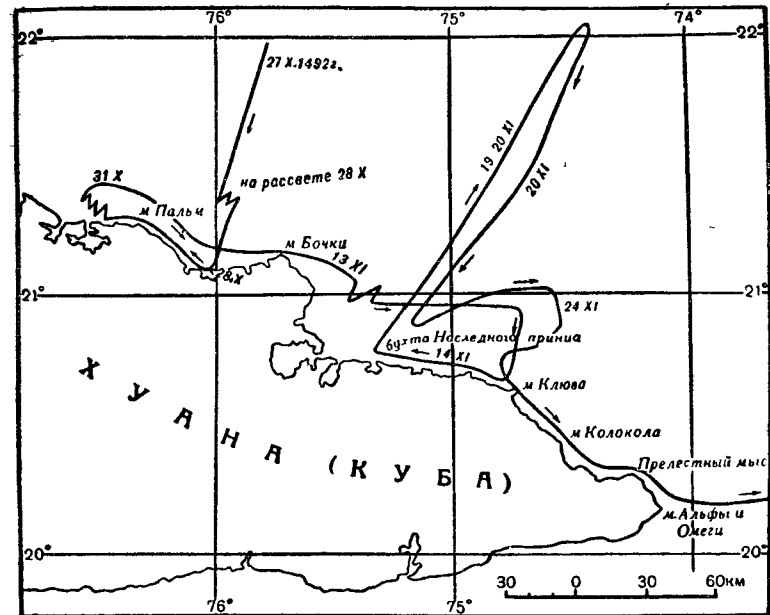
А между тем, когда на Кубе восходит солнце, на берегах Желтого моря оно клонится к закату. Половина земной окружности — такова дистанция, отделяющая Кубу от страны, где во времена Марко Поло царствовал Великий хан Хубилай. И непохожа Куба на Китай — северные земли империи Великого хана, — и совсем не такие на Кубе горы, леса, люди, как на острове Сипанго или в Индии.

Вскоре Адмирал доведалься, что в глубине страны правит могущественный «король» и его резиденция лежит в четырех днях пути от места стоянки флотилии.

И в дневнике он записал: «Я нахожусь между Зайтоном и Кинсаем, лиг за сто от того и другого, а земля эта — материк» (24, 111).

Появились и утешительные признаки: больше стало попадаться индейцев с золотыми украшениями, что также укрепило надежду Адмирала на скорую встречу с Великим ханом.

¹ В 1973 году была опубликована очень интересная статья Б. Лукина, в которой описаны споры о предполагаемом месте высадки Колумба на Кубе (16а). Б. Лукин отмечает: ныне на Кубе признано официально, что Колумб 28 октября 1492 года ввел свои корабли в бухту Барнай. Автор на фотоснимке запечатлел стелу, воздвигнутую на берегу этой бухты в честь высадки на Кубе великого мореплавателя.

Путь Колумба вдоль северо-восточных берегов Кубы (1492 г.).

Зайтон, Кинсай... Города Цюаньчжоу и Ханчжоу, главные гавани империи Великого хана, обстоятельно описанные Марко Поло. Не сто, а тридцать пять раз по сто лиг от берегов Кубы до этих китайских городов. И чтобы дойти до них западным путем, надо обогнуть Южноамериканский материк и пересечь по диагонали Тихий океан!

В самом начале ноября Адмирал узнал, что в глубине страны много золота имеется в области Кубанакан. Кубанакан на языке местных жителей — Средняя Куба. Но звучит это странное слово на марко-половский манер. Почти как Хубилай-хан. Еще одно подтверждение Колумбовой гипотезы. Земля Великого хана не за горами, стало быть, непременно надо в эту землю отправить посольство. И Колумб снарядил в путь толмача Луиса де Торреса, знатока арабского и халдейского языков. Посол дошел до желанной страны, но жили в ней не китайцы и не монголы, а полуголые индейцы, и орошали ее не

великие реки Дальней Азии, а притоки кубинской реки Какоюгин...

13 ноября 1492 года Адмирал направился на восток на поиски золотого острова Банеке, о богатствах которого говорили местные индейцы. Неуловимого острова, от него корабли упорно отгоняли противные ветры. Впрочем, Адмирал ничего не потерял, не добравшись до Банеке. Впоследствии выяснилось, что это был скудный островок Большой Инагуа, затерявшийся на южном краю Багамского архипелага.

В разгар бесплодных поисков острова Банеке, 21 ноября, внезапно исчезла «Пията». Мартин Алонсо Пинсон самовольно покинул Адмирала, желая первым добраться до золотых россыпей Банеке, их посулил ему разыскать один индеец.

Месяц назад на Фернандине и Изабелле Адмиралу сообщили, что восточнее Кубы лежит большой остров Бохио. Потеряв надежду отыскать Банеке, глава экспедиции повел оставшиеся корабли к берегам Бохио.

СМЕРТЬ «САНТА-МАРИИ»

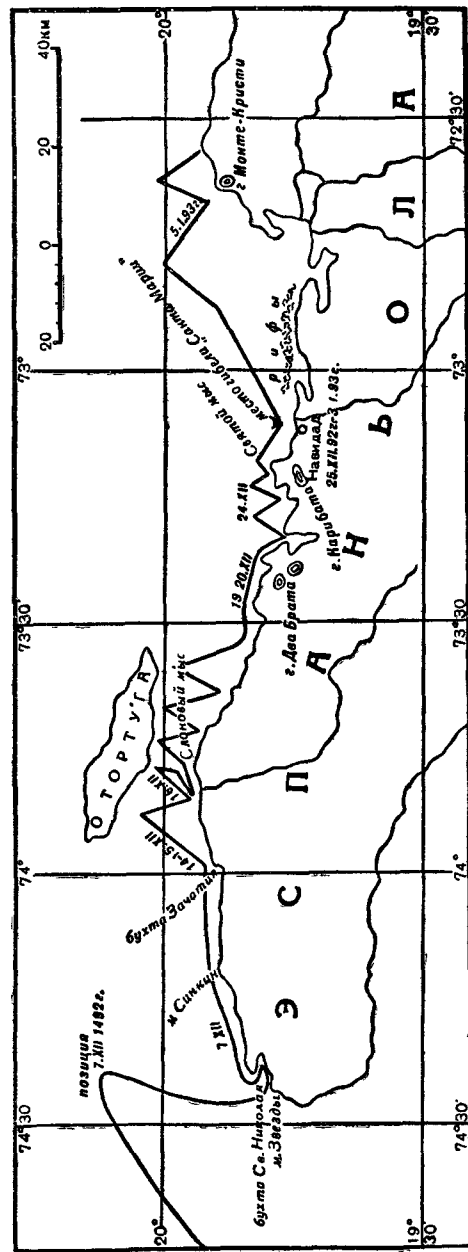
В среду, 5 декабря, корабли подошли к северо-западной оконечности очень большого острова Бохио. Адмирал назвал его Эспаньолой — Испанской землей.

Вскоре с левого борта показались белые рифы, каменные стражи спутника Эспаньолы, острова Тортуги. Так назван он был Адмиралом, потому что по форме походил на огромную черепаху, а по-испански черепаха именуется тортугой.

А вдоль правого борта проплывали берега Эспаньолы. Райские берега, утопающие в сочной зелени. Природа наделила Эспаньолу климатом вечной весны, этот остров был прекрасен, и вполне заслуженно Адмирал назвал его истинным чудом. Правда, Адмирал преувеличил размеры Эспаньолы, ему казалось, что она больше всей Испании, но остров и в самом деле был не мал — в свои пределы он мог бы вместить четыре Сицилии.

Казалось, будто Эспаньола, приметив корабли пришельцев, затаилась и скрыла все живое. В густой зелени лесов даже самый зоркий глаз не мог разглядеть ни малейших признаков городов и селений. Только на дальних вершинах курились сизые дымки.

Адмирал, однако, догадывался, что остров отнюдь не

Путь Колумба вдоль северо-западных берегов острова Эспаньола (Гаити) и место гибели флагмана флотилии «Санта-Марии» (1492 г.).

безлюден, в скором времени он удостоверился, что открыл густонаселенную землю. В ту пору на Эспаньоле обитало не менее трехсот тысяч индейцев-таинов и существовало пять «почти государств» — мощных племенных союзов.

И ни один житель земли Кискейя, или Гаити, переименованной Адмиралом в Эспаньола, не мог в исходе 1492 года себе представить, что тридцать лет спустя на этой земле останется лишь шестнадцать тысяч индейцев...

Две недели шел Адмирал вдоль извилистых берегов чудесного острова и 19 декабря вступил в широкую бухту Святого Фомы (ныне бухта Акюль). Там его радушно встретили местные индейцы, и от них он дознался, что дальше к востоку находится большое селение могущественного вождя Гуаканагарí. И еще ему сказали, что в глубине острова есть страна Сибao, богатая золотом. Адмирал решил, что так здешние жители называют страну Сипанго, и принял решение идти морем до резиденции Гуаканагари, а затем приняться за розыски золотого Сибao.

На рассвете 24 декабря, в сочельник, «Адмирал снялся с якоря и вышел в море при ветре, дующем с суши». В ночь на 25 декабря корабли подошли к мысу, который Адмирал назвал Святым, и который ныне носит наименование мыса Кап-Аитьен. За ним находилась резиденция Гуаканагари.

Ничто не предвещало беды. Дул легкий ветерок, рождественская ночь выдалась светлая, да и, кроме того, люди с кораблей еще засветло осмотрели прибрежные воды за Святым мысом и отметили все опасные места. И все же произошла катастрофа.

Вопреки всем правилам кто-то доверил руль мальчишке-юнге, и «Санта-Мария» села на мель, или, точнее, на рифовую грядку. По непонятным причинам маэстре корабля Хуан де ла Коса с группой матросов ушел на «Нинью», не предприняв попытки свести судно с мели, а между тем от ударов о риф постепенно расходились доски обшивки, и корабль наполнялся водой. Спасти его не удалось. Адмирал, однако, перенес на берег почти все грузы, причем подоспевшие индейцы оказали ему большую помощь, а Гуаканагари выставил охрану у спасенного имущества и от всей души выразил гостям свое соболезнование.

Некоторые обстоятельства катастрофы внушали и

внушают подозрения. Почему маэстре «Санта-Марии», он же владелец этого судна, бежал на «Нинью» и не стал спасать свое добро? Почему сном праведника уснули все, кто отбывал первую ночную вахту? Почему так крепок был этот всеобщий сон, что никого не разбудил шум прибой на рифах?

Разобраться во всем этом не удалось в последние дни декабря 1492 года, и тем более невозможно провести расследование сейчас, спустя почти 500 лет.

Возможно, что у Хуана де ла Косы и его друзей расчет был прост: умрет «Санта-Мария», и волей-неволей Адмирал вынужден будет возвратиться в Кастилию, владелец же погибшего судна получит за него возмещение и в убытке не останется. А в Сипанго и в золотые россыпи этой страны верили не все...

«Санта-Мария» погибла. Она исчезла бесследно, и напрасными были поиски ее останков. У мыса Кап-Аитьен прибрежные течения сильны и капризны, все время здесь то появляются, то пропадают подводные отмели. Здесь остатки старинных кораблей по воле течений непрерывно странствуют по морскому дну. И кроме того, антильские моря — это моря коралловые, а в таких морях все, что попадает на дно, быстро покрывается белокаменной скорлупой.

Страна Марьен на «дикой» Эспаньоле была явно нецивилизованной. В цивилизованных краях местные жители, как грифы на падаль, накидывались на суда, потерпевшие крушение, и опустошали их дочиста. Язычник и «дикарь» Гуаканагари и его нагие подданные не присвоили ни единой безделушки, не разжились ни единым гвоздем с погибшего корабля. Адмирал отметил это не без умиления, но в глазах многих его спутников такое поведение было признаком варварства и неразумия...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА ЭСПАНЬОЛЕ

Положение создалось тяжелое. За три с лишним тысячи миль от родины глава экспедиции оказался после гибели «Санта-Марии» с одним-единственным и при этом очень малым кораблем — Мартин Алонсо Пинсон исчез, словно канул в воду. А между тем на «Нинье» теснилось семьдесят с лишним человек — шестьдесят моряков и пленные индейцы.

Нечего было и думать о походах к дальним и ближ-

ним землям, в создавшихся условиях поиски Великого хана и страны Сибао — Сипанго вести было невозможно. Как можно скорее надо было отправляться в обратный путь.

В этой обстановке Адмирал не утратил мужества. Будучи человеком верующим, он счел катастрофу событием, предопределенным господом, и, сокрушаясь в душе о гибели «Санта-Марии», наметил четкий план дальнейших операций.

Прежде всего необходимо было «сократить штат плавучего состава» и часть людей оставить на Эспаньоле. Адмирал решил соорудить близ места катастрофы форт и поселить там 39 человек. Этим колонистов поневоле он намерен был забрать домой год спустя, ни на минуту не сомневаясь, что доведет свой корабль в Кастилию и снова вернется в «Индии».

На третий день рождества моряки приступили к постройке крепости. Ее решено было назвать фортом Навидад (Навидад — по-испански рождество), а для сооружения этого опорного пункта были использованы останки «Санта-Марии». В мгновение ока с нее сдернули обшивку, и на отмели остался только скелет погибшего корабля.

Адмирал сам руководил строительными работами, мореплаватель стал плотником, и за два-три дня крепость была подведена под крышу.

Обратный путь не сулил радости, как-никак в разгаре была зима, самое скверное для дальних плаваний время года. А поэтому в команде «Нинья» надо было оставить лишь самых опытных моряков. Естественно, что не имело ни малейшего смысла брать с собой бесполезных соглядатаев их высочеств и людей, явно ненадежных.

И Адмирал, составляя список робинзонов, остающихся на обитаемом острове, внес в него королевского постельничего Гутьереса, нотариуса Эсковеду, лекаря экспедиции, портного, бондаря и вписал имена некоторых смутьянов. В Навидаде остался боцман Чачу. Остался и толмач Луис де Торрес, в услугах его Адмирал пока не нуждался.

Комендантом крепости Адмирал назначил Диего Арану, кузена доньи Беатрис. Бесспорно, Диего де Арана был человеком чести, он обладал мужеством и отвагой, но рука у него была недостаточно твердая, а гарнизон

Навидада надо было держать в узде, и печальная судьба первого европейского поселения в новооткрытых землях, вероятно, в известной мере была предопределена этим не слишком удачным выбором.

Оставив в крепости годовой запас зерна, сухарей, вина, обильный артиллерийский припас и лодку, Адмирал тепло распростился с Гуаканагари и 2 января 1493 года покинул бухту Навидад. С ним отправился в Кастилию юный индеец — родич Гуаканагари. Адмирал не удержался от искушения и продемонстрировал Гуаканагари накануне отбытия сокрушительный эффект корабельных бомбард. С борта «Нинья» открыт был огонь по острову «Санта-Марии», и потрясенные индейцы окончательно утвердились в могуществе своих негаданных и неожиданных гостей.

Зная неуживчивый нрав своих спутников, Адмирал наказывал им крепко держаться друг друга, не ходить в одиночку и по двое и не ослаблять колонию раздорами. Он дал поселенцам очень важное поручение: разведать, где на острове родится золото, и набрать его как можно больше «добром и честным торгом».

Все эти весьма благие наставления, как в этом мы скоро убедимся, эффекта не возымели. Слишком велики были заморские соблазны, уж одно то обстоятельство, что островитяне не могли оказать сопротивления до зубов вооруженным поселенцам, вводило последних в искушение. И, кроме того, с незапамятных времен золото было той субстанцией, которая никогда не добывалась «добром и честным торгом».

Сам Адмирал эту истину доказал в последующие годы на своем примере...

«Нинья» двинулась на восток вдоль северного берега Эспаньолы. В воскресенье, 6 января 1493 года, с вершины грот-мачты замечена была «Пинта». Вскоре Адмирал встретился с Марином Алонсо Пинсоном, который заявил, будто отделился от флотилии против своей воли, чему глава экспедиции не поверил. «Адмирал скрыл, однако, свои чувства, не желая потагать сатане, который стремился помешать ему в этом плавании и изрядно мешал до сих пор» (24, 176—177).

Оба корабля направились дальше на восток и, обогнув длинный выступ северного берега Эспаньолы, вошли в обширный залив. Здесь состоялась первая недружественная встреча с индейцами. В этой части Эспаньолы

обитали племена сигуайо, родичи грозных карибов, населивших острова Малого Антильского архипелага.

Индейцы обстреляли пришельцев из луков, и Адмирал окрестил негостеприимную бухту заливом Стрел. Ныне он носит на карте название бухты Самана. От этого залива берег тянулся к юго-востоку, но Адмирал решил не терять времени на дальнейшее обследование Эспаньолы.

16 января корабли вышли из залива Стрел, прихватив с собой одного пленника-индейца, и после неудачной попытки отыскать в этих водах остров, якобы населенный безмужними женщинами-воительницами, Адмирал взял курс на северо-восток, четверть к северу. Начался переход в Кастилию.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Мы уже отмечали, что в значительной степени своим успехом первая экспедиция Колумба обязана верному выбору маршрутов трансатлантических переходов. Туда, в «Индии», Адмирал шел в зоне постоянных восточных пассатов и в струе Северного пассатного течения, обратно, в Кастилию, его корабли нес Гольфстрим.

В феврале 1515 года в Палосе местный кормчий Гонсало Диас в качестве свидетеля по делу наследников Адмирала подчеркнул заслугу главы первой экспедиции в открытии трассы Индии — Кастилия: «Полагает сей свидетель, а он человек в морском деле искушенный, что ежели бы Адмирал пошел бы обратно не таким путем, каковой он избрал, то есть на север, то назад не вернулся бы, и именно этой дорогой и поныне ходят все корабли, следуя из Индии в Кастилию» (56, VIII, 79).

Правда, такой авторитетный моряк, как С. Э. Морисон, считал, что «Колумб открыл главный принцип обратной трассы, сам того не ведая» (93, I, 406). С этим мнением вряд ли можно согласиться, ведь Адмирал с первых же дней обратного плавания избрал курс северо-восток, четверть к северу, хоть у него была возможность испробовать для возвращения в Кастилию прежнюю трассу.

Тут-то ему и пригодился опыт общения с португальскими моряками, ведь на Порто-Санто, в Лиссабоне и на Мадейре он с пристрастием допытывался у них, какие течения бывают в Атлантике и откуда приносит море останки кораблей и странних, явно не европейских

лодок. И ему, разумеется, говорили, что на широте Азорских островов возвращаться к португальским берегам куда легче, чем южной дорогой.

Весьма возможно, что ценные путеводные указания Адмиралу дали индейцы, ведь им было известно, что плавать на север и северо-восток не безопасно, какая-то нечистая сила уносит лодки в сторону солнечного восхода, и обратно они уже не возвращаются. Такого рода случаи чаще всего должны были происходить на Багамских островах, лежащих непосредственно к югу от Гольфстрима, и не исключено, что индеец Диего, коренной гуанаханиец, поделился с Адмиралом опытом своих земляков.

Течение Адмирал избрал попутное, но с ветрами дело обстояло хуже. В январе почти все время дули восточные и юго-восточные ветры, и корабли должны были идти правым галсом, как можно круче к ветру.

А море было тихое, небо ясное, и без всяких приключений корабли прошли Саргассово море, теперь оно уже не пугало моряков.

31 января подул желанный западный ветер. Адмирал по Полярной звезде определил, что достиг 37-го градуса (на самом же деле он был в тот день на 3—4 градуса южнее), то есть широты Лиссабона, и повернул на восток. Фактически он в последующие дни, следуя этим курсом, чуть отклонился на север и центральную часть Атлантики прошел примерно на 36-й широте. Первые дни февраля были поистине благодатными. Все время дул попутный западный ветер, порой очень крепкий, и корабли летели на восток со скоростью девять, десять и даже одиннадцать узлов. Гольфстрим спутал все карты. Адмирал и кормчие никак не могли прийти к соглашению, обсуждая, где именно находятся корабли. 10 февраля в кормовой рубке поднялся горячий спор. Висенте Яньес Пинсон и кормчие — Пералонсо Ниньо и Санчо Руис де Гама утверждали, что корабли давно миновали Азорские острова и вступили в воды Мадейры. Адмирал полагал, что флотилия идет южнее Азорских островов и находится на 150 лиг западнее тех мест, на которые указывают кормчие. Прав был Адмирал, интуиция его не подвела, он верно оценил пройденное расстояние и снова (в который раз?) доказал, что в искусстве водить корабли превосходит лучших мореходов Кастилии.

А на следующий день, 11 февраля, началась буря.

В последний месяц зимы и в пору весеннего равноденствия яростные штормы в Атлантике не редкость. Но поистине «сагана, который стремился помешать Адмиралу в этом плавании», превзошел самого себя и послал в февральские дни 1493 года бурю, о которой еще много лет спустя с ужасом вспоминали европейские моряки.

С. Э. Морисон специально исследовал метеорологическую обстановку зимы 1493 года и пришел к любопытным выводам. «Нинья» и «Пинта», пишет он, попали в зимнюю непогоду — непогоду той зимы, которая вошла в историю как одна из самых холодных и свирепых. В тот год потерпели крушение сотни судов, генуэзская гавань была покрыта льдом, в Лиссабоне штормы не давали кораблям выйти в море месяцами. Центр зоны чрезвычайно низкого давления двигался к северу от Азорских островов, дули яростные юго-западные и западные ветры (с силой от 9 до 10 баллов по шкале Бофорта), и каравеллам пришлось пересекать три бореальных фронта. 12 февраля «Нинья», уже почти лишенная парусов, летела по ветру, борясь за свою жизнь. На следующее утро ветер чуть ослабел, а затем усилился вновь, корабль захлестывали накатывающиеся против ветра страшные волны. Изобарическая кривая вытянулась, как и при урагане «Эдна» в 1954 году, который буйствует сейчас, когда я пишу. В результате ветры противоположных направлений подошли чрезвычайно близко друг к другу. Бушующее море вздымало губительные волны, которые с ужасающей силой обрушивались на палубу, а «Нинье» к тому же недоставало балласта, так как запасы уже истощились. Под зарифленным гротом, единственным из оставшихся парусов, с низко опущенным реем, она плыла в общем все-таки на северо-восток; Адмирал и капитан Висенте Яньес Пинсон по очереди сменяли друг друга на вахте и, предупреждая рулевого внизу, следили за каждой набегающей волной. Малейшая оплошность — и судно будет поставлено лагом, опрокинуто и затонет, а «Пинта» не сможет подобрать в такой шторм ни одного человека» (22, 77).

Эта пространная цитата здесь как нельзя более к месту, и лучше С. Э. Морисона, которому не раз приходилось выдерживать жестокие бури в Атлантике, никто не описал грозные события февраля 1493 года.

В ночь с 13 на 14 февраля «Пинта» исчезла. «Нинья» осталась одна, а шторм не ослабевал. Более того, утром,

в день святого Валентина, 14 февраля, корабль оказался в центре великого циклона, и никто уже больше не сомневался, что «Нинье» грозит неминуемая гибель.

Адмирал был совершенно спокоен. Против козней сатаны спасение лишь в боге, и он, ни на минуту не упуская из виду рулевого, приказал принести колпак с горошинами, одну из них Адмирал пометил крестом, а затем велел тянуть жребий. Тот, кому попадет меченая горошина, обязан будет совершить паломничество к святой Марии Гвадалупской. Жребий пал на самого Адмирала. Затем снова встряхнули колпак, и вторично моряки в нем шарили, вытягивая горошины. Некто Педро де Вилья вытащил горошину с крестом. Ему теперь предстояло паломничество к святой Марии Лоретской, город же Лорето лежал близ Анконы, на итальянской земле. И наконец, в третий раз был брошен жребий, и Адмирал с желанной горошиной в руке поклялся отправиться на поклон в храм святой Клары в городе Могере.

И дан был еще один обет: «По прибытии на первую же землю в одних рубахах направиться крестным ходом на благодарственную мессу в церковь, посвященную нашей владычице» (24, 194).

А напоследок Адмирал вложил в бочонок лист пергамента, на котором вкратце были отмечены все открытия, совершенные в плавании, и на обороте листа указал, что бочонок и его содержимое всякому, кто сие выловит в море, следует без промедления доставить королю и королеве. Бочонок был сброшен в бушующий океан, и спустя некоторое время ветер отошел к западу и стих. Опасность миновала.

В жизни Адмирала эта буря сыграла большую роль. Он и прежде полагал, что действует как избранник господа, а после чудесного спасения в дни великого шторма в свою миссию уверовал безгранично.

Горошины... Сколько их было, неизвестно. Допустим, пятнадцать. Трижды тянули жребий, стало быть, у каждого, кто участвовал в этом, было три шанса из сорока пяти. И в нарушение теории вероятности Адмирал дважды вытянул счастливый жребий, от этого и в самом деле голова могла пойти кругом.

1493 год. Бесконечно далеко от нас это время, и чтобы истинной мерой оценить помыслы и поступки Адмирала, его спутников и его современников, мы не должны су-

дять их так, как судим самих себя. Обеты, паломничества к двум Мариям и к святой Кларе... До чего же легко обвинить и Адмирала, и его соратников в суеверии, приписать им рабий страх перед потусторонними силами. И не заметить при этом, какую стойкость, какую выдержку проявили эти люди, и не понять, что у каждого века свои спасительные символы, свои средства душевного допинга.

Моряки «Ниньи» не имели понятия ни о зонах низких давлений, ни о бореальных фронтах, ни об изобарических кривых. Торичеллиева пустота еще не была открыта, а следовательно, не существовало барометров.

Бури казались проявлением гнева господнего, но, запуская руку в колпак с горошинами, эти истомленные трехдневным штормом люди обретали силу для борьбы за свой корабль и свою жизнь и преодолевали свой страх перед Саваофом-громовержцем.

Буря утихла, и корабль направился на восток-северо-восток. Но только в субботу, 18 февраля, Адмирал позволил себе на часок-другой заснуть. Пять дней он провел в рубке, у штурвала на палубе, ни на минуту не сомкнув глаз. «Он чувствовал, что ноги у него отнимаются, вызвано это было тем, что постоянно он терпел холод и страдал от сырости, ел же очень мало» (24, 197).

Поразительная выносливость Адмирала неизменно удивляла его спутников. Свою плоть он властно подчинял духу, и в дни, когда решались судьбы его дела, он забывал о пище и сне и пребывал в состоянии эйфории, поражая, вдохновляя и раздражая своей неиссякаемой энергией и отрешенностью от обычных людских забот всех, кто нес вахту рядом с ним.

Море утихомирилось, 15 февраля проглянуло солнце, но об отдыхе не могло быть и речи. Снова пошли споры о местонахождении «Ниньи». «Миновали Мадейру», утверждали кормчие, но Адмирал с ними не соглашался и доказывал, что «Нинья» находится где-то поблизости от Азорских островов. Днем над морем стояла туманная дымка, длинными февральскими ночами корабль шел в непроглядной мгле, а прибрежные воды Азорских островов крайне опасны. Адмирал ни на минуту не покидал кормовой надстройки, вглядываясь в короткие дали.

Какая-то земля на миг показалась 15 февраля, затем скрылась, и восточный ветер отогнал «Нинью» к западу. Адмирал трое суток боролся с ветром и 18-го числа про-

бился к неведомому берегу. «Нинья» отдала близ него якорь. Адмирал был прав: корабль действительно кружился близ Азорских островов и стал на якорь у берега острова Санта-Марии неподалеку от селения Носса Сеньора Душ Анжуш — Нашей Владычицы Ангелов.

Санта-Мария была португальским владением, и правил на ней некто Жуан де Каштаньейра, которому велено было задерживать все суда, плавающие под иностранными флагами.

Когда близ Нашей Владычицы Ангелов появился кастильский корабль, Каштаньейра сразу же разработал хитроумный план: сперва усыпить бдительность кастильского капитана, а затем внезапно овладеть судном и всей командой. Посланцы Каштаньейры вручили Адмиралу мирное послание и обещали доставить на «Нинью» свежую провизию.

На следующее утро, во исполнение обета, данного пять дней назад, пятнадцать моряков отправились в одних рубахах в местную часовню, чтобы воздать должное пречистой деве Марии.

Каштаньейра сидел в засаде, и, как только процессия отошла от места стоянки на достаточное расстояние, он приказал своим стражникам схватить паломников и бросить их в тюрьму.

Адмирал об этой расправе ничего не знал и оставался в неведении до тех пор, пока сам Каштаньейра не подошел на лодке к «Нинье» и не потребовал, чтобы корабль немедленно введен был в гавань. При этом Каштаньейра не поскупился на угрозы и заявил, что он еще «даст почувствовать, что такое Португалия» (24, 199).

Положение создавалось прескверное. Каштаньейра захватил лучших матросов «Ниньи», без них трудно было довести корабль до берегов Кастилии. С другой стороны, силой выволочь пленников Адмирал не мог, комендант острова располагал отрядом конной стражи, и людей у него было куда больше, чем у главы экспедиции.

Великие деятели в подобных ситуациях обычно принимают горькие решения: понавших в беду соратников из оной не выволочь и как можно скорее спасти самих себя. Так, например, поступил Наполеон, покинув в Сморгони остатки Великой Армии, и впоследствии историки обосновали высшую необходимость этой меры.

Адмирал мог «забыть» пленников на Санта-Марии, на корабле все еще оставалось тридцать крепких моряков,

но он поступил иначе. «Нинья» отошла от Санта-Марии к соседнему острову, там весь экипаж приведен был в боевую готовность. Три дня спустя Адмирал снова привел «Нинью» к острову Санта-Мария.

На корабль прибыли представители коменданта, начались переговоры, в которых Адмирал проявил необыкновенную настойчивость и твердость. Каптаньейру смутило и поведение Адмирала, и его необыкновенные титулы. Эпизод с пленниками явно был чреват дальнейшими неприятностями, и во избежание зла комендант счел разумным выпустить задержанных моряков.

24 февраля Адмирал вышел в открытое море и взял курс на Кастилию.

На последнем этапе возвратного пути Адмирала ждали новые испытания. Стихии опять взбунтовались, 26 февраля началась жестокая буря, которая без перерывов свирепствовала целую неделю. При этом дули противные юго-восточные ветры, и «Нинью» относилось на северо-восток, так что с каждым днем она все больше и больше отдалялась от желанных берегов Андалузии.

В ночь на 4 марта буря достигла неистовой силы. «Все думали, что ждет их гибель в волнах, которые обрушивались с обоих бортов на палубу корабля. Ветер же, казалось, поднимал каравеллу в воздух. Вода взметалась к небу, молнии сверкали со всех сторон. Адмирал молил бога поддержать его в бедствии, и так, среди бури, шел он до наступления первой ночной вахты, когда господь наш указал ему землю и моряки увидели ее» (24, 203).

Господь, однако, привел Адмирала совсем не к той земле, о которой он мечтал. На рассвете он убедился, что «Нинья» вышла к скале Синтре, которая стоит у самого устья Тэжу. Адмирал оказался у берегов Португалии, неподалеку от Лиссабона. Он очутился в логове льва, он был теперь во власти короля Жуана II, своего «особого друга», с которым у него были давние и крупные счеты.

В ЛЬВИНОМ ЛОГОВЕ

Адмирал ввел «Нинью» в устье Тэжу. В своих низовьях эта река необъятно широка, левый ее берег был в ту пору пустынным, а на правой стороне стояла португальская столица, и почти до самого моря тянулись ее ближние и дальние пригороды. Корабли, прибывающие в Лиссабон, обычно отдавали якорь в его аванпорте,

гавани Риштеллу, и именно сюда 5 марта 1493 года пришла «Нинья».

Адмирал немедленно уведомил о своем прибытии короля Жуана II, известив его о своих открытиях. Глава экспедиции объяснил, по какой причине вынужден был зайти в устье Тэжу, и просил, чтобы король дозволил ему прибыть в Лиссабон и закупить кое-какие припасы.

От Риштеллу до Лиссабона было рукой подать, но король пребывал не в столице, а во временной резиденции, в монастыре Марии Благостной, от которого до Лиссабона было миль сорок.

Уже 14 лет Португалия и Кастилия жили в мире, но это был худой мир, который, впрочем, лучше доброй ссоры. Отношения между Жуаном II и Католическими Королями были весьма натянутыми, и появление «Ниньи» вызвало немалую озабоченность у местных властей. Случилось, что как раз в эти дни в Риштеллу стоял огромный боевой корабль португальского флота и командовал им прославленный мореплаватель Бартоломео Диаш. С Диашем у Адмирала произошла крупная размолвка: португальский флотоводец потребовал, чтобы Адмирал отдался в его руки и под конвоем проследовал на берег; этот ультиматум был категорически отвергнут, и после того как Диаш ознакомился с полномочиями главы экспедиции, последнему была предоставлена свобода действий.

Три дня «Нинья» простояла в Риштеллу в ожидании ответа от Жуана II. Весть о прибытии кастильского корабля, побывавшего у берегов неведомых заморских земель, быстро дошла до Лиссабона, и оттуда в Риштеллу потянулись толпы любопытных горожан. Хотя Адмирал и наказал своим спутникам не слишком распространяться о совершенных открытиях, но морякам трудно было удержать язык на привязи. Кроме того, крайне возбудил лиссабонцев вид заморских пленников. Таких людей они еще не видели, а ведь за последние сорок лет кого только не привозили из дальних стран португальские работоторговцы.

8 марта пришел ответ от короля. Жуан II просил Адмирала явиться в королевскую резиденцию.

Это приглашение отнюдь не обрадовало Адмирала. Ему был ведом крутой нрав короля, и он понимал, что Жуану II не придется по вкусу сообщение о великих открытиях, совершенных тем самым генуэзским выход-

цем, предложения которого дважды были отвергнуты в Лиссабоне.

С грозой, чумой и королями не спорят. После полудня 8 марта Адмирал отправился к Марии Благостной. Он захватил с собой трех индейцев, образцы диковинных заморских растений и золотые вещицы, приобретенные на Кубе и Эспаньоле.

Переночевав в городке Саковене, Адмирал утром 9 марта прибыл в монастырь Марии Благостной.

О встречах с королем сам Адмирал говорит в весьма сдержанных тонах, не очень много на этот счет удалось разузнать и Лас Касасу. Зато достаточно подробно эти события описал их очевидец, секретарь и историограф Жуана II Руи да Пина, а с его слов еще один отчет об аудиенции в монастыре Марии Благостной составил португальский хронист Гарсиа ди Ризенди, труд которого был известен Лас Касасу.

Король встречался с Адмиралом дважды или трижды. Первая аудиенция прошла не очень гладко. Когда король заинтересовался, не в гвинейской ли стороне совершил свои открытия Колумб, великий мореплаватель заявил, что плавал он совсем в другом краю и хотя своими глазами не видел португало-кастильские трактаты о разделе сфер в Море-Океане, но убежден, что эти соглашения им не были нарушены. А затем Адмирал дал понять Жуану II, что тот совершил большую ошибку, когда отверг проект плавания в страну Сипанго западным путем. Руи да Пина отмечал, что Адмирал говорил очень резко, подчеркивая при этом, что открыл он несметно богатые земли, которые достанутся теперь не Португалии, упущившей благие возможности, а Кастилии.

По окончании первой аудиенции царедворцы Жуана II посоветовали королю убить Адмирала, причём одни рекомендовали расправиться с наглым генуэзцем открыто, другие же считали, что удобнее это сделать тайком, дабы в гибели Колумба не могли обвинить португальского монарха.

Жуан II, однако, был мудрее своих советников. Он понял, что расправа с Адмиралом никакой пользы и выгоды португальской короне не принесет. Весть о новых открытиях неизбежно дойдет до Кастилии, Адмирала видели в Лиссабоне не только тысячи верноподданных короля Жуана II, но и иноземные послы, и агенты королевской четы.

Король рассудил верно. О прибытии Адмирала в Лиссабон уже на следующей неделе знали в Кастилии. Герцог Мединасели 19 марта 1493 года писал об этом кардиналу Педро де Мендосе. «Нинью» можно было пустить ко дну 4 марта, но 9 марта не имело смысла топить этот корабль и убивать Адмирала Моря-Океана.

И король сдержал ярость: на второй аудиенции он вел себя как радушный хозяин, оказывая неслыханные милости нежеланному гостю. Адмиралу разрешено было сидеть в присутствии Жуана II — привилегия, которой удостаивались лишь принцы крови и самые знатные магнаты.

На этой аудиенции приключилось событие, которое невероятно изумило всех присутствующих. На особом помосте Адмирал выставил живые экспонаты — пленных индейцев. Король велел принести сосуд с сухими бобами, бобы были рассыпаны на помосте, и затем Жуан II попросил индейцев наглядно на этих бобах продемонстрировать ему, сколько имеется островов в их родном краю и как они расположены. И тогда индеец Диего разложил бобы в определенном порядке, и на помосте возникла карта-макет новооткрытых земель.

11 марта король отпустил Адмирала, и день спустя, посетив по пути португальскую королеву донью Леонор, командир экспедиции вернулся на «Нинью». Ему удалось без ущерба для себя вырваться из львиного логова.

Путь в Кастилию был теперь открыт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

13 марта «Нинья» покинула Риштеллу и направилась на юг. На следующий день она обогнула мыс Сап-Висенти и вошла в кастильские воды. А день спустя, незадолго до полудня, Адмирал с утренним приливом миновал отмель Сальтес и, поднявшись вверх по Рио-Тинто, привел корабль в Палос. Это был 225-й день беспримерного плавания. Пятница, 15 марта 1493 года.

С тем же приливом, но чуть позже в Палос пришла «Пинта». Она не погибла во время жестокой февральской бури, она уцелела и в мартовский шторм. Мартин Алонсо Пинсон дошел до Кастилии раньше Адмирала, буря вынесла его не к Лиссабону, а к галисийской гавани Байоне близ города Виго. Он поспешил известить

о своем возвращении королевскую чету (двор всю зиму и всю весну сидел в Барселоне), он просил аудиенции у Изабеллы и Фердинанда, но в этом ему было отказано. Королева и король желали получить отчет о плавании не от Мартина Алонсо Пинсона, а от главы экспедиции. Этот отказ был для Мартина Алонсо Пинсона катастрофой. Приведя «Пинту» в Палос, он тайком сошел на берег, затворился в своем доме и умер недели три спустя.

Палос встречал Адмирала как героя, весь город столпился на берегу Рио-Тинто, в церкви святого Георгия и в Рабиде благодарственные мессы шли под перезвон колоколов.

Не обошлось и без ложки дегтя. В материалах тяжбы Колумба есть свидетельство очевидца событий 15 марта. Он заявил: «Когда «Нинья» пришвартовалась к пристани, на борт поднялись инквизиторы и потребовали, чтобы им предъявили списки команды. В списках числились лишь правоверные католики, но инквизиторы заметили на палубе индейцев и готовы были приступить к дознанию. Тогда Адмирал принес одну из золотых масок касика Гуаканагари, перерубил ее пополам, и большую часть вручил инквизиторам, которые тут же покинули корабль» (56, VIII, 18).

От Палоса до Барселоны расстояние не малое, но курьеры их высочеств преодолевали его за пять-шесть дней. Связь между Адмиралом и королевской четой поддерживалась постоянно, и главе экспедиции велено было как можно скорее явиться ко двору. Побывав в Рабиде, Адмирал направился оттуда в Каталонию. Путь его лежал через Севилью и Кордову.

Ко двору он взял шестерых индейцев (в Кастилию доставлено было десять пленников, но четверо из них настолько были истомлены переходом через Атлантику, что их пришлось оставить в Севилье). Взял он и образцы заморских диковинок, и в том числе крикливых попугаев, для них были изготовлены специальные клетки.

В вербное воскресенье, 31 марта 1493 года, Адмирал со своей свитой прибыл в Севилью и здесь провел всю пасхальную неделю. Тут он получил радостное для себя письмо от королевской четы, в котором Изабелла и Фердинанд горячо благодарили его за сообщение об открытиях «столь полезных и выгодных».

Однако вести о великом открытии опередили Адмирала. Вероятно, 25 марта 1493 года Луис де Сантанхель и Габриель Санчес получили от Адмирала знаменитое письмо об успешном завершении его экспедиции. Это письмо Адмирал написал 15 февраля, сразу же после чудесного спасения от лютой бури, а 4 марта, уже находясь в Португалии, дополнил его кратким сообщением о прибытии в гавань Лиссабона¹.

Оба адресата находились в марте 1493 года при дворе, в Барселоне, и немедленно отправили письмо в типографию. Набирали письмо в великой спешке, и уже в апреле печатное его издание на языке оригинала (а Адмирал писал Сантанхелю и Санчесу по-кастильски) вышло в свет². Почти одновременно появилось каталонское издание, в конце апреля арагонец Леонардо Коско перевел письмо на латинский язык, и в самом начале лета этот латинский текст был отпечатан в Риме.

Одновременно во Флоренции появился итальянский стихотворный перевод письма, подготовленный поэтом Джулиано Дати, а затем в различные страны Западной Европы поступили сообщения из других источников о плавании и открытиях Колумба. Некто Аннибал Зеннаро, или Дзенаро, итальянец, узнав о возвращении Колумба, отписал об этом 9 апреля 1493 года из Барселоны в Милан своему брату, послу герцога феррарского Эрколе д'Эсте при дворе миланского правителя Лодовико Моро. «В прошлом августе, — писал Зеннаро, — владыки-короли по просьбе некоего Коломбо дозволили ему снарядить четыре (?!) каравеллы, а тот говорил, что,

¹ Адмирал ошибочно указал, что письмо это написал у Канарских островов, в действительности в этот день он находился близ Азорских островов. Приписка от 4 марта содержит важное сообщение о сроках плавания и о тяжелых зимних штормах: «Туда я плыл 33 дня, а возвратился за 28, не считая того, что бури задержали меня на 14 дней, в течение которых я блуждал в море. Тут все моряки говорят, что никогда еще не было такой плохой зимы и не погибло столько судов» (68).

² Сантанхель и Санчес прочли адресованное им письмо Колумба на несколько дней позже лиц, которым оно не было предназначено. В книге актов Кордовского городского совета (кабильдо) имеется запись от 22 марта 1493 года, из которой явствует, что проехавший через этот город курьер показал в совете письмо Колумба, и за добрую новость отцы города одели его с ног до головы и дали на дорогу десять тысяч мараведи (115, 15).

выйдя в Великое Море и плывя по прямой линии на запад, в конце концов вернется с востока, обогнув Землю, и откроет восточные страны. И так он и сделал». Зеннаро писал также, что он воочию видел письмо Колумба королевской чете (42, V, 110—111).

В Милане послание Зеннаро получено было в апреле, и копию этого письма феррарский кавалер Джакомо Тротти 10 мая 1493 года передал своему государю — Эрколе д'Эсте. К тому времени генуэзская и венецианская синьории узнали об открытиях Колумба; еще раньше об этом проведали во Флоренции. По словам местного хрониста Трибальдо де Росси, о возвращении Адмирала из плавания здесь стало известно уже в конце марта.

А между тем письмо Сантанхелю и Санчесу перепечатывали в разных городах Европы, и оно стало подлинным бестселлером XV века. В 1493 году оно трижды было издано в Риме, и известно шесть его иных, парижских, антверпенских и базельских, изданий того же года.

Нам, людям атомного и космического века, темпы распространения новостей в XV веке кажутся черепашьими. Телетайпы, спутники связи и прочие архисовершенные средства передачи информации позволяют нам с пренебрежением относиться к курьерам Колумбовой эпохи, которые, загоняя сменных коней, покрывали в сутки жалкие двести — двести пятьдесят миль.

Но, оценивая темпы далекого XV века, следует отрешиться от излишнего снобизма и выработать иной подход к временным представлениям современников великого мореплавателя.

Ныне весть об очередном прилунении космического корабля спустя несколько секунд после этого события доходит до самых отдаленных уголков нашей планеты. Ведь обитатели Огненной Земли и Гренландии пользуются столь же совершенными транзисторными приемниками, как и житель Лондона или Омска.

В 1493 году Барселона узнавала о важном событии, случившемся в Лиссабоне или в Севилье, на седьмой-восьмой день, Флоренция получала об этом известие на одиннадцатый день, Франкфурт — спустя три недели, а в Краков оно могло дойти за полтора месяца.

Однако такое запоздание не вызывало ни малейшего раздражения на берегах Майна или у стен Вавеля. Поляки и немцы XV столетия полагали, что они живут в век великих скоростей, ведь во времена Генриха Птице-

лова или Болеслава Храброго новости доходили куда медленнее, и о кончине папы или дворцовом перевороте в Византии предки Коперника или Гутенберга доведывались на третий или четвертый месяц.

И если на мгновение перенестись в XV век и построить душу на волну этого времени, то нетрудно будет прийти к выводу, что известия об открытиях Колумба расходились по странам Западной Европы в стремительном темпе.

Они вряд ли дошли до ломбардских пахарей, силезских рудокопов и английских йоменов, подобного рода новости не волновали простого европейца, который не знал грамоты и имел самое смутное представление о земном шаре. Но вести из Севильи и Барселоны возбуждали жгучий интерес в правящих кругах Венеции и Генуи, беспокоили царедворцев Генриха VII Английского, на все лады обсуждались флорентийскими и антверпенскими купцами и банкирами,

Невероятно малочисленны были в ту пору люди, причислявшие себя к ученому кругу, но они были между собой связаны очень крепко и изъяснялись на едином языке науки — латыни.

Не очень ясные вести о плавании трех кастильских кораблей к «Индиям», несомненно, горячо обсуждались в аудиториях Болоньи, Кракова, Сорбонны и Оксфорда. Новые и при этом богатые земли в тысяче лиг от берегов Европы, дикие животные с кожей цвета бронзы, необычайные растения, птицы и звери, обнаруженные в этом плавании, — все это с трудом вмещалось в умы ученых мужей, взрывало их привычные представления о земной ойкумене.

И вместе с тем психологически и флорентийский банкир, и сорбоннский любумур были уже подготовлены к неожиданным открытиям.

Рубежи старей ойкумены непрерывно раздвигались со времени Энрике Мореплавателя, пять лет назад пройден был мыс Доброй Надежды, к картам Птолемея, восстановленным его византийскими комментаторами два столетия назад, непрерывно добавляли *tabula moderna* — новые листы, на которые наносились контуры недавно открытых земель.

Поздней весной и летом 1493 года еще никто не решался утверждать, что Колумб нашел Новый Свет, еще непонятно было, как далеко на запад простираются гир-

лянды новообретенных островов, еще не рассеялось изумленное недоверие, с которым воспринимались необычные вести о плавании Адмирала Моря-Океана. Недаром же в апреле 1493 года прославленный ученый-гуманист Пьетро Мартир де Ангера, упоминая о прибытии Колумба в Испанию, с пренебрежением писал: *Colonus quidam occiduus adnavigavit ad littres usque Indicum* — «Некто Колон дошел, как он полагает, до индийского берега» (86, 47). Однако именно в эту весну и в это лето, пока еще смутно, в сознании передовых европейцев зародилась мысль о великом значении открытия Колумба.

В главе «Северная интермедия» вскользь был затронут вопрос: действительно ли Колумб открыл Америку? «Северная интермедия» — это сомнительное плавание молодого генуэзца к берегам Исландии, это события 1477 года, которые нельзя даже считать прологом к великому свершению 1492 года. Вот почему мы не сочли возможным в рамках этой главы рассматривать сложную проблему приоритета в открытии Нового Света. Однако в заключительных разделах той части книги, которая посвящена первому плаванию Колумба, уместно снова вернуться к этой проблеме. Или, вернее, к этим проблемам, ибо требуется дать ответ на два вопроса: № 1. Действительно ли Колумб был первым европейцем, который дошел до берегов Америки? И № 2. Действительно ли в 1492 году он открыл эту часть света?

На первый вопрос ответ может быть дан лишь один: Колумб, бесспорно, был далеко не первым европейцем, побывавшим на американских землях.

Норманны, прославленные мореходы раннего средневековья, в IX веке достигли Исландии, в X столетии появились на берегах Гренландии — земли, несомненно, американской, а на рубеже X и XI веков добрались до страны Винланд, которую современные историки норманнских походов искали на побережье Северной Америки в интервале между Лабрадором и Новой Англией.

Подвиги северных Одиссеев были воспеты в исландских сагах, и герои этих саг, в том нет сомнения, — лица совершенно реальные. Один из них, Лейв Эйрикссон, или Лейв Счастливый, около 1000 года ходил в Винланд, и не исключена возможность, что его лет на десять опередил не менее смелый викинг Бьярни Херьюльфссон.

Где находилась страна Винланд, установить нелегко, но вполне вероятно, что кое-какие следы ее удалось

в 1964 году обнаружить норвежскому исследователю Хельге Ингстаду. В местности Ланс-о-Мидоу на острове Ньюфаундленде Ингстад открыл древнее скандинавское поселение — фундаменты домов из затвердевшего дерна, следы кузницы и бани, каменное пряслице, гвозди, кусок бронзы, глыбы шлака и железной руды. По данным радиоуглеродного анализа, материальные остатки этого поселения датируются с диапазоном колебаний в 100—150 лет, и их можно отнести к IX—XI векам, то есть к эпохе Лейва Эйрикссона, хотя доказать, что именно Лейв и его люди строили в Ланс-о-Мидоу дома и плавил здесь железо, пока еще невозможно (9).

Конгресс США поспешил в 1965 году объявить день 9 октября днем Лейва Эйрикссона, первого европейца, дошедшего до берегов Северной Америки. Решение это представляется несколько преждевременным, во-первых, потому, что археологические работы на Ньюфаундленде еще не завершены, и, во-вторых, по той причине, что Лейв Эйрикссон может оказаться не первым скандинавом, вступившим на американский берег, честь эту, как уже упоминалось, некоторые историки приписывают Бьярни Херьюльфссону.

Однако конгресс прав в одном: подвиги смелых скандинавских мореплавателей, в исходе первого тысячелетия нашей эры побывавших на североамериканских берегах, заслуживают всеобщего признания.

В равной мере это относится и к потомкам Бьярни Херьюльфссона и Лейва Эйрикссона. Доподлинно известно, что в XI—XII веках они основали несколько поселений в Гренландии и что эти поселения существовали до конца XIV столетия.

Однако обретения норманнов были «открытиями в себе», сведения о походах в Гренландию и в страну Винланд распространялись в очень узком скандинавском ареале и не оказывали ни малейшего влияния на развитие географических представлений средневекового мира.

В этой связи как нельзя более справедливым нам кажется суждение видного советского историка-скандинависта А. Я. Гуревича (8, 159). «Даже посетив Америку, — пишет он, — и прожив несколько лет на одном из ее островов, норманны не открыли ее в том смысле, в каком открыл Америку Колумб: реальных последствий ни для американских индейцев, ни для эскимосов, ни для европейцев этот эпизод не имел. Никакой древнорманн-

ской карты у Колумба не было, да и не могло быть, по той простой причине, что скандинавы эпохи викингов не умели чертить карт»¹.

Собственно говоря, приводя эти слова А. Я. Гуревича (а подобные же взгляды разделяют и крупнейшие советские историки географических открытий И. П. Магидович и М. А. Коган), мы даем ответ на второй вопрос, поставленный чуть выше: действительно ли Колумб в 1492 году открыл Америку?

Да, он и в самом деле совершил это великое открытие.

В 1491 году Европа не имела понятия о гигантской американской суше, которая вобрала в себя два материка и великое множество больших и малых островов.

В 1493 году Европа получила первые сведения о первых землях Америки, а четверть века спустя на картах мира четко проступили контуры Нового Света, и к трем частям света, известным с глубочайшей древности, добавилась четвертая часть, о которой решительно ничего не ведали античные географы и их средневековые комментаторы.

Резюмируя, скажем: Колумбовы открытия 1492 года имели всемирно-историческое значение — они едва ли не вдвое расширили рамки земной ойкумены и придали ей новую часть света, ранее неизвестную европейцам.

¹ Кстати о картах. Осенью 1965 года группа американских ученых из Йельского университета в Нью-Хейвене опубликовала карту мира, составленную примерно в 1440 году, с потрясающими «детальями». На этой карте были нанесены Гренландия абсолютно современных очертаний и остров «Вимланд» с двумя заливами, или фьордами, очень похожими на Гудзонов залив и эстуарий реки Святого Лаврентия. Это была сенсация. Еще бы! Теперь яснее ясного стало, что ошибались географы и историки, утверждавшие, что открытия норманнов не оказали ни малейшего влияния на картографию и географическую мысль позднего средневековья, более того, оказалось, что за пятьдесят с лишним лет до первого плавания Колумба Западная Европа отлично знала, что за океаном лежат североамериканские земли. Йельские «первооткрыватели» объявили, что подлинность карты доказана. Увы, вскоре выяснилось, что с картой дело обстоит далеко не так благополучно, как это утверждали йельцы. Чертили ее действительно в XV веке, но «дочерчивали» пятьсот лет спустя. Гренландия и «Вимланд» пририсованы к старой основе, а надписи, относящиеся к Новому Свету, выполнены свежими чернилами. «Сенсация», — отмечает А. Я. Гуревич, — обернулась конфузом» (там же, стр. 159). Сокрушительной критике йельская карта подверглась также в работе М. А. Когана (13).

Сорок вторая весна в жизни Адмирала была чудесна, и ни в минувшие, ни в последующие годы не доводилось испытывать великому мореплавателю такой отрады. Он вернулся со щитом, сбылись самые сокровенные его чаяния, и вся Кастилия с ликованием встречала нового Ясона, который достиг Индии и обрел там Золотое Руно.

Впрочем, подавляющее большинство кастильцев толком себе не представляли, где плавал Адмирал, что он открыл и почему так важны эти открытия. Кастильцы, особенно жители Андалузии, — страстные любители зрелищ, и волновали их не открытия Адмирала, а его кортеж, не уступавший по яркости и пестроте пасхальной процессии.

Вся Севилья стекалась к Иконным воротам, здесь размещены были на постой диковинные люди, доставленные из Индии. Днем и ночью здесь толпились и простые люди, и благородные рыцари, и священники, и знатные дамы. От искушения не удержался и девятнадцатилетний саламанкский студент, Бартоломе Лас Касас. Он часами выстаивал у Иконных ворот, и ему довелось повидать самого Адмирала, который жил по другую сторону Гвадалквивира, в монастыре Санта-Мария-де-Лас-Кувас — святой Марии на пещерах.

Пасхальная неделя всегда праздновалась в Севилье с большой помпой. Каждодневно к кафедральному собору направлялись торжественные процессии. Монахи одиннадцати орденов, члены разных ремесленных цехов и гильдий, моряки из заречного пригорода Трианы протискивались через узкие улочки центральных кварталов к собору, сгибаясь под тяжестью помостов с деревянными и гипсовыми статуями пречистой девы, апостолов и святых великомучеников.

Пронесли «свет господний», свечу чудовищной величины, отлитую из желтого воска, у дверей собора князья церкви омывали ноги нищим, и во всех этих церемониях горячее участие принимал Адмирал. Два года назад он неделями обивал пороги в приемных андалусских магнатов, теперь герцог Мединасидония дал в его честь грандиозный ужин, и на этом вечере присутствовали отцы города, и сам архиепископ севильский возгласил между мясным и рыбным блюдами осанну новому Одиссею.

В понедельник, 9 апреля, Адмирал покинул Севилью и направился в Барселону. Путь его лежал через Кордову, Мурсию, Валенсию и Таррагону; всю Андалузию, весь Левант, половину Кастилии он должен был пройти, чтобы отдать отчет о своих открытиях королевской чете.

Чудесен апрель в Испании. Распускается листва, зеленеют травы, ярко светит ласковое, не знойное солнце, бормочут весенние ручейки, не пылят подсыхающие дороги. Пышный кортеж шел медленно, процессию возглавлял Адмирал, за ним гарцевали командиры флотилии, замыкала шествие шестерка индейцев. На Гуакахани, на Кубе, на Эспаньоле они ходили в чем мать родила, но здесь, в христианской и цивилизованной стране, им пришлось прикрыть стыд роскошными поясами, и в довершение всех неудобств Адмирал приказал им не снимать золотых масок — гуаяс; у каждого индейца на плечах была клетка с попугаями, и эти нескромные птицы вызывали бурю восторга у кастильских и арагонских мальчишек, которые неизменно сопровождали адмиральскую процессию.

Так Адмирал, его приближенные и индейцы шли десять долгих дней. Числа 20-го вдали, на севере, показалась суровая гора Монтжуич, у подошвы которой великий карфагенский полководец Гамилькар основал город Барселону.

Барселона. Узкие улицы, они уже, чем в Севилье, и толпа здесь другая. Меньше криков, меньше шума, лица угрюмые, черные и синие береты низко надвинуты на лоб. Каталония. Серьезная страна серьезных людей.

Церемония приема намечена и утверждена. Открытая эстрада. Три кресла и один табурет. Кресла для их высочеств и для наследного принца дона Хуана. Табурет для Адмирала. Милость неслыханная, невероятная, невозможная. В присутствии их высочеств сидеть дозволено только принцам крови и грандам из самых родовитых фамилий.

Слезы признательности в начале приема, возможно, и ближе к концу. Наготове держать соборный хор, прием завершится мощным «Te Deum laudamus»¹.

Все продумано до последней мелочи. Указано, где стоять индейцам — справа от эстрады, на нижних ее ступеньках.

¹ Католическая благодарственная молитва — «Тебе бога хвалим» (латин.).

Королева прозорлива. Эта эстрада, этот табурет, эти слезы, этот благодарственный гимн очаруют не только простодушного лигурийца. Вот как опишет барселонский прием неподкупный правдолюбец Бартоломе Лас Касас, ярый ненавистник разорителей Нового Света, взлелеянных ее высочеством, королевой Изабеллой Кастильской:

«Адмирал поднялся на возвышение, где находились короли, окруженные множеством кавалеров и знатнейших людей, и среди них он казался истинным сенатором римским. Благородно было его лицо, благородны были его седины, благородна была улыбка его, скромная и радостная, и в ней светилась слава его подвига...» (77, 1, 333).

А шестеро пленников стояли у королевской эстрады. Стояли в золотых масках — гуаясах, чресла их были опоясаны роскошными поясами-себами из реквизита «короля» Гуаканагари, головы украшены разноцветными перьями, и эти живые образцы несметных сокровищ Нового Света покорно ждали, когда же наконец окончится утомительная церемония и великие касики Кастилии и Арагона прикажут своим старейшинам и своим жрецам разойтись по домам.

Итак, первый акт барселонской идиллии был разгран блистательно.

Осушив слезы умиления, их высочества приступили к делу. Уже не на открытой эстраде, а во дворце арагонских королей Изабелла и Фердинанд приняли Адмирала. Новооткрытые земли надо было спешно прибрать к рукам, и именно об этом повели речь Католические Короли на деловых аудиенциях, данных Адмиралу.

ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ

ИЗАБЕЛЛА И ФЕРДИНАНД ПРОТИВ ЖУАНА II (БУЛЛЫ О РАЗДЕЛЕ МИРА)

Королевский двор в 1493 году на время прекратил свои скитания. В декабре 1492 года один каталонец совершил в Барселоне покушение на короля Фердинанда и тяжело ранил его. Лекари удержали королевскую чету в городе, и даже весенние месяцы Изабелла и Фердинанд просидели в каталонской столице, хотя обычно уже в марте они пускались в путь, откочевывая в южные провинции Кастилии и Арагона.

Адмирала при дворе лелеяли и ласкали, он вошел в великую милость к королеве и королю, и его охотно принимали у себя высокие магнаты и князья церкви.

Адмирал участвовал во всех дворцовых торжествах и играл видную роль на церемонии крещения шестерых индейцев. Его толмачом стал Диего Колон, и родичу Гуа-канагари, и еще одному пленнику присвоили имена Хуан де Кастилья и Фернандо де Арагон. Этих «счастливых» оставили при дворе, и они вскоре там зачахли и умерли.

Кардинал и примаз Кастилии Педро де Мендоса, который и прежде благоволил к генуэзскому страннику, не раз приглашал его в свою временную барселонскую резиденцию. Спустя сорок с лишним лет тороватый на выдумку итальянский историк и литератор Джордано Бензони связал с застольными беседами в доме кардинала

одну явную «небывальщину» — историю о Колумбовом яйце (45). Кто-то стал будто бы утверждать, что яйцо невозможно поставить и удержать в вертикальном положении, на что Адмирал ответил смелым «экспериментом»: он взял в руки яйцо и с силой присадил его к столешнице густым концом. Миф этот следует оставить на совести Бензони, тем более что к славе Колумба он решительно ничего не прибавляет, однако, несомненно, именно на кардинальских приемах Адмиралу удалось свести знакомство не только с прелатами и царедворцами, но и с видными учеными. Здесь, в частности, он подружился с Пьетро Мартиром де Ангерой и, возможно, встретился с выдающимся каталонским космографом Джауме Феррером.

Надо полагать, однако, что не так часто выпадали у Адмирала часы досуга. Королевская чета даром времени не теряла, Барселона стала центром подготовки новой экспедиции в Индии.

И, кроме того, необыкновенные открытия Адмирала сразу же выдвинули множество серьезных проблем во внешней и внутренней политике Католических Королей.

Невольный визит Адмирала в Лиссабон побудил короля Жуана II предпринять дипломатические акции, весьма нежелательные для Изабеллы и Фердинанда. По духу и букве португало-кастильского Алькасовасского соглашения 1479 года, подтвержденного в 1481 году буллой *Aeterni Regis*, все новооткрытые земли к югу от Канарских островов должны были входить во владения Жуана II. Адмирал, правда, утверждал, что Куба и Эспаньола лежат севернее канарской «линии» (что, между прочим, не соответствовало истине), но и без того было ясно, что Алькасовасский договор следует как можно скорее свести к нулю, он связывал руки их высочествам и создавал поводы для португальского вмешательства.

Кастильские агенты доносили из Лиссабона, что король Жуан II приказал снарядить флотилию и направить ее к землям, недавно открытым Адмиралом. Следовало любым путем сорвать это мероприятие и обосновать неотъемлемое право Католических Королей на новообретенные острова и материка «Индий».

Для этого был лишь один-единственный «легальный» способ: добиться у верховного главы христианского мира, папы римского, признания исключительного права Кастилии на эти земли.

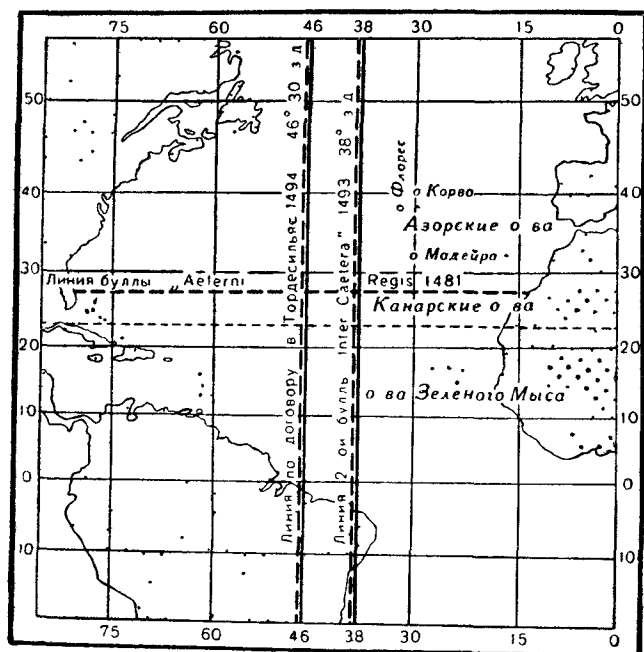

Схема португало-кастильских разделов мира в 1481—1494 годах. Показаны демаркационные линии папских булл и Тордесильяского соглашения 1494 года.

Папы в свое время даровали португальским королям еще не открытые моря и земли в Атлантике, папы утвердили и одобрили Алькасовасское соглашение. Но то, что можно пожаловать, уместно и отнять, формула «*Sui prodest?*» в Риме действовала столь же безотказно, как и в кочующих резиденциях королевской четы. Короче говоря, если папа считал бы выгодным поддержать Изабеллу и Фердинанда, Жуана II удалось бы отбросить с «алькасовасских» позиций.

В этой дипломатической игре козырные карты были у Католических Королей. В 1492 году им удалось посадить на папский престол своего ставленника, епископа Картахены, арагонца Родриго Борху (в Италии его называли Борджа, и именно под этим именем он и его сыновья и дочери вошли в историю). Родриго Борха был жестоким и вероломным интриганом, мастером темных комбинаций, человеком, способным на любое преступле-

ние ради достижения своих целей. Избрания на конклаве кардиналов Фердинанд и Изабелла добились дорогой ценой — им пришлось истратить на подкуп участников конклава 50 тысяч дукатов. Родриго Борха стал папой и принял имя Александра VI.

Уже весной 1493 года выяснилось, что Изабелла и Фердинанд недоценили дипломатических способностей Александра VI. Королевская чета надеялась, что новый папа, купленный на их кровные деньги, будет вести в Италии политику, угодную Кастилии и Арагону. Но папа считал за благо тайком предложить свои услуги французской партии и переметнуться в стан злейших врагов Изабеллы и Фердинанда.

Случилось, однако, так, что в Барселоне кое-что проведали о кознях папы. Между тем французский король Карл VIII только собирался в итальянский поход, и измена бывшим покровителям сочтена была в Риме акцией преждевременной. Александр VI желал поэтому восстановить свои старые связи с Испанией и готов был летом 1493 года на любые услуги испанскому двору¹.

Как только Адмирал прибыл в Барселону, королевская чета призвала его на совет. Решено было спешно отправить в Рим инструкции испанскому послу и получить у папы буллу, которая бы навечно закрепила новооткрытые земли во владение Изабеллы и Фердинанда (68).

Земли эти папе не принадлежали, и, естественно, он с легким сердцем их пожаловал королевской чете. 3 мая 1493 года папа подписал буллу «*Inter caetera*» («Между прочим» — буллы титуловались по первой вступительной фразе). Этот документ был срочно подготовлен в важнейшей ватиканской канцелярии — Апостольской камере — непременно советниками Александра VI Лодовико Подокатарусом и Джованни Баттистой Феррари. Однако с буллой, подписанной 3 мая, произошла беда. Она дошла до Барселоны в середине мая, когда туда явился португальский посол, который от имени Жуана II заявил

¹ До конца XIX века историки рассматривали буллы о разделе мира Александра VI как акты арбитража. Порой и в наши дни некоторые авторы по инерции приписывают папе роль посредника в испано-португальском конфликте 1493—1494 годов. Однако бельгийский ученый Ван дер Линден в 1916 году доказал, что Александр VI вел себя в этом споре отнюдь не как арбитр. Он покорно выполнял указания и требования Изабеллы и Фердинанда и был исполнителем их воли (125, 1—20).

королевской чете, что земли, открытые Колумбом, должны быть португальскими, ибо они лежат в части Моря-Океана, отошедшей по Алькасовасскому соглашению лужитанской короне.

Изабелла и Фердинанд поспешили заручиться новой буллой, в которой было бы четко и к выгоде для Кастилии и Арагона проведено размежевание государственных интересов в Атлантике. Алькасовасский рубеж королевскую чету не устраивал, требовалось заменить его другой, более «удобной» линией, по совету Адмирала решено было заменить алькасовасскую горизонтальную линию вертикалью, пересекающей Атлантику чуть западнее Азорских островов. Пространство к западу от этого рубежа должно было оставаться за Кастилией.

Между 28 и 31 мая были составлены новые инструкции послам в Риме. А в июне в Апостолической канцелярии составили текст новой буллы, которую затем скрепил своей подписью папа Александр VI. Эта булла также называлась «*Inter caetera*», и помечена она была 4-м днем мая. Г. Ван дер Линден по регистрам Апостолической камеры установил, что дата эта фальшивая. Папе надо было создать впечатление, будто новый документ служит непосредственным приложением к булле «*Inter caetera*» от 3 мая.

Фокус этот удался: на протяжении четырехсот лет историки полагали, что булла «*Inter caetera*» № 2 родилась одновременно с «*Inter caetera*» № 1.

Различия между этими буллами были весьма существенные. «*Inter caetera*» № 2 повторяла текст предыдущей буллы, но содержала указания на новую демаркационную линию. По указанию из Барселоны она проведена была в 100 лигах (600 км) к западу и к югу (!) от островов Зеленого Мыса и Азорских островов и делила Море-Океан по меридиану, от полюса к полюсу.

Таким образом, Изабелла и Фердинанд с помощью папы присвоили себе все моря и земли к западу от новой линии, а Португалии милостиво отвели лишь узкую полосу в восточной части Атлантики.

Жуана II эти дипломатические фокусы привели в негодование. Отношения между Лиссабоном и резиденцией королевской четы крайне обострились. В этой связи Изабелле и Фердинанду потребовались от папы новые «пожалования», 5 сентября они запросили Колумба, каким путем можно «улучшить» буллы, а 25-го числа того же

месяца папа подписал еще одну буллу — «*Dudum siquidem*», «улучшающую» «*Inter caetera*» № 2 (27, 101, 102).

А тем временем шли переговоры с Португалией, и папские буллы использовались кастильско-арагонской стороной как средства давления на неуступчивого противника. Жуан II в конце концов пошел на компромисс, и 7 июня 1494 года в кастильском городке Тордесильяс заключен был португало-кастильский договор, удовлетворяющий обе стороны. Демаркационная линия была сдвинута в сторону заката и проведена на расстоянии 370 лиг (2200 км) к западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса¹.

В общем Изабелла и Фердинанд одержали важную дипломатическую победу. По Тордесильясскому договору земли, открытые Колумбом, были признаны владением Кастилии. И лишь в XVI веке выяснилось, что Жуан II, передвинув линию на 270 лиг к западу, сам того не подозревая, обеспечил за Португалией Бразильский выступ Южноамериканского материка, который оказался в португальской половине земного шара².

Во всех этих переговорах Адмирал непосредственного участия не принимал, но он играл роль консультанта их высочеств. Есть все основания полагать, что дистанция в 100 лиг, указанная в булле «*Inter caetera*» № 2, определена была Адмиралом — в материалах первого и третьего его плаваний отмечено, что климат и условия вождения кораблей меняются в Море-Океане, когда суда пересекают линию, проходящую лиг на сто западнее Азорских островов.

Несомненно, в дипломатическом турнире 1493 года Адмирал сражался плечом к плечу с королем и королевой, и по части антипортугальских акций его взгляды полностью совпадали с воззрениями их высочеств.

¹ В этой игре у Португалии были сильные карты. При любом размежевании сфер влияния восточная часть Атлантики оказывалась во власти Лиссабона, а следовательно, трансатлантические коммуникации Испании должны были пересекать португальскую зону. Если с Жуаном II не удалось бы договориться, под угрозой были бы поставлены все связи Кастилии с новооткрытыми землями.

² Тексты буллы «*Inter caetera*» № 2 и Тордесильясского договора от 7 июня 1494 года в русском переводе автора этих строк см. 24, 236—239 и 368—370. В беллетризированной форме испано-португальский конфликт описан в повести автора этих строк «Алая линия» (29).

**КОРОЛЕВСКАЯ ЧЕТА И АДМИРАЛ
(НАЧАЛО КОНФЛИКТА)**

Совершенно иные отношения сложились у Адмирала с королевой и королем в сфере внутренней заморской политики. Изабелла и Фердинанд отлично сознавали: до поры до времени Адмирал им нужен, но они считали, что новооткрытые земли — это не адмиральская вотчина, а владения короны, и в апреле — мае 1493 года наметили ряд мер, призванных обеспечить полный контроль над этими землями и над морскими путями, туда ведущими.

Без Адмирала можно было снарядить новую экспедицию, но только Адмирал способен был довести ее корабли до берегов Индий, и королевская чета по-прежнему окружала его заботами, исподволь лишая первооткрывателя этих Индий реальной власти. Адмирал был крайне доверчив, ему свойственно было детское тщеславие, и он легко поддавался на те внешние знаки благоволения, которые так щедро ему расточали Изабелла и Фердинанд весной и летом 1493 года.

Их высочества торжественно подтвердили условия капитуляции в Санта-Фе. Их высочества присвоили Адмиралу герб. 20 мая 1493 года они подписали об этом такой указ: «...предоставить дону Христофору Колумбу и его потомкам и наследникам в вечное пользование герб... с золотым замком на зеленом поле, в верхней четверти щита, по правую руку, и пурпурным львом на белом фоне в другой верхней части слева». Замок и лев были геральдическими символами Леона и Кастилии, а в качестве эмблемы самого Адмирала в нижней части щита изображены были золотые якоря на голубом поле и красные острова на золотом поле (42, V, 145—146)¹.

¹ По словам Овьедо, на гербе изображен девиз:
Por Castilla y León
Nuevo Mundo halló Colón.
Для Кастилии и для Леона
Новый мир открыт Колоном.

Девиз явно апокрифический, ибо в 1493 году земли, открытые Колумбом, никто еще не считал Новым Светом.

В равной мере ошибочно утверждал Фернандо Колон, будто в севильском кафедральном соборе над могилой его отца Фердинанд приказал выбить слова:

A Castilla y León
Nuevo Mundo dió Colón.

Адмирал радовался от всей души, ему льстили частые аудиенции у их высочеств, он был в восторге от королевы, которая награждала его милыми улыбками, он с энтузиазмом беседовал с королем, любителем ловчих птиц, о пернатых аборигенах Кубы и Эспаньолы, но истинные помыслы его высоких покровителей оставались для него тайной.

У Адмирала еще в ту пору, когда он плывал у берегов новооткрытых островов, сложились определенные планы грядущего использования этих земель.

В письме Сантанхелю он писал: «Таким образом, из одного лишь того, что было выполнено во время столь недолгого путешествия, их высочества могут убедиться, что я дам им столько золота, сколько им нужно, если их высочества окажут мне самую малую помощь; кроме того, пряностей и хлопка — сколько соизволят их высочества повелеть, равно как и благовонную смолу, сколько они прикажут отправить... я дам также алоэ и рабов, сколько будет угодно и сколько мне повелят отправить, и будут эти рабы из числа язычников» (24, 71).

Прежде всего в этой программе бросаются в глаза иллюзорные расчеты Адмирала на антильское золото, антильские пряности и антильские благовонные смолы. Всем этим богата была истинная Индия, но псевдо-Индии, открытые Адмиралом, содержали в своих недрах ничтожное количество золота, и местный перец — ахи не мог конкурировать с разнообразными пряностями Южной Азии.

Широковещательные посулы Адмирала оказались чистейшей фикцией, и в этом и корона, и колонисты убедились очень скоро.

Планы же работоторговли были нереальны по очень простой причине. По существу, они отвечали духу иного, безвозвратно минувшего времени. В XII, XIII и XIV веках генуэзские и венецианские предприниматели на свой риск и страх и на свой кошт основывали небольшие колонии на чужих берегах и обогащались, торгуя рабами и сбывая разные товары, приобретенные на местных рынках.

Кастилия и Леону
Дан Новый мир Колоном.

Праха Колумба покоился в ту пору вовсе не в севильском кафедральном соборе, и король Фердинанд не называл Индию Новым Светом (42, V, 145—146).

Примерно таким образом и намерен был действовать Адмирал. Он полагал, что сам будет определять условия торговли заморским сырьем и заморскими невольниками, он дважды повторил в этом месте своего письма неосторожную фразу «я дам», не отдавая себе отчета в том, что его хозяев подобный порядок вещей совершенно не устраивал.

Формулу «я дам» королевская чета немедленно подменила формулой «мы получим», причем получать их выгода предпочитали, не прибегая к услугам чересчур о себе возмнивших посредников.

Адмирал олицетворял, таким образом, вчерашний день практики освоения заморских земель, тогда как кастильская корона вступила в день завтрашний, в эпоху формирования первых колониальных систем.

В сжатой форме эту истину изложил бельгийский историк Ш. Верлинден, отметивший, что «Колумб был живым звеном в той цепи факторов исторической преемственности, которая связывала средневековую итальянскую колонизацию с колонизацией нового времени» (126, 407—419).

Первую экспедицию готовил сам Адмирал, он распорядился в Палосе единолично, он фрахтовал корабли, он подбирал их экипажи, он ведал снабжением флотилии.

Такая практика корону не устраивала. Уже в конце марта 1493 года королевская чета решила создать в Севилье особое ведомство по организации второй экспедиции, причем в будущем оно должно было взять на себя и управление заморскими поселениями.

Во главе этого ведомства назначен был архидиакон севильского кафедрального собора Хуан Родригес де Фойсека, человек, которому суждено было сыграть очень важную роль в дальнейших судьбах Колумба.

Ровесник Адмирала, выходец из знатной кастильской семьи, которая в XV веке выдвинула целую плеяду влиятельных церковных деятелей, он получил блестящее образование в Саламанке. Природа наделила его острым умом, феноменальной памятью и даром мгновенно проникать в суть вещей. Королеве он оказал кое-какие услуги в пору, когда она боролась за престол, и Изабелла скрепила его дружбу с Эрнандо де Талаверой, своим исповедником и постоянным советником. Но до времени Фойсека держался в тени. Он обосновался в Севилье, должность архидиакона была для него чистойшей синекурой, и дома

купцов и банкиров на Змеиной улице он посещал куда чаще, чем кафедральный собор. В севильском деловом мире у него были огромные связи, и, по всей вероятности, ему не раз приходилось выполнять доверительные поручения королевы и на выгодных условиях получать для нее ссуды у местных Крезов. Считал он не хуже Кинтанильи и Сантанхеля, канцелярской прозой владел в совершенстве и отличался фантастической трудоспособностью. Прагматик до мозга костей, он органически не переносил людей, одержимых творческими замыслами. Он терпеть не мог Колумба, притеснял и унижал Магеллана и причинил много неприятностей автору «Истории Индии»¹. Исполняя на протяжении тридцати с лишним лет обязанности управителя новооткрытыми землями, он одновременно продвигался все выше и выше по лестнице церковной иерархии и последовательно занимал посты епископа Бадахоса, Паленсии, Кордовы и Бургоса; своих епархий он за недосугом не посещал, но доходы с них получал неукоснительно, а были они немалыми. Так, диоцез Бургоса приносил Фойсеке тысяч тридцать дукатов в год. Фойсека был убежденным сторонником сильной королевской власти и Изабелле и Фердинанду служил верой и правдой.

Одним словом, это была идеальная кандидатура на пост главы нового ведомства, и вскоре Фойсека взял в свои руки дело снаряжения заморской флотилии и очень ловко оттеснил на второй план Адмирала.

Севильское ведомство Фойсеки было лишь одним из звеньев в системе коронной монополии, которая сложилась в 1493—1494 годах. Принципы этой системы были выработаны в Барселоне в апреле—июне 1493 года. Они отражались в серии очень важных документов, скрепленных подписями Изабеллы и Фердинанда в период между 3 мая и 9 июня этого года².

В общей сложности эти отправные положения заключались в следующем:

1. Индии принадлежат кастильской короне, и толь-

¹ В «Истории Индии» Лас Касас не раз возмущался поступками Фойсеки, который срывал все его попытки облегчить участь индейцев.

² Однако уже 30 марта 1493 года королевская чета поспешила обнародовать указ, воспрещающий кому бы то ни было плавать в «Индии» без «нашей лицензии». Нарушение этого указа каралось смертью.

ко корона имеет право на управление этими территориями.

2. Доступ в Индии дозволен лишь лицам, получившим особую лицензию от их высочеств. В равной мере не должны пропускаться в Индии корабли, которые не приписаны к коронной флотилии, снаряжающейся в Севилье и Кадисе.

3. Только корона должна торговать с Индиями, без ее дозволения приватные особы не могут вывозить в заморские земли какие бы то ни было товары для обменных операций.

4. Исключительное право на добычу золота или иных драгоценных металлов в заморских владениях имеет корона, приватным особам занятия такого рода запрещаются под страхом суровых наказаний.

5. Все перевозки в Индии должны осуществляться под строжайшим контролем коронных уполномоченных и инспекторов из заранее определенных пунктов.

6. В Кастилии таким пунктом должен быть город Кадис (с начала XVI века эта привилегия была передана Севилье), и только из Кадиса могут отправляться корабли в сторону Индий.

7. В новооткрытые земли следует переселить примерно полторы тысячи «добрых христиан». Оным людям платить из казны жалованье, использовать же их следует на добыче золота и на обработке земли. Золото — прежде всего, но важно как можно скорее избавить корону от необходимости снабжать заморскую колонию кастильским хлебом, — пусть переселенцы кормят себя сами, для этого снабдить их семенами сельскохозяйственных культур и сельскохозяйственными орудиями.

8. Допускаются в Индии лишь чистокровные кастильцы, исповедующие истинную веру. Заказан туда въезд маранам, морискам, лицам, осужденным святой инквизицией, а также сыновьям и внукам лиц, которые как еретики привлекались в прошлом к суду инквизиционного трибунала.

9. К особе Адмирала должны быть приставлены экономы («контаторы») и контролеры, которые за свою деятельность отчитываются перед доном Хуаном де Фонсекой. Эти же лица совместно с Адмиралом распоряжаются распределением оружия, раздачей провианта, ведением торговых операций, а в отсутствие таковых персон никаких сделок с индейцами заключать нельзя.

10. Должностных лиц для управления колонией назначает Адмирал, но не от своего имени, а от имени их высочеств.

Все эти жесткие указания даны были в открытом письме королевской четы от 23 мая и в инструкции короля и королевы Колумбу от 29 мая 1493 года (95, II, 61—63).

Их высочествам все мнилось легкоосуществимым. Фонсека подберет нужных людей, и они станут покорными исполнителями королевской воли: ведь там, в Индии, эти переселенцы будут во всем зависеть от руководителей экспедиции, которые вольны платить или не платить им жалованье и выдавать или не выдавать им дневные рационы.

Дальнейшие события, однако, показали, что колонисты, которые на казенный кошт отплывали в Индии, меньше всего считались с интересами их высочеств. Корона и Адмирал убедились в этом очень скоро, но в мае и июне 1493 года королевская чета жила радужными иллюзиями.

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

В конце мая 1493 года в королевских канцеляриях подготовлено было много указов и распоряжений о снаряжении новой экспедиции в Индии. Речь шла уже не о двух миллионах мараведи, а о суммах неизмеримо больших. Предстояло снарядить семнадцать кораблей, закупить многомесячный запас провианта, набрать полторы тысячи переселенцев. Армада, армада, армада — слово это повторялось в приказах севильскому наместнику графу Сифуэнтесу, севильским городским властям, комендантам и коррехидорам Кадиса, Малаги, Эсихи, Хереса-де-ла-Фронтеры, Кордовы, Палоса, Могера; всем им велено было содействовать скорейшему снаряжению флотилии.

Деньги, деньги, деньги. Как всегда, в казне было пусто, и особые представители двора Бернардино де Лерма и Гарсиа де Эррера с королевскими грамотами были посланы в Вальядолид, Портильо, Ольмедо, Самору, Бургос, чтобы выколотить недоимки и раздобыть деньги под залог имущества, конфискованного в прошлом году у еврейских изгнанников. Властям в городе Лусене велено было продать с молотка добро, которое на украденные деньги

купил один местный мошенник, и выручку сдать в казну.

Все, что любым способом удалось бы взыскать, выжать, выпедить у должников и клиентов, приказано было срочно сдавать Франсиско Пинело. Предприимчивый генуэзец ведал теперь сбором средств на подготовку флотилии и был правой рукой Фонсеки.

Он же и его компаньон, небезызвестный Хуаното Беррарди, заняли для их высочеств пять миллионов мараведи у герцога Мединасидонии и получили за это королевскую благодарность.

В середине июня королевская чета распрощалась с Адмиралом. Он отправился в Севилью и Кадис, чтобы принять участие в снаряжении кораблей. Но не прямым путем, а круглым — по дороге Адмирал посетил монастырь святой Марии Гвадалупской в Эстремадуре, ведь в день святого Валентина, в пору, когда «Нинья» была на волосок от гибели, он дал обет небесной покровительнице этого монастыря.

В Севилье и Кадисе у Адмирала вскоре начались столкновения с приближенными Фонсеки. Главный эконом фонсековского ведомства Хуан де Сориа грубо оскорбил главу экспедиции. Королевская чета сочла эту акцию несвоевременной. Сорию их высочества одернули, но, по существу, Адмирал был в Севилье не хозяином, а гостем, и Фонсека не считал нужным согласовывать с ним свои действия.

Фонсека действовал энергично. За три с лишним месяца он собрал в Кадисе семнадцать кораблей, вооружил их и обеспечил флотилию полугодовым запасом провианта. На суда доставили семена, скот, верховых лошадей, строительные материалы для заморского поселения, сельскохозяйственные орудия и инструменты, необходимые для будущих золотых рудников.

Закупленное зерно мололи и затем изготавливали морские сухари (вискочо), коров и свиней забивали на солонину, вином заполнялись большие дубовые бочки, причем по недосмотру часть бочек оказалась негодной, и уже на Эспаньоле Адмирал убедился, что немало вина вытекло в пути.

К середине сентября все семнадцать кораблей были подготовлены к долгому плаванию. В состав флотилии вошло пять больших кораблей типа нао и двенадцать каравелл. Суда были зафрахтованы в андалузских и бис-

кайских портах. Флагманом флотилии был огромный по тому времени корабль, который по традиции имел два названия — «Мария-Галанте» и «Санта-Мария». По водоизмещению он едва ли не вдвое превышал покойную «Санта-Марию». Сохранились лишь названия пяти судов второй экспедиции, причем, по всей вероятности, как о том уже упоминалось прежде, каравелла «Нинья», принимавшая участие во втором плавании, ничего общего не имела со своей знаменитой тезкой.

Адмирал сознательно остановил свой выбор на трех-четырёх малых судах — такие корабли были незаменимы для рекогносцировок в прибрежных водах новооткрытых земель.

Флотилия отвечала своему назначению, она подобрана была превосходно. Куда хуже обстояло дело с людьми, которых корабли второй экспедиции должны были доставить на берега новооткрытых земель.

Вести о необыкновенных открытиях, совершенных за Морем-Океаном, всколыхнули всю Кастилию. Весной и летом 1493 года в Севилью и Кадис потянулись тысячи охочих людей, готовых ради быстрой и легкой наживы пуститься на край света. Их воображение распалили слухи о несметных богатствах Эспаньолы и Кубы, они мечтали о заморском золоте и не сомневались, что добудут его. Не для короны и не для Адмирала, а для себя. Им было известно: в новообретенных Индиях обитают мирные и беззащитные туземцы, которые никакого сопротивления не могут оказать добрым христианам, сызмальства приученным владеть оружием.

Ведомство Фонсеки особых препон волонтерам не чинило. Если будущий колонист удовлетворял контролеров севильского архидиакона, если этот кандидат был «старым христианином» и не возбуждал подозрений святой инквизиции, его тут же заносили в списки.

Правда, Фонсека позаботился о том, чтобы переправить в Индию некоторое количество земледельцев и ремесленников. Но людей, которые умели пахать землю, строить дома, осушать болота, добывать золото, набралось немного, десятков шесть.

Примерно пятьсот человек состояли в списках судовых команд. Эти люди были заняты делом и несли службу на кораблях, справляясь с ней отменным образом. На этот раз моряки вербовались не только в гаванях Андалузии, и доля Палоса в личном составе экспедиции была

относительно невелика. Все же андалузские выходцы преобладали, приморские города Кадис, Сап-Лукар-де-Баррамеда, Пуэрто-де-Санта-Мария, Рота, Картайя, Малага, Могер, Лепе дали флотилии немало опытных матросов и кормчих. Севилья тоже внесла свой вклад в комплектование экипажей флотилии. В плавание ушли и северяне — главным образом люди из Страны Басков, в списках экипажей значились и генуэзские имена.

Важную роль играл капитан Антонио де Торрес; на него впоследствии Адмирал возложил очень ответственную миссию — Торрес увел с острова Эспаньола в Кастилию большую часть кораблей, надобность в которых к тому времени миновала, и передал королевской чете просьбы главы экспедиции о помощи. Торрес был братом бывшей кормилицы принца Хуана, особы, которая пользовалась значительным влиянием при дворе и прекрасно относилась к Адмиралу. К ее содействию он не раз прибегал в трудные минуты жизни.

Моряки особых хлопот Адмиралу не доставляли, но гораздо хуже обстояло дело с прочими участниками экспедиции. За море двинулось не менее восьмисот бойцов-волонтеров. Лас Касас писал, что записывались в экспедицию главным образом рыцари — идалго, — но современный испанский историк Х. Перес де Тудела не без основания полагает, что рыцарей в экспедиции было немного, в солдаты по преимуществу вербовался всякий сброд. Гранадская война и былые смуты вынесли на поверхность массу всевозможной человеческой накали. В одной только Севилье скопилось множество обездоленных и вконец обнищавших изгоев. Среди них были и «сегундоны» — младшие сыновья оскудевших рыцарей, ветераны гранадских кампаний, лишившиеся куска хлеба после окончания долгой войны, крестьяне, бежавшие от своих сеньоров, и проходимцы неведомого происхождения, по которым скучали королевские галеры.

Кстати говоря, совсем недавно латиноамериканский историк П. Бойд-Боуман показал, что именно эти деклассированные элементы играли главную роль в заморской конкисте, именно они поставляли в Новый Свет кадры завоевателей и колонистов (47).

Но, разумеется, не обошлось и без чистокровных рыцарей — идалго. К их числу принадлежали, в частности, десятка два конников — в заморские земли был послан отряд кавалерии, которому суждено было ввергнуть

в страх индейцев Эспаньола, не имевших представления о грозных длинногривых тварях.

Кроме того, попытать счастья за морем решили и выходцы из знатных кастильских семейств. Лас Касас поименно перечислил двадцать таких пассажиров, добавив при этом, что во флотилии было немало родовитых людей из разных городов, фамилии которых он запомнил (77, I, 346).

К этой элите принадлежали дон Хуан Понсе де Леон, родственник маркиза Кадисского, в будущем губернатор острова Пуэрто-Рико и первооткрыватель Флориды, лихой кавалер Алонсо де Охеда, племянник Фонсеки, герой гранадской войны, смелый и дерзкий авантюрист, один из зачинателей кровавой конкисты, и арагонский рыцарь Педро Маргарит, кичливый интриган, доставивший впоследствии много забот Адмиралу.

В заморские земли королевская чета направила группу должностных лиц — экономов, казначеев, контролеров, альгвазилов. Первостепенную роль среди них играл «экономом всех островов и всех Индий» Берналь де Писа, ставленник Фонсеки, спустя полгода ставший душой гнусного заговора, своевременно раскрытого Адмиралом.

Королевская чета проявила желание обратить в истинную веру индейцев, коснеющих в язычестве, и с этой целью в Индии было послано шесть монахов во главе с отцом Берналем Бойлем, или Буйлем.

Бойль в прошлом подвизался в роли пустынноика в одной каталонской обители, что не мешало ему выполнять деликатные дипломатические поручения короля Фердинанда. Надо полагать, что король не случайно послал Бойля в заморские края, но выбор этот оказался не очень удачным. Бойль при первой же возможности бежал из Индии, бросив на произвол судьбы своих коллег и свою паству.

Адмирал взял с собой в плавание группу соотечественников, и с ним в Индии отправился младший брат его Джакомо, которого в Кастилии переименовали в Диего.

Никто из участников экспедиции не знал, что собой в действительности представляют новооткрытые земли, никто и в мыслях не имел, какие опасности для людей Старого Света таят непролазные трясины и чащобы Эспаньола, но все они денно и поочно грезили о заморском

золоте и были свято убеждены, что оно само придет к ним в руки.

Казна положила им тридцать мараведи в день — плату андалузского поденщика — «хорналеро», но они беспечно пропивали свои авансы в кадисских и севильских кабаках в полной уверенности, что их тощие кошельки вскоре распухнут от заморского золотого песка.

Крайне ненадежен был человеческий материал, который вез в Индии глава второй экспедиции. В этом он отдавал себе отчет, не так уж трудно было понять, чем дышат его новые спутники, но на что они способны, он убедился не в пору подготовки флотилии, а позже, во время первой зимовки на Эспаньоле.

История второй экспедиции во многом неясна. Дневники Адмирала (а он вел их и во втором плавании) затерялись в середине XVI века. Фернандо Колон и Лас Касас ими располагали, но использовали их не в той мере, как дневники первого плавания. Сохранились письменные свидетельства участников экспедиции — лекаря Диего Альвареса Чанки, земляка Адмирала, савонского уроженца Микеле Кунео и монаха-иеронимита Рамона Панае, автора содержательных заметок о коренных жителях новооткрытых земель.

Со слов Адмирала много интересных подробностей о второй экспедиции и о морском походе на Кубу в 1494 году записал Андрес Бернальдес. Любопытное сообщение о первых походах в глубинные области Эспаньолы содержится в письмах сицилийца Никколо Скилачо, или Силачо. В Индии он не был, но, посетив в 1495 году Испанию, встретился там с некоторыми участниками экспедиции, и, в частности, с Педро Маргаритом, и отлично использовал их сведения. Не обошли молчанием вторую экспедицию Пьетро Мартир де Ангьера и Овьедо, оба они знали многих ее участников¹.

Однако все эти источники дают неполное представление о событиях второго плавания Адмирала, и это весьма прискорбно. Вторая экспедиция была предприятием беспрецедентного масштаба, и с ней самым непосредственным образом связан начальный этап колонизации новооткрытых земель.

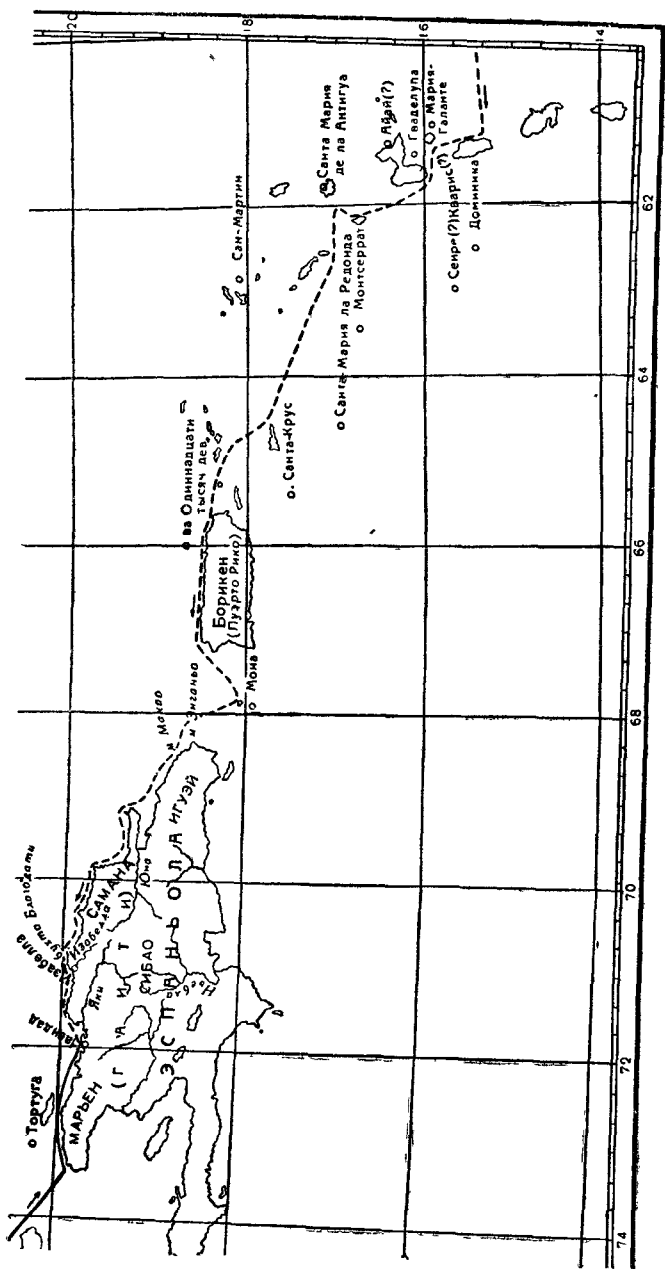
¹ На русском языке изданы записки Диего Альвареса Чанки, мемориал Колумба, в котором содержатся сведения о первом этапе экспедиции, и главы из трудов Бернальдеса и Лас Касаса, посвященные событиям второго плавания (24, 256—303).

Перед восходом солнца 25 сентября 1493 года флотилия покинула Кадис и вышла в открытое море. Как и в первом плавании, Адмирал от берегов Кастилии направился к Канарским островам и 1 или 2 октября привел корабли к острову Гран-Канария. Три дня спустя флотилия достигла острова Гомера, и земляк Адмирала Микеле Кунео сообщил, что глава экспедиции за время краткой стоянки влюбился в правительницу этого острова Беатрис Беабдилью и в честь победы над ней дал салют из корабельных бомбард. Кунео, видимо, был человеком романтического склада. Лас Касас же, отдавая предпочтение более прозаическим материям, писал, что на Гомере Адмирал скупал коз, овец и свиней, выгадывая на этих сделках, ведь цены были здесь баснословно низкие, свиньи шли по 70 мараведи за голову.

Покинув Гомеру, флотилия взяла курс на запад и 11 октября миновала остров Йерро. Адмирал шел в Атлантике чуть южнее, чем в первом плавании. Он хотел выйти к островам, которые, по словам обитателей Эспаньолы, лежали к юго-востоку от нее и были населены воинственными карибами, а затем уж проследовать в бухту Навидад, где десять месяцев назад оставлены были 39 участников первой экспедиции.

Все шло прекрасно, дули свежие попутные пассаты, стояла ясная погода, лишь однажды, 26 октября, флотилию потрепала не очень грозная буря. На этот раз никаких волнений на кораблях не было, все твердо знали, что Адмирал месяц спустя приведет корабли к суше. Первая земля, однако, к величайшей радости моряков, показалась не на 30-й, а на 22-й день после того, как флотилия миновала остров Йерро.

И вот на 21-й день этого безмятежного плавания показались явные признаки близкой суши. Адмирал приказал взять рифы на парусах, ночь предстояла темная, и идти по курсу надо было с величайшими предосторожностями. На рассвете, 3 ноября, вахтенный на «Марии-Галанте» на фоне светлеющего неба заметил черный треугольник. Кормчий прокричал: «Albricios que tenemos tierra!» — «Награда, видим землю!» Радостное сообщение передано было на все корабли, и начало конца долгого плавания отмечено было благодарственными молитвами.

Второе плавание Колумба. Открытия, совершенные на Малых Антильских островах на заключительном этапе перехода из Кастилии к острову Эспаньола (1493 г.).

Земля, замеченная на рассвете 3 ноября, была гористым островом, и назван он был Доминикой. День был воскресный, а воскресенье на церковной латыни называется доминикой — господним днем.

С. Э. Морисон отмечает, что Колумб вышел к Малым Антильским островам, а к ним относится и Доминика, «в пункте, который оказался наилучшим направлением для кораблей на последующие четыре столетия! Именно в этом месте имеется проход между островами, свободный от опасных рифов, и через этот проход лежит путь к Венесуэле, Вера-Крусу, к Западным Карибским или к Подветренным островам, к Пуэрто-Рико, Санто-Доминго или Кубе».

Бесспорно, это была чистейшая случайность, но Адмирал не забыл, в каком месте подошел к земле, да и в дальнейшем его маршрут часто использовался кораблями, идущими из Севильи и Кадиса к берегам Нового Света.

Гирлянды Малых Антильских островов, образуя не очень крутую дугу, тянутся на пятьсот с лишним миль, отделяя Карибское море от Атлантического океана. Эти высокие, утопающие в буйной тропической зелени острова невелики, все они, вместе взятые, могут разместиться в пределах Пуэрто-Рико, отнюдь не самого большого острова Большой Антильской группы, но земли их сказочно плодородны, берега изрезаны глубокими бухтами, горы покрыты дремучими лесами, и недаром Барбадос, Гваделупа, крохотные клочки малоантильской суши, слыли в XVII и XVIII веках жемчужинами вест-индских владений Англии и Франции.

Аборигенов этих островов Колумб назвал канибами, или каннибалами, и он же ослабил их на весь мир, объявив этих малоантильских индейцев людоедами. И вскоре само слово «каннибал» стало символом мерзейших человеческих качеств. А между тем хоть у карибов, как и у многих других народов с примитивным укладом, и было в ходу ритуальное людоедство, человечиной они не питались и в отличие от европейцев вели вегетарианский образ жизни.

Испанским завоевателям «каннибальство» послужило благовидным поводом для жестоких расправ с «гнусными людоедами». Карибы признаны были исчадиями сатаны, охота на них стала излюбленным промыслом добрых хри-

стиан, и за каких-нибудь тридцать лет они были истреблены поголовно.

С 4 по 13 ноября корабли флотилии прошли мимо островов, которые получили названия Монсеррат, Антигуа, Невис, Сан-Кристобаль, Сан-Эустасио, а 14 ноября флотилия отдала якорь у острова Санта-Крус и вступила в воду небольшого архипелага, в котором было великое множество мелких и мельчайших островков. Адмирал присвоил этой группе островов название островов Одиннадцати тысяч дев (Once mil virgines). Впоследствии это наименование подверглось усечению, и острова стали Девичьими, или Виргинскими.

На острове Санта-Крус небольшая группа карибов завязала бой с пришельцами, причем карибы сражались с необыкновенным упорством. Единственным живым трофеем моряков оказалась юная индианка, которую Адмирал подарил своему земляку Микеле Кунео.

19 ноября был открыт большой остров, который местные жители называли Борикеном. Адмирал переименовал его в Сан-Хуан-Батисту, а лет тринадцать спустя Хуан Понсе де Леон основал на его берегу селение Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, знатную гавань Святого Иоанна. Поэтому селение и весь остров стали со временем называть Пуэрто-Рико.

Адмирал проследовал вдоль гористого северного берега Пуэрто-Рико и не стал здесь задерживаться, он спешил на Эспаньолу, к своим спутникам по первому плаванию.

Выйдя к восточному побережью Эспаньолы, Адмирал направился на запад, и 27 ноября флотилия приблизилась к бухте Навидад.

Переход к берегам Нового Света закончился. На этот раз глава экспедиции провел через океан не три, а семнадцать кораблей, и эту операцию он осуществил блистательным образом.

Осенью 1493 года он проявил себя как выдающийся флотоводец.

В истории мореплавания впервые огромная флотилия пересекла водное пространство в три с лишним тысячи морских миль. Ни один корабль не понес ущерба, состояние их было превосходно, а ведь Адмирал двадцать два дня шел океанскими водами и семнадцать дней вел флотилию через Малоангильский лабиринт, где и сейчас, в эпоху точнейших карт и совершеннейших приборов, проводка судов дело чрезвычайно тонкое.

В среду, 27 ноября, флотилия втянулась в бухту Навидад. Около полуночи к «Марии-Галанте» подошло каное, переполненное индейцами. Двое из них поднялись на борт и передали Адмиралу от имени Гуаканагари несколько золотых масок. Но эти послы великого касика вели себя странно... Они с опаской оглядывались по сторонам и очень неохотно отвечали на расспросы Адмирала. О судьбах 39 христиан они отзывались невнятно. Адмирал лишь понял, что его бывших спутников постигла какая-то беда.

Утром, 28 ноября, Адмирал сошел на берег. Его никто не встретил, злоеющая, мертвая тишина царила в бухте Навидад. Индейское селение исчезло. Опаленная земля была присыпана золой и пеплом.

29 ноября Адмирал высадился близ сожженного селения с группой солдат и матросов, вооруженных аркебузами. Вскоре выяснилось: от крепости Навидад остались лишь одни головешки. Удалось найти обломки разбитых сундуков, обрывки материи и грубых скатертей «арамбелей», горелые щепки и лоскутья были втоптаны в грязь.

Алонсо де Охеда неподалеку от погибшей крепости нашел трупы, присыпанные землей. По остаткам одежды он сразу же опознал в мертвецах своих соотечественников.

Появились индейцы. Было заметно — встреча с христианами для них не очень отрадна, но все же у Адмирала сложилось впечатление, что в смерти колонистов ни эти люди, ни касик. Гуаканагари не повинны.

Гуаканагари явно избегал Адмирала, но все же его принял. Через толмача Диего вскоре удалось выяснить, каким образом погибли все 39 обитателей крепости Навидад.

«Добрые христиане» начали сводить между собой счеты чуть ли не в первый же день пребывания в Навидаде. Королевский постельничий Перо Гутьерес и нотариус Родриго де Эсковеда убили одного моряка, а затем подались с группой наибольших смутьянов в земли соседнего касика Каонобо в поисках золота.

Они вторглись во владения Каонобо и предались грабежу и разбою. Каонобо в отличие от Гуаканагари был вождем не мирного нрава. Он дал бой захватчикам и победил их, а затем двинулся на крепость Навидад и сжег ее дотла. Но к тому времени, когда войско Каонобо разо-

рило крепость, в ней оставалось лишь малое число христиан. Почти все колонисты разошлись куда глаза глядят, причем они жгли и грабили индейские селения, уводили в свои убежища юных индианок и дрались между собой из-за добычи.

Возможно, кое-кто из них погиб в этих усобицах, возможно, некоторых поселенцев отправили на тот свет воины касика Гуаканагари, но так или иначе ни один из 39 христиан не уцелел. Погиб также комендант Навидада Диего де Арана, ему не удалось обуздать своих подчиненных, и отнюдь не исключено, что прикончили его не индейцы Каонобо, а «добрые христиане».

Судьба первых кастильских колонистов была печальна. Печальна и назидательна. Смутные опасения Адмирала сбылись. Неумная алчность его спутников привела к горьким последствиям. Горьким не только для поселенцев. О жестокости и жадности бледнолицых пришельцев теперь узнали индейцы, золотые дни первых радостных встреч миновали безвозвратно.

Добрый пастырь Берналь Бойль предлагал в отместку за гибель 39 христиан казнить злой казнью касика Гуаканагари. «Но Адмирал не хотел поступать таким образом, считая, что, поскольку христиане, оставленные в крепости, уже мертвы, захват короля Гуаканагари все равно не позволит ни воскресить покойников, ни препроводить их в рай, если только они не попали туда прежде» (24, 313).

Однако такое решение он принял не только по доброте сердца. Адмирал рассудил, что нет смысла предавать Гуаканагари казни. Касик был связан родственными узами с другими индейскими вождями, которых могла оскорбить такая расправа. И, кроме того, для экзекуций еще время не пришло. Сперва надо было основать где-то на Эспаньоле поселение, крепче утвердиться на этой земле, а уж затем «наказывать виновных, в случае, если правда откроется» (24, 313).

А приземлиться на Эспаньоле надо было как можно скорее. Полторы тысячи человек теснились на кораблях и рвались на сушу, под ногами же у них были зыбкие палубные настилы. Адмирал не пожелал обосноваться в стране Марьен, во владениях касика Гуаканагари. 7 декабря он вышел из бухты Навидад и направился на восток в поисках просторной якорной стоянки и удобного места для поселения. Восток манил его еще и по-

тому, что, по словам Гуаканагари, страна Сибао, или Сипанго, находилась где-то в стороне восхода.

Дули встречные пассаты, и двадцать пять дней Адмирал пробивался вдоль крутых берегов Эспаньолы и за это время прошел лишь 32 мили. На 26-й день, 2 января 1494 года, он довел флотилию до обширной бухты. Окружающая местность его очаровала, и он отдал приказ: всем высаживаться на берег. В этот же день заложено было селение, в честь королевы названное Изабеллой.

Будущее рисовалось Адмиралу в светлых тонах. Он полагал, что Изабелла станет цветущей торговой колонией, точным подобием генуэзских факторий на Хиосе. Колонисты будут вести меновой торг с индейцами, на досуге искать золото, а пропитать изабелльцев не составит труда: тучная земля даст два месяца спустя богатейшие урожаи, стоит только слегка ее взрыхлить и засеять семенами злаков и огородных культур, взятых из Кастилии.

Но Эспаньола ничуть не похожа была на обжитой остров Хиос, и ее обитатели ничего общего не имели с цивилизованными островитянами Эгейского моря. И, кроме того, спутники Адмирала отнюдь не стремились пахать землю и мирно торговать со здешними аборигенами.

Место для поселения было выбрано на редкость неудачно. Подобную же ошибку европейцы совершали в Новом Свете на протяжении нескольких веков. Всякий раз, когда корабли подходили к райской бухте, берега которой утопали в буйной зелени, переселенцы впадали в обманчивый восторг; им казалось, что сам господь привел их к земле обетованной, и они выгружались на желанном берегу и приступали к закладке города.

Только многовековой опыт убедил выходцев из Старого Света, что в американских тропиках самые гиблые места находятся в полосе побережья, причем опаснее всего обольстительные уголки с роскошными лесами и обильными водами.

Изабеллу Адмирал основал на слегка подсохшем болоте, вода здесь была отвратительная, в воздухе реяли полчища малярийных комаров. Индейцы никогда не селились в таких местах, и, вероятно, их донельзя удивило, что бледнолицые гости осели в той части побережья, которую здравомыслящие люди всегда обходили стороной.

Сперва, однако, дело спорилось. Даже люди «голубой»

крови понимали, что над головой должна быть крыша. Из прутьев и веток построили сотни две шалашей, для Адмирала заложен был каменный дом. Поселение наметили по стародавним кастильским правилам: прямые улицы, в центре площадь с пикотой — позорным столбом.

Но уже в середине января начались неприятности. Пошли дожди, поселение превратилось в сплошную трясиину. Непонятная хворь косила людей, лечить ее кастильские лекари не умели.

От дурной воды люди страдали поносом, кроме того, многие травились рыбой, хотя лекарь Чанка пробовал местные виды пищи на собаках.

Адмирал торопил колонистов — нужно было спешно посеять семена, отрыть отводные каналы для спуска лишней воды, достроить дома, но его требования крайне раздражали граждан Изабеллы, особенно рыцарей и тех, кто причислял себя к этому сословию. Адмирал пригрозил снять всех благородных тунейдцев с довольствия, и эта мера довела их до белого каления.

К счастью, предохранительный клапан удалось найти. Часть людей Адмирал на время сбыл с рук. Они ушли в Сибано на поиски золота, и туда повел их Алонсо де Охеда, предприимчивый кавалер, которому Адмирал доверял безгранично. 20 января 1494 года Охеда возвратился и принес радостные вести. Он шесть дней шел в глубь острова и достиг замечательных мест у подножия высоких гор. Там нашел он золото, — образцы драгоценного металла он доставил в Изабеллу, — там открыли плодородные долины с многочисленными селениями. В Изабелле решительно все, даже самые злокачественной лихорадкой, приободрились. Адмирал, которого также трясла лихорадка, позабыл о невзгодах, он был в восторге от похода Охеды.

РАБЫ ИЛИ ЗОЛОТО!

В конце января Адмирал принял смелое решение: отправить 12 кораблей в Кастилию. 12 кораблей — это 350 или 400 лишних ртов. Командиру этой флотилии Антонио де Торресу Адмирал передал все добытое золото — а удалось все же собрать его на сумму в 30 тысяч дукатов, или на 10 миллионов мараведи, — и образцы местных приностей.

Торресу Адмирал вручил мемориал — памятную

записку, адресованную королевской чете. Это был очень мудрый документ, составляя его, Адмирал проявил незаурядные дипломатические способности и дело, явно обреченное на гибель, представил в весьма выгодном свете, предъявив в то же время ряд настоятельных требований короне (24, 342—357). Адмирал прежде всего заверил Изабеллу и Фердинанда, что золота на Эспаньоле очень много и что в будущем удастся добыть его в большом количестве. Далее он обещал их высочествам переправить в Кастилию здешних людей — каннибалов и жителей Эспаньолы. Такая операция, по мысли Адмирала, должна была пойти на благо этим «перемещаемым» лицам и способствовать просветлению их душ.

Очень ярко и, в том нет сомнения, вполне искренне Адмирал описал щедрую природу Эспаньолы, сравнив этот остров с Андалузией и Сицилией. Адмирал вдохновенно возгласил: «Поистине столь прекрасна земля этих островов и лесов, и гор, и вод, и долин, где текут полноводные реки, что никакая другая земля под солнцем не может быть лучше и краше для взора».

Но от королевской четы Адмирал не скрыл, что колония терпит бедствия. И он настоятельно требовал, чтобы в Изабеллу прислали запасы вина, сухарей, солины, риса, сахара, меда, изюма, всевозможные лекарства и рогатый скот. Мемориал писал вице-король Индий, готовый силой оружия закрепить власть их высочеств в новооткрытых землях. Поэтому испрашивалось у королевской четы оружие и указывалось, что нужно во что бы то ни стало направить на Эспаньолу не менее ста конников.

Адмиралу ведом был меркантильный нрав королевы, он знал, что у Фонсеки на счету каждый грош, и понимал, что все эти требования не слишком обрадуют ее высочество и главу ведомства заморских перевозок. И он решил возместить издержки на колонию продажей «рабов из числа каннибалов, людей жестоких и вполне подходящих для этой цели, хорошо сложенных и весьма смысленных». Рабов, по мысли Адмирала, можно было отправлять на судах, которые в Кастилию возвращались порожняком, и загружать ими корабельные трюмы.

Пять с половиной лет спустя Адмирал снова вспомнил о рабах: «во имя святой троицы» он прикинул выгоду работоторговли и рассчитал, что ежегодно можно отправлять из Индий четыре тысячи невольников. Издержки составят всего лишь 6 миллионов мараведи, а выручить можно

будет миллионов сорок, ведь португальцы даже за самых дряхлых рабов дают 8 тысяч мараведи.

Этот расчет Адмирал сопроводил таким примечанием: «И пусть даже умирают рабы в пути — все же не всем им грозит такая участь» (24, 426—427).

Это были чисто генуэзские планы, отражающие практику заморской колонизации давно пройденного этапа, планы, которые дали основание сказать К. Марксу, что «донесения Колумба характеризуют его самого как пирата... Работорговля как базис» (2, 100). Однако кастильская метрополия не испытывала нужды в рабах. В Испании XV века эксплуатировали не рабов, а свободных и полусвободных крестьян. В ту пору отошли в прошлое грубые формы внеэкономического принуждения, денежная рента сменила барщину и оброк. Деньги развели феодальную систему, сложившуюся в раннем средневековье, нарождалась новая, капиталистическая формация, занималась заря эры первоначального накопления. Не рабы, а золото, заморское золото, которое в Европе превращали в капитал, требовалось крестonosцам юного капитализма.

«...Всеобщая жажда золота, — писал К. Маркс, — гнала народы и государей в XVI и XVII веках, в этот период детства современного буржуазного общества, в заморские крестовые походы за золотой чашей» (1, 139).

Правда, придет черед и рабам. Минует два-три столетия, и спрос на рабов предъявит не метрополия, а ее заморские владения, здесь зародится плантационная система, целиком ориентированная на европейские рынки. Ее основой станет рабский труд, и тогда невольников будут ввозить на новооткрытые земли. Ввозить из Африки, ибо на Антильских островах индейцев почти не останется.

2 февраля 1494 года Торрес отправился в Кастилию, благополучно прибыл туда и в начале марта вручил мемориал королеве и королю. Королевская чета удовлетворила просьбы Адмирала, но крайне сдержанно отнеслась к его плану экспорта каннибалов в Кастилию. Короне нужны были не каннибалы, а золото; их высочества, а также сеньоры Пинело, Берарди и прочие королевские кредиторы не желали довольствоваться сообщениями о грядущих барышах и несказанных красотах Эспаньола. Расходы на колонию росли, только на один фрахт приходилось теперь тратить миллионов пять-шесть мараведи,

и не меньше стоил провиант для поселенцев, да и миллионов восемь уходило на выплату жалованья наемникам, сидевшим в Изабелле (101).

$$6\,000\,000 + 6\,000\,000 + 8\,000\,000 = 20\,000\,000$$

А с кораблями Торреса прибыло заморское золото на сумму в 10 миллионов мараведи. Следовательно, колония принесла убыток в размере 10 миллионов мараведи.

Короля и королеву, Фонсеку и севильских банкиров очень беспокоили вести из Индии. Создавалось впечатление, что Адмирал со своими воинственными бездельниками не в силах будет добыть много золота, во-первых, потому, что Эспаньола была им небогата, во-вторых, по той причине, что колонисты не желали добывать драгоценный металл трудом своих рук, и, в-третьих, в силу того, что поиски золота они желали вести не для Католических Королей, а для самих себя.

Адмирал и его соратники уже не внушали королевской чете былых надежд, а подобное разочарование было чревато дурными последствиями для главы второй экспедиции.

ЗАГОВОР БЕРНАЛЯ ДЕ ПИСЫ И ПОХОД В СИБАО

Между тем в Изабелле после ухода флотилии Торреса положение явно ухудшилось. Съестные припасы были на исходе, лихорадка свирепствовала еще сильнее, чем в первый месяц сидения на здешних болотах. Адмирал, которого еще в январе одолевали тяжелые приступы лихорадки, в феврале и марте был прикован к постели, состояние его внушало опасения лекарю Чанке.

Смутяны подняли головы. Они, не таясь, устраивали свои сборища, они на всех перекрестках поносили Адмирала, обвиняя его в дурных умыслах против колонистов. «Хотим в Кастилию!», «Долой Адмирала!» — таковы были призывы мятежно настроенных поселенцев, причем явственно ощущалось, что их действиями руководит опытный и коварный интриган.

В начале марта зачинщика смуты удалось вывести на чистую воду. Им оказался «эконом всех островов и всех Индии», ставленник Фонсеки, Берналь де Писа. Заговорщики должны были овладеть оставшимися кораблями, захватить остатки провианта и бежать в Кастилию, бросив на произвол судьбы не только Адмирала, но собственных товарищей.

Когда корабли входят в гавань, места, где отдаются

якоря, обозначаются деревянными поплавами — томбуями. Томбуи не могут оторваться от якорей, их удерживают крепкие тросы — буйрепы.

До марта 1494 года никто и никогда не использовал томбуи в качестве сейфа. Но Берналь де Писа, будучи человеком изобретательным, один из томбуев приспособил для хранения секретных бумаг. Каким-то образом заговорщика удалось выследить, и томбуи с его содержимым был доставлен Адмиралу. Выяснилось, что Берналь де Писа прятал в этом плавучем сейфе не только списки своих единомышленников, но и донос на Адмирала. Расчет главы заговора был прост: по прибытии в Кастилию он тут же доказал бы Фонсеке и их высочествам, что Адмирал предатель и мятежник и от него пришлось увести корабли, посадив на них преданнейших слуг их высочеств, слуги же эти могут засвидетельствовать, что злонамеренный генуэзец готов изменить Католическим Королям и стать независимым государем.

«Это был, — писал Лас Касас, — первый мятеж, завязавшийся в Индиях, и его удалось погасить прежде, чем он разразился. И, должно быть, отсюда и начались споры между Адмиралом и его преемниками с теми лицами, которых посылали в Индии короли и которые, как это будет сказано дальше, причинили величайший вред» (77, I, 367).

Берналь де Писа несколько опередил ход событий и действовал при этом слишком грубо, но весьма показательно, что королевская чета отпустила этому негодюю все его грехи. Адмирал не решился вздернуть заговорщика на реку и отправил его в Кастилию, а там кое-каких шук охотно выпускали в воду...

12 марта 1494 года Адмирал во главе своего войска вышел из Изабеллы и направился в глубь острова. Это была не мирная экспедиция, а боевой поход. В страну Сибео двинулась походная колонна, в ее авангарде трусили на отощавших лошадях двадцать конников, закованных в стальные доспехи, за ними двигалось четыреста пехотинцев.

Эспаньолу из конца в конец пересекают четыре горных хребта. Между исполинскими грядами зажаты плодородные долины, выше Карпат вздымаются Центральные Кордильеры — становой хребет Эспаньолы, чуть пониже — горы Северные Кордильеры, которые тянутся вдоль северного берега острова. Страна Сибео лежала в широком межгорье; чтобы пройти в нее, надо было пересечь

могучую гряду Северных Кордильер. В межгорье правил касик Каонабо, с ним, себе на горе, уже сталкивались первопоселенцы из крепости Навидад.

Адмирал провел свое войско через узкий проход в Северных Кордильерах — ущелье, которое он назвал Воротами Рыцарей.

А три дня спустя отряд добрался до предгорий Центральных Кордильер. Это и была страна Сибео, и путь Адмирал теперь держал через бесплодные холмы, усеянные камнями, между которыми пробивалась тощая и жесткая трава.

Тут уже побывал Алонсо де Охеда, и все были убеждены, что в стране Сибео золота не меньше, чем песка на берегах андалузских рек. Увы, эти надежды не оправдались, хотя признаки золотых россыпей были налицо.

Многие соратники Адмирала приуныли: ведь золотых гор в Сибео обнаружить не удалось. Адмирал, однако, тактика назвал Фомой неверующим, и имя Фомы-апостола присвоили форту, который он велел заложить в стране Сибео. В форту Святого Фомы осталось пятьдесят два воина, а комендантом этой крепости Адмирал назначил Педро Маргарита.

Отбрав пробы золотого песка, Адмирал пустился в обратный путь.

29 марта «Адмирал возвратился в Изабеллу, где застал людей в состоянии сильного утомления. Многие умерли, немало людей хворало, а те, которые были здоровы, ослабели от недоедания и опасались, что их постигнет еще более тяжелая участь. Тягостно и плачевно было их состояние; и скорбь и сострадание являлись при виде крайней нужды и мук, которые испытывало большинство жителей Изабеллы» (24, 317).

Адмирал все же нашел выход из положения. В Сибео и в соседней плодородной долине Вега-Реаль его люди были на «подножном корму», там они не испытывали голода. И он решил всех поселенцев, могущих ходить, отправить в форт Святого Фомы. 9 апреля Алонсо де Охеда повел туда четыреста человек.

Это было единственно возможное решение, но, спасая колонистов, Адмирал разжег пламя истребительной войны, жертвой которого стали индейцы. Покидая Кастилию, Алонсо де Охеда дал себе зарок: разбогатеть во что бы то ни стало и как можно скорее. Своими былыми подвигами он стяжал славу отважнейшего рыцаря Испании.

Его безудержная смелость, его боевое мастерство (он был непревзойденным наездником, блестящим стрелком и превосходно владел шпагой и мечом) вызывали восхищение у всех колонистов. Он способен был на героические поступки и черные дела, мужество и доблесть уживались в нем со звериной жестокостью. Своих соратников он презирал, индейцев людьми не считал¹.

Спустя день в Изабеллу прибыла странная процессия: несколько воинов сопровождали группу индейцев, законанных в кандалы. Охеда давал о себе знать. В одном селении он внезапно схватил местного касика и его родичей, надел на них цепи и отправил к Адмиралу. Кому-то в том же селении Охеда отрубил уши. А вскоре выяснилось, что повод для расправы оказался ложным. Тем временем Охеда не спеша шел к крепости Святого Фомы, и над благодатной долиной Вега-Реаль занималось багровое зарево. Горели индейские селения, «добрые христиане» жгли и разоряли земли касика Каонабо. Прошло десять дней, и все межгорье поднялось против кастильских обидчиков. Адмирал послал гонцов в форт Святого Фомы. Он приказал Педро Маргариту подавить мятеж. А в Изабелле вся полнота власти перешла к Совету пяти, во главе которого Адмирал поставил своего брата Диего. Вице-король и правитель Индий покинул свою резиденцию. На трех кораблях он 24 апреля вышел в море и взял курс на запад. Адмирал отправился на поиски страны Великого хана, а искать ее он снова решил на берегах Кубы.

ПОИСКИ СТРАНЫ КАТАЙ

В 1496 году Адмирал не раз беседовал в Севилье со священником из андалузского селеньица Лос-Паласиос Андресом Бернальдесом. Бернальдеса чрезвычайно интересовали поиски страны Китай, которые два года назад предпринял его собеседник. В 1496 году таинственная Куба еще многим казалась азиатской страной, но Бернальдес в этом сильно сомневался, полагая, что «Адмирал не смог бы дойти до Китая, даже если он прошел еще 1200 лиг разными морями и землями».

¹ Дерзостным подвигом он незадолго до отъезда в Новый Свет покорил всю Севилью. На глазах королевы Охеда перепрыгнул с вершины Хиральды, колокольни кафедрального собора, на верхушку высокого дерева и снова перемахнул на Хиральду.

Адмирал, однако, не испытывал на этот счет решительно никаких сомнений, и с его слов Бернальдес записал наиболее достопамятные события кубинского плавания¹.

Адмирал шел на «Нинье», два других корабля — «Сан-Хуан» и «Кадера» — были небольшими каравеллами, приспособленными для плавания в мелких прибрежных водах и вооруженными латинскими парусами. Экспедиция не была многочисленной, в ней насчитывалось не больше 45—50 человек. С Адмиралом отправился в плавание его личный толмач, гуанаханиец Диего Колон.

29 апреля Адмирал подошел к восточной оконечности Кубы, которую он еще в первом плавании назвал мысом Альфы и Омеги — мысом Начала и Конца. На современных картах он значится как мыс Маиси. Решено было плыть вдоль южного берега Кубы. Миль пятьдесят Адмирал шел под гористым берегом, и головы моряков кружились от сладких ароматов тропического леса, легкий бриз доносил его дыхание до кораблей. 1 мая флотилия вошла в большой залив, Адмирал назвал его Пуэрто-Гранде, ныне же он известен как бухта Гуантанамо.

В бухте Гуантанамо состоялась первая встреча с индейцами, очень радушными и гостеприимными. Спутникам Адмирала хуже дегьяновой ухи показалось любимое местное блюдо — жареная игуана. Посетив затем места, где ныне расположен город Сантьяго-де-Куба, Адмирал круто повернул на юг. Толмач Диего доведалься, что неподалеку, в южной стороне, лежит большой остров Ямайка. 5 мая флотилия отдала якорь в бухте Санта-Глория (ныне бухта Сант-Аннс) на северном берегу Ямайки. Остров совершенно очаровал Адмирала, красотой своей он даже затмил очаровательную Эспаньолу, но здешние обитатели не отличались мирным нравом. В одном месте они дали понять пришельцам, что на свою землю их не пустят.

«Адмирал решил, что было бы неразумно оставить безнаказанной дерзость, проявленную индейцами, чтобы на подобное они в другой раз не отваживались. Он приказал снарядить в бой все три корабельные лодки, потому что каравеллы из-за мелей не могли добраться до того места, где находились индейцы. Чтобы ознакомить этих индейцев с кастильским оружием, наши люди на лодках по-

¹ В русском переводе отрывок из «Истории Католических Королей» Андреса Бернальдеса, посвященный этому плаванию, см. 24, 279—298.

дошли вплотную к берегу и выстрелили в них из арбалетов. И когда им хорошенько задали, их обуял страх. А люди наши высадились, продолжая стрельбу, и индейцы, видя, каким языком с ними говорят кастильцы, обратились в бегство; бежали мужчины и женщины безостановочно, и вслед им выпустили с корабля собаку, которая кусала их и причиняла большой урон, ибо против индейцев один пес стоит десяти человек» (24, 284).

Бернальдес беседовал с Колумбом в 1496 году, но свою «Историю Католических Королей» завершал лет на десять-двенадцать позже. К тому времени вся Кастилия говорила о жестоких расправах с индейцами, и всем было известно, что на Эспаньоле, Ямайке, Кубе, Малых Антильских и Багамских островах местных жителей травил собаками, канарскими собаками, их специально для охоты за индейцами привозили в Новый Свет. Каждая такая собака и в самом деле заменяла десять загонщиков-убийц, а Лас Касас называет клички особо «отличившихся» псов, которые загрызли десятки индейцев. Но впервые собак использовали для травли людей соратники Адмирала в этой бухте, и глава экспедиции не считал зазорными такие действия...

Ямайка несколько разочаровала Адмирала, и он решил снова вернуться к Кубе и проследовать вдоль ее южного берега на запад, ведь именно в той стороне и должна была находиться страна Великого хава. Вскоре флотилия вышла к кубинскому побережью и 15 мая вступила в волшебный архипелаг. Десятки маленьких островов проплывали мимо кораблей, там и здесь к небу тянулись пышными кронами королевские пальмы.

Адмирал назвал этот прекрасный околокубинский архипелаг Садами Королевы. В 1940 году эти места посетил на легком кэче С. Э. Морисон, и он писал, что «проливы между островами были так запутаны и мелки, что нас не покидало чувство, что Колумб был великим судоводителем не только в океане, но и на мелководье» (22, 124).

Корабли миновали Сады Королевы и пошли дальше. Берегу не было конца. Горы исчезли, флотилия шла у низких берегов, порой между мелями извивались неширокие протоки, и через них приходилось проводить корабли долгим и трудным способом. Посылалась вперед лодка, с нее отдавался якорь, а затем к якорю с помощью ворота подтягивалось судно. Это был залив Батабано. Адмирал до-

шел до узкой западной оконечности Кубы, но и она тянулась на сотни миль. Непроходимые мангровые заросли окаймляли топкие берега, и эти мангры были так густы, что через них — это слова Адмирала — не смогла бы проскочить даже кошка. Миллионы воздушных корней пили соленую воду, запах гнили преследовал корабли. Странное это было море — воды его меняли цвет, то они становились белыми как молоко, то казались чернее чернил, и это наводило страх на моряков, ведь любое необъяснимое явление суеверным спутникам Колумба мнилось очередной проделкой сатаны. А дело объяснялось просто: быстрые течения выносили с отмелей в море то снежно-белый ил, то черный песок.

Наконец флотилия подошла к бухте Кортес, до нее от западной оконечности Кубы, мыса Сан-Антонио, оставалось миль шестьдесят. Берег здесь круто поворачивал на юг, и Адмирал вообразил, что он дошел до Золотого Херсонеса — Малаккского полуострова. Велико было искушение: продвинуться дальше к югу, обойти этот Херсонес и через проливы, описанные Птолемеем и Марко Поло, проследовать затем к берегам Индии, проплыть в Красное море, посуху перейти в Палестину и оттуда добраться до Испании. Но Адмирал подавил этот порыв души: корабли так часто приходилось протаскивать волоком через мели, что днища их прохудились, да и, кроме того, на исходе были запасы провианта. И Адмирал, пройдя вдоль берегов Кубы 330 лиг (около 1200 миль), счел за благо вернуться на Эспаньолу. До конца своих дней он так и не доведалься, что от бухты Кортес до Малаккского полуострова было 10 тысяч миль!

Но, преодолев «херсонесское» искушение, Адмирал решил убедить мир, что земля Хуана (так он называл Кубу) не остров, а часть Азиатского материка.

В четверг, 12 июня 1494 года, была дана команда свистать всех наверх. Экипаж «Ниньи» выстроился на палубе, и нотариус флотилии дон Фернан Перес де Луна зачитал удивительный документ. То был акт, коим торжественно и формально заверялось, что земля Хуана никакой не остров, а материк и «начало Индий и их конец, так что, следуя этой землѣ, можно посуху дойти до Испании», и заключительный параграф акта был сформулирован так: «...а всякий, кто когда-либо осмелится утверждать противное тому, что здесь значит, да уплатит штраф в сумме десять тысяч мараведи, и да будет

урезан у него язык, а если подобное скажет грумет [матрос второй статьи] или лицо равного положения, то получит он сто плетей и лишен будет языка» (42, V, 240—241).

Затем все моряки «Ниньи» под присягой подтвердили, что согласны с этим актом, и проставили свои подписи. А к концу дня собраны были подписи на двух других кораблях, и акт нотариус Фернан Перес де Луна вложил в шкапулку, которая заиралась на три ключа.

Очень многие биографы Адмирала с возмущением описывали события 12 июня 1494 года. Они обвиняли главу экспедиции в сознательном обмане — дескать, он отлично знал, что Куба — остров, но пошел на все, чтобы убедить королевскую чету, будто земля эта часть Азиатского материка. Бесспорно, эти авторы были бы правы, если речь шла о любом мореплавателе эпохи Кука, Крузенштерна и Беллинсгаузена. Но Адмирал жил, плавал и мыслил в XV веке. Вряд ли можно сомневаться в том, что он сам был непоколебимо убежден в своей правоте. Ведь недаром же вел он два года спустя горячие споры с Бернальдесом, доказывая ему, что вдоль берегов Кубы можно пройти в Красное море.

И мнение Адмирала совершенно искренне разделяли многие его спутники. Микеле Кунео, который участвовал в кубинском плавании, писал, что после того, как корабли вдоль кубинского берега прошли на юг и юго-запад 60 лиг, все, видя, куда следует этот берег, пришли к выводу, что перед ними материковая земля.

Акт... Присяга... Споры нет, торжественная сходка на палубе «Ниньи» вызывает недоумение у людей XX века. Но Адмирал недаром семь лет провел в скитаниях по канцеляриям кастильского королевства, он прекрасно изучил бюрократические нравы коронных ведомств, он знал, что в глазах их высочеств бумага, скрепленная подписями свидетелей, по всей форме заверенная нотариусом, стоит в сто раз дороже словесного сообщения или простого отчета о плавании к «азиатским» берегам.

Десять тысяч мараведи штрафа, урезанные языки, плети... Все это звучит дико для современного уха, но ведь заключительный параграф акта был вписан в этот документ в 1494 году. И к чести Адмирала надо отметить, что эти страшные кары остались лишь пустыми угрозами. Микеле Кунео привел один любопытный случай: аббат Лусена, любознательный «пассажир» экспеди-

ции, открыто заявил, что, по его разумению, Куба не материк, а остров, и Адмирал не счел возможным лишить его языка. Лусене по возвращении в Изабеллу строго-настрого приказано было не покидать Эспаньолу. Он, таким образом, отделался неким подобием «подписки о невыезде».

13 июня Адмирал отправился в обратный путь, который оказался гораздо тяжелее пути, пройденного в западном направлении, моряков совершенно изводили встречные восточные пассаты. Приходилось держаться как можно ближе к берегу, но тут досаждали бесконечные мели. До Садов Королевы флотилия плелась 25 дней, затем Адмирал направился к Ямайке, обошел ее с юга, 19 августа миновал восточную оконечность этого острова — мыс Морант, и вдоль южного, еще не обследованного берега Эспаньолы проследовал к Изабелле, куда прибыл 29 сентября. Это было невероятно тяжелое плавание, корабли постоянно давали течь, приходилось днем и ночью откачивать воду, а сил у моряков не было, припасы иссякли, и в сутки люди получали фунт заплесневелых сухарей и пинту прокисшего вина.

И тем не менее Адмирал счел своим долгом сделать изрядный крюк и обойти южные берега Ямайки и Эспаньолы.

За лето 1494 года Адмирал совершил новые выдающиеся открытия. На картах мира прорезались южные берега Кубы, открыта была Ямайка, прояснились контуры Эспаньолы.

В последние дни плавания Адмирал тяжело заболел, пять месяцев, проведенных в постоянных трудах, основательно распатала его здоровье. В Изабелле Адмирала вынесли на берег на руках, ходить он не мог.

АД В РАЮ

Печальную картину застал правитель Индии, вернувшись на Эспаньолу.

Отбывая в плавание, Адмирал поручил коменданту крепости Святого Фомы Педро Маргариту усмирить окрестных индейцев и навести на острове порядок. Маргарит истолковал распоряжение Адмирала по-своему. Собрав свое войско — 360 пехотинцев и 14 конников, он вторгся в долину Вега-Реаль и стал разорять селения, до которых еще не успел добраться Охеда. В итоге, как

отмечает Фернандо Колон, «по вине Педро Маргарита возмущались почти все индейцы» (58, 179—180).

Одновременно он выступил против Совета пяти, который правил островом в отсутствие Адмирала, и предпринял некоторые шаги, чтобы сосредоточить в своих руках власть. Совет дал беспокойному арагонскому кавалеру отпор, и тогда Маргарит бросил своих соратников, пробрался в Изабеллу и на одном из кораблей, посланных советом на родину, бежал в Кастилию. Прах Эспаньолы одновременно отряхнул со своих ног и глава духовной миссии Берпаль Бойль, оба дезертира прибыли в Кадис и никаким взысканиям не подверглись. Более того, они были приняты с распростертыми объятиями при дворе, и Овьедо писал, что Маргариту королевская чета доверяла как свидетелю второго плавания гораздо больше, чем Колумбу. Что же касается Бойля, то весной 1495 года он послан был в Рим с весьма ответственным дипломатическим поручением. Бойль причинил на Эспаньоле не меньше вреда, чем Маргарит, он подстрекал против Адмирала всяческих смутьянов и грозил ему отлучением от церкви за крутые меры, принятые против бездельников и тунеядцев.

После бегства Маргарита его войско превратилось в банду разбойников, вооруженные до зубов солдаты рассеялись по всему острову и стали истреблять и грабить беззащитных индейцев. Ни Совет пяти, ни прибывший на Эспаньолу из Кастилии брат Адмирала и Диего Колумба, Бартоломе, не в состоянии были унять распоясавшуюся солдатню. О «подвигах» колонистов Фернандо Колон сообщает следующее: «В результате бегства Педро Маргарита каждый стал творить с индейцами все, что взбрет в голову. У индейцев отнимали жен и так над ними измывались, что они из мести стали убивать отбившихся от отряда или одиноких воинов» (58, 180). Лас Касас к этому добавляет, что «ужасные, наводящие страх вести о суровости, жестокости, черствости, беспокойном нраве и несправедливости вновь прибывших людей, именуемых христианами, повергли в трепет всех без исключения простых людей. Еще не видя христиан, они относились к ним с омерзением» (24, 335). По словам Лас Касаса, четыре касика, в том числе и Каонабо, поднялись против пришельцев, верность кастильцам сохранил лишь Гуаканагари.

Вряд ли Адмиралу улыбалась роль умирителя мятеж-

ной Эспаньолы, но он считал необходимым огнем и мечом подавить восстание. Это решение он принял не сразу после возвращения в Изабеллу, всю зиму он тяжело болел, и островом правил Бартоломе Колумб, которому старший брат присвоил титул наместника («аделантадо»).

24 марта 1495 года Адмирал отправился в карательный поход. Он отобрал 200 лучших пехотинцев и 20 всадников. Псаря-загонщики вели на поводках 20 канарских псов. Кроме того, Адмирала сопровождали «союзные войска», несколько сот индейцев касика Гуаканагари. Не то девять, не то десять месяцев «вел Адмирал жестокую войну со всеми королями и народами, которые не желали ему подчиниться, как о том он сам сообщает в различных письмах, адресованных королям и другим особам. За это время произошли чудовищные избиения индейцев и целые области совершенно обезлюдели, особенно в королевстве Каонабо» (77, I, 390).

Каонабо был великим вождем, он изучил повадки свирепых пришельцев и, уклоняясь от схваток с крупными отрядами, нападал на небольшие разбойничьи группы; засады, ночные набеги — таковы были его тактически приемы, его бойцы внезапно нападали на христиан и внезапно исчезали, следы их терялись в лесах и горах, где у Каонабо было немало тайных убежищ. Но в конце концов Алонсо де Охеда вероломно напал на Каонабо и захватил его в плен. Адмирал отправил индейского вождя в Кастилию, и в пути судно, на котором содержался пленник, затонуло.

Итог боевым операциям 1495 года подвел Лас Касас. «Из-за побоищ, учиненных в войнах, — писал он, — из-за голода, болезней, лишений и гнета, — а все это пришлось испытать индейцам, из-за нищеты, а особенно из-за неутешной скорби, печали и тоски, ставших уделом обитателей этого острова, из всего населения, каким было оно в 1494 году, осталась в 1496 году, как полагали, одна треть» (77, I, 393).

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАСТИЛИЮ

Адмирал умирал Эспаньолу, не ведая, что над ним сгущаются грозовые тучи. Королевскую чету положение, создавшееся на Эспаньоле, не устраивало. Разумеется, меньше всего Изабелла и Фердинанд радели о язычниках-индейцах, карательные акции Адмирала они одобря-

ли. Но по-прежнему новооткрытые земли не приносили дохода, по-прежнему колония в Изабелле поглощала немалые средства, по-прежнему в казну поступало ничтожное количество золота.

В конце ноября 1494 года в Кастилию прибыли высокопоставленные дезертиры — Маргарит и Бойль, и королеве и королю было доложено, что Эспаньола превратилась в адмиральскую вотчину, что все посты и должности раздаются родичам и любимцам Адмирала, что сомнительные иноземцы притесняют чистокровных кастильцев, что правитель Индий делает все по своему произволу: закладывает новые поселения в гиблых местах, морит колонистов голодом и отнимает рационы у благородных рыцарей.

Маргарит и Бойль вели себя при дворе очень смело еще и потому, что они надеялись на гибель Адмирала. В тот момент, когда они оба покинули Изабеллу, Адмирал плывал неведомо где, и в селениях ходили слухи, будто корабли, на которых вышел в путь Адмирал, погибли у кубинских берегов.

Антонио де Торрес послан был в Индии с тринадцатью кораблями в конце октября 1494 года, возвращения его ждали не раньше весны 1495 года, новости из заморской колонии не поступали всю зиму.

Торрес прибыл в Кадис 9 или 10 апреля 1495 года. Он привез письма от Адмирала и живой товар — 300 рабов-индейцев, плененных в походах осени 1494 года. Микеле Кунео писал, что первоначально в Изабеллу пригнали 1600 пленников, но погрузить такое множество людей на корабли не было возможности, и в Кастилию послали лишь 550 душ. В пути погибло не менее 250 человек, те же индейцы, которым довелось выжить, имели жалкий вид, с точки зрения кадисских и севильских работников были товаром весьма посредственным. Все же сперва королевская чета велела назначить рабов к продаже¹, но спустя четыре дня свое решение изменила. Фонсеке приказано было воздержаться от сбыта невольников до той поры, пока о законности распродажи не выскажут своего мнения сведущие богословы и юристы (56, II, 195).

¹ Предписание Хуану де Фонсеке от 12/IV 1495 года (55, XXX, 335). Фонсеке вменялось в обязанность «продавать рабов в Андалузии, где это делать выгоднее всего».

Мнения законоведов и богословов понадобились Изабелле и Фердинанду отнюдь не потому, что сердца их преисполнились симпатией к рабам-индейцам. Простой расчет показывал, что торговля заморскими невольниками никакой выгоды короне принести не может. Торрес вез рабов два месяца, и за это время содержание их и охрана обошлись казне в миллион мараведи. В дороге чуть ли не половина невольников погибла, а на уцелевших индейцев никакого спроса не было.

При подобных обстоятельствах уместно было проявить христианские чувства и выразить сомнение в законности убыточных распродаж. Косвенно тем самым осуждалось и поведение Адмирала, который, вместо того чтобы озолотить казну, занялся вывозом в Кастилию неходкого товара¹.

В еще большей мере королевскую чету разочаровали донесения Адмирала. Создавалось впечатление, что все затраты на заморские владения пропадают втуне и что на какие бы то ни было барыши в обозримом будущем нельзя рассчитывать.

В апреле 1495 года при непосредственном участии Фонсеки были разработаны новые принципы управления Индиями. Колонистам королевская чета предоставила кое-какие льготы, и одновременно она дозволила всем желающим совершать открытия в Море-Океане. Это было грубым нарушением капитуляции 1492 года. Адмирал лишился монопольного права на открытия.

В эти дни королевская чета подвела первую мину под Адмирала. Лас Касас, который, несмотря на благоговейное отношение к памяти великого мореплавателя, сурово осуждал его за походы против индейцев, усматривал в этих действиях королевы и короля проявления господней воли. Королева и король решили послать на Эспаньолу своего представителя, наделив его при этом неограниченными полномочиями. Их выбор пал на королевского постельничего Хуана Агуадо, севильского уроженца, успевшего уже побывать в Индиях. Агуадо прибыл на Эспаньолу в 1493 году вместе с Колумбом и вернулся в Кастилию с первой флотилией Торреса в марте 1494 года.

Он не получил никакого назначения, но в паспорте,

¹ «Сердобольная» королевская чета в январе 1496 года распорядилась отправить 50 индейцев на галеры. Как-то надо же было использовать даровую рабочую силу!

ему данном, указывалось, что он выполняет особые поручения королевской четы и на Эспаньоле все обязаны оказывать ему содействие и помощь. Лас Касас не без основания считал, что он был послан на Изабеллу «скорее всего как шпион и осведомитель» и что «он положил начало подрыву благоденствия и процветания Адмирала» (77, I, 422).

Посылая Агуадо на Эспаньолу, королевская чета таким образом рекомендовала его Адмиралу: «Мы поручили нашему постельничему Хуану Агуадо ответить на вопросы, которые вы нам задали от нашего имени; повелеваем вам отнестись к нему с доверием и вниманием» (77, I, 426). Уже сама форма этого крайне сухого и резкого письма была для Адмирала оскорбительна.

Агуадо поручалось рассмотреть на месте жалобы, поданные на Адмирала, обратив внимание на «неправомерное» распределение рационов. «Благородные» тунейдцы все еще негодовали, вспоминая, как Адмирал урезывал им пайки весной 1494 года.

Агуадо в октябре 1495 года прибыл на Эспаньолу и повел себя вызывающе и нагло. Он поощрял смутьянов и тунейдцев и на каждом шагу грубо оскорблял Адмирала (101).

Бесспорно, разумом Агуадо был обделен, но вряд ли он осмелился бы действовать столь дерзким образом, если бы не имел на то особых указаний. Адмирал отлично понял, кто стоит за спиной этого ревизора, и решил как можно скорее вернуться в Кастилию и выяснить, по каким причинам он впал в немилость при дворе. Лас Касас привел слова Адмирала, сказанные им в канун отъезда: «Я хочу отправиться в Кастилию, дабы оправдать себя перед королем и королевой, нашими владыками, и разоблачить клеветников, прибывших сюда и распустивших здесь языки».

Перед возвращением в Кастилию Адмирал предпринял попытки наладить положение на Эспаньоле. Он основал несколько крепостей и приступил к новым поискам золотых россыпей. Эспаньола никогда не была Клондайком, золота на этом острове, прекрасном во всех прочих отношениях, водилось немного, но кое-что в исходе 1495 года все же удалось найти. Капитаны Франсиско Гарай и Мигель Диас через проходы в Центральных Кордильерах прошли на юг, в еще не освоенную часть острова, и в до-

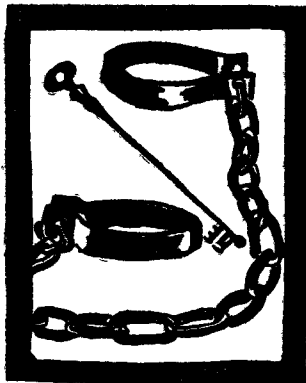
лине большой реки Айяна намыли из аллювиальных песков изрядное количество желтого металла.

От этих золотых мест до южного берега Эспаньолы оставалось всего лишь 30—40 миль. Гарай и Диас добрались до южного побережья и в устье полноводной реки Осамы открыли очень удобную бухту. Здесь год спустя Бартоломе Колумб заложил город Санто-Доминго, которому суждено было стать столицей Индии. Лас Касас писал, что Адмирал, выслушав сообщение Гарая и Диаса, посоветовал своему брату Бартоломе основать на реке Осаме новое поселение и назвать его Санто-Доминго, городом святого Доминика, в честь патрона главы рода Колумбов, престарелого генуэзского гражданина Доминико.

10 марта 1496 года Адмирал на двух кораблях — «Нинье» и «Санта-Крус» — вышел из бухты Изабеллы и взял курс на Кастилию. Власть он передал «аделантадо» Бартоломе Колумбу и имел неосторожность главным судьей острова назначить кавалера Франсиско Ролдана, того Ролдана, которому суждено будет доставить великому мореплавателю наибольшие неприятности в скором будущем. Посетив Гваделупу, Адмирал направился на северо-восток и 11 июня после долгого и тяжелого перехода через Атлантику прибыл в Кадис. Второе плавание, которое в общей сложности продолжалось два года и девять месяцев, закончилось.

На этот раз Кастилия холодно встретила Адмирала, в Индиях успели разочароваться даже самые горячие его поклонники. Кто знает, быть может, навсегда оборвалась бы карьера великого искателя, если бы спустя некоторое время до кочующей резиденции Изабеллы и Фердинанда не дошли тревожные вести. Тайные осведомители их высочеств донесли, что новый португальский король Мануэл решил послать в Индию большую экспедицию. А коли так, то нужда в Адмирале миновать еще не могла. Только он способен был найти путь к неуловимому Азиатскому материку и упредить сурового португальского флотоводца Васко да Гама, корабли которого снаряжались в гавани Риштеллу.

ТРЕТЬЕ ПЛАВАНИЕ И КОРОЛЕВСКИЕ ЦЕПИ

МУЧИТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА

Стояло жаркое кастильское лето 1496 года. Королевская чета странствовала по Старой Кастилии, измученный трудным плаванием Адмирал ко двору не поехал, он отправил Изабелле и Фердинанду письмо и дожидался от него ответа в Севилье.

Люди, которые два с лишним года не видели Адмирала, поражались разительным переменам в его облике. Он постарел на десять лет, он стал совершенно сед, спина его согнулась, весь он истаял, говорить с ним было трудно, он часто отвечал невпопад, думая свои думы и забывая о собеседниках. «Ходил он в облачении монахов францисканского ордена... опоясав чресла вервием». Именно в этом облачении увидел Адмирала в июне или июле 1496 года Андрес Бернальдес, который не раз в ту пору встречался с ним в Севилье.

У любознательного и простодушного священника из селеньца Лос-Паласиос Адмирал нашел приют, и от гостя и его экзотического реквизиита у хозяина голова шла кругом. «Привез Адмирал с собой, — писал Бернальдес, — много вещей, которые в ходу у индейцев: короны, маски, пояса, ожерелья и всякие прочие и многие изделия из хлопка, и на всех были изображения дьявола в образе кота или свиной морды, и, кроме того, были и вещи похуже — разные фигуры и некоторые деревянные, некото-

рые тряпичные. Захватил он с собой короны с крылышками и маски с глазницами, окаймленными золотом, и среди них была маска, которая, как говорят, принадлежала касику Каонабо, и она очень большая и высокая, а по бокам у нее крылышки, наподобие щитков, глаза же огромные, как серебряные блюда, и каждый весом в полмарки¹, и вставлены они очень ловко и диковинным образом, и в той стороне такие маски носят те, кто выдает себя за дьявола, и сдается, что в дьявола там верят, ибо индейцы — язычники и сатану считают своим владыкой» (46, 259).

Королевская чета с ответом не торопилась. Только 12 июля 1496 года из старокастильского городка Альмасана Изабелла и Фердинанд написали Адмиралу письмо любезное, но холодноватое... Королева и король изъявили готовность принять Адмирала, когда тот сочтет это для себя удобным, и выслушать его сообщения о всех событиях второй экспедиции.

В Севилье Адмирал чувствовал себя плохо. Его донимала андалузская жара, каждая встреча с Фонсекой оставляла в душе горький осадок, глава ведомства заморских перевозок неизменно давал понять, что новооткрытые земли должны управляться из Кастилии и по возможности без наместника, некогда наделенного чрезмерными полномочиями. Суть этих бесед в нескольких словах изложил Бернальдес: и Фонсека, и его верховные покровители считали, что заморские земли управлялись Адмиралом плохо, да и вообще пользы и выгоды от них нет, а издержки непомерно велики.

Фердинанд в конце лета кочевал по Каталонии, и только в октябре королевская чета осела в Бургосе, и туда направился Адмирал. Повторилась, только в меньших масштабах, барселонская встреча 1493 года. «Адмирал, — писал Бернальдес, — представил королю и королеве индейцев, которых он с собой захватил, и монархи приняли его хорошо, и им по вкусу пришлось разные диковинки и рассказы о всем, что было открыто, но Адмирал достаточно натерпелся и, будучи иноземцем, проглотить обиду не мог, ведь ему пришлось немало перенести, отбывая свою должность, от врагов и гордецов».

Но «глотать обиды» ему пришлось еще долго, до самой

¹ Марка — испанская мера веса (для золота), равная 230 граммам.

гробовой доски. И в Бургосе он натерпелся не меньше, чем в ту пору, когда штурмовал коронные канцелярии, отстаивая проект плавания в Катай. Казалось бы, все шло прекрасно. Королевская чета рассыпалась в любезностях, царедворцы отвешивали Адмиралу церемонные поклоны и восторгались дарами Индии — золотым самородком весом в двадцать унций, роскошными масками и резными фигурками работы индейских умельцев. Но планы нового плавания никто не желал рассматривать. Король и королева были заняты приготовлениями к свадебным торжествам: пришла пора женить наследного принца Хуана, и, кроме того, шла война с Францией, и при дворе думали не об Индиях, а о Руссильоне, пиренейской земле, которую три года назад захватил Фердинанд и которую теперь пытался отвоевать французский король Карл VIII.

А из Эспаньолы приходили дурные вести. Золота поступало мало¹, но колонисты всеми силами стремились на родину, беспрестанно шел отток поселенцев, с каждым кораблем, с каждой флотилией, которая отправлялась в Кастилию, отбывали в Старый Свет отчаявшиеся старожилы. «Que Dios lléveme á mi casa» — «Пусть господь вернет меня домой!» — таков был девиз этих рыцарей утраченных надежд. К середине 1496 года на всей Эспаньоле вряд ли насчитывалось более 700—800 кастильцев.

В апреле 1497 года, когда вопрос о новой экспедиции был в принципе решен, Адмиралу разрешено было взять с собой на Эспаньолу 330 человек, причем этим людям установлено было определенное содержание. Велено было в это число включить 20 рудокопов, 50 земледельцев, 10 огородников и 30 женщин и переправить в Индии разные земледельческие орудия, рогатый скот, мельничное оборудование, мулов и ослов, и на оплату в течение шести месяцев казна ассигновала около двух миллионов мараведи².

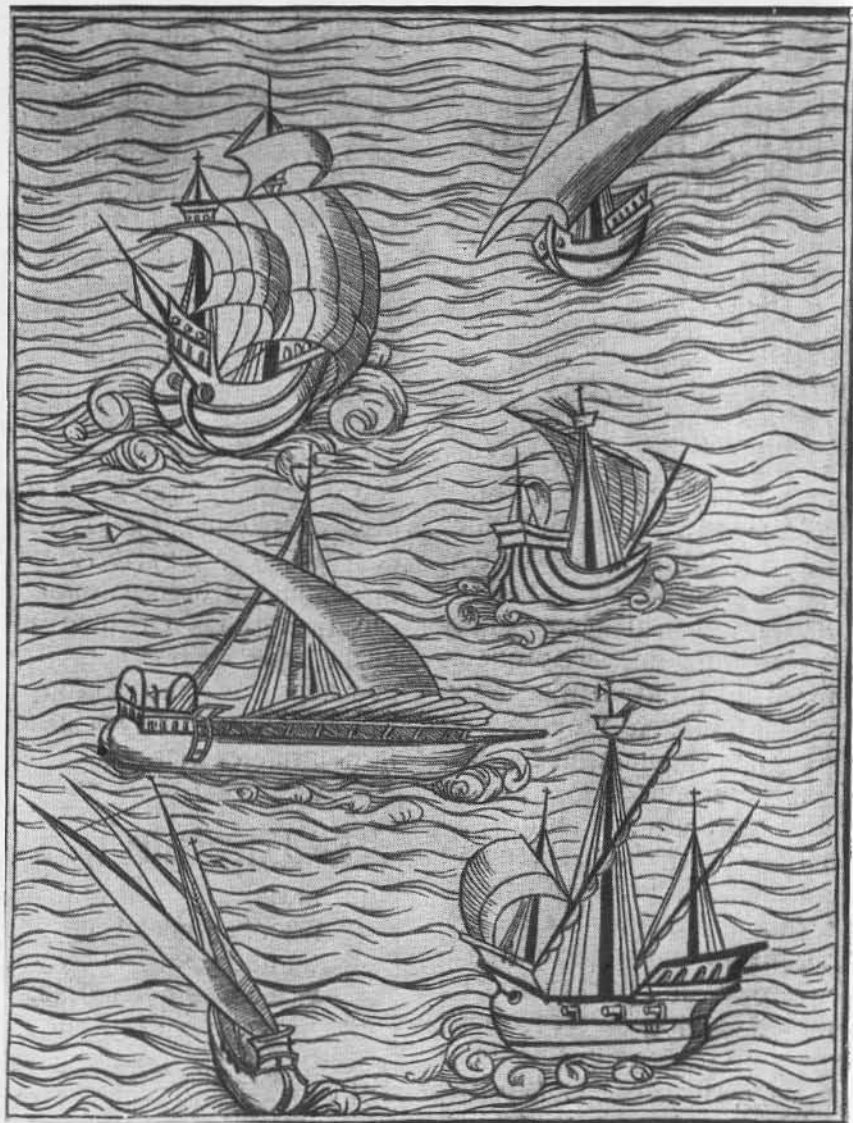
В июне 1497 года корона распорядилась выслать в Индии преступников, причем в указе прямо говорилось: «Поелику там (то есть в Индиях) не хватает людей для

¹ И рабы по-прежнему ввозились в Кастилию. 29 октября 1496 года Пералонсо Ниньо выгрузил в Кадисе две сотни невольников, «аделантадо» Бартоломе Колумб, посылая эту партию рабов, надеялся возместить просчеты по части золота.

² Указ от 23/IV 1497 года (95, II, 203—204).

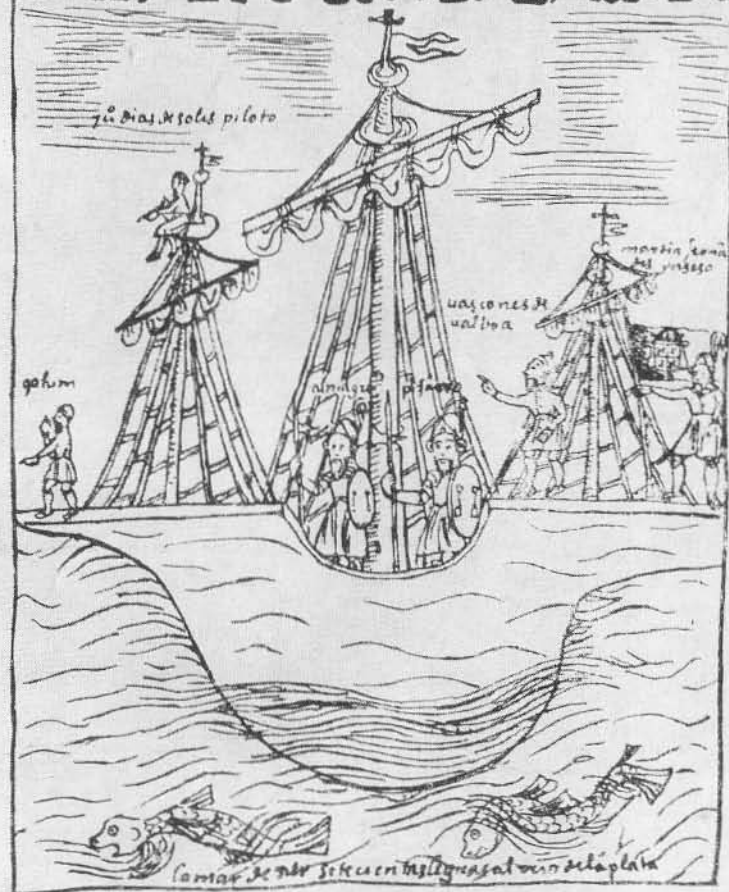

Святой Христофор. Изображение на карте Хуана де ла Косы (1500 г.). Предполагается, что в облике святого запечатлены черты Колумба.

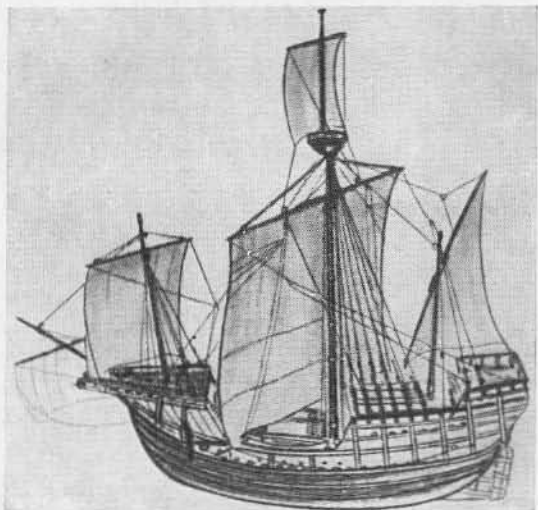

Типы морских кораблей. Испанская гравюра начала XVI века.

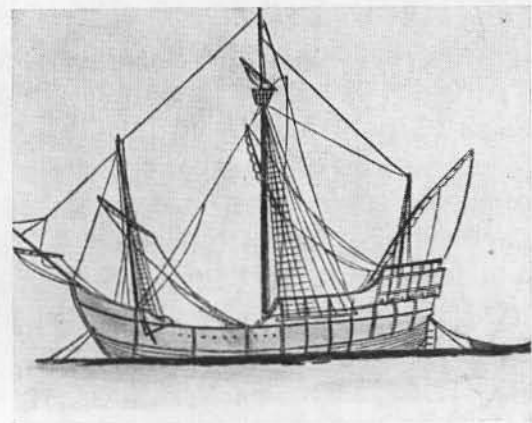
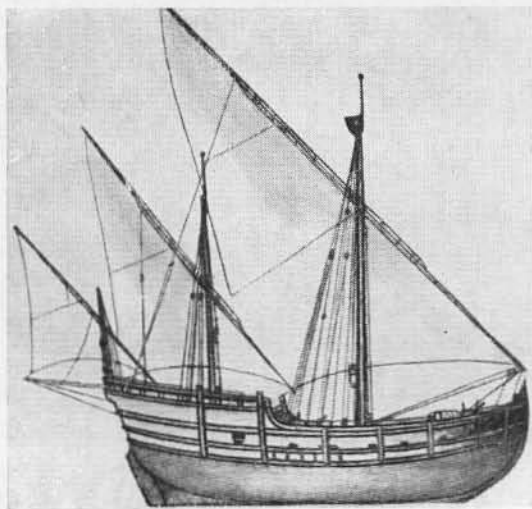
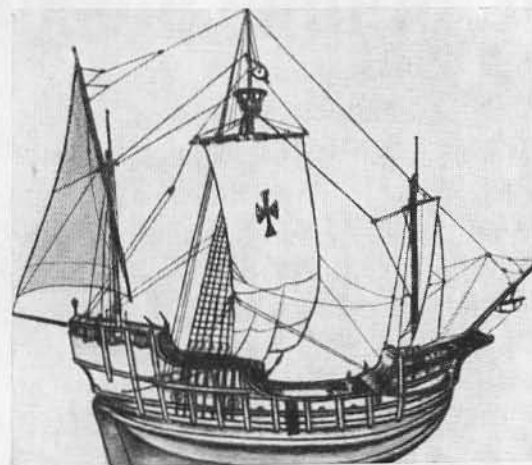
CONQUISTA EMBARCAROSE ALASÍDIAS

Корабли Колумба. Рисунок перуанского индейца Помо де Аялы (XVI в.).

Типы кораблей эпохи Колумба.

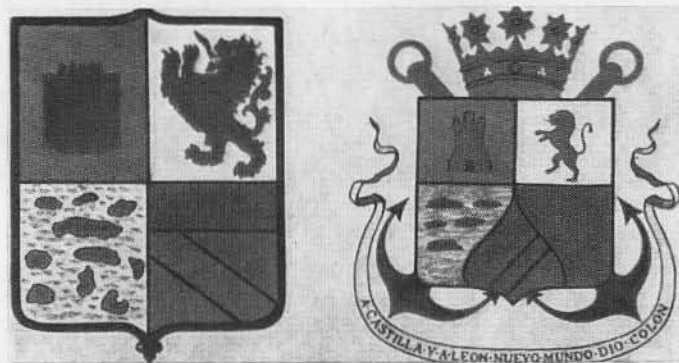

De Insulis inuentis

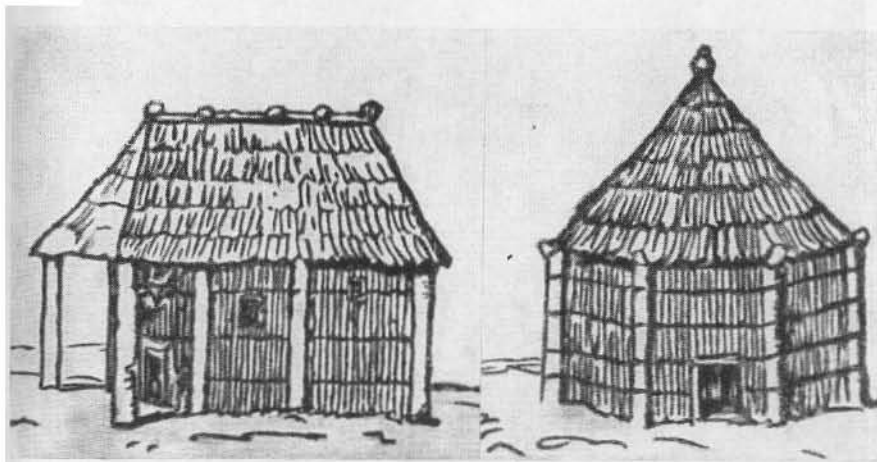
Epistola Cristoferi Colom (cui etas nostra multū debet: de Insulis in mari Indico nup inuēns. Ad quas perquirendas octauo antea mense: auspicijs et ere Inuictissimi Fernandi Hūspanarum Regis missus fuerat) ad adag- nificum dñm Raphaelez Sanxis: eiusdē serenissimi Regis Thesaurariū missa. quam nobi- lis ac litterat⁹ vir Aliander d' Losco: ab His- pano ydeomate in latinū conuertit: tercio klō Maij. M. cccc. xcij. Pontificatus Alexandri Sexti Anno Primo.

Quoniam suscepte prouintie rem p-
fectam me psecutum fuisse: gratū ti-
bi fore scio: has pstitui exarare: que-
te vniuscuiusq; rei in hoc nostro iti-
nere geste inuenteq; admoneāt. Tricesimo ter-
tio die postq; Cadibus discessim mare Indi-
cū perueni: vbi plurimas Insulas innumeris
habitatas hominib⁹ reperi: quarū oim p felis-
cissimo Rege nostro: preconio celebrato ⁊ ve-
rillis extensis: cōtradicente nemine possessio-
nē accepi. pumeq; earum: diui Saluatoris no-
men imposui (cuius frer⁹ auxilio) tam ad hāc
q; ad ceteras alias puenim⁹. Eam vero Indi

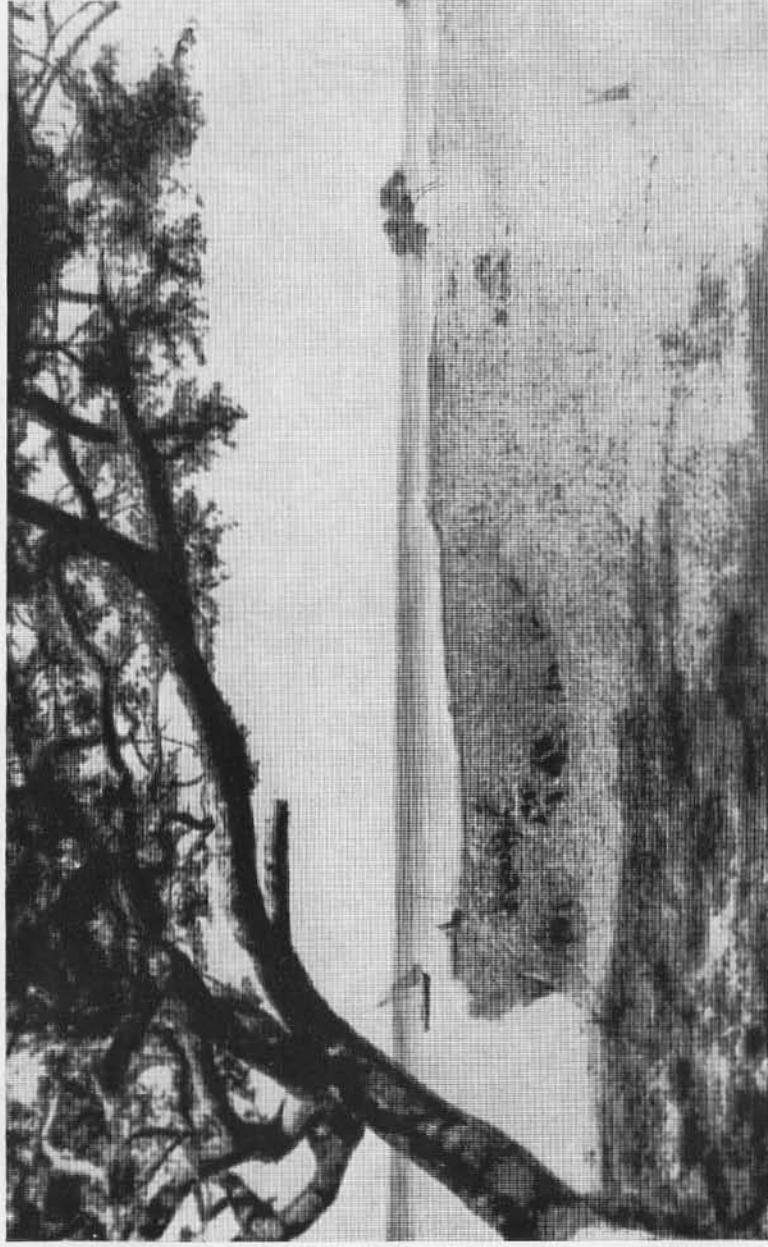
Первая страница барселонского издания 1493 го-
да письма Колумба об открытии новых земель.

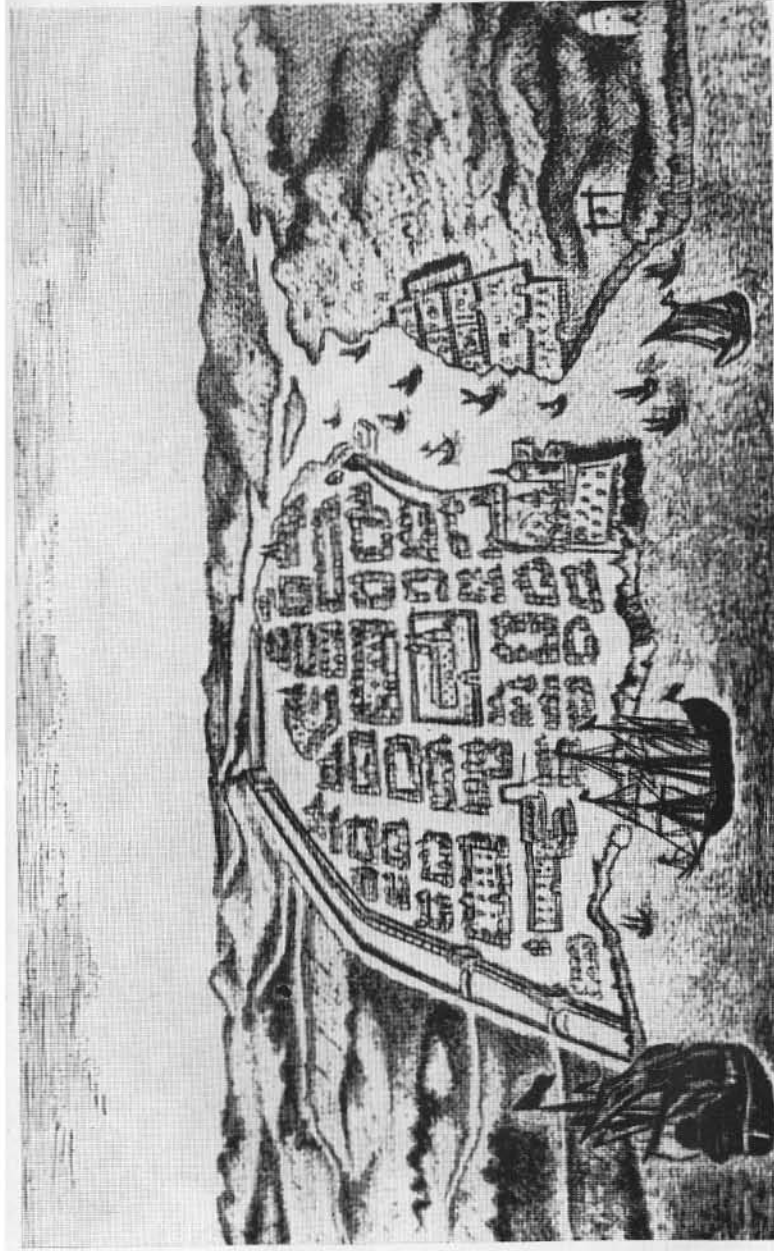
Гербы Колумба. Слева герб, пожалованный на-
следникам Колумба в XVI веке, справа герб по-
томков Колумба (XX в.).

Типы индейских хижин на острове Эспаньоле. Сле-
ва — «бохио», справа — «каней».

Современный вид местности, где находилось поселение Изабелла.

План города Санто-Доминго (гравюра XVI в.).

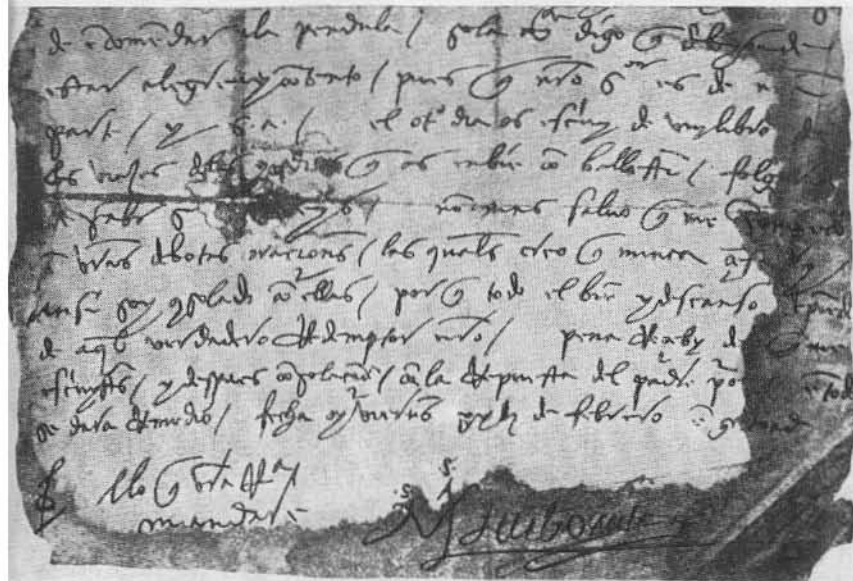
Зверства испанцев в Новом Свете. Рисунки XVI века.

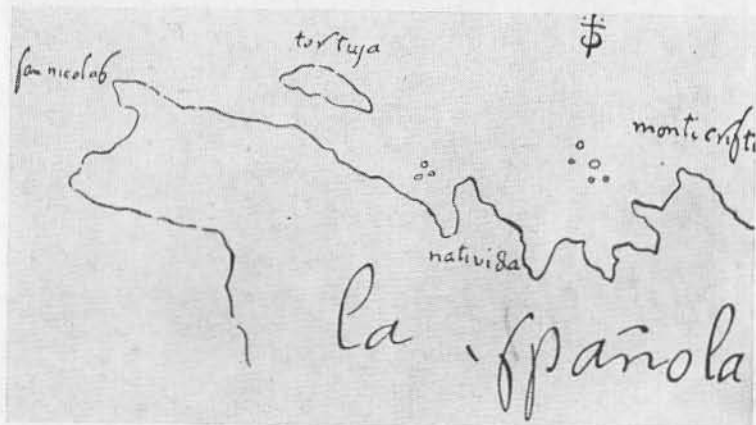
Бартоломе Лас Касас.

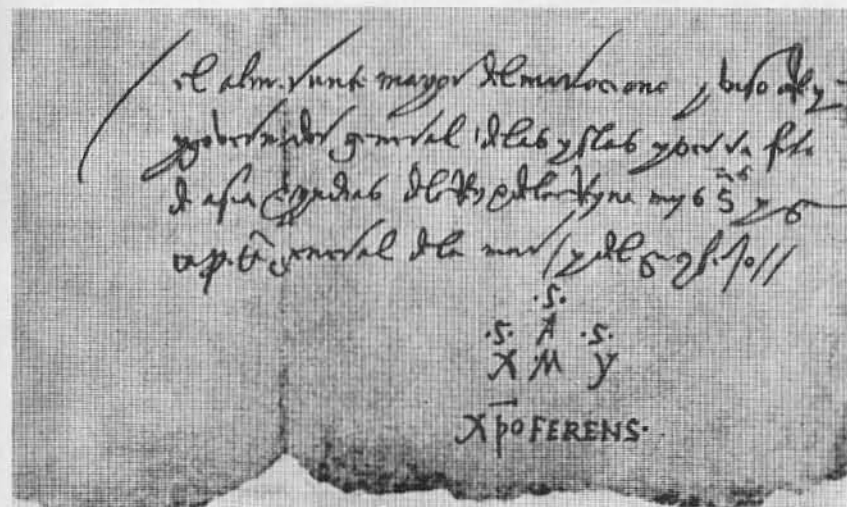
Отправка кораблей из Севильи в Новый Свет. Гравюра XVI века.

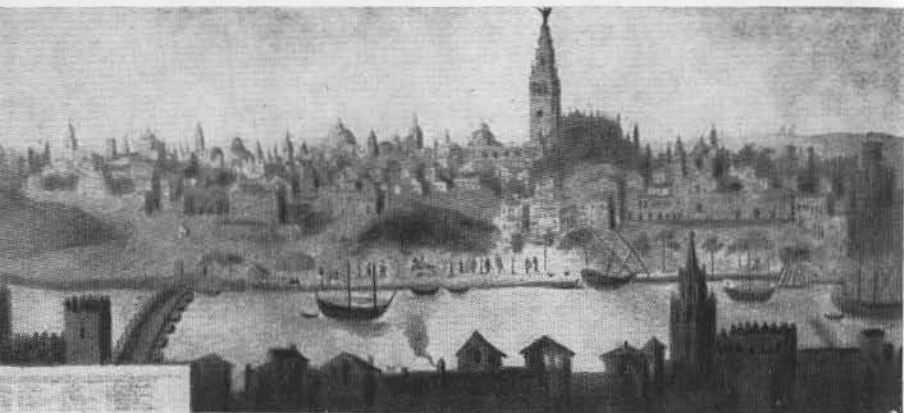
Письмо Колумба Гаспару Горисью от 26 февраля 1501 года.

Карта берегов Эспаньолы, выполненная Колумбом в 1492 году.

Образец подписи Колумба.

Вид Севильи (XVI в.).

Отправка кораблей в Америку из гавани Сан-Лукар (XVI в.).

HISTORIE Del S. D. Fernando Colombo;

*Nelle quali s'ha particolare, & vera relatione
della vita, & de' fatti dell' Ammiraglio
D. CHRISTOFORO COLOMBO,
suo padre:*

Et dello scoprimento, ch'egli fece dell' **INDIE
Occidentali, dette MONDO NUOVO,**
hora possedute dal Sereniss.
Re Catolico:

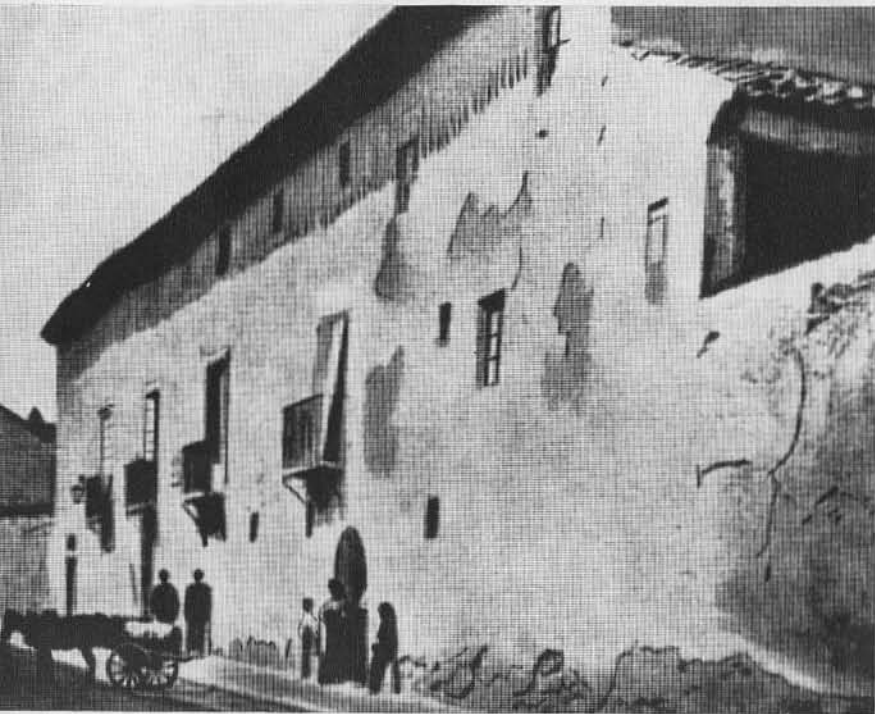
*Traduzione di lingua Spagnuola, ridotta nell'italiana
dal S. Alfonso Villa.*

CON PRIVILEGIO.

IN VENEZIA, M D LXXI.
Appresso Francesco de' Franceschi Sanese.

Титульный лист первого издания книги Фернандо Колона.

Дом в Вальядолиде, где умер Колумб.

основания поселений, а такое дело необходимо для блага господнего и нашего... повелеваем всех преступников как мужчин, так и женщин, какое бы злодеяние они ни совершили, выслать на остров Эспаньолу, дабы на оном они обрабатывали землю и добывали металлы...».

Проект превращения Эспаньолы в каторжную колонию так и не осуществился, хотя в 1498 году Адмирал отправил на Эспаньолу партию преступников, но в том же июне месяце корона приняла более эффективное решение: жаловать на Эспаньоле земли новопоселенцам. Но земля без рабочей силы никого привлечь не могла, и термин «*herpartimiento*» — раздача, распределение, — тут же стал применяться и в отношении индейцев. Колонисты стали получать определенные земельные наделы и определенное число индейцев, причем до поры до времени в документах юридический статус этих распределенных аборигенов точно не определялся, всем было ясно, однако, что к земле прилагается некрещеная собственность¹.

Король Мануэл, сам того не подозревая, оказал Адмиралу неоценимую помощь. Ранней весной 1497 года из Лиссабона стали поступать тревожные известия. В Португалии заканчивалось снаряжение четырех кораблей, которые вот-вот должны были выйти в дальнейшее плавание. Цель этой экспедиции была неясна, все, что ее касалось, португальские власти таили в строжайшем секрете. Затем выяснилось: командование флотилией возложено на некоего Васко да Гама. Это имя ничего не говорило кастильским морякам, но было ясно, что португальская корона придает его экспедиции огромное значение.

Все моря и земли Кастилии и Португалия разделили между собой в 1494 году, но океанские пути неисповедимы, и с равным успехом Васко да Гама мог проследовать по следам Бартоломео Диаша в Индийский океан и совершить бросок на запад, в ту сторону, где Адмирал уже отыскал много земель, но где многое еще не открыто.

Акции Адмирала внезапно повысились в цене. О нем вспомнили, он стал нужен. Их высочества подтвердили права, титулы и привилегии Адмирала. 23 апреля 1497 года королевская чета дала Адмиралу согласие на

¹ Распоряжение от 22/IV 1497 года (95, II 231—232). Лас Касас об этом распоряжении не знал и поэтому полагал, что раздача земель и индейцев Колумб провел в 1498—1499 годах по собственной инициативе. В действительности же он лишь выполнял указания Изабеллы и Фердинанда.

установление майората, отныне он, подобно главам знатнейших фамилий Кастилии, имел право передать своему старшему сыну все свои титулы и привилегии.

8 июля 1497 года Васко да Гама вышел в плавание, теперь уже было ясно, что португальцы упредали кастильцев, из чего, однако, не следовало, что третья экспедиция Адмирала лишалась значения и смысла.

Лето 1497 года прошло, а подготовка экспедиции только началась. В 1493 году от волонтеров не было отбоя, в 1497 году с превеликими трудами шел набор будущих колонистов, 330 вакансий никак не удавалось заполнить. Что же касается подневольных переселенцев, то и тут надежды королевской четы не оправдались. Ведь осужденных за ересь брать в Индии запрещалось, а с убийцами и ворами дело не клеилось. Очевидно, сотню преступников удалось все же послать за море. То были так называемые «омисианы» — смертоубийцы — и «дезорехадос» — люди, у которых отсечены были уши за менее тяжкие правонарушения.

Плохо было с деньгами. Для отправки третьей экспедиции требовалось не менее четырех миллионов мараведи, а к зиме удалось наскрести лишь две трети этой суммы. К тому же королевскую чету постигло большое горе, умер наследный принц Хуан, и при дворе на время забыли об Адмирале и его экспедиции.

Зиму 1497/98 года Адмирал провел в Севилье, где ему выматывал душу Фонсека. В начале февраля все же удалось отправить на Эспаньолу две каравеллы с провиантом и людьми, но шесть кораблей, предназначенных для экспедиции, все еще не были готовы к плаванью.

ХРИСТОНОСЕЦ КОЛУМЕ

Еще в годы борьбы за великий проект Адмирал считал себя орудием провидения. После третьего плаванья он непоколебимо утвердился в этой вере. Мистические озарения окрыляли его душу, он ЗНАЛ, что святая троица, пречистая дева Мария и святые апостолы вручили ему ключи от заморских земель, указали ему дорогу в Китай и Индию.

.S.
S. A. S.
X. M. Y.
‡ xpo Ferens

Так, и только так, он теперь подписывал все бумаги, все деловые и личные послания, и в сочетании этих латинских и греческих литер был сокровенный смысл, ведомый лишь Адмиралу и господу богу. Это была формула божественного предназначения, лишь нижняя ее строка угадывалась профанами: два слова из девяти букв.

Хρo Ferens. Христоносец. Промысел господний внушил чете Колумбов, Доминико-ткачу и жене его Сусанне, назвать своего первенца Христофором. Некогда к старому паромщику явился светлый ликом младенец и сказал: «Перевези меня через реку». Была пора половодья, и смерть ждала всякого, кто отважился бы переправиться на другой берег, но паромщик посадил младенца на плечи и вошел в бушующий поток. И идти было легко, хотя непомерно тяжела была ноша. И младенец рек: «Тяжело плечам твоим, ибо несешь ты на себе всю радость мира». А когда паромщик вышел на берег, ему было сказано: «Отныне да будет твое имя Христофор». Говорил же младенец по-гречески, и на этом языке сын божий назывался Христом, а слово «форо» означало «Я несу».

Сказание о паромщике Христофоре Адмирал считал пророчеством, прямо относящимся к нему лично. Всевышний, пославший некогда в мир своего сына, избрал четырнадцать столетий спустя Христоносца № 2 и поручил ему перенести через Море-Океан свет истинной веры в земли темных язычников.

Но Адмирал ЗНАЛ и иное. Само небо открыло ему вещи тайны, и символами оных были семь литер трех верхних строк. Символами, донныне не разгаданными. Криптограмму S.S.A.S.X.M.Y. не раз пытались разгадать биографы Адмирала (57, 95, 119, 123), но ведь никому из них не дано было узнать, верны ли или ложны варианты их дешифровок. Вслед за С. Э. Морисом мы условно примем вариант «Servus Sum Altissimi Salvatoris Xpistos Mariae Yios» — «Я есмь раб высочайшего Спасителя Христа, сына Марии...»

Адмирал и прежде часто забывал о пище и сне, теперь же, дабы отрешиться от всякой скверны и укрепить себя в вере, он умерщвлял плоть, соблюдая все посты и проводя в молитвах долгие часы. Он был болен. Не прошли даром бессонные ночи «собачьих вахт», житье в гиблой Изабелле, блуждания у гнилых мангровых берегов. После возвращения из кубинского плаванья он четыре месяца пластом пролежал в постели. Боли в суставах не

давали ему покоя, они терзали его днем и ночью, и лекари утверждали, что он страдает недугом королей — подагрой. Медики наших дней склонны думать, что Адмирал болел полиартритом.

Полиартрит лечению поддается с трудом даже в XX веке, в XV столетии бороться с ним не умели. Боли порой ослабевали, порой усиливались, но избавиться от них Адмирал не мог до самой смерти.

Затяжная болезнь, бесплодная борьба с сановными недоброжелателями, напрасные попытки взорвать стену всеобщего равнодушия, комариные укусы клеветников и завистников — все это доводило Адмирала до иступления. Психиатрам известно: стресс, чрезмерная душевная нагрузка, приводит к сдвигам и разломам в психике. Чего-чего, а стрессов Адмирал претерпел во множестве, и в исходе пятого десятка дух его затмился и разумом овладели навязчивые помыслы о богоизбранных паромщиках и плаваниях, предуказанных библейскими пророками.

Адмиральская проза всегда отличалась своеобразием. Он писал тяжелым языком с частыми эпическими отступлениями, иногда в сухое описание реальных событий или реальной местности внезапно врываются яркие поэтические метафоры, сугубо деловые сообщения перемежались с библейскими реминисценциями. Гимн чудо-острову Эспаньоле следовал за точнейшей этнографической справкой о ее коренном населении, благочестивые тирады вклинивались в гегуэзски точные расчеты грядущих барышей.

С годами стиль Адмирала претерпел изменения, тон его писем и донесений «утемнился», плоть их проросла темными и язвительными намеками, горькими lamentациями, скорбными иеремиадами. Частная переписка Адмирала приобрела характер апокалипсических посланий, бывший чесальщик шерсти заговорил, как Иоани из Патмоса или пророк Ездра. К этому надо присовокупить удивительные особенности адмиральского синтаксиса; бесспорно, Адмирал проявил незаурядное мастерство, обогащая кастильский язык оригинальными конструкциями, способными совершенно запутать смысл его сообщений.

Вот как, к примеру, он изъяснял своему брату Бартоломе положение, в котором он оказался в 1497 году: «То ведомо Господу Нашему, сколько горестей перенес

я и сколько много оных испытываю ныне; так вот, сице злосчастия, хотя я их от себя отвращаю и отталкиваю, а они накатываются снова и возрастают в бытие своем, и до такой степени, что вынуждают меня возненавидеть жизнь из-за великой усталости, каковую я терплю, и о которой тебе должен поведать точнейшим образом, ибо, если верно, что я отсутствую там, в Индиях, то верно и то, что душа моя томится здесь, в Кастилии, и ни о чем я так не думаю, как непрестанно и упорно, и тому Наш Владыка свидетель, как о том, что делается у тебя...»

Так. Но вот что удивительно. Темные озарения (бывают и такие!) и боговдохновенные эмоции уживались в нем с даром ясной и точной оценки реальной действительности. Как встарь, он способен был вести нехожеными путями большие флотилии, как и прежде, он мог трезво оценивать путеводные указания, как и в пору своего первого плавания, он оставался вдумчивым исследователем, и сочетание этих ценных качеств предопределяло его дальнейшие успехи на поприще новых открытий.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ МОРЕ-ОКЕАН

План третьей экспедиции был продуман наилучшим образом, и именно поэтому новое плавание Адмирала привело к величайшим открытиям. По ряду признаков Адмирал заключил, что обширные земли, быть может даже один из выступов Азиатского материка, должны лежать к югу от ранее открытых им островов. Он основывался при этом на мнении покойного короля Жуана II, который полагал, что к западу от островов Зеленого Мыса имеются обширные земли и что лежат они в португальской части Атлантики, то есть к востоку от демаркационной линии 1494 года. В двух первых экспедициях корабли шли на запад примерно на широте Канарских островов, теперь Адмирал наметил иной маршрут. Путь к Индиям должен быть проложен градусов на десять южнее.

В сущности, единственным источником, в котором сколько-нибудь подробно описано третье плавание, — это письмо самого Адмирала королю и королеве. В известной степени его дополняют соответствующие главы трудов Фернандо Колона, Лас Касаса, Пьетро Мартира де Ангеры и Овьедо. Горестным событиям 1499—1500 го-

дов посвящено письмо Адмирала кормилице наследного принца Хуана¹.

Экспедицию с трудом удалось доснарядить весной 1498 года. В Севилье подготовлены были к плаванию шесть кораблей. Три из них должен был повести на Эспаньолу достойный кавалер Алонсо Санчес Карвахаль. До назначения в экспедицию он был советником муниципалитета в городе Басе и, судя по всему, большого опыта в дальних плаваниях не имел. Однако этот выбор был как нельзя более удачным. Карвахаль был действительно достойный человек, трудолюбивый и честный. Ему довелось затем стать близким другом и душеприказчиком Адмирала. Карвахаль должен был привезти в Индии новых колонистов и, в частности, подневольных переселенцев из числа преступников.

Основное ядро экспедиции составили три корабля — флагман, название которого не сохранилось (Адмирал называл его «нао», и надо думать, что это было судно типа «Санта-Марии») и две каравеллы — «Вакенбос» и «Коррео».

Все шесть кораблей вышли в плавание в последние дни мая из Севильи и 30 мая покинули гавань Сан-Лукарде-Баррамеду.

Адмирал сперва зашел на острова Порто-Санто и Мадейру, где он не бывал уже много лет. 16 июня флотилия оставила рейд Фуншала и взяла курс на остров Гомеру. У берегов Гомеры Адмирал показал себя как лихой боевой командир. Он отбил кастильский корабль у французских пиратов. Прибыв на Гомеру, Адмирал отослал три корабля Карвахала на Эспаньолу. С Карвахалем ушел недавно прибывший в Кастилию родич Адмирала Джованни Антонио Коломбо, который затем был тесно связан с семьей великого мореплавателя.

От Гомеры Адмирал пошел к острову Йерро, а оттуда отправился прямо на юг, к островам Зеленого Мыса.

Зеленым не был мыс на Африканском материке, зелеными не были и расположенные напротив него острова. Адмирала всегда удивляло, по какой причине эти пустынные и бесплодные земли получили такое «сочное» название. Доведаться об этом было не у кого: давным-давно умерли те португальские мореплаватели, которые открыли эти совсем не зеленые острова.

¹ Русский перевод обоих писем Адмирала и главы из «Истории Индии» Лас Касаса см. 24, 373—390, 397—422, 443—446.

По Тордесильясскому соглашению кастильским судам не возбранялось транзитом заходить на острова Зеленого Мыса, которыми правил португальский комендант доп Родриго Алонзо. Но особой радости от посещения этих островов Адмирал и его спутники не испытали. На острове Бонависта, к берегам которого сперва подошли корабли, обитали несколько прокаженных — они тут лечились черепашьей кровью, а шесть-семь здоровых колонистов изнывали от невероятного зноя и безысходной тоски. На главном и столь же безотрадном острове этого архипелага — Сантьяго Адмирал пробыл восемь дней, а затем 4 июля 1498 года вышел в море и направился на юго-запад, чтобы выйти на широту Сьерра-Леоне.

Широту по Полярной звезде Адмирал определял, естественно, ночью, но и в ночное время он и все его спутники погибали от нестерпимого зноя, три дня стоял мертвый штиль, и от солнца не было спасения.

«Мне казалось, — писал Адмирал, — сгорят и корабли, и люди на них. Все сразу впали в такое смутное состояние, что не нашлось человека, который решился бы спуститься под палубу, чтобы взять посуду, или воду, или пищу».

Можно себе представить, какие муки испытывали моряки, если принять к тому же во внимание, что они отбывали вахту в одежде, и притом довольно теплой, — даже в этот зной они не считали возможным сбросить куртки и рубахи — обнажать грешное тело добрым христианам не полагалось ни при каких обстоятельствах.

19 июля подул попутный пассат, сразу стало легче дышать, и флотилия на всех парусах понеслась на запад. Снова Адмирал шел в струе Южного пассатного течения, на этот раз почти в самом его «стрежпе».

Наблюдая за птицами, Адмирал все больше и больше склонялся к мнению, что король Жуан не ошибался, говоря, будто где-то к западу или к юго-западу от островов Зеленого Мыса есть большая земля. Неисчислимы птичьи стаи все время пролетали с запад-юго-запада на северо-восток. Да, огромная земля, бразильский выступ Южной Америки, была в те дни всего лишь в 900 милях к юго-западу от места, где находились корабли Адмирала.

К этой земле португалец Кабрал вышел в 1500 году, хотя направлялся он не в Новый Свет, а в Индию. Но законы течений в Южной Атлантике перечеркивают важнейшую аксиому Евклида. Из Лиссабона в Индию выгод-

нее идти не по прямой линии вдоль африканского берега, а гораздо более длинным путем — сперва до побережья Бразилии, а от него держать курс на юго-восток, к мысу Доброй Надежды. И хотя в 1498 году Бразилия еще не была открыта, Адмирал по опыту португальцев знал, что в тропической части Атлантики следует как можно дальше отходить на юго-запад, используя попутные течения и ветры.

Адмирал в довольно туманной форме объяснил, почему он все же пошел не на юго-запад, а на запад. По его словам, он стремился как можно скорее дойти до меридиана, пересекающего Море-Океан в ста лигах к западу от Азорских островов, ибо по ту сторону этой линии климат прохладнее и плавать легче, а уж затем отклониться к югу, но хоть в небе, после того как эта линия была пройдена, и появились заметные перемены, однако жара стояла такая же, как и прежде, и в силу этого и решено было идти и впредь западным курсом.

Адмирал рассудил верно, но, вероятно, не жара, а иные причины побудили его так поступить после того, как пройден был «заазорский» меридиан. Меридиан этот пересекает Атлантику в 35 градусах к западу от долготы Гринвича. На широте островов Зеленого Мыса он проходит в той части океана, где пассатное течение уже больше не отклоняется к югу, а следует прямо на запад. Поэтому на последнем, западном, отрезке маршрута третьей экспедиции выгоднее было не отворачивать к югу, а держать курс вост.

«В эти дни, — пишет С. Э. Морисон, — и Адмирал, и его матросы, должно быть, испытывали чувство восторга; мы можем это сказать потому, что проделали этот путь на нашей «Капитане». Корабли шли с прекрасной скоростью, словно неслись на крыльях, днем и ночью. В пассатах корабли обычно испытывают сильную качку, но в снастях поет свежий, настойчивый ветер, сапфирное море вскипает белыми барашками, огромные массы воды в могучем напоре откатываются вдоль борта назад, а клубящиеся пассатные облака летят и летят по небу бесконечной вереницей. Сердце моряка ликует, хочется петь, хочется кричать во весь голос. Широкую полосу в этих водах испанские моряки в старину называли Эль-Гольфос-де-лас-Дамас — Дамским заливом, — так легко там править кораблями, так чарующе мягок климат. Время от времени вдруг налетит сердитый шквал, но тут же стих-

нет, обрушив на вас долгий и безобидный ливень. За брасами и шкотами можно не смотреть целыми днями, разве что чуть сдвинешь их на блоке, чтобы они не перетерлись. Летучие рыбы и дельфины резвятся рядом с кораблем, на минуту к нам прилетают буревестники и другие птицы. По ночам, когда луны нет, паруса чернеют на усыпанном звездами небе, и по мере продвижения на юг перед взором встают новые звезды и созвездия: Канопус, Козерог, Арго с его Ложным Крестом и истинный Южный Крест, но большинство моряков в южных водах были впервые, и, вспоминая сонеты Эредии, можно представить себе, как они словно замороженные стоят у бортов и вглядываются в фосфоресцирующее тропическое море, считая, что его блеск и сверкание предвещает им золото Индий» (22, 146).

В книге С. Э. Морисона места, посвященные пассатным морям, — подлинные поэмы в прозе. Только думается, что и Адмирал, и его спутники не разделяли безмятежной радости американского морехода-колумбовода. С. Э. Морисон отлично знал, что быстрое пассатное течение вынесет его корабль к берегам Тринидада, он заранее поставил на отличной морской карте дату «приземления». Но флотилия Адмирала плыла по морской целине, и никто, даже сам Адмирал, не ведал, когда и где встретится первая земля. «Юнайтед фрут компани» и коннектикутские бакалейщики снабдили С. Э. Морисона набором фруктовых, мясных и рыбных консервов, у стюарда заготовлены были впрок всевозможные деликатесы и горячительные напитки. А моряки третьей экспедиции жевали протухшую солонину, им в сутки выдавалось полпинты отвратной воды, запасы ее были на исходе уже на девятый день плавания. Быть может, поэтому в письме Адмирала о третьей экспедиции не упоминаются ни клубящиеся пассатные облака, ни белые гребешки ласковых волн, ни яркие созвездия южного неба.

ОТКРЫТИЕ ВЕЛИКОЙ СУШИ

«По прошествии же семнадцати дней, — писал Адмирал, — в течение которых, господу хвала, ветер был благоприятным для плавания, во вторник, 31 июля, в полдень, показалась земля. Я же ожидал встретить ее накануне, в понедельник, и к ней держал путь, но на восходе солнца из-за недостатка воды, которая вся вышла,

решил идти к островам Каннибалов (Малым Антильским островам) и принял это направление. И так как всевышний всегда дарил меня милосердием своим, случилось и на этот раз, что один из матросов, поднявшись на габию, увидел на западе три горы, одну подле другой. Мы возгласили «*Salve Regina*» и совершили другие моления и премного возблагодарили господина нашего. После этого я свернул с пути, которым шел к северу, и направился к земле, к которой подошел в час вечерни у мыса, названного мной Галеа; острову же я дал имя Тринидад» (24, 376—377).

Тринидад — троица. К святой троице Адмирал всегда испытывал благоговение, и в честь бога-отца, бога-сына и святого духа назвал он землю, которую приметил в полдень 31 июля 1498 года матрос Алонсо Перес.

Тринидад — большой остров в южной части, вытянутый к западу. Флотилия подошла к его юго-восточной оконечности и двинулась вдоль южного берега.

1 августа Адмирал ввел корабли в обширную бухту Эрин. Когда он подходил к этой бухте, то заметил на юге низкий выступ суши. В анналах великих открытий день 1 августа 1498 года должен быть записан золотыми буквами. С левого борта флагманского корабля лежал Южноамериканский материк, выступ, едва приметный в туманной дымке, был мысом Бомбеадор. К югу от него сплошной массив суши тянулся на 6600 километров до самого Магелланова пролива.

Без малого шесть лет назад Адмирал открыл первую землю Нового Света — маленький остров Гуанакани. Но материк, который более чем вдвое превышал площадь Европы, Южную Америку, он открыл в эту знаменательную среду. Впрочем, за эти годы перевидал он столько всяких мысов, островов, рифов и бухт, что до поры до времени никакого значения не придавал этому открытию.

2 августа флотилия отдала якоря у юго-западной оконечности Тринидада — песчаного мыса Ареналь. Здесь пролив между Тринидадом и Южноамериканским материком суживался, и тесную воронку Адмирал назвал Бокаде-ла-Сьерпе — Змеиной пастью. Пасть с неистовым ревом втягивала в себя в часы отлива и прилива морские воды, эта дьявольская какофония приводила в содержание моряков, но Адмирал с хладнокровием специалиста-гидрографа обследовал бурные приливные течения и описал их очень подробно и точно.

У мыса Ареналь состоялась первая встреча с местными жителями. В ту пору на Тринидаде обитали карибы, причем нрав у них был более мирным, чем у свирепых аборигенов Малых Антильских островов.

Далеко на севере показались высокие горы — то был узкий полуостров Пария, выступ материка, вытянутый к востоку, к северо-западной оконечности Тринидада. Корабли, обогнув мыс Ареналь, вступили в залив Пария, на нынешних картах он подобен фляге с прохудившимся дном: отверстие на дне — это Змеиная пасть, горлышко фляги — узкий пролив Пасть Дракона, отделяющий полуостров Пария от Тринидада.

Удивительно: в заливе вода была совершенно пресная! С юга шли мощные течения, они несли массы мутной воды, и по вкусу она не отличалась от воды Гвадалквивира или Тэжу. А в Пасти Дракона эти могучие пресные потоки вступали в единоборство с солеными течениями, прорывающимися с севера, и у островков, в горле этого пролива, кружились бешеные водовороты.

Адмирал понял: в залив Пария с юга впадает огромная река, а стало быть, на юге лежит обширная земля.

И действительно, в залив Пария (Китовый) сбрасывают свои воды бесчисленные протоки дельты великой реки Ориноко. Она несет в море больше воды, чем Волга, Днепр, Дон, Днестр и Прут, вместе взятые. Вскоре мы, однако, убедимся, что здравые догадки Адмирала натолкнули его на более чем странные суждения о характере новооткрытой реки и новооткрытой суши.

Чуть позже, в день усновения, 15 августа 1498 года, он отметил, что на юге расположен очень большой материк, донныне неведомый, и при этом сослался не только на такие признаки, как пресное «озеро» Пария, но и на пророка Ездру.

Адмирал пересек залив Пария и у входа в Пасть Дракона, на южном берегу полуострова Пария, совершил высадку. Пять дней назад европейцы впервые увидели Южную Америку. Это было в среду, 1 августа 1498 года, а в воскресенье, 5 августа 1498 года, люди из Старого Света впервые ступили на землю гигантского материка.

Чуть солоноватые волны накатывались на плоский песчаный берег. Пологие холмы спускались к морю, на склонах зеленел лес, и был он совсем не такой, как дубравы Кастилии или хвойные леса Галисии. Росли в нем

больше убеждался, что втягивается в тупик. Вода стала совсем пресной, флотилия вошла в мелководье. Адмирал послал вперед маленькую каравеллу «Коррео», осадка у нее была невелика, и вскоре выяснилось, что прохода на запад нет. В залив там впадали четыре реки. Это были реки Рио-Гранде, Сан-Хуан и Амана и один из западных рукавов Ориноко.

Флотилия повернула на восток и направилась к Пасти Дракона. Стало очевидным, что только через этот тесный и опасный проход можно выйти в открытое море. 13 августа Адмирал провел корабли через Пасть. Провел чудом, был момент, когда все думали, что кипучий водоворот вынесет суда к скалистым островкам, сидящим в самом центре пролива. Все, однако, обошлось, и флотилия выбралась в Карибское море.

ЗЕМНОЙ РАЙ И ИНОЙ МИР

Итак, открыты были большая земля и большая река. Эти новые обретения подвигли Адмирала на всевозможные географические размышления. Свои мысли по поводу фигуры восточного и западного полушарий, характера только что открытых земель и распределения суши и моря на нашей планете он развил в письме к королевской чете. В этом послании квинтэссенция колумбовского мировосприятия, оно необычайно важно, без него невозможно понять психический склад человека, который, подрывая всей своей деятельностью систему средневековых представлений, оставался их пленником. Без этого письма трудно себе представить, каким образом Адмирал, отдавая должное точным наблюдениям, толковал их применительно к отжившим догмам и как строил свою аргументацию, прибегая к авторитету библейских пророков и комментаторов священного писания.

На первый взгляд при чтении письма об итогах третьего плавания может показаться, что суждения его автора совершенно лишены логической связи, что мысли свои он излагает сумбурно, что этот образец «рваной» эпистолярной прозы принадлежит перу маньяка, одержимого бредовыми, навязчивыми идеями.

Однако, вдумываясь в смысл сказанного в этом письме, приходишь к заключению, что в нем есть своя «по-тайная» внутренняя логика. Красной нитью через весь документ проходит старый колумбовский тезис — суша

велика, море мало, и к этому отправному положению, которым венчаются построения автора, добавлены новые и чрезвычайно «оригинальные» доводы в подтверждение другого постулата. Постулата, согласно коему все новооткрытые земли должны трактоваться как неотъемлемая часть Азии.

Адмирал начинает с Птолемея. Птолемей был прав, Земля — шар. Но, отмечает Адмирал, Птолемею известно было лишь одно полушарие, восточное. Западного полушария он не знал и по неведению считал его идеальной полусферой. А это не так. На самом деле Земля грушевидна. Округлая часть груши — это полушарие, ведомое Птолемею, но другое полушарие имеет вид той половинки груши, к которой прикреплен черенок. Эта часть нашей планеты слегка вытянута, и на ней имеется возвышение, подобное тому месту груши, от которого исходит черенок, некая выпуклость, точь-в-точь такая же, как сосок женской груди.

Мысль эта повторяется дважды, совершенно очевидно, что автор придает ей огромное значение. Затем следует длинное отступление о необычайно мягком климате Тринидада и Парии. За этим отступлением идет ссылка на священное писание; господь наш сотворил земной рай и водрузил в нем древо жизни, и от корней сего древа светлый ключ дал начало четырем великим рекам мира — Гангу, Тигру, Евфрату и Нилу.

Некогда философы-язычники искали земной рай на Счастливых островах. Счастливые острова теперь хорошо известны — это Канарский архипелаг, никакого намека на рай там нет. Но зато великие ученые богословы утверждали, что рай должен находиться где-то на Востоке. Вернее, на рубеже Востока и Запада.

Далее следует такое рассуждение: земной рай — высокое место, откуда истекают величайшие реки. В раю климат нежен и мягок, рай расположен на границе Востока и Запада. А коли так, то выпуклость у черенка земной груши — это вместилище рая, и находится оно у залива Пария, в той стороне, откуда втекает в море огромная река и где царит вечная весна. Вывод чрезвычайно смелый и перспективный: окраина Востока, куда привел Христоносец Колумб свои корабли, — это не только страна Великого хана и Индия, но и земной рай. А дабы в этом не сомневались скептики, даны ссылки: а — на Исидора Севильского, б — на Беду Достопочтенного, в —

на отца церкви Амвросия, г — на великого язычника Страбона, д — на грандиозного ученого-схоласта Дунса Скотта.

С земным раем все прояснилось. Теперь остается доказать, что суша велика, а море мало. И доказательства следуют. Ссылки на Аристотеля, Сенеку, Плиния, Птолема, блаженного Августина, Амвросия, комментатора священного писания Франсуа Майрона (он назван Майронесом) и библейских пророков. Но список этот открывается нашим старым знакомцем Пьером д'Айи. Большинство великих имен заимствовано из текста вещей книги д'Айи, с ней Адмирал никогда не расставался. Вывод: из семи частей света шесть не покрыты водой. Еще раз подтверждается, что замысел великих плаваний западным путем был верен и что, пройдя неширокий Море-Океан, Адмирал достиг предела Азии.

Уже не в письме самого Адмирала, а в описании третьего его плавания, составленного Лас Касасом, приводятся в кавычках такие слова великого мореплавателя: «А ваши высочества обрели такие земли, и их столько, что это ИНОЙ МИР (*otro mundo*), каковой всему христианскому люду принесет радость, а вере нашей возвеличение» (24, 416).

С. Э. Морисон остроумно заметил: «По чистой случайности Колумб сказал Иной Мир, а не Новый Свет, иначе лавры, которые стяжал Америго Веспуччи, были бы за ним. В самом деле, два этих выражения, в том смысле, как употребляли их Колумб и Веспуччи, и термин *Mundus Novus* Пьетро Мартира означали одно и то же: земли, доселе неведомые европейцам или не упомянутые в географии Птолема».

Это так и не так. Действительно, смысл терминов Иной Мир и Новый Свет один и тот же, но Адмирал, говоря об Ином Мире, подчеркивал не *новизну* этих недавно обретенных земель, а их *величину*. Он указывал, что где-то, на «старом» Востоке, ему удалось найти иные земли, которые составляют органическую часть старой земной ойкумены.

Быть может, и в 1498 году, и пять лет спустя, у берегов Гондураса и Панамского перешейка, Адмирал догадывался, что открытые им земли — это какой-то иной мир, *иной* и *новый*. Но в этом он не мог бы признать себе ни в коем случае, подобное признание сводило бы

на нет все положения его проекта, он сам заявил бы на весь свет, что замысел его был ошибочным, что кроложил он путь не в Азию, с ее богатейшими странами и городами, а в какие-то не очень отдаленные края с нагими индейцами и соломенными хижинами.

Чрезвычайно любопытно, что рассуждения о земном рае и малом море переслаиваются в письме о третьем плавании с ясными и точными описаниями берегов, морских течений и коренных жителей новооткрытых земель. И с горькими жалобами на клеветников и очернителей, которые обвиняли Адмирала в том, что новооткрытые земли пожирают огромные средства и не дают дохода. А ведь открыт земной рай, и, стало быть, бог воздаст за все сторицей, и их высочества получают все, на что они надеялись... Надо полагать, что в бесследно исчезнувшем дневнике этого плавания содержались подробные сведения о его маршруте и данные этнографических наблюдений Адмирала. Но на нет и суда нет, дневник утрачен, и нам приходится довольствоваться сверхкраткими указаниями знаменитого письма и теми выдержками, которые привел в своей книге Лас Касас.

Итак, 13 августа 1498 года Адмирал вышел из Пасти Дракона. Он повел флотилию на запад, вдоль северного берега полуострова Пария и на следующий день открыл не очень большой остров Маргариту (Жемчужный). Жемчуга здесь было очень много, и Адмирал колебался, остаться ли у берегов Маргариты на несколько дней или идти дальше. Однако, желая поскорее прибыть на Эспаньолу, он не стал задерживаться на Маргарите и пошел на северо-запад. Курс был избран верный, но Адмирал не знал, что в этой части Карибского моря имеется сильное восточное течение. Оно отнесло корабли к западу, и в результате к южному берегу Эспаньолы флотилия вышла не у новой столицы острова, города Санто-Доминго, а в 120 милях к западу от нее. Случилось это 21 августа, и корабли отдали якоря у острова Беата (ныне он называется Альта-Вела).

К величайшему удивлению Адмирала, у берегов Беаты он встретился со своим братом Бартоломе, «аделададо» — заместником Эспаньолы. Бартоломе Колумб оказался в этих местах совершенно случайно, он гнался за судами Карвахалья, который по ошибке прошел мимо Санто-Доминго и ушел куда-то на запад.

31 августа 1498 года флотилия вошла в гавань Санто-

Доминго. Третье плавание благополучно закончилось. Оно продолжалось всего лишь 92 дня и привело к открытию Южной Америки.

ОСТРОВ РАЗОЧАРОВАНИЙ

Адмирал вернулся на Эспаньолу тяжело больным. Снова мучила его «подагра», но куда хуже было другое. Еще в заливе Пария плохо стало у него с глазами. Они наливались кровью, болели, и порой зрение ему изменяло, и он почти совершенно ничего не видел. Быть может, это был хронический конъюнктивит, быть может, глаукома — судить об этом трудно, и болезнь эта была неизлечима, но крайней мере теми средствами, которыми располагали врачи того времени.

К счастью, он нашел пристанище не в Изабелле — очаге смертоубийственных лихорадок, а в новой столице Индий — городе Санто-Доминго. Если только можно было назвать городом едва расчищенное поле, где вешками строители наметили грядущие площади и улицы и где они успели на скорую руку возвести сотню хижин и временную резиденцию Бартоломе Колумба.

Покоя в этой резиденции не было. Полуслепой, страдающий от жестоких приступов артрита, Адмирал сразу же был вовлечен в водоворот бурных и скверных событий — на острове дела сложились из рук вон плохо.

За время отсутствия Адмирала — а на Эспаньоле он не был два с лишним года — произошло то, чего не предусмотрели хозяева этого острова — Изабелла и Фердинанд. Рыцари первоначального накопления, которые, по мысли Католических Королей, должны были споспешествовать быстрому обогащению короны, пустились во все тяжкие и ввергли остров в состояние безурядицы.

Прецеденты подобного рода случались и прежде. История 39 робинзонов крепости Навидад и события на Эспаньоле в пору бегства Маргарита в этом смысле весьма поучительны. Но в 1493 и 1494 годах смутьяны и искатели легкой наживы предавались разбою и грабежу стихийно, у них не было предводителя, который мог бы объединить разрозненные шайки и придать ударную силу сплоченной банде добытчиков. Роль эта была по плечу Алонсо де Охеде, но он, индивидуалист по своей натуре, предпочитал действовать в одиночку и куролесить в наиболее значных местах с дюжиной лихих конников.

В 1496 году смута обрела вожака. Им стал Франсиско Ролдан, которого Адмирал, отбывая в Кастилию, назначил главным судьей Эспаньолы. Этот андалузский рыцарь в канун выхода в плавание кораблей второй экспедиции был рекомендован Адмиралу кардиналом Педро Гонсалесом де Мендосой, а в 1494 и 1495 годах правитель острова не мог им нахвалиться. Будучи судьей в Изабелле, Ролдан наводил дисциплину среди тамошних обитателей и побуждал их работать в поте лица. Его боялись, но что-то в поведении этого человека внушало надежды искателям наживы, и как раз в это время он приобрел много тайных приверженцев в адмиральской ставке.

Адмирал — в этом была его беда — часто проникался совершенно неоправданным доверием к людям, которые на поверку оказывались его злейшими врагами. В этом смысле пример Ролдана чрезвычайно показательен. Как только Адмирал покинул в 1496 году Эспаньолу, главный судья открыл огонь по «аделантадо» — наместнику Бартоломе Колумбу.

Ролдан был весьма неглуп, в отличие от полуграмотных и не сподобившихся грамоте колонистов способен был в мгновение ока написать донос или в письме к сильному мира бросить тень на неугодных ему лиц. Мечом он владел не хуже, чем пером, и в искусстве увлекать за собой сторонников не уступал Алонсо де Охеде.

Цель его была проста: овладеть наиболее богатыми областями Эспаньолы и как можно основательнее выжать из них все, что только возможно. Того же страстно желали и его соратники, которые, учувя лакомую добычу, готовы были идти за своим предводителем куда угодно. Ролдан в 1495 году часто и подолгу беседовал с Хуаном Агуадо. Ролдан знал: положение Адмирала непрочное, и он склонен был думать, что обратно на Эспаньолу ее правитель не вернется. Коли так, тем более шаткими станут позиции «аделантадо». Да и Бартоломе Колумба переселенцы ни во что не ставили. В их глазах он был безродным иноземцем, лишенным тех заслуг, которые имел его старший брат.

Ролдан на каждом перекрестке подчеркивал: я законопослушный слуга их высочеств, я радею за интересы короны, я защищаю своих государей от недостойных наместников, которые губят христианскую колонию на Эспаньоле.

Возглавив банду в 70 сабель, Ролдан открыто возмутился против наместника. Он ворвался в Изабежду, где комендантом был Диего Колумб, овладел складами провианта, затем разорил долину Вега-Реаль и, нагло издеваясь над «аделантадо», повсюду творил всевозможные бесчинства. Незадолго до возвращения Адмирала Ролдан ушел в пока еще не разоренный край — область Харагуа на юго-западе Эспаньолы, где правил мудрый касик Бехечо и его сестра Анакаона, вдова несчастного Каонабо.

Ранее мы уже упоминали, что Карвахаль, который должен был привести три корабля третьей экспедиции в Санто-Доминго, проскочил мимо этой гавани и зашел далеко на запад вдоль южного берега Эспаньолы. В силу случайного стечения обстоятельств он привел свою флотилию в страну Харагуа, и его корабли отдали якорь близ тех мест, где сидел со своими соратниками Ролдан.

Карвахаль встретился с мятежниками и сразу же понял, с кем он имеет дело. Он тут же решил поскорее отправиться в Санто-Доминго, но чуть задержался на месте стоянки для дальнейших переговоров с Ролданом.

Ролдан охотно вступил в переговоры, но только не с Карвахалем, а с людьми, которых Карвахаль вез из Кастилии. Все они находились на судне, которым командовал родич Адмирала Джованни Антонио Коломбо. А среди них было немало «омиспан» — человекоубийц и лишенных ушей преступников. Они мгновенно сообразили, какие блага сулит им служба у Ролдана, и бежали на берег. Ролдан, таким образом, приобрел 30 или 40 новых приверженцев, и эти люди имели большой опыт по части разбоя и грабежей.

А в Харагуа ролдановцы творили чудовищные дела: они разоряли селения, опустошали цветущие земли, вводили к себе индианок, жгли на кострах их мужей, отцов и братьев. Нередко устраивались злодейские соревнования в стрельбе из луков по живым мишеням.

Большому Адмиралу пришлось взяться за подавление ролдановского мятежа. Но справиться с Ролданом силой Адмирал не мог: его войска были рассеяны по всему острову, карательные походы против индейцев приходилось предпринимать и на севере, и в центральной части Эспаньолы.

Волей-неволей пришлось пойти на переговоры с мятежниками.

В конце концов 22 августа 1499 года в селении Асуа

заключено было соглашение. Ролдан одержал верх, Адмирал восстановил его в должности главного судьи, снял все обвинения, и, что важнее всего, главный мятежник и сто два его сообщника получили земельные наделы с прикрепленными к этим наделам индейцами.

Система «репартимьенто» — раздача индейцев в крепость колонистам — утвердилась на разоренной Эспаньоле и в скором времени была одобрена короной. За счет индейцев королевская власть пошла на компромисс с поселенцами, которые явочным порядком ввели на Эспаньоле институт репартимьенто. Пострадал в результате ролдановского мятежа и худого мира, заключенного в Асуа, Адмирал, авторитет его был окончательно подорван.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Адмирал открыл первые земли на новом пути в «Азию», но он не мог закрыть дорогу к еще не проведенным островам и материкам Нового Света. Первые сообщения о неожиданных обретениях в Море-Океане вызвали цепную реакцию открытий, которую приостановить или затормозить было так же невозможно, как и процесс радиоактивного распада.

На запад устремились новые первооткрыватели, причем интерес к их деятельности проявили не только Католические Короли. В 1497 году на старт заморских открытий выдвинулась Англия. За год до этого испанский посол при дворе Генриха VII доносил королевской чете: «Некто, подобно Колумбу, предлагает королю Англии предприятие, сходное с плаванием в Индии». Их высочества поручили послу уведомить английского короля, что любая экспедиция в западную часть Моря-Океана, предпринятая его подданными, явится нарушением папских булл 1493 года. Булл о разделе мира между Испанией и Португалией.

Генрих VII был верующим католиком, но с папой он не слишком считался, если Рим нарушал британские интересы. Поэтому с его ведома бристольтские купцы снарядили небольшую экспедицию, которую возглавлял земляк Адмирала и гражданин Венеции Джованни Каботом. В Англии его называли Джоном Каботом.

Джон Кабот сплавал на запад в 1497 году и год спустя снова отправился в том же направлении. В пути он

умер, и вторую экспедицию привел в Англию его сын Себастьян Кабот.

Джону и Себастьяну Каботам удалось открыть обширную землю, и лежала она гораздо севернее Эспаньолы и Кубы, в сороковых широтах. Вероятно, это были берега Лабрадора и Новой Шотландии, но отнюдь не исключено, что вторая экспедиция Кабота побывала у восточного побережья нынешних Соединенных Штатов.

В Кастилии лихорадка новых открытий началась в 1499 году. Но еще в 1495 году корона разрешила частным особам совершать плавания в Индии для новых открытий. Два года спустя Адмирал опротестовал это королевское решение, полагая, что оно несовместимо с буквой и духом капитуляции в Санта-Фе и с последующими актами, которые подтверждали ранее пожалованные ему титулы и привилегии.

Фонсека — а ему принадлежала инициатива во всех действиях, подрывающих позиции Адмирала, — весной 1499 года перешел в наступление. Он считал, что пора согнать с сена собаку (собакой в его глазах был, конечно, Адмирал), и с этой целью вовлек в дело открытия и освоения заморских земель охочих людей.

Поздней осенью 1498 года в Кастилию возвратились два корабля третьей экспедиции. С этой okazji Адмирал переслал королевской чете отчеты по третьему плаванию и карты новооткрытых земель. Естественно, что все эти материалы попали к Фонсеке. Должно быть, в самом начале 1499 года Фонсека ознакомил с ними своего племянника, доблестного рыцаря удачи Алонсо де Охеда, который некоторое время назад вернулся в Кастилию. Охеда, имея на руках дневники Адмирала, разработал проект экспедиции к жемчужным берегам Парии. Фонсека составил проект капитуляции, и этот проект утвердили королева и король. Охеда спешно снарядил экспедицию, взял с собой в плавание картографа Хуана де ла Косу и расторопного флорентийца Америго Веспуччи. Веспуччи был помощником Хуаното Берарди (Берарди умер в 1495 году) и знал толк и в торговом, и в морском деле.

Одновременно Фонсека выпустил из бутылки не менее предприимчивых джиннов. Блестящий кормчий первой экспедиции Адмирала, Пералонсо Ниньо, только что вернувшийся из третьей экспедиции великого мореплавателя, пожелал на свой страх и риск отправиться к ново-

открытой большой земле. У Пералонсо Ниньо не было ни гроша за душой, и он вступил в сделку с севильским банкиром Луисом Геррой, взяв с собой в море брата этого небескорыстного благодетеля Кристобаля Герру.

Охеда вышел из Кадиса 18 мая 1499 года, недели три спустя покинул Кастилию Пералонсо Ниньо. Но Ниньо знал морские пути-дороги не в пример лучше Охеда и достиг берегов Нового Света раньше его.

Ниньо и Герра прошли по следам Адмирала через залив Пария, вырвались из Пасти Дракона, выменяли на всевозможные безделушки немало жемчуга у индейцев острова Маргариты и открыли участок побережья полуострова Пария, не обследованный год назад Адмиралом. В апреле 1500 года экспедиция вернулась в галисийскую гавань Байону, куда семь лет назад привел «Пинту» Мартин Алонсо Пинсон.

Охеда, уступив на первом этапе первенство Ниньо, завершил свое плавание успешнее, чем его соперник, вышел к южноамериканскому берегу гораздо восточнее Тринидада и, взяв курс на северо-запад, открыл побережье современной Гвианы. Затем он проследовал вдоль северного берега Южноамериканского материка от залива Пария до лагуны Маракайбо и открыл полосу материкового побережья в интервале между 66-м и 72-м градусами западной долготы и острова Аруба и Кюрасао. Новооткрытую страну Охеда назвал Венесуэлой — Маленькой Венецией: свайный поселок индейцев у полуострова Парагуана напомнил ему город-тритон на берегах Адриатики. Затем Охеда направился на Эспаньолу, где сразу же принял участие в смуте, в равной мере досаждая и Адмиралу и Ролдану. Совершив разбойничий набег на мирных индейцев Багамских островов и захватив там «табун» невольников, Охеда в июле 1500 года возвратился в Кадис. 18 июля 1500 года Америго Веспуччи написал из Севильи флорентийскому послу в Испании Лоренцо ди Пьерфранческо де Медичи письмо и в нем описал события венесуэльского плавания.

Бывший капитан прославленной «Ниньи», Висенте Яньес Пинсон, вступил с Фонсекой в переговоры, когда Охеда и Пералонсо Ниньо завершили подготовку к своим экспедициям. 6 июня 1499 года он заключил капитуляцию с короной. В Палосе Висенте Яньес Пинсон снарядил большую экспедицию и 18 ноября 1499 года отправился в плавание. Корабли вышли к Южноамериканскому

материку близ западной оконечности бразильского выступа. Отсюда Висенте Яньес Пинсон проследовал на запад вдоль бразильского побережья, открыл устье величайшей реки Амазонки, прошел гвианскими водами к заливу Пария и, открыв остров Тобаго, пустился в обратный путь. 30 сентября 1500 года экспедиция возвратилась в Палос.

По маршруту Висенте Яньеса Пинсона в 1500 году совершил путешествие его земляк Диего де Лепе, который также побывал на бразильском берегу, в устье Амазонки и у побережья Гвианы.

Таким образом, с 1499 года уже не Адмирал, а корона и ее представитель Фонсека взяли на себя «службу открытий». Все земли, до которых добирались Ниньо, Охеда, Пинсон и Лепе, вводились во владение их высочеств, но на них не распространялась власть Адмирала. Новыми капитуляциями первооткрывателям больше не жаловались высокие титулы, но любопытно, что если Адмиралу уделена была десятая часть дохода с новооткрытых земель, то его последователям приходилось отдавать шестую или пятую часть, а с 1501 года они могли удерживать в свою пользу половину добычи. Фонсека вынужден был идти на уступки, чтобы привлечь к открытиям новых земель нужных людей.

Очень важное открытие совершил в апреле 1500 года португалец Педро Алвариш Кабрал. На пути из Лиссабона в Индию он вышел к берегам Бразилии южнее тех мест, которые почти одновременно открыли Висенте Яньес Пинсон и Диего Лепе.

Таким образом, без участия Адмирала к середине 1500 года были открыты обширные земли на берегах Северной и Южной Америки.

Правда, повсеместно кастильские, английские и португальские мореплаватели встречали только пагих или одетых в звериные шкуры индейцев и не видели ни богатых городов, ни шумных гаваней.

А между тем в 1499 году Васко да Гама возвратился в Лиссабон триумфатором. Он проложил морской путь в истинную Индию. Никто в Старом Свете не мог предвидеть в те годы, что двадцать лет спустя эстремадурский авантюрист Эрнандо Кортес завоеует Мексику, а спустя еще десятилетие его земляк Франсиско Писарро доберется до империи инков.

Однако новые открытия в западной части Моря-Океа-

на стали наводить ученых на всевозможные размышления. До поры до времени новые гипотезы не выдвигались, но, несомненно, картограф Хуан де ла Коса, который примерно в 1500 году положил на карту данные открытий Адмирала, Охеды и Кабота, поставил в тушик многих космографов. На карте Косы проступали контуры огромного массива суши, совсем непохожего на Азиатский континент. Вернее, двух массивов — северного и южного. Коса не знал, соединяются ли они, и вписал в место возможного их стыка изображение святого Христофора с Иисусом-младенцем на плечах.

Все эти географические новости приводили Адмирала в смятение и негодование.

«АДМИРАЛ МОСКИТОВ»

В июльский день 1500 года одиннадцатилетний Фернандо Колон, младший сын Адмирала, гулял со своим братом Диего во внутреннем дворике гранадской Альхамбры. В тени стрельчатых аркад собралась большая и теплая компания — среди них было много людей, побывавших в Индии. Обедая сочные ягоды с виноградных кистей, сотрапезники обсуждали всякие и разные дела. Дошла очередь и до Адмирала, и Фернандо уловил такие слова: их высочества и Адмирал виновны в том, что нам приходится здесь прозябать, платят нам мало. Тут эти бездельники заметили братьев и подняли крик: «Глядите, вот сыновья Адмирала москитов, того самого, который открыл никчемные земли, кладбище наших надежд, источник нищеты кастильских рыцарей» (58, 260—261).

Глас народа не всегда глас божий, народ бывает всякий, и в данном случае юный королевский паж, дон Фернандо, нарвался на тех подонков, о которых Адмирал отзывался как о людях, недостойных воды святого крещения.

Кстати говоря, выдающиеся испанские колумбоведы М. Серрано-и-Санс и А. Бальестерос-и-Беретта полагают, что голодранцы, которые накиннулись на сыновей Адмирала, поминали не москитов, а насекомых более гнусных, вероятно вшей, и что Фернандо Колон благолепия ради внес поправку в бранный оборот, который ему довелось услышать...

Фернандо Колон сознательно уделил в главе о при-

скорбных событиях 1500 года так много места гранадскому эпизоду. Уши их высочеств в 1499 и в 1500 годах были открыты для наветов на Адмирала, а в кочующие королевские резиденции непрерывно поступали доносы на «Адмирала москитов».

«Многие мятежники, — писал Фернандо Колон, — либо посылали письма с Эспаньолы, либо добирались сами до Кастилии и непрерывно поставляли ложную информацию Католическим Королям и их советникам и чернили Адмирала и его братьев, говоря, что они люди архижестокие и не способны управлять островом, да и к тому же еще иноземцы и захребетники... Клеветники утверждали, будто в случае, если их высочества не примут должных мер, совершится полнейшая безурядица в той стороне, и коли не погибнет все от зловредного управления, сам Адмирал поднимет мятеж и перекинется к другому государю в поисках помощи, ибо он мнит, что все в Индиях принадлежит только ему, поскольку эти земли он открыл по собственному почину и собственными трудами. А дабы наилучшим для себя образом сие осуществить, он скрывает истинные богатства страны и не дозволяет, чтобы индейцы служили христианам, и препятствует их обращению в нашу веру, и, потакая их праздности, тем самым привлекает этот люд на свою сторону, и все это делает для того, чтобы как можно больше навредить их высочествам».

Наветы эти были ложны, но подобная ложь для Фонсеки и королевской четы была дороже любой правды. Верноподданные их высочеств, добрые христиане и чистокровные кастильцы, обвиняли иноземца Адмирала в измене. Проверить доносчиков было трудно, да и в этом не было необходимости. Вряд ли их высочества сомневались в лояльности Адмирала. Однако столь опасные подозрения уже сами по себе оправдывали смещение правителя Индий.

Все прочие обвинения лишь подтверждали и обосновывали необходимость такой меры.

Любопытно вот что: самой собой разумеется, что Адмирал не радел об индейцах и не «поощрял их к праздности», ведь именно он в 1496 году ввел принудительную золотую повинность, а в 1498 году провел первые репартименты. Но в сравнении с утешителями из стана Ролдана Адмирал казался добрым гением аборигенов, и, обвиняя его в потворстве язычникам, доносчики не

учитывали, что их оценки послужат для грядущих поколений неплохой аттестацией для первого вице-короля Индий.

Королевская чета и Фонсека не торопились с решительными мерами. Смута на Эспаньоле не прекращалась, непрерывно поступали новые сведения о развернувшихся там событиях, и постепенно все слабее и слабее становились позиции Адмирала. Бросается в глаза следующее событие. Еще в мае 1499 года королевская чета назначила командора Франсиско Бобадилью судьей-ревизором и приняла решение направить его на Эспаньолу. Но Бобадилья отбыл к месту назначения год с лишним спустя и прибыл в Санто-Доминго 25 августа 1500 года.

В Мадриде 21 мая 1499 года Бобадилья получил первую серию верительных грамот и инструкций. Патент, в котором указаны были полномочия судьи-ревизора, выдержан был в крайне неопределенных тонах, но зато инструкции вменяли Бобадилье в обязанность немедленно по прибытии взять под контроль все крепости, здания, корабли, конюшни, скотные дворы и склады провианта. Тогда же, в мае 1499 года, Бобадилья получил бланки, скрепленные королевскими подписями, причем ему дано было право распоряжаться ими по своему усмотрению.

Весной 1500 года до королевского двора дошли вести о новых беспорядках на Эспаньоле. Поражение Адмирала в борьбе с Ролданом окончательно подорвало позиции правителя Эспаньолы. Новые указы и распоряжения королевской четы, подготовленные Фонсекой, по существу, наделяли судью-ревизора прерогативами наместника.

Королева ясно дала понять, что Адмирала решено отстранить. Когда 15 ролдановцев прибыли в Кастилию со своими рабами, Изабелла велела немедленно освободить невольников и во всеуслышание заявила: «Кто дал право Колумбу раздавать моих вассалов кому бы то ни было?» Рабов освободили и отправили на Эспаньолу, где они вскоре розданы были плантаторам-поселенцам. Гнев ее высочества излился как нельзя более своевременно. Год и три года назад она бы не стала за подобные бездельи осуждать Адмирала, но в 1500 году, когда вопрос о его смещении был решен, Изабелла нашла нужным всенародно унижить своего вице-короля.

Франсиско Бобадилья был фигурой случайной, этого командора духовно-рыцарского ордена Калатравы извлек из небытия Фонсека. Пора выдающихся правителей про-

шла, опыт показал, что на ключевых постах в заморских владениях нужно держать не Адмиралов, а более или менее расторопных чиновников.

С миссией Бобадила связаны весьма необычные мероприятия короны. Судья-ревизор был обязан расплатиться со всеми, кому Адмирал задолжал жалованье, и объявить колонистам, что их высочества разрешают свободно добывать золото и значительно уменьшают подати и отчисления в пользу казны. Это были сугубо временные меры, принятые с одной лишь целью — расположить колонистов в пользу короны. Год спустя королевская чета вернулась к прежней своекорыстной политике. При этом всю вину за опубликование распоряжений о разных вольностях их высочества возложили на Бобадила, заявив, что «он действовал, не имея на то наших полномочий».

Жертвой фарисейских приемов королевской четы стали, таким образом, и Адмирал, и Бобадила, и колонисты, но летом 1500 года, когда готовился лишь первый акт великой трагикомедии, финал ее был ясен только главным режиссерам — Изабелле, Фердинанду и Фонсеке.

КОРОЛЕВСКИЕ ЦЕПИ

В восьмом часу утра 23 августа 1500 года к Санто-Доминго подошли два корабля Бобадила «Нуэстра-Сеньора-ла-Антигуа» и «Горда». В гавань они вступить не могли — дул крепкий ветер с суши. Адмирала в столице Эспаньолы не было, он находился в крепости Консепсьон в долине Вега-Реаль. «Аделантадо» Бартоломе Колумб пребывал в стране Харагуа, умиротворяя беспокойных ролдановцев. В Санто-Доминго оставался Диего Колумб. Он понятия не имел, что на «Горде» прибыл всемогущий ревизор, и послал в каноэ трех своих приближенных к кораблям, чтобы узнать, какие грузы доставлены из Кастилии.

У борта «Горды» произошел обмен новостями. Посланцы Диего Колумба сообщили, что, слава богу, мятежников теперь не милуют — семерых наместники повесили, а пятерых должны вот-вот вздернуть, виселица для них уже готова.

На следующий день корабли вошли в гавань, и Бобадила отправился в церковь. Там его встретил Диего Колумб. Первым делом приказано было отслужить мессу,

а затем секретарь Бобадила зачитал текст королевского патента, в котором изъяснялись права и полномочия судьи-ревизора. Засим Бобадила потребовал, чтобы ему передали узников, приговоренных к смертной казни. Диего Колумб с большим достоинством ответил, что в отсутствие Адмирала он не может выполнять чьи бы то ни было распоряжения. Диалог на этом закончился. Тем временем по городу распространялись радостные вести о льготах, которые даны были колонистам королевской четой, и на «Горду» потянулись местные старожилы. Многие из них тут же вручили Бобадиле доносы на Адмирала и его братьев.

Назавтра, было это 25 августа, Бобадила явился в церковь и велел обнародовать указы их высочеств о передаче ему крепостей и кораблей. Далее он заявил, что отныне правит на острове только судья-ревизор, коему обязаны подчиняться все колонисты, включая Адмирала. Однако Диего Колумб снова отказался выдать узников. Взбешенный Бобадила кинулся к крепости, где сидели смертники, но комендант отказался до приезда Адмирала передать ключи от нее. Тогда Бобадила отдал своим людям приказ: крепость взять штурмом. Узников Бобадила помиловал, а Диего Колумба взял под стражу и препроводил на «Горду»; там брат Адмирала был посажен в канатный ящик.

Между тем колонисты ликовали: судья-ревизор огласил указы о свободной добыче золота, чем привлек на свою сторону большинство кастильских переселенцев. Одновременно он воспользовался бланками и королевскими подписями и разослал грамоты, в которых Ролдану и его присным даровалось полное прощение.

Санто-Доминго за четыре года своего существования сколько-нибудь пристойными зданиями не обзавелся, единственным более или менее удобным пристанищем был дом Адмирала, владение сугубо частное. Бобадила обосновался в этом доме, выдворил оттуда слуг Адмирала и завладел не принадлежащей ему утварью.

Адмирал, узнав о событиях в Санто-Доминго, покинул крепость Консепсьон и не спеша двинулся к столице. В селении Бонао к нему явился посланец Бобадила и предъявил копии королевских патентов, данных судьере-ревизору. Адмирал резонно ответил представителю Бобадила, — из текста грамот следует, что ревизор наделен лишь правами вести дознание по делам, связанным

с мятежом Ролдана, но что верховной властью над островом он не облечен.

Тогда 7 сентября Бобадилья направил в Бонао двух монахов-францисканцев, которые вручили Адмиралу личное послание королевской четы от 26 мая 1499 года.

Послание очень краткое и очень ясное: «Дон Христофор Колумб, наш Адмирал Моря-Океана, Мы повелели подателю сего, командору Франсиско Бобадилье, переговорить с вами от нашего имени относительно всего, что он вам сообщит. Предписываем вам оказать ему содействие и ему ввериться. В Мадриде, 26 мая 1499 года. Я, Король. Я, Королева».

Этот приказ передавал Адмирала в руки судья-ревизора. Но до чего же ловко он был составлен! В нем не содержалось ни малейших указаний на прерогативы Бобадильи. А это дало в дальнейшем их высочествам возможность «на законном основании» объявить, что Бобадилья превысил данные ему полномочия...

Адмирал вынужден был отправиться в Санто-Доминго и, вероятно, 14 или 15 сентября прибыл в столицу острова. Тут же состоялась его встреча с Бобадильей, о ней Лас Касас говорит так: Бобадилья велел заковать Адмирала в кандалы и препроводить в крепость, и там его ни разу не посетил и ни разу с ним не переговорил, запретив всякие сношения с узником. Лас Касас сообщает, что никто не желал накладывать цепи на Адмирала, и вызвался это сделать какой-то повар по фамилии Эспиноса.

Спустя несколько дней в кандалы был закован и Бартоломе Колумб, прибывший в Санто-Доминго из Харагуа.

Лас Касас, гневно осуждая за все эти бесчинства Бобадилью, дал понять, что, накладывая цепи на человека, который открыл Новый Свет, судья-ревизор действовал в меру указаний королевской четы. Так велики и так неоправданны были полномочия Бобадильи, что он мог поднять руку на Адмирала и его братьев.

Бобадилью порой изображали неким мелодраматическим злодеем. Однако на самом деле он был лишь урядным исполнителем велений их высочеств, чиновником среднего ранга, добросовестно исполнявшим все то, что ему приказывалось. В личной его честности не сомневался даже такой горячий защитник Адмирала, как Лас Касас. «Безусловно, — писал он, — Бобадилья как по своим качествам, так и по характеру, по-видимому, был человеком приветливым и скромным: о нем тогда каж-

дый день много говорили, но не доводилось мне слышать про него ничего дурного, и не обвиняли его в том, что он присваивал чужое добро; да и прежде все отзывались о нем с похвалой».

Честные исполнители злой воли люди очень опасные. Они твердо убеждены, что действуют на благо своих высших владык, совесть их безмятежна.

И такие деятели истинный клад для сильных мира сего. Надо полагать, что Фонсека намекал королевской чете: командор Бобадилья умом не блещет, потому-то он и хорош... И Католические Короли понимали: ревностный и недалекий ревизор Бобадилья неминуемо совершит всякие бестактности в Индиях и подорвет позиции Адмирала. Как раз это и нужно было их высочествам. Что же касается самого Бобадильи, то и Фонсеке, и королевской чете была знакома поговорка: «Заставь глупца богу молиться, он себе лоб расшибет». Чужого лба они не жалели... А пока суд да дело, Бобадилья положили щедрый оклад — 180 тысяч мараведи в год. Вдвое меньше, чем Адмиралу, и вдвое больше, чем капитанам кораблей адмиральных флотилий.

Описывая прискорбные события 1500 года, Лас Касас напомнил, что «благодарный» император Юстиниан велел ослепить опору его царства, прославленного полководца Велизария. По существу, подобная же участь постигла Адмирала, который королеве и королю подарил необъятные земли Индий.

А. Бальестерос-и-Беретта напрасно стремился доказать, что такое сравнение неправомерно: Велизарию, дескать, нанесен был ущерб непоправимый, и Юстиниан никакого раскаяния не проявил, между тем как королевская чета осудила действия Бобадильи (42, V, 449). Но душевную рану, которую их высочества нанесли Адмиралу, исцелить было так же невозможно, как и вернуть Велизарию зрение, и, кроме того, фарисейская тактика Изабеллы и Фердинанда, которые во всем обвиняли Бобадилью, вызывает еще большее омерзение, чем поступок Юстиниана. Тот, по крайней мере, не стал переключать вину за расправу над Велизарием на своих палачей...

Адмирал был убежден, что Бобадилья предаст его смерти. Он не знал, что судья-ревизор решил отправить высоких узников в Кастилию, и, когда в крепость за Адмиралом явился знатный кавалер Алонсо Вальехо, в темном каземате состоялся такой диалог:

— Вальехо, куда вы меня ведете?

— На корабль, сеньор, ибо приказано вашу милость отправить в Кастилию.

— Вальехо, это правда?

— Жизнью вашей клянусь, что это так (77, II, 23).

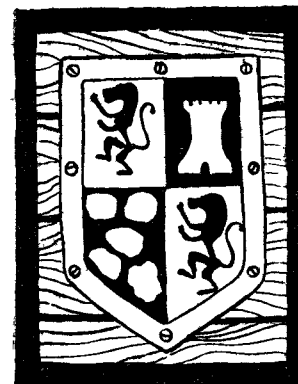
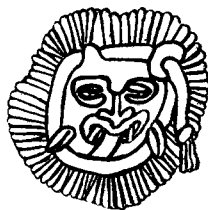
Адмирала и Диего Колумба препроводили на «Горду», Бартоломе Колумба — на второй корабль. В начале октября 1500 года корабли ушли в Кастилию. Бобадилья назначил Алонсо Вальехо командиром флотилии, а кормчему «Горды» Андреусу Мартинесу поручил доставить узников в Севилью и сдать там их Фонсеке.

Лас Касас хорошо знал Вальехо и отзывался о нем как о своем друге и человеке благородном и честном. В пути Вальехо сам предложил Адмиралу снять с него оковы, но получил отказ. «Пусть, — сказал Адмирал, — снимают с меня кандалы те, кто распорядился их на меня надеть».

25 ноября 1500 года флотилия прибыла в Кадис.

Три колодника — Адмирал Моря-Океана и его братья Бартоломе и Диего — под конвоем сошли на пристань.

Кадис встретил закованного в цепи Колумба гробовым молчанием.

ЧЕТВЕРТОЕ ПЛАВАНИЕ И ГОДЫ АГОНИИ

«Я ВВЕРГНУТ В БЕЗДНУ»

И на корабле, и в первые дни пребывания в Кастилии Адмирал передвигался с трудом — мешали кандалы. Но, господу хвала, Бобадилья забыл о наручниках, руки были свободны, и всю дорогу Адмирал писал. Писал королевской чете, видным царедворцам, друзьям. Он не жаловался, он обвинял, и неистовым гневом и безысходной горечью дышали его письма.

Среди этих писем самое скорбное было то, которое он адресовал донье Хуане де Торрес, в прошлом кормилице наследного принца Хуана, сестре его верного соратника капитана Антонио де Торреса¹. В свое время она замолвила об Адмирале доброе слово королеве и при дворе пользовалась кое-каким влиянием; Изабелла к ней благоволила и часто принимала в своих покоях.

Сердце царицы в руках ее наперсниц — эту истину Адмирал не мог не знать, он, бесспорно, рассчитывал на то, что об его письме донье Хуане узнает королева.

Вероятно, так оно и вышло, но трудно сказать, как отнеслась Изабелла к этому поистине страшному письму. Чувствами своими Изабелла владела превосходно, и весьма возможно, что, проклиная в душе простодушного гену-

¹ Русский перевод этого письма см. 24, 434—443.

эзца и незадачливого судью-ревизора, она при этом проливала горькие слезы. Королева знала, когда и кому надо плакать.

«...Господь сделал меня посланцем нового неба и новой земли, им созданных, тех самых, о которых писал в Апокалипсисе святой Иоанн, после того, как возведено было о них устами Исаяи и туда господь указал мне путь...»

«Тысячу сражений я дал... и устоял во всех битвах, ныне же мне не помогают ни оружие, ни советы. С жестокостью я ввергнут был в бездну; надежда на того, кто все сотворил, поддерживает меня... когда я впал в бездну, он поднял меня своей десницей, возгласив: «Восстань, о маловерный».

Так начинается это письмо. Вещает не отрешенный от должности наместник, а избранник господний, чья миссия была предуказана Исаяей-пророком и вдохновенным провидцем Иоанном.

В этом автор письма убежден беспредельно. Он и в самом деле ничего не боится, он верит, что из любой бездны его извлечет десница всевышнего.

И вдруг библейский пророк срывается с сионских высот в трясину, всасывается в грязь, с запальчивостью и злобой обличает мелких смутьянов из лагеря Ролдана, несет околесицу о богатейших золотых рудниках Эспаньолы, приводит цены на рабов, указывая при этом, что «за женщину здесь платят сто кастельяно, словно за возделанное поле», и что торговать рабынями очень выгодно — «можно заработать на женщине любого возраста».

Сбивчиво, порой невнятно, обличает он действия Бобадильи, и эта «деловая» часть письма вселяет щемящее чувство жалости к ее автору. Всем сердцем чувствуешь, как измучен, обездолен и бесконечно одинок этот человек, какой глубокий след оставили в его душе «подвиги» Бобадильи.

Но вот с Бобадильей покончено, и снова Адмирал вступает в роль посланника небес, снова он говорит, как Христоносец Колумб, как мессия, который перенес свет истинной веры в земли идолопоклонников.

И слово его обретает удивительную силу, говорит не раздавленный и выбитый из колеи неудачник, а судья, наделенный правом судить королей.

А далее снова навязчивые думы о золоте и заверения, что самый неопытный человек может ежедневно собирать на Эспаньоле золото на один-два кастельяно [5—9 грам-

мов] и «золотые гиперболы» (весь остров — сплошной золотой рудник), и брань по адресу Бобадильи, «который роздал все даром».

И тут же мысли о новых плаваниях, о новых открытиях. Каликут — малабарская гавань, куда в мае 1498 года привел свои корабли Васко да Гама, не дает покоя Адмиралу. Если бы не постигшее меня великое несчастье, пишет он, «я мог бы совершить именем бога большое путешествие, мог бы завязать сношение со всей Счастливой Аравией, вплоть до Мекки... после чего я мог бы дойти до Каликута...».

На ногах кандалы, душу терзают горькие раздумья, ведь никакой мерой не измерить черную неблагодарность их высочеств, впереди все туманно и неясно — как знать, быть может, до конца дней придется влачить цепи, наложенные расторопным поваром Эспиносой, но кто осмелится утверждать, что дух этого невероятно истомленного, тяжело больного и далеко не юного человека подавлен и сломлен?

Очень трудно передвигаться по кастильской земле в колодках, скованные шаги — это мука мученическая, но все яснее и яснее зреет у Адмирала замысел нового плавания. К Золотому Херсонесу, а оттуда, если сподобит господь, к Каликуту и к берегам Счастливой Аравии.

ГРАНАДСКОЕ ТОМЛЕНИЕ

Итак, 25 ноября 1500 года Адмирала доставили в Кастилию. Фернандо Колон утверждал, что его отец тут же написал письмо королеве и королю. Каким образом оно было переправлено их высочествам, сказать трудно. Лас Касас полагал, что Андрес Мартинес, которому приказано было доставить узника Фонсеке, позволил Адмиралу послать верного человека ко двору. С этой okazji ушло и письмо к донье Хуане де Торрес, кормилице принца Хуана.

Королевский двор пребывал в Гранаде, и оттуда скоро пришли отрадные вести. Изабелла и Фердинанд сожалели о неприятностях, причиненных Адмиралу, и приглашали его в свою ставку. Когда именно велено было освободить Адмирала, толком неизвестно. Фернандо Колон считал, что такой приказ дан был три недели спустя после прибытия «Горды» в Кадис, то есть 17 декабря 1500 года. Лас Касас же указывал, что в этот день Адмирал

прибыл в Гранаду. Во всяком случае, еще в первых числах декабря Адмиралу был вручен королевский дар — две тысячи дукатов, сумма изрядная, но вряд ли способная искупить кое-какие грехи их высочеств.

Кандалы были сняты, но Адмирал до конца своих дней с ними не расставался и распорядился положить их в свой гроб. Отныне он дал себе зарок никогда не снимать рясы французского ордена и в этом облачении прибыл ко двору.

В гранадской Альхамбре, где полгода назад Фернандо Колон был назван истребителем Адмирала москитов, в предпраздничные дни состоялась торжественная церемония — прием реабилитированного вице-короля Индий.

Фернандо Колон присутствовал на этой церемонии вместе со своим старшим братом. Должно быть, видя своего отца в истрепанной бурой рясе, со следами оков на ногах, Фернандо был не слишком польщен великолепным приемом. Во всяком случае, он упомянул лишь вскользь: «...в Гранаде Адмирал был принят их высочествами, у коих лица были радостны, а слова любезны, и было ими сказано, что свободы Адмирала лишили без их ведома и воли и противно их желаниям, в силу чего они крайне о случившемся сожалеют и готовы наказать виновных и полностью удовлетворить пострадавшего» (58, 265).

Королева, в том нет сомнения, была талантливым режиссером. С непревзойденным мастерством, даже без предварительных репетиций, она устраивала великолепные спектакли, подобные торжественной барселонской встрече или не менее торжественному и в меру скорбному приему в Альхамбре. Кулисы расписаны были пестро, внушали трепет мизансцены, и блестящая гранадская постановка достигла цели. Адмирал, бесспорно, был удовлетворен ласковыми заверениями ее высочества.

Однако пронизательные наблюдатели обратили внимание на одну любопытную деталь. Утешая Адмирала, королева ни словом не обмолвилась о возвращении его на Эспаньолу. «Ни тогда, ни в дальнейшем речь уже не заходила о восстановлении Адмирала в его должности». Так резюмирует итоги гранадской аудиенции Овьедо, и о том же говорят и Фернандо Колон, и Лас Касас. Мавра, сделавшего свое дело, окончательно убрали его высокие покровители.

Спустя несколько месяцев королевская чета решила

назначить правителем Индий командора Николаса де Овандо, пятидесятилетнего эстремадурского полумонаха, полурыцаря. Вице-король Индий лишился своего вице-королевства, ему оставлены были лишь пустые титулы, и решение это было окончательным и бесповоротным. Отныне корона, и только корона, правила заморскими землями.

Между тем вопреки всем традициям королевский двор надолго обосновался в Гранаде. Обосновался по-новому: король Фердинанд огнем и мечом подавлял восстания гранадских мавров, вспыхнувшие после того, как их высочества нарушили соглашение с Боабдилем, бывшим эмиром Гранады. В самой Гранаде было спокойно, как на кладбище. Опустели старые мавританские кварталы, исконные гранадцы предпочли изгнание насильственному крещению. На площадях больше не сжигали арабских книг, жечь было уже нечего, но зато ярко пылали костры святой инквизиции — генеральный инквизитор Диего де Деса изничтожал дурных христиан и еретиков.

Почти весь следующий, 1501 год королевская чета просидела в Альхамбре. Где-то за ее стенами обитал Адмирал. При дворе жили оба его сына — королевские пажи. Старшему пошел двадцать третий год, младшему было тринадцать лет. Когда-то Адмирал на своих плечах пронес малыша Диего через всю Андалузию, но затем, в годы семилетних мытарств и трех дальних плаваний, он видел его редко, урывками, и старший сын стал для него чужим человеком.

Иное дело Фернандо. Он таил ненависть к обидчикам отца, тяжело переживал отцовские невзгоды и унижения, пожалуй, это была единственная душа, которая мучилась мучениями Адмирала. Но и с Фернандо великий мореплаватель был не близок. Погруженный в себя, в свои горькие думы, озабоченный дальнейшими судьбами Индий, Адмирал не замечал сына и, быть может, даже не подозревал, как страдает этот маленький человечек, которого по его вине люди обзывали бастардом, а закон лишил отцовских прав и привилегий.

О гранадской жизни Адмирала известно немного. Летом 1501 года Адмирал сблизился с секретарем венецианского посольства Анджело Тревизаном. Тревизан впечатлениями о прославленном генуэзце поделился со своим бывшим принципалом адмиралом Доменико Малиньеро. 21 августа 1501 года в письме к Малиньеро венецианский дипломат отметил: «Я завязал тесную дружбу с Колумбом,

а он ныне в большой беде по милости этих королей, и у него мало денег».

Бальестерос-и-Беретта полагает, что венецианец сильно стеснил краски. Колумб, говорит испанский историк, в 1501 году в немилости не был, он часто посещал двор, и на его долю перепадали кое-какие блага, как и многим другим лицам, живущим в королевской резиденции. И в деньгах он не нуждался, как о том свидетельствуют его собственные последующие выкладки (42, V, 482).

Да, в опале Адмирал не был. Его принимали, с ним беседовали, но в то же время готовили инструкции для нового правителя Индий. Весьма возможно, что ему кидали подачки — при дворе так было заведено издавна, но можно себе представить, какое унижение испытывал Адмирал, принимая эту милостыню. А денег у него действительно было немного; только год спустя были разморожены адмиральские фонды, на которые наложил свою руку Бобадилья, и Карвахалу удалось наладить переброску из Эспаньолы в Кастилию довольно значительных сумм из доходов с адмиральских рудников и земель.

Поэтому сообщения Тревиана особых сомнений не вызывают. Он бывал в доме Адмирала, он вел с ним доверительные беседы и писал под свежими впечатлениями многократных встреч с человеком, который из наместника Индии превратился в приживальщика их высочеств.

Сохранилось несколько очень интересных писем Адмирала Гаспару Горисьо, ученому монаху из картезианского монастыря Санта-Мария-де-лас-Куэвас в Севилье. Горисьо, родом итальянец, с детства жил в Севилье, рано принял постриг и по натуре своей был страстным книжником. Тонкий знаток священного писания и вдохновенный мистик, он поражал богословов оригинальными толкованиями библейских текстов и Апокалипсиса. Адмирал, вероятно, встретился с Горисьо в 1493 году, когда он жил в этой обители, но сошелся с ним позже. Этот картезианец по своему духовному складу был как нельзя более близок Адмиралу. Оба они проводили бессонные ночи, перечитывая вещицы книги пророков. Оба они искали тайный смысл в пророчествах Исайи, Даниила и Ездры. И, быть может, в часы ночных бдений Горисьо по примеру Адмирала вел беседы с богоизбранными пророками, познавая путь к истине, скрытой от всех прочих смертных.

Адмирал часто писал Горисьо длинные письма, он упоминал в них и о мирских делах, но порой совершенно забывал и о своих обидах, и о своих надеждах, иные мысли тревожили его душу. Рождался и созревал замысел удивительного труда — «Книги пророчеств», и советы Горисьо Адмиралу нужны были как воздух.

Иерусалим, вертоград господний, с давних пор пребывал во власти неверных. Но святая троица послала Христомосца из Лигурии за Море-Океан, дабы указать Католическим Государям истинную дорогу в Индии и способы вызволения города, где сын божий вознесен был на небеса.

«Книга пророчеств» была Откровением от Христофора, и в самом ее титуле изъяснился смысл этого нового Апокалипсиса: «Это начало книги или собрания вещей изречений и прорицаний об отвоевании Святого Града и Господней Горы Сион, а также и об открытии и приобретении к Вере островов Индий и всех людей и народов. Нашим испанским королям Фердинанду и Изабелле».

По милости «наших испанских королей» в год от воплощения Христа 1501-й у Адмирала было много досуга, и денно и нощно вписывал он в свою книгу библейские цитаты и извлечения из комментариев к священному писанию.

Год от воплощения Христа 1501-й был первым годом нового, XVI века. Века Лютера, Томаса Мора, Коперника, Джордано Бруно. Века великих потрясений и великих открытий, века гибели многих авторитетов, века крушения библейской космогонии и птолемеевской системы мира. И в первый год этого века по меньшей мере несвоевременны были «Книга пророчеств» и проекты вызволения от агарян гроба господнего. Новый век прославлял великого гегуэзца за открытия, которые камня на камне не оставили от средневековых представлений о земной ойкумене, а тем временем этот лигурийский Иисус Навин, напрягая зрение, вчитывался в кудрявую вязь старых рукописей и в готический текст первопечатных изданий Библии, прорицая откровения вчерашнего дня...

Он читал с трудом, но перо держал крепко в руках и своим изумительным почерком (вспомним слова Лас Касаса — «писал Адмирал красиво и лакомо») перебелил фрагменты из трактатов Фомы Аквинского, Исидора Севильского, блаженного Августина, святого Амвросия, Николая Лирийского. И желтоватые листы еще далеко не

завершенной книги с надежной оказией посылал он на просмотр в монастырь Санта-Мария-де-лас-Куэвас, обитель святой Марии на пещерах, и с нетерпением ждал отзывов своего ученого друга, картезианца Гаспара Горисьо.

Но настал сентябрь, а в сентябре их высочества совершенно официально назначили Николаса де Овандо правителем Индий. Для Адмирала это был тяжелейший удар, снова испытал он горькие разочарования, и, возможно, этот удар был бы смертельным, если бы их высочества одновременно не одобрили план нового плаванья, который разработал Адмирал. Во всяком случае, пора тихих озарений миновала.

13 сентября он отписал брату Горисьо: «Достопочтенный и вельми благочестивый отец! Прибыв сюда, я начал извлекать суть из писаний, в коих речь идет об Иерусалиме, дабы затем перейти к прорицателям и все написанное расположить по порядку и должным образом. Однако ныне иные занятия увели меня в сторону, и не могу я продолжать начатое. А посему все это посылаю вам, дабы вы просмотрели сделанное мною, и уповаю я на то, что дух ваш подвигнет вас продолжить сей труд, а владыка наш сподобит вас присовокупить к написанному извлечения из иных и подлинных трудов, и закрепить оные извлечения в памяти до того времени, когда можно будет все закончить вчистую» (42, V, 648).

И работа над «Книгой пророчеств» прервалась на четыре года. «Иные занятия» увлекли Адмирала на край света, и он был убежден, что горние силы приостановили его литературные изыскания, дабы снова его послать в Индии для новых открытий.

ПРЕДПУТЬЕ

В сентябре 1501 года началась подготовка к грандиозной заморской экспедиции. По своим масштабам она превосходила вторую экспедицию Адмирала. Тридцать два корабля и 2500 человек должны были пересечь Море-Океан и дойти до Индий. Но эту великую армаду было поручено вести не Адмиралу, а дону Николасу де Овандо, новому правителю островов Индий и материковой земли, назначенному на этот пост 3 сентября 1501 года.

Правда, открывать еще не открытые заморские земли Овандо не собирался, совсем другие цели преследовала его экспедиция. Овандо вменялось в обязанность навести

на Эспаньоле порядок, убрать оттуда незадачливого судью-ревизора Бобадилью, отменить все объявленные Бобадильей льготы, раздать индейцев старым и новым колонистам. Их высочества, обдумывая, как наилучшим способом использовать индейцев, соблюдая интересы короны, приняли поистине соломоново решение.

Индейцев велено было отныне считать свободными вассалами ее высочества королевы Кастилии. Поелику оные вассалы все еще пребывали в язычестве, для обращения в истинную веру следовало их отдать в опеку добрым христианам-колонистам. Монаршая милость не распространялась на индейцев-карибов, они не признавались «свободными вассалами» ее высочества, их можно было на законном основании истреблять и обращать в рабство. «Свободных» же вассалов рекомендовалось принудительно расселять таким образом, чтобы удобнее было паставлять их в вере и гонять на нужные работы (27, 484—507). Такая опека была названа «энкомьендой» — вверением, патронатом, причем опекуны («энкомьендеро») могли использовать опекаемых язычников по своему усмотрению. Однако энкомьенды давались не на вечные времена, а на определенные сроки, и у мятежных и незаконнопослушных подданных корона имела право отобрать свои дарения.

Пасти овец доверили, таким образом, волкам, но нашли управу и на волков. Отныне колонисты попадали в зависимость от короны, от воли коронных должностных лиц зависело, снабжать или не снабжать переселенцев даровой рабочей силой.

А дабы внедрить новый порядок и обеспечить неукоснительное выполнение предписаний короны, в Индии посылались целый легион экономов, контролеров, казначеев и альгвазилов. Посылались монахи-миссионеры, посылались на казенный и на свой кошт богословы, медики и законоведы. К числу переселенцев этой категории принадлежал двадцативосьмилетний лицензиат Бартоломе Лас Касас.

Адмирала предписывалось не допускать на Эспаньолу ни под каким видом. Однако королевская чета соизволила удовлетворить настойчивые просьбы бывшего вице-короля и разрешила выплачивать ему десятую долю доходов с Эспаньолы и восьмую долю прибылей от заморской торговли. В Санто-Доминго был допущен личный представитель Адмирала, верный его друг, Алонсо Санчес Карва-

халь, который принялся рьяно отстаивать интересы своего патрона и добился очень многого. Если бы не Карвахаль, коронные чиновники пустили бы Адмирала по миру.

Флотилия нового правителя вышла из устья Гвадалквивира 13 февраля 1502 года. Вел ее Антонио де Торрес. В конце апреля того же года корабли прибыли в Санто-Доминго. Сразу же по прибытии Овандо стал наводить порядок. Он обуздал Ролдана, повесил наиболее ретивых мятежников, а Бобадилью сместил.

Пока готовилась экспедиция Овандо, Адмирал разрабатывал план нового плавания в Индии. План четвертой экспедиции. Этот план был предельно прост: продолжить маршрут кубинского плавания 1494 года, дойти до Золотого Херсонеса и, коли будет на то господня воля, возвратиться в Кастилию через Индийский океан.

Адмирал горел желанием отыскать неуловимый Азиатский материк и посрамить своих соперников и конкурентов. Открытия Охеды, Ниньо и Лепе не давали ему покоя, а к этим нарушителям капитуляции в Санта-Фе в 1501 году успели прибавиться новые искатели заморских земель.

Поздняя осень 1501 года и последующие месяцы для биографов великого мореплавателя чрезвычайно интересны. Исподволь готовясь к плаванию, Адмирал в это время развил бурную деятельность. Он подвел итоги своих прежних открытий и свои заключения изложил в нескольких очень любопытных письмах. Пожалуй, самое важное из них — это послание папе Александру VI, написанное в феврале 1502 года. Оно начинается подсчетом числа земель, открытых Адмиралом в трех его плаваниях: «Я открыл, — пишет Адмирал, — этот путь и обрел тысячу четыреста (!) островов и триста тридцать три лиги материковой азиатской земли [речь идет о Кубе]. И это не считая прочих знаменитейших островов, больших и многочисленных, лежащих к востоку от Эспаньолы». Казалось бы, за девять лет, истекших со времени открытия первых заморских земель, Адмирал мог удостовериться, что Эспаньола ничего общего с азиатскими островами не имеет. Но он уверяет папу, что «этот остров — Тарсис, Сетия, Офир, Орнофай и Сипанго», вписывая в контуры Эспаньолы четыре легендарных библейских страны и марко-половскую Японию. Он снова утверждает, что в 1498 году открыл земной рай, и, вскользь упоминая о злосчастьях последних лет, сообщает, что мечтает до-

браться до Рима и вручить «вашему святейшеству мое сочинение, каковое изложено в форме «Записок Цезаря». Это место в письме к Александру VI не дает покоя биографам Адмирала. Неужели и в самом деле он оставил нечто подобное по композиции и по стилю «Запискам о галльской войне» Юлия Цезаря или речь идет в данном случае лишь о незаконченной «Книге пророчеств»? Но, видимо, второе предположение справедливее, ибо далее Адмирал переходит к проекту вызволения Иерусалима.

Сомнений быть не может — в 1502 году Адмирал был непоколебимо убежден, что открытые им земли — это часть Азии, а стало быть, с того времени, когда в уме его сложились основные элементы проекта плавания западным путем, он ни на йоту не отступил от своих первоначальных предположений. И хотя тон письма спокойный, хотя Адмирал не ссылается на свои беседы с пророками, но чувствуется, что его разум помрачен навязчивыми идеями. Офир, Сипанго — он, как и прежде, отождествляет эти восточные земли с Эспаньолой и, как и прежде, верит, что пресные воды залива Пария вытекают из земного рая.

В те же дни, 6 февраля 1502 года, Адмирал послал большое письмо королевской чете. То были практические советы моряка: Каталина, дочь их высочеств, отбывала в Англию, к своему жениху, и Адмирал сочинил нечто вроде краткого навигационно-географического руководства, полезного для юной путешественницы.

И руководство получилось отличное — очень точное, краткое, без ссылок на святого Амвросия и пророка Исаию.

В канун четвертого плавания снова укрепились связи Адмирала с его родным городом. В 1501 году он тесно сблизился с генуэзским послом Никколо Одериги и установил контакты со знаменитым банком Сан-Джорджо.

Вступая в переписку с денежными магнатами с площади Сан-Джорджо, Адмирал преследовал далеко идущие цели. Он не доверял их высочествам, он опасался, что сыновья его останутся нищими, если не суждено ему будет вернуться в Кастилию. И он вверял своего наследника Диего попечениям прославленного банка. «И поелику я смертен, поручаю заботам вашим моего сына...» (42, V, 530).

Да, отправляясь в новое плавание, Адмирал больше всего беспокоился о своих сыновьях, он знал, что, если

не доведется ему вернуться из дальнего путешествия, их высочества сделают все возможное, чтобы лишить его наследников прав и привилегий, зафиксированных в капитуляции 1492 года и в позднейших актах. Поэтому Адмирал ранней весной 1502 года снял копии со всех договоров, указов и грамот, подтверждающих его титулы и привилегии и право передачи этих титулов прямым своим наследникам. Оригиналы этих документов он вручил Гаспару Горисью, дабы тот хранил их как зеницу ока, одну из копий велел переслать Алонсо Санчесу Карвахалу, а две прочие передал Никколо Одериго. Горисью и Карвахаль были подданными их высочеств, государей хитроумных и изобретательных, но Одериго королевской чете был неподвластен. В случае весьма возможных «недоразумений» он смог бы предъявить формально заверенные копии актов, от которых зависела судьба сыновей и внуков великого генуэзца.

Собрание этих документов получило название «Книги привилегий»¹.

Одновременно Адмирал составил завещание и передал своему первенцу Диего наставление, которым тот должен был руководствоваться в случае отцовской смерти.

Характерная деталь: хранитель оригинала «Книги привилегий» Гаспар Горисью вел переписку с Адмиралом через Франческо Ривароля, генуэзского банкира, обосновавшегося в Севилье.

«Книге привилегий» Адмирал придавал не меньшее значение, чем незаконченной «Книге пророчеств». Надежно пристроив эти труды, Адмирал целиком отдался делам новой экспедиции.

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ И ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ МОРЕ-ОКЕАН

Севильское ведомство Фонсеки взялось за снаряжение экспедиции только после того, как в Индии была отправлена флотилия Овандо. Однако армада Адмирала снаряжалась в стремительном темпе, по всей вероятности, и

¹ Оба экземпляра книги «Книги привилегий», переданных Адмиралом Одериго, к счастью, сохранились, причем на своем веку претерпели множество злоключений. Во времена наполеоновской оккупации из генуэзских архивов эти рукописи испарились. Однако одну из них Г. Гаррис отыскал в фондах французского министерства иностранных дел, а другая в 30-х годах XIX века внезапно объявилась в Генуе, она была куплена сардинским королем и преподнесена генуэзскому муниципалитету.

королевская чета, и Фонсека желали как можно скорее спровадить беспокойного генуэзца в дальнейшее плавание.

Цели экспедиции были четко определены в инструкции королевской четы Адмиралу, подписанной в городке Валенсия-де-ла-Торре 14 марта 1502 года.

Адмирал должен был «следовать... прямым путем... с тем, чтобы открыть острова и материк, что лежат в Индиях, в той части, которая входит в наши владения»¹. На островах и материке, если таковые будут открыты, Адмирал обязан был доведаться, есть ли там золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни и прочие ценности. Участникам экспедиции строго-настрого возбранялось выменивать на кастильские товары любые местные ценности.

В тот же день, 14 марта, их высочества разъяснили Адмиралу, что на Эспаньолу ему заходить без крайней надобности не рекомендуется. Однако, «если явится в том крайняя нужда, то на короткий срок не возбраняется зайти на Эспаньолу на обратном пути».

Зато королевская чета разрешила Адмиралу взять в плавание тринадцатилетнего Фернандо Колона. Адмиралу было также дозволено прихватить с собой «аделантадо» Бартоломе Колумба.

По мысли Адмирала, свое плавание он должен был завершить в морях, омывающих Индию и Эфиопию. Эти моря входили в сферу португальской экспансии, и король Мануэл уже успел пожать плоды открытий Васко да Гамы.

Во избежание дипломатических осложнений Изабелла и Фердинанд снабдили Адмирала рекомендательным письмом к португальскому представителю в Индии (имя его указано не было).

Разумеется, это любезное письмо адресату не было доставлено; в моря, омывающие истинную Индию, Адмирал мог пройти лишь Магеллановым проливом, который открыт был восемнадцать лет спустя. Но совершенно очевидно, что их высочества разделяли надежды Адмирала на обретение прямого пути к Золотому Херсонесу и Ма-

¹ Инструкцию короля и королевы Христофору Колумбу см. 24, 447—449. Говоря о той части Индии, которые «входят в наши владения», королевская чета имела в виду условия Тордесильяского договора, по которому моря и земли к западу от демаркационной линии должны были входить в сферу кастильских захватов.

лабару и полагали, что четвертое плавание будет плаванием кругосветным.

В состав снаряжаемой флотилии входили четыре каравеллы, «Санта-Мария», или «Капитана» (флагман), «Гальега», «Сантьяго-де-Палос», или «Бермуда», и «Вискайна». Это были небольшие суда типа знаменитой «Ниньи».

Сохранились довольно детальные сведения об участниках этой экспедиции. Капитанами «Санта-Марии», «Гальеги» и «Сантьяго-де-Палос» были соответственно: Диего Тристан, Педро де Торрерос и Франсиско де Поррас.

Бартоломе Колумб никакого официального поста не занимал, но состоял в списках команды каравеллы «Сантьяго-де-Палос» и не раз выручал этот корабль из беды.

«Злыми гениями» экспедиции оказались братья Франсиско и Диего Поррасы. Франсиско занимал пост капитана, Диего был главным нотариусом флотилии. Фернандо Колон, который прошел в этом плавании отличную морскую школу, писал, что эти люди, едва не погубившие экспедицию на самом трудном ее этапе, были креатурами Фонсеки и главного казначея Кастилии Моралеса, любовника их сестры (58, 315).

Зато в этом плавании семья Колумбов приобрела верного друга, волонтера Диего Мендеса, оказавшего Адмиралу исключительно важные услуги.

Всего вышло в плавание 140 или 150 человек. Добавим, что никогда еще не сопровождало Адмирала такое множество гемуэзцев. По крайней мере, десяток земляков Адмирала участвовали в четвертой его экспедиции.

С источниками, отражающими историю этого плавания, дело обстоит куда лучше, чем с материалами второй и третьей экспедиций. Прежде всего потому, что подробное описание четвертого плавания дал непосредственный и весьма осведомленный его участник — Фернандо Колон. Сохранился краткий отчет Диего Порраса, в котором приведены данные об экипажах флотилии, очень интересные сведения о трагических событиях последнего этапа плавания содержатся в завещании Диего Мендеса. И наконец, перу самого Адмирала принадлежит письмо, которое он написал королевской чете на Ямайке 7 июля 1503 года. Два года спустя оно было издано в итальянском переводе в Венеции под интригующим титулом

«Lettera rarrissima» — «Любопытнейшее письмо», и так его до сих пор называют колумбоведы¹.

Флотилия снаряжалась в Севилье и оттуда вышла 13 апреля 1502 года. Но не к берегам Индий, а в Кадис, где на корабли погружен был провиант. В среду, 9 мая, корабли покинули Кадис и взяли курс на Канарские острова. Без каких бы то ни было происшествий Адмирал в четвертый раз пересек с востока на запад Атлантику и 15 июня отдал якорь у острова Мартиника. Оттуда он направился на северо-запад к Кубе. К несчастью, уже в самом начале выявилось, что «Сантьяго-де-Палос» плохо приспособлен для дальнего плавания. Адмирал с полным основанием назвал это судно «небезупречным кораблем», и свой дурной нрав «Сантьяго-де-Палос» проявил у берегов острова Пуэрто-Рико.

Во избежание дальнейших неприятностей необходимо было обменять «небезупречный корабль» на другое, более ходкое судно, а сделать это можно было только в Санто-Доминго. Скрепя сердце Адмирал решил зайти в эту затертую гавань.

Не входя в устье реки Осамы, Адмирал 29 июня направил на берег капитана Педро де Торрероса с запиской правителю Овандо. Как раз в это время Овандо готовил к отправке в Кастилию большую флотилию, а между тем по многим признакам Адмирал заключил, что вот-вот нагрянет сокрушительный ураган. На этот счет он предупредил Овандо и попросил разрешения ввести свои корабли в гавань.

Разрешения Овандо не дал и, пренебрегая советами Адмирала, приказал капитанам своей флотилии выводить корабли в море. Ураган налетел на следующий день, и девятнадцать кораблей пошли ко дну. Погиб командир флотилии, старый соратник Адмирала Антонио де Торрес, погиб Ролдан, погиб бывший судья-ревизор Бобадилья, которого Овандо отправил в Кастилию. Из всей флотилии уцелел лишь один корабль — маленькое суденышко «Агуха», и на нем было доставлено в Кастилию принадлежащее Адмиралу золото — его отправил с Эспаньолы Карвахаль. «Во всем этом, — писал Фернандо Колон, — вижу я промысел господний, ибо, если бы они [Бобадилья и Ролдан] добрались бы до Кастилии, никогда не были бы они наказаны так, как этого заслуживали» (58, 207).

¹ В русском переводе это письмо и завещание Диего Мендеса см. 24, 450—464 и 471—481.

Адмирал, не имея возможности войти в безопасное устье Осамы, заблаговременно укрыл корабли в низовьях реки Хайны — она впадала в море неподалеку от Санто-Доминго. И все же ураган рассеял его флотилию, причем Адмирал спас от гибели флагманский корабль. Но состояние духа у него было ужасное. «Разве на моем месте, — писал он, — любой смертный, будь он даже Иовом, не впал бы в отчаяние, видя, что в час, когда дело шло о моем спасении и о спасении моего сына, брата, друзей, запрещено мне было приближаться к земле, к гаваням, которые я промыслом божьим приобрел для Испании в кровавом поту» (24, 451).

ОТКРЫТИЕ ГОНДУРАСА И СТРАНЫ ВЕРАГУА

Разъединенная бурей флотилия 3 июля собралась в месте заранее предусмотренного Адмиралом рандеву — в бухте Пуэрто-Вьехо-де-Асуа, милях в пятидесяти к западу от Санто-Доминго. Неделю спустя Адмирал вышел в море и, обойдя с юга Ямайку, направился на север к околукубинским Садам Королевы, а оттуда круто повернул на юго-запад. За три дня, с 27 по 30 июля, флотилия пересекла Карибское море и достигла небольшого архипелага Ислас-де-Баиа у берегов неведомой земли. Если бы Адмирал пошел на запад, он вскоре привел бы флотилию к полуострову Юкатану, и, возможно, Мексика была бы открыта на пятнадцать лет раньше. Но Адмирал двинулся на восток-юго-восток, он полагал, что где-то на юге должен быть пролив, отделяющий Золотой Херсонес от островов Малайского архипелага, и решил во что бы то ни стало этот пролив найти.

У материкового берега порой трудно было лотом нащупать дно, и поэтому Адмирал назвал новооткрытое побережье страной Ондурас (honduras — по-испански «глубины») ¹.

У острова Бонака в архипелаге Ислас-де-Баиа моряки встретили огромное каноэ, очень длинное и широкое, с тростниковой хижинной надстройкой. Адмирал «полонил» капитана этой лодки, окрестил его Хуаном Пересом и сделал своим толмачом и лодманом.

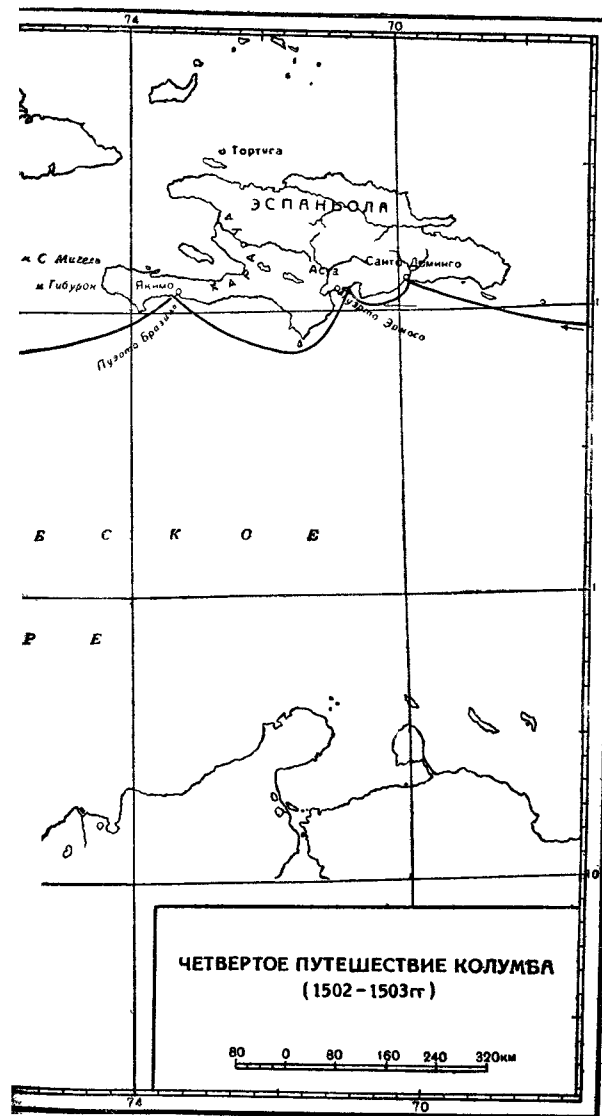
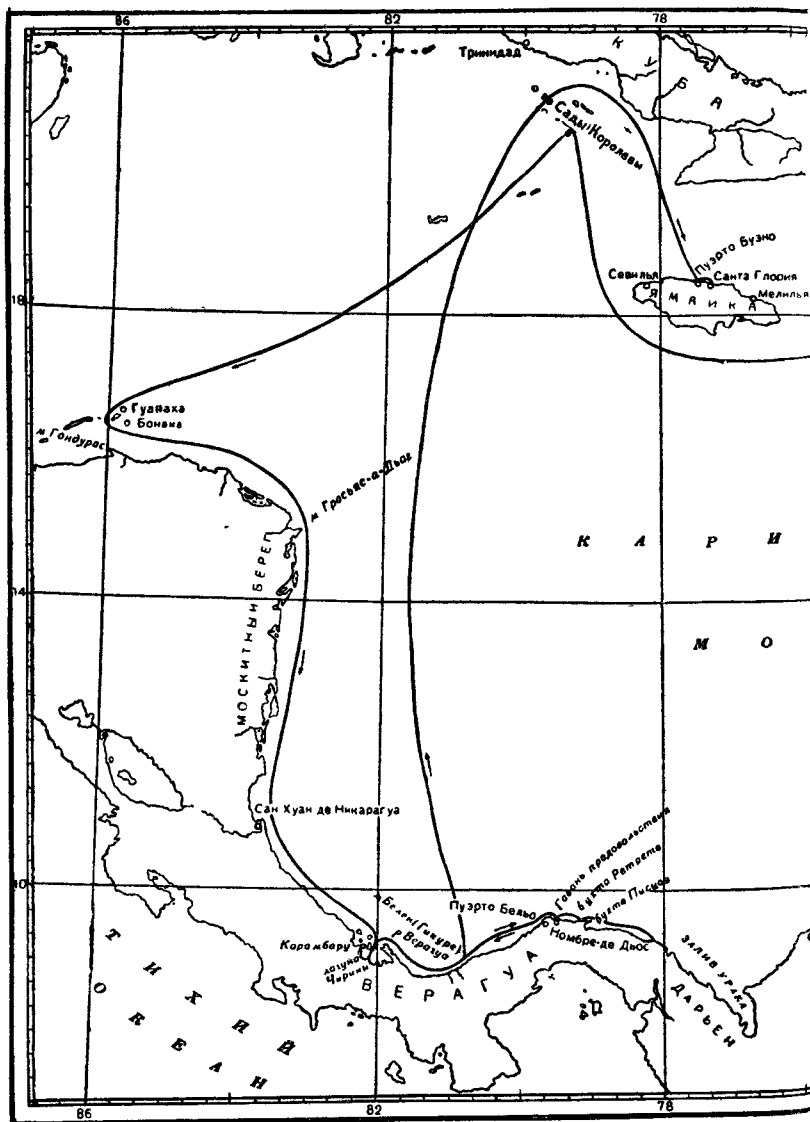
¹ В слове honduras начальное *h* не произносится, чего не знали русские картографы XVIII века. С их легкой руки страна, открытая Адмиралом, стала называться на наших картах Гондурасом.

Берег Гондураса сперва тянется к востоку, а затем у мыса, которому Колумб дал название Грасьяс-а-Дьос (Благодарение богу), круто поворачивает на юг, в том направлении, куда и должен был глава экспедиции вести свою флотилию. Однако до благословенного мыса — а лежал этот мыс всего лишь в трехстах милях от того места, где Адмирал вышел к материковому берегу, — он тащился двадцать восемь дней, все время дули противные восточные ветры штормовой силы. Это был очень тяжелый переход: «Корабли, — писал Адмирал, — дали течь, такелаж и якоря были растеряны, погибли лодки, канаты и много снаряжения. Люди были удручены, многие обратились к богу, и не оставалось никого, кто не дал бы какого-нибудь обета или не обязался бы совершить паломничество. Часто люди исповедовались друг другу в грехах. Им нередко приходилось видеть бури, но не столь затяжные и жестокие. Многие из тех, кто, казалось бы, сильны духом, впали в уныние, и так было в продолжение всего этого времени.

Болезнь сына, который находился со мной, терзала мою душу, и тем горше мне было сознавать, что в нежном тринадцатилетнем возрасте ему пришлось претерпеть в течение столь долгого времени большие невзгоды. Но бог дал ему такую силу, что он воодушевлял всех прочих и вел себя так, как будто в плаваниях провел восемьдесят лет. Он утешал меня, а я тяжело захворал и был близок к смерти. Из небольшой надстройки, которую я приказал соорудить на палубе, я направлял ход корабля. Брат мой находился на корабле, которому угрожала большая опасность. Велика была моя скорбь, и испытывал я ее с особенной остротой, ибо взял я его с собой против его воли».

И далее с горькой иронией Адмирал добавлял: «Такова уж моя доля — мало пользы принесли мне двадцать лет службы, проведенных в трудах и опасностях, ибо нынче у меня в Кастилии нет крова над головой, и пищу мне негде обрести, разве только в корчме или таверне, и зачастую не имею я гроша, чтобы заплатить по счету» (24, 452).

Адмиралу действительно не повезло. Он привел флотилию в «мертвый угол» Карибского моря, в глухой залив между юкатанским выступом и берегом Гондураса. Здесь всегда дуют крепкие восточные пассаты, и у побережья сильные течения гонят к Юкатану морские во-

Четвертое плавание Колумба. Открытия в Центральной Америке.

ды. И, кроме того, Адмирал совершил преступление. По отношению к себе. Состояние его здоровья требовало полного покоя, но он больным пустился в плавание, невероятными усилиями воли преодолевая неистовые боли в суставах и приступы тропической лихорадки. Любой ценой он должен был найти дорогу в Истинную Индию, он понимал: это путешествие последнее, и последними были шансы на победу. А крова в Кастилии у него и в самом деле не было, за недосугом он так и не обзавелся собственным домом...

14 сентября корабли наконец обогнули мыс Грасьяс-а-Дьос. Мыс оправдал свое название, теперь берег отвернул к югу, и хоть восточные ветры дули по-прежнему, но суда могли идти левым галсом. Никарагуа — так ныне называется страна, вдоль берегов которой Адмирал повел свою флотилию. Но и здесь несчастья преследовали экспедицию. 15 сентября Адмирал послал на берег лодки с людьми, необходимо было пополнить запасы пресной воды, а в море здесь впадала большая река. Но на речном баре затонула одна из лодок, и экипаж ее погиб. Ныне эта река называется Рио-Гранде, Адмирал же наименовал ее Рио-де-лос-Десастрес — Рекой Злосчастий. Корабли направились дальше, курсом на юг, миновали залив Сан-Хуан-дель-Норте и вступили в воды страны, которую Адмирал назвал землей Кариай. На современных картах она обозначена как страна Коста-Рика. В большой бухте — нынешней гавани Пуэрто-Лимон — флотилия задержалась на несколько дней.

Здесь состоялась встреча с индейцами, которую подробно описал Фернандо Колон. Адмирала кариайские аборигены весьма разочаровали — совсем непохожи они были на обитателей Золотого Херсонеса и во многом напоминали жителей Парии.

К морю подступали непролазные тропические леса, краешек этих джунглей обследовала партия моряков. Велих «аделантадо» Бартоломе Колумб.

5 октября Адмирал покинул эту бухту, и спустя несколько дней флотилия достигла желанного пролива. По крайней мере, так решили моряки: корабли вступили в обширный архипелаг, и проходы между островами сулили радужные надежды. Суда «шли меж островов, словно прогуливаясь по улицам, и вершины мачт цеплялись за древесные ветви» (58, 281) — так писал Фернандо Колон, но его, как и всех прочих участников экспедиции,

ждало горькое разочарование. Все эти проходы вели в обширную бухту, которая названа была Гольфо-дель-Альмиранте — Адмиралтейским заливом. На нынешних картах ее можно найти на границе Коста-Рики и Панамы.

На берегах этой бухты моряки встретили индейцев, у которых к шее были подвешены золотые диски с тарелку величиной. Диски эти местные щеголихи охотно меняли на два-три бубенчика. С. Э. Морисон подсчитал, что такого рода сделки приносили спутникам Адмирала 3 тысячи процентов чистой прибыли.

Дальше берег поворачивал к востоку и в сушу вдавался огромный залив Чирики. Простояв в этом заливе десять дней, Адмирал вдоль берегов земли, которую индейцы называли Верагуа, или Панамой, направился на восток. И здесь у местных обитателей были золотые диски, и они, кроме того, за бесценнок отдавали пришельцам золотые амулеты, отлитые в форме птиц, и морякам угодно было счесть этих птиц орлами.

ДО ГАНГА ПЯТЬДЕСЯТ ДНЕЙ ПУТИ

В стране Верагуа Адмирал получил у индейцев чрезвычайно важные сведения, которые он истолковал, однако, весьма оригинальным образом.

«Во всех местах, которые я посещал, — писал он в послании к королевской чете, — я убеждался в правильности того, что приходилось мне слышать. Это утверждало меня во мнении, что есть область Сигуаре, которая, судя по описаниям индейцев, лежит на западе, в девяти днях нашего пути. Они утверждают, что там золото без счета и люди в тех местах носят большие коралловые браслеты на руках и на ногах и покрывают мозаикой из коралла столы, стулья и шкатулки... Всем им знаком перец. В Сигуаре в обычае ярмарки и рынки. Об этом говорили мне здешние люди и показывали, каким способом ведется там меновой торг. Они говорили также, что на кораблях в той стороне имеются бомбарды, стрелы и луки, мечи и кирасы, и что люди там ходят одетые и владеют красивыми домами, и что там есть лошади и этими лошадьми они пользуются во время войны, и что многие из них носят богатые одеяния. **ОНИ ПЕРЕДАВАЛИ, ЧТО МОРЕ ОМЫВАЕТ СИГУАРЕ И ЧТО В ДЕСЯТИ ДНЯХ ПУТИ ОТ НЕЕ ПРОТЕКАЕТ РЕКА ГАНГ.**»

КАК КАЖЕТСЯ, СИГУАРЕ НАХОДИТСЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЕРАГУА В ТАКОМ ЖЕ ПОЛОЖЕНИИ, КАК ТОРТОСА К ФУЭНТАРРАБИИ ИЛИ ПИЗА К ВЕНЕЦИИ» (24, 452—453).

К тому времени, когда Адмирал вел опрос панамских индейцев, у него уже не было толмача Хуана Переса — пленника из Гондураса он отпустил восвояси. Объяснялся он знаками и, конечно, много добиться у своих собеседников не мог. Разумеется, ни о каких лошадях и кораблях, вооруженных пушками, индейцы не говорили. Но Адмирал, пересказывая их сообщения, уловил кое-какие достоверные сведения. В описании страны Сигуаре слышатся отголоски реальных известий о землях народов майя. Бесспорно, слухи о великодушных городах страны майя доходили до панамских берегов.

Существенно, однако, иное. Многие индейцы сообщили, что их земля лежит на перешейке.

Но ни о каких перешейках Адмирал и слышать не хотел. Ему нужны были не перешейки, а полуострова, с юга омываемые морем. И поэтому не случайно он сравнил открытую им землю с Пиренейскими и Апеннинскими выступами Европейского материка.

Итак, все прояснилось: индейцы подтвердили предположения Адмирала — открыт полуостров, а за ним должны лежать земли, орошаемые рекой Гангом. И в подтверждение этого вывода следует ссылка на Птолемея и Марина Тирского, подкрепленная весьма хитрыми выкладками. В 1494 году в кубинском плавании я прошел, отмечает Адмирал, на запад к пределу девяти часов. Предел девяти часов — это 135-й градус западной долготы (фактически Адмирал тогда дошел всего лишь до 84-го градуса западной долготы). И птолемеявская Каттигара, город, лежащий на рубеже запада и востока, напротив Золотого Херсонеса, по расчетам Адмирала, должна была располагаться примерно в 150 градусах к западу от Португалии (снова натяжка — у Птолемея Каттигара лежала в 175 градусах к западу от Лузитании). А коли так, то стоит только пересечь новообретенный полуостров, и экспедиция окажется у стен Каттигары, а оттуда уже рукой подать до Золотого Херсонеса и устья Ганга. Примечательно, что Адмирал, который прежде предпочитал Птолемею Марина Тирского, теперь изменил своему бывшему кумиру. В рамки чересчур узкого Единого Океана Марина Тирского уже не вмещалось все

то водное пространство, которое многократно пересекал в своих плаваниях Адмирал.

Попутно Адмирал напоминает: экваториальный градус равен $56\frac{2}{3}$ мили. «Мир мал. Из семи частей шесть заняты сушей, и только седьмая часть покрыта водой. Все это теперь доказано на опыте, и я об этом писал в других письмах со ссылками на священное писание и на авторитеты святой церкви касательно местоположения рая земного» (24, 453).

Практический вывод: продолжать поиски пролива, пролив должен быть где-то поблизости. В 20-х числах октября и в начале ноября 1502 года флотилия продвигалась на восток вдоль панамского берега.

2 ноября была открыта очень удобная бухта, Адмирал назвал ее Пуэрто-Бельо (Прекрасной гаванью), неделю спустя флотилия вошла в бухту Пуэрто-де-лос-Бастимьентос — Провиантскую бухту, — спустя несколько лет она была переименована в порт Номбре-де-Дьос — гавань Господнего Имени. Она лежала в самом узком месте Панамского перешейка, всего лишь в 60 километрах от Тихого океана. Во второй половине XVI века гавань Номбре-де-Дьос стала важнейшим перевалочным пунктом на пути из Испании в Перу. Сюда из Панамы посуху перебрасывалось перуанское золото и перуанское серебро, отсюда в трюмах кораблей атлантических флотилий оно доставлялось в Севилью.

В конце ноября флотилия, пройдя еще дальше на восток, отдала якорь в тесной и неудобной бухте, которую Адмирал заслуженно называл гаванью Отхожего Места (Пуэрто-де-Ретрете, современное название — Пуэрто-де-Эскриванос — Бухта Писцов). В это ненадежное убежище флотилию загнала буря, и непогода держала в нем корабли две недели. Все время дул восточный ветер, и Адмирал решил отойти к западу. 5 декабря он снова отдал якорь в бухте Пуэрто-Бельо, а когда на следующий день внезапно подул западный ветер, флотилия вновь направилась к востоку. Но панамские берега, подобно гондурасским, вытянуты в широтном направлении, и здешнее приморье подобно аэродинамической трубе, через которую сама природа гонит мощные струи пассатных ветров. Восточные пассаты дули прямо в нос кораблям, и продвигаться вперед против этих упорных ветров было мучительно трудно. Целый месяц корабли лавировали на участке между Пуэрто-Бельо и устьем реки Чагрес, пя-

тятся подобно ракам и изредка наверстывая потерянные мили, и все это время свирепствовали сильные бури. «Никогда, — писал Адмирал, — я еще не видел столь грозного неба, день и ночь пылало оно, как горы, и молнии извергали пламя с такой силой, что я не раз удивлялся, как могли при этом уцелеть мачты и паруса. Молнии сверкали так ярко и были так ужасны, что все думали: вот-вот корабли пойдут ко дну. И все это время небеса непрерывно источали воду, и казалось, это не дождь, а истинный потоп. И так истомлены были люди, что грезили о смерти, желая избавиться от подобных мучений. Дважды теряли корабли лодки, якоря, канаты, и были они оголены, ибо лишились парусов» (24, 454).

Восьмой месяц флотилия бороздила чуждальние моря, припасы, заготовленные в Кастилии, пришли к концу. «От жары и сырости, — писал Фернандо Колон, — сухари набрали в себя столько червей, что, бог тому свидетель, ночью, тайком, люди пожирали сухарное крошево, кишашщее червями, а некоторые так притерпелись к червям, что не выбрасывали их, ибо было не до брезгливости, — избавляясь от червей, люди лишались ужина» (58, 29).

Правда, удалось выловить несколько акул, и в чреве одной из них моряки нашли черепаху. Акулье мясо было некоторым подспорьем, но пятью акулами трудно было прокормить полтора человека.

СТО ДНЕЙ СИДЕНИЯ НА ВИФЛЕЕМСКОЙ РЕКЕ

Волей-неволей Адмирал вынужден был отступить и увести флотилию на запад, к берегам страны Верагуа, в те места, мимо которых корабли прошли два месяца назад.

6 января 1503 года Адмирал привел суда к устью не очень большой реки Белен (испанцы Беленом называют Вифлеем, и об этом евангельском городе Адмирал вспомнил потому, что 6 января по католическому календарю был день явления волхвов в Вифлееме). С. Э. Морисон, в 1940 году обследовавший всю трассу четвертой экспедиции, отметил, что устье Белена — одно из самых опасных мест на центральноамериканском побережье. Войти в эту реку невероятно трудно, но зато в ее устье корабли спокойно могут отстаиваться в бурю, песчаный бар защищает эстуарий Белена от яростных атак с моря

(22, 182—183). Адмиралу посчастливилось еще и потому, что на следующий день разразился шторм, который погубил бы корабли, если они задержались бы у скалистого побережья близ входа в реку Белен.

В устье Белена флотилия пробыла сто дней, и это были далеко не лучшие дни в истории четвертой экспедиции. 9 января «аделантадо» Бартоломе Колумб отправился на лодках на рекогносцировку и в долине соседней реки Верагуа встретился с крупным местным касиком Кибаном, который день спустя навестил Адмирала и принес довольно много золота. 6 февраля Бартоломе Колумб с группой матросов снова направился к Кибану, причем в пути «экскурсанты» намыли немало золота. Несколько дней спустя «аделантадо» снова посетил богатую золотом местность Урира и снова нашел там золото.

Тогда Адмирал решил основать на Белене поселение, оставить в нем часть людей под командой Бартоломе Колумба, а самому возвратиться в Кастилию за подкреплением. Выбрано было место для укрепленного городка, и Адмирал дал ему название Санта-Мария-де-Белен.

«Худшего места для крепости, — пишет С. Э. Морисон, — Колумб не мог бы найти на всем побережье Центральной Америки». И в подтверждение своих слов он привел рассказ одного старателя, с которым беседовал в 1940 году. Старатель нашел в долине Белена богатую россыпь, привез из ближайшего города строительные материалы и принялся за ее разработку. Первый же ливень смыл в море все, что с таким трудом было сооружено в этом месте.

В марте 1503 года ливней не было, и моряки возвели небольшое поселение. Они построили 19 домов и пришли к убеждению, что в дальнейшем будут здесь жить припеваючи, намывая в ближних песках золото. Но центральноамериканская природа коварна. Плохо, когда идут затяжные дожди, но ничуть не лучше, когда наступает великая сушь. Белен обмелел, и флотилия оказалась в ловушке — вывести ее в море через бар не удавалось никакими силами.

Между тем до той поры весьма мирный сосед припельцев касик Кибан стал проявлять враждебные намерения.

Адмирал решил нанести удар первым. Диего Мендес

пробрался в селение Кибiana и захватил в плен касика и десятка три его соратников.

Кибiana, однако, из плена бежал и тут же открыл военные действия.

Случилось это 6 апреля, в момент, когда в городке Санта-Мария-де-Белен меньше всего думали о Кибiane и его воинстве. Одержимый лихорадкой, Адмирал в тот день проводил через флагманский корабль и каравеллу «Сантьяго-де-Палос» и «Вискайну». «Гальега» оставалась на старом месте, ее решено было использовать как плавучую базу крепости. Все моряки заняты были проводкой судов, им уже удалось протащить через отмель флагман, в крепости оставалось десятка два христиан и сторожевой дес. Четыреста индейцев напали на поселение, но если Рим в свое время спасли гуси, то Санта-Марию-де-Белен выручила собака. Она заблаговременно учуяла врага, защитники крепости успели подготовиться к отражению Кибianовой атаки. В битве у ворот крепости несколько ее защитников было ранено, в их числе оказался Бартоломе Колумб — стрела задела ему грудь.

Индейцы отступили, но близ крепости натолкнулись на лодку с флагмана: капитан Диего Тристан и несколько матросов грузили на нее бочки с водой. В короткой схватке Диего Тристан и его люди сложили головы. Из двенадцати моряков одиннадцать погибли, только одному бондарю Хуану де Нойе удалось спастись.

Адмирал был в это время на флагмане. Моряки, узнав о событиях в крепости, пришли в уныние, помочь товарищам они не могли — ведь единственную оставшуюся на судне лодку Диего Тристан увел с собой.

Должно быть, духи злокачественной лихорадки в этот трагический момент овладели Адмиралом. Ибо когда, весь в жару, он взобрался на габию, чтобы оглядеть окрестности, до его слуха дошел небесный глас, внушавший ему надежду на спасение. Монолог посланца господнего Адмирал три месяца спустя записал таким образом: «О глупец, нескорый в делах веры и служении твоему господу, владыке всего сущего! Свершил ли господь больше для Моисея или для слуги своего Давида? С самого рождения твоего не оставлял он тебя своими заботами. Когда же ты вырос и возмужал, что доставило ему удовлетворение, он сделал так, что имя твое стало звучать чудесным образом на земле. Индии — богатейшие

части света — он отдал тебе во владение. Ты разделил их так, как тебе было угодно, и он дал тебе для этого полномочия.

Он дал тебе ключи от заставы Океана, скрепленной мощными цепями, и подчинил тебе много земель, а среди христиан ты приобрел почет и славу. Разве он больше сделал для народа Израиля, когда вывел его из Египта, или для Давида, когда превратил его из пастуха в царя иудейского? Обратись к нему, и ты поймешь, в чем состоит твое заблуждение. Безгранично его милосердие, старость твоя тебе не помешает совершить великие дела. Аврааму было сто лет, когда он зачал Исаака, а Сарра не была юной девушкой. Ты в неверии взываешь о помощи. Ответь же, кто причинил тебе столько горестей — бог или свет? Бог никогда не нарушает своих обетов и не отнимает своих даров. И не говорит после того, как ему отслужена служба, что иными были его намерения и что по-иному он разумеет их ныне. И не заставляет терпеть он муки, чтобы проявить свою мощь. Ни одно слово не пропадает даром — а все им обещанное выполняется с лихвой. Таков его обычай. Вот что совершил твой создатель для тебя, и что он свершает для всех... откинь страх, верь — все эти невзгоды записаны на мраморе и имеют причину» (24, 456—457).

Что ж, вероятно, в полдень, 6 апреля 1503 года, Адмирал и вправду услышал небесный глас. Он был в бреду, и душа его страстно жаждала чуда. На Ямайке, девяносто дней спустя, речь посланца божьего была вставлена в письмо их высочествам. И назидания ради Адмирал вложил в уста господнего глашатая упреки королевской чете...

Удивительно, однако, иное. Человек, который с высоты габии вел беседу с небом, с великой энергией и огромным мужеством в последующие дни спасал своих спутников и свои корабли, и его распоряжения были продуманны и действительны. Адмирал счел за благо не оставлять на реке Белен часть людей — горький опыт крепости Навидад научил его многому — и дал приказ: провести «Гальегу» через бар и доставить на рейд всех, кто еще оставался в поселении. Но «Гальегу» пришлось все же бросить на месте ее стоянки, река снова обмелела. Людей и грузы перевез на рейд Диего Мендес. «Я, — писал он, — взял два каноэ, соединил их жердями, по

ложенными поверху, и укрепил их веревками. А затем, при тихой погоде, подтаскивая каное на бечеве, мы доставили на корабли все имущество и людей» (24, 475).

ЗАПАДНЯ НА ЯМАЙКЕ

16 апреля 1503 года три корабля покинули устье Белена. «Я отправился в путь, — писал Адмирал, — с именем святой троицы в пасхальную ночь на прогнивших, сплошь дырявых и изъеденных червями кораблях... без лодок, без снаряжения, а предстояло либо пройти морем семь тысяч миль, либо погибнуть в пути с сыном и братом и большим числом людей» (24, 457).

Необходимо было добраться до Санто-Доминго — королевская чета милостиво дозволила зайти туда в случае крайней нужды на обратном пути — и отремонтировать корабли. Но Адмирал полагал, что от устья Белена он прямым путем не дойдет до Эспаньолы, помешают восточные ветры. И он решил спуститься вдоль панамского берега возможно дальше к востоку, а затем направиться к Эспаньоле, взяв курс на север. Это было верное решение, но, опасаясь критических замечаний недоброжелателей, Адмирал счел нужным заранее их отпарировать.

«Пусть же теперь, — писал он, — те, кто пятнал меня и поносил меня, задают мне вопросы, находясь в безопасности в Испании — а почему вы поступили так именно, а не иначе? Хотел бы я, чтобы они сопутствовали мне в этом плавании...» (24, 457).

До 1 мая корабли все время шли вдоль панамского берега на восток. В конце апреля флотилия вступила в Дарьенский залив — морской тупик, огромный треугольник, вершина которого упирается в тот участок материковой земли, где панамский берег встречается с карибским берегом Колумбии. До места стыка Адмирал не дошел. И он не знал, что с востока, со стороны Венесуэлы к Дарьенскому заливу в 1501 году приплыл бывший севильский законовед Родриго Бастидас. Стало быть, покидая эти берега, Адмирал все еще тешил себя надеждой на обретение желанного пролива, ведущего в Индийский океан. Если бы Адмирал прошел на восток и юго-восток еще миль сто — сто пятьдесят, он вступил бы в самую вершину Дарьенского залива и убедился бы, что берег круто поворачивает на север и северо-восток. Однако у мыса, который Адмирал назвал Мраморным (вероятно, это мыс

Пунта-де-Москитас современных карт), решено было дальше вдоль панамского берега не плыть, и корабли взяли курс на север. Произошло же это потому, что кормчие сочли, будто флотилия так далеко зашла к востоку, что перемахнула через меридиан Санто-Доминго, хотя на самом деле до этого меридиана еще оставалось пятьсот с лишним миль.

Адмирал же вынужден был согласиться с кормчими, на этот раз решимость покинула его, быть может, потому, что он был невероятно истомлен долгим плаванием и истерзан лихорадкой.

Итак, флотилия двинулась на север. Следуя этим курсом, Адмирал 12 мая вышел не к Эспаньоле, а к Кубе, точнее, к архипелагу Сады Королевы. Между тем на всех кораблях обшивка пришла в такое состояние, что, по словам Фернандо Колона, напоминала пчелиные соты.

Суда чудом держались на плаву, всем было ясно, что флотилию надо завести в удобную гавань. Адмирал все же надеялся на западный ветер и три недели лавировал у кубинских островов. В конце концов решено было идти к Ямайке, и 25 июня 1503 года Адмирал ввел свою флотилию в бухту Санта-Глория (ныне она называется Сент-Аннс) на северном берегу этого острова. Корабли заведены были на песчаный берег, укреплены подпорками и стали на долгие месяцы сухопутным убежищем экспедиции.

116 моряков выброшены были на обитаемый остров. Обитаемость не очень радовала Адмирала. Рядом находилось индейское селение, очень мирное, но главе экспедиции ведомы были повадки его спутников — ангельски кротких аборигенов они могли довести до белого каления. Прокормить орду изголодавшихся людей было делом нелегким. Провиантскую часть взял на себя добрый гений экспедиции Диего Мендес. Он ушел за припасами к восточной окраине Ямайки, раздобыл там лодку-долбленку, привез много всевозможной снеди, а затем вступил в торговые сношения с местными индейцами.

Был установлен обменный курс для торговых операций. Одна лепешка кассавы отдавалась за два стеклянных шарика, две утии (зверьки, подобные кроликам) шли за вязальный крючок, меру кукурузы приобретали за бубенчик.

7 июля 1503 года Адмирал написал свое знаменитое письмо, не питая, однако, надежды на скорую доставку его в Кастилию. По существу, экспедиция очутилась в за-

падне, своими силами корабли отремонтировать было невозможно, а пускаться в плавание на этих источенных червями посудинах равносильно было самоубийству.

Некоторые выдержки из этого письма мы привели уже выше. О тоне и стиле адмиральского послания по этим отрывкам можно составить себе довольно ясное представление. Остается лишь добавить, что по своей сумбурности оно намного превосходит не слишком «упорядоченные» письма Адмирала времен третьего плавания.

Неоднократно и по разному поводу Адмирал вспоминает о своих злосчастьях, порой открыто, порой намеками обвиняя во всех этих бедах королевскую чету. Неоднократно твердит он о несметных богатствах новооткрытых земель и в одном месте, говоря о мирских благах, произносит сентенцию, которая по праву может быть признана девизом всех рыцарей первоначального накопления.

«ЗОЛОТО СОЗДАЕТ СОКРОВИЩА, И ТОТ, КТО ВЛАДЕЕТ ИМ, МОЖЕТ СОВЕРШИТЬ ВСЕ, ЧТО ПОЖЕЛАЕТ, И СПОСОБЕН ДАЖЕ ВВОДИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДУШИ В РАЙ» (24, 461).

Да, этот гимн золоту вырвался из самого нутра нового Ясона, который привел полчища аргонавтов в заморские земли. Но собственную душу он не мог ввести в золотой рай; в эти знойные июльские дни на дальней и чужой земле он, «одинокий, больной, томимый печалью», признавался, что не ради почестей и прибылей отправился в это плавание. «Надежда на то и другое умерла во мне», — писал он, и смерть этой корыстной надежды пу- гала его и лишала опоры.

ПОДВИГ ДИЕГО МЕНДЕСА. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Погоня за металлом, вводящим людские души в рай, свергла Адмирала и его спутников в чистилище, из которого очень трудно было выбраться. Кто знает, какова была бы судьба 116 участников четвертой экспедиции, если бы в ней не состоял неутомимый Диего Мендес.

Каким-то образом надо добраться до Санто-Доминго, только там могли оказать помощь попавшим в беду морякам. Диего Мендес решил совершить поход от берегов Ямайки к берегам Эспаньолы. Он снарядил два каное, причем до оконечности Ямайки эти суденышки сопровождала целая флотилия маленьких челнов, ведомая Бартоломе Колумбом.

От Ямайки до мыса Тибурон на западной оконечности Эспаньолы 108 миль, от Тибурона до ближайшего испанского селения — Асуа — миль триста. На пути от Ямайки к Эспаньоле, ближе к Эспаньоле, лежит небольшой островок Наваса. Таким образом, Мендесу и его спутнику гемуэзцу Фьески предстояло плавание далеко не столь долгое, как Чичестеру, который в 1969—1970 годах на своей яхте «Джипси-Мот» обошел земной шар.

Однако в XVI веке никто не плавал в открытое море на лодках, плотах и каное ради спортивного интереса, и переход через пролив, отделяющий Ямайку от Эспаньолы, был в глазах современников Мендеса великим подвигом. За пять дней оба каное дошли до мыса Тибурон, причем последние два дня смельчаки шли при очень малом ветре; страдая от жажды, их спутники индейцы нерасчетливо выпили всю пресную воду.

Мендес покинул Ямайку в июле 1503 года, и только в марте 1504 года Овандо разрешил ему явиться в Санто-Доминго и зафрахтовать за счет Адмирала судно. У правителя кораблей было немало, но он отказался хотя бы один из них предоставить своим землякам, терпящим бедствие.

Между тем о судьбе Мендеса и Фьески на Ямайке решительно ничего не было известно. Наступила антильская зима, не очень холодная, но ветреная и сырая. Люди жили на кораблях в грязи и тесноте, мяса и вина не было, кассава и прочие виды местной пищи всем приелись, и, кроме того, многие утратили надежду на спасение. Адмирала мучил артрит, он прикован был к постели, и маленькой колонией правил Бартоломе Колумб. В конце 1503 года братья Поррас, распространив предварительно слух, будто Адмирал и не собирается возвращаться в Кастилию, — въезд ему туда, говорили они, запрещен, — сплотили вокруг себя всех недовольных. 48 мятежников подписали тайное соглашение и избрали Франсиско Порраса своим капитаном.

2 января 1504 года братья Поррас с бандой своих сообщников ворвались на флагман, и Франсиско Поррас заявил тяжело больному Адмиралу, что он и его друзья решили отправиться в Кастилию. Когда Адмирал стал увещевать мятежников, они на него набросились, и неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы Адмирала не выручили верные ему люди.

Братья Поррас захватили несколько каное и со всеми

своими сторонниками отплыли к восточной оконечности Ямайки, по пути разоряя индейские селения. Они дважды пускались в море, желая добраться до Эспаньолы, и дважды возвращались на Ямайку. В конце концов на острове образовалось два стана — адмиральский и братьев Поррас. Адмирал тщетно пытался умиротворить мятежников, а 29 мая 1504 года они напали на его ставку. В завязавшейся битве «главнокомандующему» вооруженных сил адмиральской ставки Бартоломе Колумбу удалось одержать верх. Пороха не было, дрались мечами и ножами, причем в бою отличился шестнадцатилетний Фернандо Колон. Смутьяны, попав в плен, запросили пощады, и Адмирал их помиловал. Он взял под стражу только зачинщиков — братьев Поррас.

Ровно за три месяца до сражения с мятежниками произошло одно весьма знаменательное событие, которое подняло Адмирала в глазах индейцев на недосыгаемую высоту.

В конце зимы добрые христиане основательно разорили своих соседей-аборигенов. Истопились запасы кассавы, шарики и бубенчики котировались теперь куда ниже, чем полгода назад. Вдобавок спутники Адмирала требовали много пищи, по словам Фернандо Колона, каждый из них съедал не меньше, чем дюжина индейцев. В этом критическом положении Адмиралу помог альманах Региомантана. В нем было указано, что 29 февраля 1504 года состоится затмение луны. Адмирал прикинул, в котором часу луна скроется на Ямайке, — к счастью, это должно было произойти вечером — и днем созвал всех соседних касиков. Когда вожди собрались, он заявил им, что господь гневается на них, ибо они плохо кормят гостей. «Следите за луной, — сказал Адмирал, — и вы в этом убедитесь».

Затмение началось в положенное время, и индейцы сбежались к Адмиралу, умоляя его вернуть им луну. Адмирал, ни слова не говоря, ушел в рубку и появился на палубе, когда затмение пошло на убыль. Он заявил индейцам, что внял их просьбам, но за это потребовал, чтобы христиан бесперебойно снабжали всяческими припасами. С этой поры спутники Адмирала отъедались вволю, а вождь бледнолицых пришельцев стяжал славу великого волшебника.

В конце июня 1504 года в бухту Санта-Глория вошла небольшая каравелла, посланная из Санто-Доминго Мен-

десом. Капитан ее, Диего Сальседо, хорошо знавший Адмирала, взял на борт всех участников экспедиции и 29 июня отправился в Санто-Доминго. Казалось бы, пришел конец двухлетним мукам и невзгодам, но на коротком пути к Санто-Доминго Адмиралу и его спутникам пришлось хлебнуть немало горя. Каравелла дала течь, надломилась грот-мачта, корабль потерял ход и шесть долгих недель тащился до Санто-Доминго.

13 августа 1504 года Адмирал прибыл в столицу Эспаньолы. В город, который был заложен его братом Бартоломе восемь лет назад, в порт, куда он привел свои корабли, открыв великий Южноамериканский материк. Теперь хозяином Санто-Доминго был Овандо, и для него Адмирал был нежелательным пришельцем, королевская чета не раз внушала своему новому наместнику, что Адмиралу на Эспаньоле делать нечего (75).

Овандо в отличие от своего предшественника Бобадильи был тонким дипломатом. Ему ведомы были повадки их высочеств — любой неверный шаг любого должностного лица чреват был для этого лица опасными последствиями. И Овандо поступил так, как ему подсказывал богатый опыт его общения с королевской четой. Он с большой свитой прибыл на пристань и с почетом встретил Адмирала. Но прошло несколько дней, и в присутствии высокого гостя Овандо приказал снять оковы с Франсиско Порраса и освободить зачинщиков мятежа из-под стражи. Но он отказался выделить провиант для участников четвертой экспедиции и не дал Адмиралу кораблей, необходимых для доставки в Кастилию экипажей экспедиции. За свой счет Адмирал вынужден был содержать всех своих людей, в том числе и бывших мятежников, за свой счет нанял он корабль, за свой счет закупил провиант на обратную дорогу в Кастилию. Адмирал издержал миллион мараведи, Овандо не истратил на нежелательных гостей ни единого дуката.

Он очень внимательно выслушивал просьбы Адмирала и с прискорбием отвечал: «К сожалению, ничем помочь не могу — на сей счет нет указаний их высочеств...»

Королевская чета поведением своего наместника осталась довольна. Он воздал должное Адмиралу, он оказал Адмиралу достойный прием. И поступил правильно, отвергнув претензии назойливого генуэзца. Казенный провиант и казенные средства удалось сэкономить, одним словом, наместник оправдал доверие...

Прекрасно. Но с Адмиралом в Санто-Доминго прибыло сто с лишним человек, а зафрахтовать удалось лишь единственный кораблик. На нем с трудом удалось разместить пятую часть команды экспедиции. Самого Адмирала, его брата Бартоломе, сына Фернандо и двадцать два моряка. 80 человек остались на Эспаньоле, на родину они не вернулись.

12 сентября 1504 года Адмирал покинул постыльную гавань Санто-Доминго и вышел в море. Судно, как и следовало ожидать, оказалось дрянным старым корытом, оно чудом держалось на воде, но кое-как его удалось довести до берегов Кастилии.

7 ноября 1504 года остатки четвертой экспедиции возвратились в Испанию. Адмирал сошел на кастильскую землю в гавани Сан-Лукар-де-Баррамеда. Это было его последнее плавание, и продолжалось оно два года пять месяцев и двадцать восемь дней.

АГОНИЯ

8 или 9 ноября 1504 года Адмирал прибыл в Севилью. Он остановился в холодном и пустом доме в квартале Санта-Мария, неподалеку от кафедрального собора. Жестоким приступ «подагры» приковал его к постели, а между тем двор их высочеств пребывал в пятистах милях от андалузской столицы, в городке Медине-дель-Кампо. Туда, в Медину-дель-Кампо, Адмирал хотел попасть как можно скорее, он надеялся, что королева оценит его последние открытия, и тогда сторицей окупятся все его муки и страдания.

К несчастью для Адмирала и к счастью для его биографа, Диего, его первенец, в Севилье отсутствовал. Наследник Адмирала находился в Медине-дель-Кампо, и между отцом и сыном завязалась переписка, причем большая часть писем сохранилась до наших дней.

Ноющая боль в суставах доводила Адмирала до иступления. Особенно днем. Днем он не мог писать, только в ночные часы несчастные пальцы могли удержать перо, и в длинные ночи поздней севильской осени он писал. Писал своему сыну Диего, писал королевской чете, писал старым своим покровителям. А покровители... Восемь их было в 1492 году. С тех пор много воды утекло. Одних уж нет, а те далече... Умер кардинал Мендоса, умер Кин-

танилья, умер Гутьерре де Карденас, в немилости Талавера, в опале Санчес и Сантанхель. Зато в чести Деса, генеральный инквизитор Кастилии, и по-прежнему в фаворе Кабрера. Десе Адмирал пишет чуть ли не каждую ночь.

До Севильи доходили тревожные слухи — королева тяжело больна, возможно, дни ее сочтены. А на королеву Адмирал возлагал все свои надежды, королю он никогда не доверял и короля считал виновником многих своих злосчастий.

Полтора года назад, на Ямайке, не чая, как вырваться из западни и утратив надежду на спасение, Адмирал отрекся от мирских благ и объявил, что ему не нужны «почести и прибыли». Но в ноябре 1504 года, возвратившись в Кастилию, он отдался былым «генуэзским» страстям. С точностью до мараведи пытался он определить, насколько обчитала его казна и какие суммы он мог бы получить, если бы их высочества не нарушили своих былых обязательств.

В первом своем письме к Диего от 21 ноября 1504 года он писал: «Мой дражайший сын, дон Диего. С курьером получил твое письмо. Это хорошо, что ты сейчас там, то есть при дворе, и имеешь возможность помочь делу и вникнуть в него. Сеньор епископ Палении [Диего де Деса] с той поры, когда я прибыл в Кастилию, мне покровительствовал и споспешествовал восстановлению моей чести. И ныне через него надо добиваться, чтобы мне было возмещено за обиды и чтобы их высочества выполнили то, что мне обещали в соглашении и в патенте, мне данном. И я убежден, что, буде они так сделают, мое достоиние и мое величие преумножатся в огромнейшей степени. И думается, что причитается мне в золоте куда больше 40 тысяч песо, если только Сатана не помешает исполнению моих желаний, ибо, когда меня силой вырвали из Индий, причиталось мне много больше этих сорока тысяч. И, клянусь тебе, но пусть это будет только между нами, что из того, что мне следовало бы получить, если пожалования их высочеств выполнялись бы, я, что ни год, недополучаю десять миллионов мараведи и никак не могу добиться возмещения... Диего Мендесу поручил я хлопоты о моей поездке ко двору, но очень опасаясь за нее, ибо стоят холода, а она да моя хворь мне злейшие враги, особенно в дороге» (105, PI, v. II, 232—243).

В других письмах он жалуется, что его немилосердно

обсчитывает казна: причитающуюся ему десятую долю доходов она выплачивает не с общей суммы прибылей, а с пятой ее части, да и, кроме того, ему еще следует получить 33 $\frac{1}{3}$ процента с торговых сделок, на которые в свое время имели право адмиралы Кастилии, не говоря уже о восьмой доле от торговли с Индиями (30, 20—45).

А между тем в 1502—1504 годах представители Адмирала на Эспаньоле — Алонсо Санчес Карвахаль и Джованни Антонио Коломбо переправили в Кастилию 22 марки золота. Адмиральского золота на сумму 500 тысяч мараведи. Это немалая сумма, она эквивалентна примерно 5 килограммам золота. Но Адмирал требовал от казны 60 тысяч песо — четверть тонны чистого золота. Причем сумма эта должна была лишь возместить обчеты казны, а в дальнейшем Адмирал рассчитывал ежегодно получать не меньше 10 миллионов мараведи в год. На эти деньги можно было приобрести 100 килограммов золота. Такой доход получали в Кастилии богатейшие магнаты.

И в то же время Адмирал грезил о вызволении Иерусалима и горы Сионской. Картезианский подвижник Гаспар Горисьо выслушивал его страстные филиппики в защиту нового крестового похода. «Книга пророчеств», духовная лоция освободителей «святой земли», занимала Адмирала, он снова вернулся к ней и стремился ее закончить как можно скорее.

Вероятно, в конце ноября 1504 года он отправил королевской чете пространное письмо, в котором излагал свое крестоносное кредо. Оно настолько важно для уяснения путаных побуждений его автора, что заслуживает быть воспроизведенным в главной своей части.

«Христианнейшие и высочайшие государи! Вот причина, по какой я желаю освободить Дом Господний и вернуть его воинствующей Святой Церкви. Высочайшие цари: сызмальства вступил я в море, дабы плавать в нем, и продолжаю сие и поныне. Искусство мореплавания склоняет тех, кто ему предан, к познанию тайн этого мира. И этому я отдаюсь уже сорок лет. Все, что я оплавал доньше, все я исходил. Толковал и беседовал я с учеными людьми, клириками и мирянами, латинянами и греками, иудеями и маврами, и со многими иными особами прочих верований. Желание мое Владыка Наш счел благим и вдохнул в меня дух к познанию... И я весьма преуспел в морском деле, достаточно изучил астрологию, а также геометрию и арифметику. И душой приобщился, и руки приспособил

к искусству чертить фигуры земного шара и на них в должных местах наносить города, реки и горы, острова и гавани, и все это располагать в должном месте.

В то же время я узнал и стал изучать книги всякие и разные, по космографии, истории, философии, а также хроники и труды по другим наукам, и я принялся их изучать, как на то сподобил меня Создатель, и познавал я все это с дрожью в руках, и узнал, как надо плавать отсюда в Индии, и явил господь волю, дабы сие я исполнил. И, горя огнем такого желания, пришел к вашим Высочествам. Все, кто занимались моим делом, с насмешкой его отвергали, и надо мной издевались, и напрасными оказались мои познания в упомянутых науках, и мои обращения к авторитетам. Только Ваше Высочество поверила мне и в этой вере утвердилась. Кто же может сомневаться, что свет этот воссиял в ее душе от Духа Святого в той же мере, как и от меня, и что Дух Святой чудотворным сиянием своим сподобил Вас познать истину? А истина эта, высочайшая и светлейшая, содержится в сорока четырех книгах Ветхого завета, и в четырех Евангелиях, и двадцати трех посланиях святейших апостолов, и Вы вдохнули в меня жизнь, снарядив меня в путь, и с тех пор меня ободряете непрерывно.

Чудо явное пожелал содейть Наш Владыка моим плаванием в Индии, дабы утешить меня и небесную свою свиту. Семь лет провел я при королевском дворе, в споре со многими особами, сведущими в разных науках и обладающими авторитетом, и под конец решили они, что все, что я предлагаю, дело пустое, и в этом укоренились. Но затем народилось то, о чем возвестил Наш Искупитель Иисус Христос, а прежде него провидели святые пророки...

Вот в чем причина желания моего вызволить Дом Святой и отдать его Святой Церкви...» (105, Р I, v. II).

На этом послание Адмирала не заканчивается, следуют многочисленные ссылки на Евангелие, Библию, комментаторов священного писания и пророческий расчет: осталось согласно святым пророчествам всего лишь 155 лет до конца мира, но именно эти полтора столетия будут временем великих побед христианского мира — так говорит священное писание. А стало быть, пришла пора воевать Иерусалим, и Адмирал изъявляет желание все свои силы отдать этому благородному делу.

Это письмо — крик тихого отчаяния. В исходе жизненного пути Адмирал подвел итоги своей былой деятельно-

сти. Двадцать лет учения, семь лет упорной борьбы за свой проект, двенадцать лет, проведенных в изнурительных плаваниях, привели его корабль на севильскую мель. Но жизнь еще не кончена, а пророки не лгут. Впереди есть еще светлая цель — Иерусалим, надо призвать христианский мир к новому крестовому походу, но в глубине души Адмирал сознает, что их высочества ни единого мараведи не истратят на вызволение «святой земли».

Сам же он готов пожертвовать на это еще не обретенные миллионы, что не мешает ему обдумывать и различные планы приумножения собственного достояния. Правда, заботится он не о себе, а о наследниках, их он стремится обеспечить постоянными доходами.

Десятина, Иерусалим, предсказания пророков, воспоминания о былых обидах, поправки к завещанию, расчеты с генуэзскими банкирами, мысли о необретенном проливе в индийское море — все эти сюжеты странным образом сосуществуют в его воображении, воспаленном бессонницей, подавленном минувшими испытаниями.

И он помнит: 22 участника последней экспедиции терпят нужду, и письмо к Диего от 25 ноября 1504 года сопровождает такой припиской: «Я отпишу их высочествам и умолю их обеспечить этих людей, ведь они бедны и три года плавали со мной, покинув свой дом. Они испытали бесчисленные бедствия и много потрудились, а новости, которые они привезли, величайшие из великих...» (105, P I, v. II, 232—233).

Какой мерой можно измерить дела и помыслы этого необыкновенного человека? Престарелый младенец и расчетливый бессребреник, слепой провидец и мечтательный реалист — таким он был, таким остался на склоне лет...

Дни шли, холодные и дождливые дни андалузского предзимья. Болезнь не отпускала Адмирала, а он во что бы то ни стало хотел добраться до королевской ставки. В конце ноября у Адмирала явился великодушный план. В кафедральном соборе хранился катафалк недавно умершего архиепископа Уртадо де Мендосы; катафалк можно использовать как носилки, мулов — как тягловую силу. Так ли уж далеко до Медины-дель-Кампо, всего лишь 500 миль, три недели пути. Но уже 1 декабря Адмирал сообщил Диего, что этот план осуществить не удастся. Усилились холода, хуже стало со здоровьем...

Адмирал решил остаться в Севилье, ко двору он по-

слал брата Бартоломе. А 3 декабря до столицы Андалузии дошла скорбная весть. Умерла королева.

Это был сокрушительный удар. Бесспорно, Адмирал обманывался, чересчур уповая на королеву. Изабелла не вернула бы ему пост правителя Индий и отвергла бы его денежные претензии. Интересы короны она ставила превыше всего и никогда ими не поступалась ради блага приватных особ. Но она была искусной утешительницей ею же обиженных людей и очень ловко вселяла в их души надежды на грядущие милости. Доверчивый Адмирал искренне верил, что королева щедро его вознаградит за все испытания, которые он претерпел.

За полтора года до смерти, в начале 1503 года, королева подписала устав преобразованного ведомства заморских дел — Торговой палаты (Casa de Contractación). Это новое ведомство, созданное по проекту Франсиско Пинело и при участии Хуана де Фонсеки, меньше всего занималось торговлей. В его функции входил строгий контроль над всеми перевозками в Индии, оно обеспечивало подбор новых колонистов, без дозволения этой палаты никто не имел права предпринимать поиски новых земель.

Севильская Торговая палата овладела ключами к Индии и обеспечила монополию короны на сношения с заморскими землями. Все морские карты хранились в ее архивах, все данные о новых открытиях ее картографы наносили на «Падрон Реаль» — сводную карту, рамки которой постоянно расширялись, причем карта эта была архисекретной.

С 1503 года корабли могли отплывать в Индии только из Севильи и только с ведома Торговой палаты. Изабелла, крестная мать этой «службы открытий», одобрила заморскую политику, которая совершенно исключала участие Адмирала в делах управления Индиями. Как всегда, интересы короны она ставила превыше всего...

А доверчивый Адмирал искренне верил, что королева щедро вознаградит его за все испытания, которые он претерпел на коронной службе.

Некоторое время Адмирал тешил себя надеждами, полагая, что королева восстановила его права в своем завещании. Увы, в завещании Изабеллы имени Адмирала не значилось, на смертном одре Изабелла о нем не вспомнила.

Теперь приходилось рассчитывать только на Фердинанда, и Адмирал, который короля знал куда лучше, чем королеву (ее истинные намерения оставались тайной да-

же для наиболее проникательных царедворцов), понял, что ничего путного он при дворе добиться не сможет.

Однако оружия он не сложил. Он отправил королю протестный мемориал, в котором изложил свое мнение о делах управления Индиями. Король оставил это послание без ответа. Впрочем, ему было не до Адмирала.

Смерть королевы сразу же вызвала серьезные осложнения. Фердинанд был королем Арагона, в дела Кастилии он вмешивался лишь на правах супруга Изабеллы. Но когда королевы не стало, корону Кастилии унаследовала ее дочь — Хуана. Жена Филиппа Габсбурга, герцога бургундского и сына императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана I.

Хуана страдала тяжелой душевной болезнью, что отнюдь не лишало ее права на престол. А права эти от ее имени предъявил честолюбивый Филипп Бургундский.

До поры до времени эта супружеская чета пребывала в Брюсселе, но ее агенты уже в конце 1504 года наводнили Кастилию. Беспокойные кастильские магнаты подняли головы, Филипп сулил им всевозможные вольности, началось глухое брожение и в среде оскудевшего рыцарства.

За Фердинанда горой стояло чернильное воинство, выпестованное Изабеллой, это была значительная сила, но все сознавали, что страна втягивается в смуту, и никто не мог предсказать, какой оборот примут дела в ближайшем будущем.

Тем временем началась холодная война между Фердинандом и его зятем, и король спешно послал в Брюссель хитроумного своего советника Хуана де Фонсеку, в силу чего осиротело севильское ведомство заморских дел.

Всего этого Адмирал не знал, но зато в курсе новейших событий был его высокий покровитель Диего де Деса.

Его Фердинанд загружал срочными делами, и он отмахивался от адмиральных просьб, которые регулярно поступали через Диего.

Ситуация складывалась крайне неблагоприятная для Адмирала. В самом конце декабря 1504 года он без раздражения писал бывшему генуэзскому послу в Испании Никколо Одериго: «Это просто невежливо со стороны господ распорядителей банка Сан-Джорджо, что они мне не отвечают и не споспешествуют приращению моего капитала; право же, это тот случай, когда тот, кто готов служить вам всем, не служит никому».

Невежливость банкиров и королей — признак опасный, хотя Адмирал несколько сгустил краски. Банк Сан-Джорджо и в дальнейшем поддерживал с ним связь, но господа распорядители больше уже не питали надежд на грядущее обогащение своего земляка и клиента.

В начале 1505 года Адмирал пришел к мысли, что ему уже не суждено плавать в Море-Океане и что в Индию он больше не попадет. И он написал королю: «Светлейший и высочайший государь. В просьбе моей содержится то, что и в писаниях моих. Я все сказал, и в царственной деснице Вашего Высочества моя судьба, вы можете все отнять и за все воздать, и сделать все наилучшим образом. Право на управление и владение, мне данное, это залог моей чести, и несправедливо я лишен его. Но господь давно уже не являл столь дивного чуда — тот, который у меня все отнял, погиб со всеми, кто ему помогал. И хоть плыл на лучшем из тридцати четырех кораблей, но корабль этот, выйдя из гавани, затонул, а с ним погибли все, о коих идет здесь речь, и как гибли они, никто не знает. Униженно прошу Ваше Высочество назначить вместо меня моего сына и поручить ему управление и ввести во владение всего, чем управлял и владел я, ибо это дело касается моей чести. А во всем прочем да сбудется воля ваша наилучшим образом, и надеюсь во всем на Вашу Милость. А задержался я с этим письмом потому, что очень уж меня нынче скрутила болезнь».

Письмо это колючее, в нем и намеки на неблагодарность короля, и угроза небесным возмездием: недаром же господь утопил в водах Эспаньолы супостата Бобадилью и всех прочих недругов Адмирала. Но в нем горькое признание своей немощи, ибо только сознание близкого конца могло побудить Адмирала к отречению. А он формально отрекался от своего права управлять Индиями, сознавая, вероятно, что король не станет назначать на пост вице-короля всех новоприобретенных земель неопытного юнца Диего, который при дворе числился в должности не то камердинера, не то телохранителя при особе короля.

И естественно, просьба Адмирала не была удовлетворена.

В самом конце января или начале февраля 1505 года у Адмирала состоялась очень приятная встреча, и о ней 5 февраля 1505 года он писал Диего: «Беседовал с Америго Веспуччи, который тебе передаст это письмо, а едет он ко двору по навигационным делам. Это очень достойный

человек. Фортуна ему изменила, как изменяла многим, и его труды оценены далеко не в той мере, как они того заслуживают. Он готов отстаивать мои интересы и споспешествовать моему благу, хотя сие не в его власти... И он решил сделать все для меня, что только сможет...»

Веспуччи был правой рукой кредитора Адмирала Хуаното Берарди и, возможно, оказал великому мореплавателю немаловажные услуги в 1496 году, когда после смерти Берарди его наследники предъявили к взысканию векселя этого банкира. Мнение Адмирала о Веспуччи было справедливо. Мы убедимся впоследствии, что материку, который открыл Адмирал, имя флорентийского морехода было присвоено без его ведома...

Король между тем готовился к решительной схватке со своим зятем. Он обосновался в городке Торо, неподалеку от Вальядолида, и там созвал кастильские кортесы. Кортесы признали Фердинанда «опекуном, правителем и распорядителем Кастильского королевства и всех его владений», депутаты этого высокого собрания разъехались по домам, но едва тронулся лед на реке Дуэро, как в Торо объявился посол Филиппа Бургундского с «преlestными письмами» ко всем кастильским магнатам. Филипп сулил им былые вольности, и его обещания возымели действие. Знатные царедворцы один за другим покидали королевский двор, редили ряды приверженцев Фердинанда.

Король, однако, не унывал, не так-то легко было выбить из седла этого мастера темных интриг и хитрых политических комбинаций.

Клан адмиральских ходатаев ничего не смог добиться от Фердинанда, и Адмирал, превозмогая свой недуг (к весне ему стало чуть полегче), решил отправиться ко двору.

Сделать это было не просто. Главным препятствием была даже не болезнь Адмирала, а его благоприобретенное дворянское звание. В 1494 году их высочества запретили всем лицам благородного происхождения ездить на мулах. На коне Адмирал совершить путешествие в Торо был не в силах, а вето на мулов имел право снять только король.

Фердинанд внял просьбе Адмирала. 23 февраля 1505 года он подписал такое распоряжение: «Поелику извещен я, что Вы, Адмирал Христофор Колумб, по причине разных болезней чувствуете себя скверно, и неможете Вам без большого ущерба для своего здоровья ездить на коне, я, приняв сие во внимание и снисходя к Вашей ста-

рости, настоящим даю Вам дозволение пользоваться оседланым мулом, надлежащим образом взнузданным, и ездить на нем в любые местности наших королевств и владений, каковые Вам угодно будет посетить, в нарушение указа, который таких случаев касается. И повелеваю властям любых городов и селений наших королевств и владений не чинить Вам каких бы то ни было препон под страхом уплаты штрафа в размере десяти тысяч мараведи в нашу казну. Я, Король» (95, II, 353).

Пока что это была единственная просьба Адмирала, удовлетворенная королем, и, получив право ездить на мулах, великий путешественник стал готовиться к прогулке на дальний кастильский север.

Тем временем король перебрался из Торо в Сеговию, город почти столь же далекий от Севильи. В начале мая Адмирал отправился в путь. Ехал он через Эстремадуру, в дороге часто останавливался на отдых, — даже езда на смирном муле причиняла ему страдания.

В сеговийском Алькасааре в последние дни мая или в первые дни июня 1505 года король-затворник дал первую аудиенцию Адмиралу.

«Адмирал, — писал Лас Касас, — и его брат, аделантадо, облобызали руки короля, а он принял их с приветливой миной, но далеко не так, как они того заслуживали, если взять в расчет долгие их плаванья и те великие испытания, которые они претерпели. Адмирал рассказал о своем плаваньи и о земле, им открытой, и о богатствах провинции Верагуа, и о своем невольном заточении на Ямайке, и о мятеже и ослушании братьев Поррасов, и об иных событиях, и под конец поведал о всевозможных подробностях плаванья, упомянув с преодоления опасностей и трудностях, испытанных в пути» (77, II, 95).

Несомненно, рассказ о последнем своем плаваньи Адмирал завершил просьбой восстановить его в правах правителя Индий. Фердинанд, сохраняя приветливую мину, отделался на этот раз неопределенными обещаниями. На какие-то посулы Фердинанд намекал Адмиралу в письме, написанном вскоре после первой аудиенции.

Затем последовали новые встречи с королем. Фердинанду нелегко было отделаться от Адмирала. Школа Изабеллы не прошла даром для ее супруга, и хотя ему плохо давалась роль, которую с таким мастерством играла королева, он охотно ее играл, не желая прослыть гонителем мореплавателя, прославленного на всю Европу.

Когда на следующем свидании Адмирал, оскорбленный уловками короля, потребовал — лишите меня всех прав и привилегий и дайте спокойно умереть голодной смертью, — Фердинанд пообещал утвердить все его титулы и вознаградить по заслугам.

А затем король нашел выход из положения. Выход, который, несомненно, привел бы в восторг горячего поклонника арагонского лукавца Никколо Макиавелли.

«Король, — отмечал Лас Касас, — сказал Адмиралу: ему ведомо, что Индии обрел Адмирал и что Адмирал достоин тех пожалований, которые были ему даны, но дело это нужно обсудить, и хорошо было бы, если бы Адмирал указал, кому именно надо поручить это дело. Адмирал ответил: да будет так, как указало Ваше Высочество, и добавил: кто же сделает это лучше севильского архиепископа [Диего де Десе — в 1505 году он получил второй по значению диоцез Испании — севильскую метрополию], ибо не он ли да камергер Кабрера в свое время были причиной того, что его высочество получило Индии?.. Король на это отозвался так: пусть Адмирал все доложит архиепископу» (77, II, 85).

Спустя некоторое время «беспристрастный» арбитр вынес такое решение: «Пусть законоведы выскажутся обо всем, что касается имущества и доходов Адмирала, но не о делах управления» (77, II, 85).

Спору нет, приговоры еретикам он составлял гораздо яснее. Но, как ни туманен смысл этой сентенции, из нее явствовало, что дело снова откладывается в долгий ящик. И Адмиралу при этом давалось понять, что вопрос о восстановлении его в должности правителя Индий или о передаче этого поста Диего Колону пересмотру не подлежит.

Но Десе надо отдать справедливость: он во многом, видимо, содействовал возмещению кое-каких денежных претензий Адмирала, и в январе 1506 года аделантадо Бартоломе Колумб получил 261 655 мараведи — жалованье за годы четвертого плавания. Фернандо Колону выплатили за участие в экспедиции 127 тысяч мараведи. Велено было погасить задолженность Адмирала за последние годы, а его первенцу Диего король положил твердый оклад 50 тысяч мараведи в год.

Таким образом, в последний год своей жизни Адмирал не бедствовал, и заблуждаются те его биографы, которые утверждают, что умер он в нищете.

И тем не менее в Сеговии Адмирал потерпел пораже-

ние. Король обошелся с ним как с назойливым попрошайкой: он кинул Адмиралу подачку и этим оскорбил его куда больше, чем прямым отказом. Король обидел Адмирала новым своим проектом. Фердинанд осенью 1505 года предложил право на управление Индиями обменять на вполне реальный титул правителя городка Каррион-делос-Кондес в Леоне. В глазах Адмирала это было совершенно чудовищное предложение. И не только потому, что Каррион приносил тощие доходы. Адмирал твердил о десятине, восьмине, трети, о доходах с золотых рудников, но не эти корыстные желания распаляли его душу. Он требовал, чтобы воздали ему по заслугам, он считал, что святая троица, двенадцать апостолов и дева Мария уготовали ему пост бессменного владыки Индий. А ему подсовывали какой-то жалкий заштатный городок. Индиями правил королевский сатрап Овандо, а он, ХРИСТОНОСЕЦ КОЛУМБ, должен был обивать пороги королевских приемных и королевских канцелярий.

Бесспорно, ему было бы гораздо легче, если бы вторая сеговийская аудиенция окончилась полным разрывом с королем. Смерть в нищете, смерть под забором уравнила бы его в глазах земных государей и святых небожителей с сыном господним, взшедшим на Голгофу. Но его лишили и этой отрады.

Теперь надо было дожидаться решения комиссии законоведов, и незримые цепи приковали его к королевскому двору.

Настала зима. Король переехал в Саламанку, «Кастильские Афины», с которыми у Адмирала были связаны не слишком приятные воспоминания. Адмирал последовал за королем и нашел в Саламанке пристанище.

«Прибыв ко двору в Саламанку, Его милость слег, страдая подагрой», — вспоминал тридцать лет спустя Диего Мендес.

Слег, чтобы больше не встать. Невыносима была для Адмирала мокрая андалузская зима, но во сто крат тяжелее переносил он морозы и холодные ветры кастильского нагорья. Дела его теперь вели Бартоломе Колумб и Диего Мендес, дел было много, приходилось метаться по всевозможным присутствиям и выправлять ордера на денежные дары его высочества. А законоведы, которым Десе перекинул петиции Адмирала, отлично знали: дни настойчивого просителя сочтены, и не торопились. Их решения Адмирал так и не дождался.

Но на краю могилы, вконец истерзанный болезнью, Адмирал по-прежнему боролся за свои права, свою честь и свои доходы. Он все еще считал себя истинным владыкой Индий и давал советы королю, как лучше править заморскими землями. Из Санто-Доминго к нему поступали сведения о действиях Овандо, и он писал королю, что с тех пор, как его изгнали с Эспаньолы, там истребили шесть седьмых мирных индейцев. Их, указывал он, резали ножами, забивали палками, обрекали на голодную смерть. Но, негодуя и возмущаясь, Адмирал подчеркивал, что все эти зверства НЕВЫГОДНЫ короле, что индейцев надо беречь прежде всего потому, что без них некому будет добывать золото и обрабатывать земли колонистов. И он в этом же мемориале оправдывал свои былые грехи. Да, писал он, я отправлял рабов на продажу в Кастилию, но так поступал, надеясь, что их там наставят в святой вере и что, просветленные душой, они затем вернутся на родину...

Король, однако, меньше всего думал об Адмирале и о несчастных индейцах. Он вступал в брак. В апреле 1506 года пятидесятидвухлетний жених должен был повести к венцу семнадцатилетнюю невесту, девицу Жермену де Фуа. Была она внучатой племянницей Фердинанда и племянницей обыкновенной короля Франции Людовика XII. Католический Король задумал очередную дипломатическую комбинацию — вчерашнего врага Людовика XII нужно было использовать в борьбе с Филиппом Бургундским и императором Максимилианом. Сочетаясь браком с девицей Жерменой, Фердинанд совершал клятвopреступление: полгода назад он обещал умирающей Изабелле на всю жизнь остаться вдовцом. Но король столько раз отказывался от своих обещаний, что новое нарушение ничуть не умаляло его репутации. К тому же покойная королева всегда считала, что государственные интересы превыше всего, и ради этих интересов легко поступалась клятвенными зарюками.

В том же апреле ожидали прибытия в Кастилию Хуаны Безумной и ее супруга Филиппа Бургундского. Предстояла битва за кастильскую корону, где же тут было помнить о смертельно больном Адмирале.

Свадебные торжества король решил устроить в Вальядолиде. Туда он и отправился, туда же перевезли и Адмирала.

Вальядолид в царствование отца Изабеллы, короля

Хуана II, был столицей Кастилии, и следы былого величия этот город сохранил на долгие годы. Но его старые кварталы являли собой весьма неблаголепный вид. Это был лабиринт тесных и темных улочек и тупиков, лабиринт невероятно грязный, а в ночную пору опасный — в вальядолидских трущобах кастильские законы не соблюдались.

В этой части города, неподалеку от церкви Санта-Мария-де-Антигуа, с давних пор существовала улица Калье-де-Магдалена. Была она чуть пошире соседних переулков, так что на ней свободно могли разминуться два всадника, и поэтому называли ее Калье-де-анча-Магдалена — улицей Широкой Магдалины. В одном из ее домов отдал якорь Адмирал Моря-Океана.

Это был очень странный дом, не то в полтора, не то в два этажа, с окнами, прорубленными где на обычный манер, а где и на разной высоте. Жилые покои располагались на втором или, точнее, на полуторном этаже, верхний же, получердачный занимали адмиральские слуги, которым приходилось одолевать крутые лестницы с изрядно прогнившими ступеньками.

В парадных покоях полуторного этажа умирал Адмирал. Он угасал очень медленно, ни на минуту не теряя сознания. Писать он уже не мог, с большим трудом ставил он на письмах свою подпись.

Последнее письмо он скрепил этой подписью в конце апреля 1506 года. Это было послание королевской чете. Новой чете — Хуане Безумной и Филиппу Бургундскому, 26 апреля они высадились в галисийском порту Корунье. В Кастилии теперь была одна королева и два короля, и, изверившись в старом монархе, Адмирал направил к Хуане и Филиппу своего брата Бартоломе с таким письмом: «Светлейшие и всемогущие государи, король и королева, наши владыки. Да поверят ваши высочества, что никогда я еще так не желал исцелиться от моего недуга, как сейчас, когда узнал, что ваши высочества прибыли в Кастилию морем... нижайшим образом прошу ваших высочеств считать меня своим верным вассалом, и я убежден, что, если бы не мучила меня моя безжалостная болезнь, я сослужил бы вам службу, равной которой никогда еще не было. Нынешние отвратные времена и другие горести, в которые я ввергнут разуму вопреки, довели меня до последней крайности. По этой причине не могу я явиться к вашим высочествам, и лишен этой возможно-

сти и мой сын. Однако низжайше прошу вас оценить мои намерения и побуждения и надеюсь, что будут мне возвращены мое состояние и моя честь, как то записано в моих документах. Да хранит святая троица высокую и царственную державу ваших высочеств, и да приумножит она силы ее» (30, 127).

Снова низжайшие поклоны, снова ссылки на былые заслуги, снова просьбы вернуть давным-давно пожалованные, а затем вероломно отнятые титулы и привилегии.

Бартоломе Колумб отбыл в Корунью, наступил май. Мучительный май, месяц долгой агонии.

Во вторник, 19 мая 1506 года, Адмирал выразил желание формально, в присутствии нотариуса и свидетелей, утвердить свое завещание. Он составил его в августе прошлого года в Сеговии, дело оставалось за малым — внести мелкие поправки и заверить подписи завещателя и свидетеля.

В назначенный час в дом на улице Широкой Магдалины пришел вальядолидский нотариус сеньор Педро де Инохеда. В черной мантии и в черной шляпе — форма одежды, обязательная в час подобного чернильного причастия.

Собрались все свидетели: бакалавр Андрес Мируэнья, монах Гаспар де ла Мисерекордия, генуэзец Бартоломе Фьески — это он участвовал в героическом походе Диего Мендеса в июле 1503 года, шесть слуг. Заняли свои места сыновья — Диего и Фернандо. Они стали в изголовье отцовского ложа. В изножье поместился спаситель Адмирала, его верный друг Диего Мендес.

Медленно, параграф за параграфом, прочел завещание нотариус. Пункт первый: «Я признаю моего дорогого сына дона Диего моим законным наследником как в части всего моего достояния, так и в части должностей, которые ему надлежит занимать по праву преемственности... и если не будет у него сына, то тем же образом пусть станет наследником мой сын Фернандо...»

Следующие пункты: доходные статьи и их распределение. Распоряжение главному наследнику — содержать за свой счет причт в часовне святой троицы. И в заключение «генуэзские» параграфы: «Наследникам Джеронимо дель Пуэрто, генуэзского кавалера, — 20 дукатов, Антонио Васа, генуэзскому купцу, живущему в Лиссабоне, — 2500 португальских реалов, или 7 дукатов, ибо дукат отвечает 375 реалам. Иудею, живущему у ворот в гетто

в Лиссабоне... полмарки серебра. Наследникам Луиса Чентурионе Скотти, генуэзского купца, — 30 тысяч португальских реалов... этим же наследникам и наследникам Паоло де Негро, генуэзца, — 100 дукатов, половина одним, половина другим. Баттисте Спиноле или его наследникам, если нет его в живых, — 20 дукатов. Этот Баттиста Спинола — зять вышеупомянутого Луиса Чентурионе и сын мисера Никколо Спинолы де Ронко, и проживал он в Лиссабоне в 1482 году».

Быть может, эти пункты завещания Адмирал пожелал выслушать дважды: в каждом имени слышались ему отзвуки Старой Генуи. Чентурионе, Негро, Спинола... былые покровители и компаньоны, это они оснастили в дальние плаванья ладью сан-стефанского чесальщика шерсти. И иудей, живший у ворот лиссабонского гетто, был родом из Генуи, как знать, быть может, с ним четверть века назад Адмирал вел долгие беседы о родном городе...

«Измученный подагрой, скорбя о гибели своего достоинства, истерзанный другими горестями, отдал он душу богу в день Вознесения, 20 мая 1506 года в Вальядолиде, приняв с великим смирением святые дары, и последние его слова были: «In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum» — «Душу мою предаю в твои руки, господи»... Аминь» (58, 332).

* * *

Адмирала похоронили в церкви вальядолидского францисканского монастыря. На похоронах не было ни сиятельных вельмож, ни знатных горожан, ни видных прелатов. Составители придворных анналов о кончине Адмирала Моря-Океана не упомянули вообще. Мельком, вскользь король Фердинанд недели две спустя проронил два-три слова о «покойном Адмирале» в письме к Овандо.

А в 1507 или в 1509 году Адмирал отправился в пятое путешествие. Самое долгое, продолжалось оно не то 390, не то 392 года. Сперва на черном катафалке прах великого мореплавателя перевезли из Вальядолида в Севилью, и он покоем лет тридцать в монастыре Санта-Мария-де-лас-Куэвас, в часовне святой Анны.

В середине XVI века мертвый Адмирал отправился в Индии. Тело из Севильи доставили в Санто-Доминго. У алтаря кафедрального собора в каменной усыпальнице

два с половиной века пролежали останки Адмирала. Тут же похоронили брата Адмирала Бартоломе, сына его Диего, внука его Луиса.

На усыпальницах не было надгробных эпитафий, и после того, как умерли свидетели погребения, никто уже толком не знал, где покоится прах Адмирала и где лежат останки его сына и брата.

В 1795 году Испания уступила Франции восточную половину острова Эспаньола (западную половину французы захватили в 1697 году). Не в меру энергичный командир испанской флотилии приказал доставить на флагман прах Адмирала и перевезти его в Гавану. Там состоялись четвертые похороны, на этот раз в гаванском кафедральном соборе. В 1877 году один епископ обследовал кафедральный собор в Санто-Доминго и пришел к выводу, что в Гавану отправили останки сына Адмирала — Диего. Завязалась долгая и бесплодная дискуссия, и установить, чьи кости или тела переселились в Гавану, так и не удалось.

В 1898 году Испания потеряла Кубу. Испанское правительство приняло решение: прах Адмирала перенести в Севилью. В январе 1899 года Адмирала вновь перевезли через Море-Океан, на этот раз не из Кастилии в Индию, а из Индии в Кастилию. Ныне он покоится в севильском кафедральном соборе. Это пятая стоянка пятого путешествия.

* * *

В 1507 году в лотарингском городке Сен-Дье молодой ученый Мартин Вальдземюллер издал небольшой трактат «Введение в космографию» и к нему приложил два письма Америго Веспуччи. Одно из этих писем Веспуччи посвятил третьему своему плаванию, которое он, по его словам, совершил в 1501 — 1502 годах. В этом плавании Веспуччи прошел далеко на юг вдоль недавно открытого бразильского берега.

Комментируя сообщение Веспуччи, Вальдземюллер предложил назвать «четвертую часть света, открытую Америго Веспуччи... страной Америго или Америкой».

В 1507 году никто в Европе не знал, что бразильский берег — это часть гигантского материка, и никто не подозревал, что Колумб, Кабот, Охеда, Бастидас и Кабрал совершили свои открытия в пределах этого единого массива суши.

Некоторое время на картах иногда (но далеко не всегда) обозначали Америкой лишь сушу южную. В 1538 году великий фламандский картограф Гергард Меркатор окрестил так все земли Нового Света, и с той поры утвердилось название, которое случайно сорвалось с пера лотарингского космографа. Утвердилось везде, кроме Испании. Там до конца XVIII века Новый Свет называли либо просто Индиями, либо Западными Индиями.

Долгое время историки обвиняли Америго Веспуччи в подлоге, но ныне решительно все серьезные исследователи присоединяются к мнению великого немецкого ученого Александра Гумбольдта, который считал, что хотя название нового континента «представляет собой памятник человеческой несправедливости, но... появилось оно... благодаря стечению случайных обстоятельств, устраняющих всякое подозрение против Америго Веспуччи».

Действительно, письма Веспуччи были опубликованы в Сан-Дье без ведома их автора, и флорентийский мореплаватель, который свято чтит память Колумба, не знал, что его именем Вальдземюллер назвал южный массив Нового Света.

Если бы «подагра» и неисчислимые горести не унесли бы Адмирала в могилу на 56-м году жизни, если бы довелось ему прожить хотя бы лет восемь-десять, он убедился бы, что открытые им земли — это вовсе не восточная окраина Азии, а огромная перемычка, за которой простирается необъятный и до той поры никому не ведомый океан.

В четвертом своем плавании он подошел к самой узкой части этой перемычки, но только в 1513 году Васко Нуньес де Бальбоа пересек страну Панаму и вышел на берег «Южного моря», только в 1520 году Магеллан отыскал пролив, ведущий в это море, и только в 1522 году его спутники завершили первое в истории кругосветное плавание и дошли западным путем до берегов Азии. И путь этот оказался впятеро длиннее трассы первой Колумбовой экспедиции.

К счастью, Адмиралу обо всем этом узнать не довелось.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

- 1451, 25 августа — 31 октября. Рождение Христофора Колумба в Генуе, в предместье Сан-Стефано.
- 1470—1473. Участие в неудачных торговых операциях отца. Сперва в Генуе, а затем в Савоне Колумб числится в цехе ткачей-шерстянщиков.
- 1472, осень. Предполагаемое, но маловероятное участие Колумба в морской кампании Рене Анжуйского.
- 1474—1475. Плавания на остров Хиос в экспедициях генуэзского торгового дома Чентурионе — Негро.
- 1476, август. Генуэзская торговая флотилия, на которой Колумб плыл в Англию, у мыса Сан-Висенти подвергается нападению пиратов. Спасенный местными жителями Колумб остается в Португалии.
- 1476, зима. Колумб вступает в брак с Фелипой Мониз Перестрелло.
- 1477, январь — август. Плавание к берегам Англии и Ирландии. Маловероятное посещение Колумбом Исландии.
- 1477—1485. Пребывание в Португалии, на островах Порто-Санто и Мадейре и в Лиссабоне.
- 1478—1479. Участие в операциях торгового дома Чентурионе (скупка сахара на Мадейре). В августе 1479 года кратковременный визит в Геную.
1478. Рождение старшего сына — Диего.
- 1482—1484. Плавание к Азорским островам и в Гвинею.
- 1483? Начало работы над проектом плавания к берегам Восточной Азии западным путем.
1484. Колумб предлагает свой проект португальскому королю Жуану II.
- 1485, весна. Математическая Хунта отвергает проект Колумба. Смерть Фелипы Мониз Перестрелло.
- 1485, лето. Колумб переселяется в Кастилию, высаживается в Палосе и знакомится в монастыре Рабиды с А. Марченой.
- 1486, 20 января. Первая аудиенция, данная Изабеллой и Фердинандом Колумбу в городе Алькалá-де-Энáрес.

- 1486, 24 февраля. Беседа Изабеллы и Фердинанда о проекте Колумба с А. Марченой.
- 1486—1487. Проект Колумба рассматривается комиссией во главе с Эрнандо Талаверой. Пребывание Колумба в Саламанке.
- 1487, лето. Отрицательное решение комиссии Талаверы и вторая аудиенция у Изабеллы и Фердинанда в боевой ставке под Малагой.
- 1487, осень — 1488. Пребывание Колумба в Кордове. Встреча с Беатрис Эрикес де Араной. Рождение второго сына — Фернандо.
- 1488, осень. Посещение Португалии и второй тур безуспешных переговоров с Жуаном II.
1489. Бесплодные переговоры о снаряжении экспедиции с герцогами Мединасидония и Мединасели.
1491. Вторичное посещение Рабиды.
1492. Окончательная фаза переговоров с Изабеллой и Фердинандом в лагере Санта-Фе близ Гранады.
- 1492, 17 апреля. Изабелла и Фердинанд подписывают договор («капитуляцию») с Колумбом.
- 1492, 30 апреля. Пожалование Колумбу титулов Адмирала Моря-Океана и вице-короля островов и материков, которые будут открыты в ходе экспедиции.
- 1492, 22 мая. Прибытие Колумба в Палос.
- 1492, 3 августа. Выход из Палоса «Санта-Марии», «Пинты» и «Ниньи».
- 1492, 12 августа. Прибытие флотилии Колумба на Гомеру (Канарские острова).
- 1492, 8 сентября. Флотилия покидает Гомеру и берет курс на запад.
- 1492, 6—10 октября. Волнение на судах флотилии.
- 1492, 12 октября, 2 часа полуночи. Открытие первой американской земли — острова Гуанахани.
- 1492, 28 октября. Открытие Кубы.
- 1492, 5 декабря. Открытие Эспаньолы.
- 1492, 25 декабря. Гибель «Санта-Марии» в бухте Навидад.
- 1493, 16 января. Колумб от берегов Эспаньолы направляется в обратный путь в Кастилию.
- 1493, 11—14 февраля. Буря на море у Азорских островов.
- 1493, 4—11 марта. Пребывание Колумба в Португалии и свидание с королем Жуаном II.
- 1493, 15 марта. Прибытие Колумба в Палос.
- 1493, апрель. Торжественный прием Колумба Изабеллой и Фердинандом в Барселоне.

1493, май — сентябрь. Буллы папы Александра VI о разделе мира между Кастилией и Португалией.

1493, 25 сентября. Выход из Кадиса 17 кораблей второй экспедиции Колумба.

1493, ноябрь. Открытие Малых Антильских и Виргинских островов и острова Пуэрто-Рико.

1493, 27 ноября. Прибытие флотилии Колумба в бухту Навидад.

1494, 2 января. Основание поселения Изабелла на северном берегу Эспаньолы.

1494, март. Поход Колумба в глубь Эспаньолы.

1494, 24 апреля — 29 сентября. Плавание к Кубе, открытие Ямайки и южных берегов Эспаньолы.

1494, 7 июня. Португало-кастильское соглашение в Тордесильясе о разделе сфер экспансии в Атлантике.

1495. Начало торговли рабами-индейцами. Карательные походы Колумба на Эспаньоле. Прибытие на Эспаньолу ревизора кастильской короны Хуана Агуадо.

1496, 10 марта. Колумб покидает Эспаньолу и направляется в Кастилию.

1498, 22 февраля. Учреждение майората в пользу старшего сына Колумба, Диего.

1498, весна. Подготовка третьей экспедиции.

1498, 30 мая. Выход трех кораблей третьей экспедиции в плавание из Сан-Лукара-де-Баррамеды.

1498, 31 июля. Открытие острова Тринидад.

1498, 1—5 августа. Открытие Южноамериканского материка.

1498, 31 августа. Прибытие Колумба в Санто-Доминго, новую столицу Эспаньолы.

1498—1499. Мятеж Ролдана.

1498—1499. Открытия на южноамериканских берегах Охеды, Ниньо и Герры, Висенте Яньеса Пинсона и Лепе.

1500, 25 августа. Прибытие на Эспаньолу судьи-ревизора Бобадильи.

1500, сентябрь. Арест Колумба и его братьев, отправка их в цепи в Кастилию.

1500, 25 ноября. Прибытие закованного в цепи Колумба в Кадис.

1500, декабрь. Аудиенция у Изабеллы и Фердинанда в Гранаде.

1501 — май 1502. Пребывание Колумба в Кастилии. Работа над «Книгой пророчеств». Подготовка к четвертой экспедиции.

1502, 9 мая. Выход из Кадиса четырех кораблей четвертой экспедиции Колумба.

1502, 30 июля. Открытие Гондураса.

1502, осень. Открытие Никарагуа, Коста-Рики, Панамы.

1503, январь — апрель. Стоянка на реке Белен.

1503, апрель — май. Безуспешные поиски пролива у берегов Панамы.

1503, 25 мая. Вынужденная высадка на Ямайке.

1503, июнь — 1504, июнь. Пребывание на Ямайке. Бунт братьев Поррас.

1504, 13 августа. Прибытие Колумба в Санто-Доминго.

1504, 7 ноября. Прибытие Колумба в Кастилию.

1504, 25 ноября. Смерть королевы Изабеллы.

1505. Бесплодные переговоры с королем Фердинандом.

1506, 20 мая. Смерть Колумба в Вальядолиде.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. К. Маркс, К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 13.
2. К. Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, VIII, т. 3. М., 1940.
3. Ф. Энгельс, Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 20.
4. Анучин Д. Н., О судьбах Колумба как исторической личности и о спорных и темных вопросах его биографии. Спб, 1894
5. Афанасьев В. Л., Легенда о «неизвестном кормчем» (к предыстории открытия Америки), сборник «Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках». М.—Л., 1965.
6. Афанасьев В. Л., Бартоломе Лас Касас и его время. Вступительная статья к «Истории Индий» Бартоломе Лас Касаса. М., 1968.
7. Бартоломе де Лас Касас. Сборник статей. М., 1966.
8. Гуревич А. Я., Викинги: мнимые сенсации и подлинные загадки, сборник «Бригантина». М., 1971.
9. Ингстад Х., По следам Лейва Счастливого. Л., 1969.
10. Ирвинг Вашингтон, История жизни и путешествий Христофора Колумба, I—II. Спб, 1836.
11. Коган М. А., Афанасьев В. Л., Имеются ли основания для пересмотра общепринятой концепции о предыстории и целях первого плавания Колумба? «Известия ВГО», т. 93, вып. 5, 1961.
12. Коган М. А., О географических воззрениях европейцев накануне великих географических открытий, сборник «Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках». М.—Л., 1965.
13. Коган М. А., О так называемой -карте Винланда. «Известия ВГО», т. 98, вып. 6, 1966.
14. Коган М. А., Где же высадился Колумб? «Латинская Америка», 1973, № 5.
15. Лас Касас Бартоломе, История Индий. Л., 1968.
16. Лозинский С. Г., История инквизиции в Испании. Спб, 1914.
- 16а. Лукин Б., Следы Колумба на Кубе. «Латинская Америка», 1973, № 2.
17. Магидович И. П., Колумб и его открытия. Вступительная статья к книге «Путешествия Христофора Колумба». М., 1950.
18. Магидович И. П., Христофор Колумб. М., 1956.
19. Магидович И. П., История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.
20. Магидович И. П., История открытия и исследования Южной и Центральной Америки. М., 1965.
21. Макиавелли Никколо, Князь. М., 1934.
22. Морисон С. Э., Христофор Колумб мореплаватель. С., 1958.
23. Петри Э. Ю., Христофор Колумб. Спб, 1892.
24. «Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы». Перевод с испанского и комментарии Я. М. Света, вступительная статья И. П. Магидовича. М., 1950; 1952; 1956; 1961. (Ссылки даются на четвертое издание 1961 года.)
25. Ревзин Г., Колумб. М., 1937; М., 1947.
26. Свет Я. М., Булла Inter caetera № 2. «Путешествия Христофора Колумба». М., 1950; М., 1961.
27. Свет Я. М., Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения. «Путешествия Христофора Колумба», М., 1950; М., 1961.
28. Свет Я. М., Первооткрыватель Нового Света. «Природа», 1956, № 10.
29. Свет Я. М., Алая линия. М., 1969.
30. Свет Я. М., Севильская западня. М., 1969.
31. Хенниг Р., Неведомые земли. Т. 4. М., 1963.
32. Цукерник Д. Я., Об апокрифичности писем Тосканелли. Ученые записки Алма-атинского ин-та иностранных языков, т. 2, вып. 7. Алма-Ата, 1957.
33. Цукерник Д. Я., О роли Пинсонов в первой испанской экспедиции в Новый Свет Уч. записки Казахского ГПИ им. Абая, т. 16, ч. 2, 1958.
34. Цукерник Д. Я., Западный путь в Азию или земли Нового Света. Уч. записки Казахского ГПИ им. Абая, т. 17, ч. 1, 1958.
35. Цукерник Д. Я., Как была открыта Америка? «Новый мир», 1962, № 12.
36. Языков Д. И., Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях. I—II. СПб, 1825.
37. Alba, de, duquesa, Autografos de Cristóbal Colón, Madrid, 1891.
38. Alba, de, duquesa, Nuevos autografos de Colón, Madrid, 1901.
39. Almagia R. Cristoforo Colombo davanti alla scienza, Scritti geografici, Roma, 1961.
40. Altolaquiere y Duvalé A. La real confirmación de mayorazgo

- de Cristóbal Colón, Boletín de la Real Academia de Historia, v. 88, 1926.
41. Auton, de, Jean, Chronique... de Louis XII, I—II, Paris, 1835.
 42. Ballesteros y Beretta A. Cristóbal Colón y el descubrimiento de América. Historia de América y de los pueblos americanos, v. v, IV—V, Barcelona — Buenos Aires, 1945.
 43. Barros João, Da Asia decades, Lisboa, 1615.
 44. Belgrano L, Staglieni M. Documenti relativi a Cristoforo Colombo e alla sua famiglia, Raccolta di documenti e studi colombiani, P. II, v. I, Roma, 1896.
 45. Benzoni G. Novae Novi Orbis Historiae, Gêneve, 1586.
 46. Bernaldes Andres, Historia de los Reyes Católicos don Fernando y doña Isabella, Madrid, 1959.
 47. Boyd Bowman P. Índice geobiográfico de 40 000 pobladores españoles de América en el siglo XVI, t. I, Bogotá, 1964.
 48. Caddeo R. Cristoforo Colombo..., Milano, 1928.
 49. Carbia R. La nueva historia del descubrimiento de América, Buenos Aires, 1936.
 50. Casoni, Annali della republica di Genova, Genova, 1708.
 51. Catálogo de los fondos del Archivo de los protocolos de Sevilla, I—IV, Sevilla, [1930].
 52. Cervera Cervera P. La marina de los reyes católicos, Revista General de Marina, v. 146, 1951
 53. Charcot J. B. Christophe Colomb vu par un marin, Paris, 1928
 54. Citta di Genova. Christopher Columbus. Documents of his Genoese origin, english-german edition, Genova — Bergamo, 1932.
 55. Colección de los documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas de América y Oceanía, v.v. 1—42, Madrid, 1864—1884.
 56. Colección de los documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar, v.v. 1—25, Madrid, 1885—1932.
 57. Colomer Montset J. Los escritos de Cristóbal Colón y consideraciones sobre sus firmas, Convento Internazionale di studi colombiani, II, Genova, 1951.
 58. Colón Fernando, Vida del Almirante don Cristóbal Colón escrita por su hijo, México — Buenos Aires, 1947. Новое итальянское издание P. Каддео: Colombo Fernando. I—II, Milano, 1930.
 59. Convento Internazionale di studi; colombiani, I—II, Genova, 1951.
 60. Davenport F. G. European treaties bearing on the history of the United States, v. I, Washington, 1917.
 61. Dousinague J. M: Fernando el Católico y Germana de Foix. Un matrimonio por razón de estado, Madrid, 1944.
 62. Duro, Fernandes C. Colón y Pinzón, Madrid, 1883.
 63. Duro, Fernandez C. Nebulosa de Colón, Madrid, 1890.
 64. Etayo C. La Niña del viaje del descubrimiento era diferente de la segundo viaje colombino, Revista General de Morina, t. 170, 1970.
 65. Fernandez de Oviedo y Valdés, Gonzalo, Historia general y natural de las Indias, Islas y Tierra Firme del Mar Océano, I—IV, Madrid, 1851.
 66. Freixa Ubach M, El pasaporte y la carta de presentación que los reyes católicos entregaron a Cristóbal Colón en 1492, Convento Internazionale di studi colombiani, II, Genova, 1951.
 67. Fructuoso G. As saudades da terra, I—IV, Funshal, 1870—1873.
 68. Garcia Gallo A. Las bulas de Alejandro VI. Anuario de historia del derecho español, v.v. 27—28, 1957—1958
 69. Gould y Quincy A. Nueva lista documentada de los tripulantes de Colón, v.v 76 (1920), 85 (1924), 87 (1925), 88 (1926), 90 (1927), 92 (1928), 110 (1937), 111 (1942), 115 (1944).
 70. Harris H. Fernand Colomb, sa vie, ses oeuvres, Paris, 1872.
 71. Harris, Christophe Colomb, I—II, Paris, 1884.
 72. Heers J. Gênes au XV siècle. Paris, 1961.
 73. Herrera y Tordesillas A. Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y Tierra Firme del Mar Océano, I—IV, Madrid, 1601.
 74. Jos E. Investigaciones sobre la vida y obras iniciales de don Fernando Colón, Anuario de estudios americanos, I, 1944.
 75. Lamb U. Fray Nicolás de Ovando, gobernador de las Indias, Madrid, 1956.
 76. Landström B. Columbus, Stockholm, 1966.
 77. Las Casas, Bartolome, Historia de las Indias, I—II, México, 1951.
 78. Lollis C. Scritti di Cristoforo Colombo, Raccolta di documenti e studi colombiani, P. I, v. I, Roma, 1894.
 79. Lollis C. Cristoforo Colombo, Milano, 1931.
 80. Lopez de Gómara, Historia de las Indias, I—II, Madrid, 1749.
 81. Madariaga Salvador. Vida del muy magnifico señor, don Cristóbal Colón, Buenos Aires, 1956.
 82. Magnaghi A. I presenti errori che vengano attribuiti a Colombo nella determinazione delle latitudes, Boletino de la Reale Societa Geografica italiana, 1928, 1930.
 83. Malheiro Dias. Historia de colonizacão portuguesa do Brasil, Porto, 1921.
 84. Manzano Manzano J. Cristóbal Colón. Siete años decisivos, Madrid, 1964.

85. Martinez Hidalgo J. M. *Las naves de Colón*, Barcelona, 1969.
86. Martyr, Pietro de Anghiera. *Opus Epistolarum*, Basiliae, 1530.
87. Martyr, Pietro de Anghiera, *De Orbe Novo* decades, Compluti, 1530.
88. Menendez Pidal R. *La lengua de Cristóbal Colón*, Madrid, 1942.
89. Miller W. *The Genoese in Chios (1346—1566)*, *English Historical Review*, 1915.
90. Morales Padron F. *Las relaciones entre Colón y Martin Alonso Pinzón*, *Revista de Indias*, XXI, N 83, 1961.
91. Morales Padron F. *Historia del descubrimiento y conquista de América*, Madrid, 1971.
92. Morison S. E. *Portuguese voyages to America in the XV century*, Cambridge Mass., 1940.
93. Morison S. E. *Admiral of Ocean Sea*, I—II, Boston, 1942.
94. Mur, Orejón, A., Perez Embid F., Morales Padron F., *Pleitos de Colón*, Sevilla, 1967.
95. Navarrete, Martin Fernandez, *Colección de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde fin del siglo XV*, I—V, Madrid, 1825—1837; 1945.
96. Nerri A. *Retratti di Colombo*, *Raccolta di documenti e studi colombiane*, P. II, v. III, Roma, 1896.
97. Nowell Ch. *The Columbian question*, *American Historical Review*, v.44, n 4, 1939.
98. Nunn G. *The geographical conception of Columbus*, N. Y., 1924.
99. Olszewicz B. *Geografia polska w okresie odrodzenia*, Warszawa, 1957.
100. Ortega A. *La Rábida* I—IV, Sevilla, 1925.
101. Perez de Tudela J. *Las armadas de Indias y los origines de la politica de colonización (1492—1505)*, Madrid, 1956.
102. Perez Embid F. *Los descubrimientos en el Atlántico hasta el tratado de Tordesillas*, Sevilla, 1948.
103. Pike R. *Entreprise and adventure Genoese in Sevilla and origin of the New World*, Ithaca, 1966.
104. Púlido Rudio J. *Algunos concideraciones sobre unos documentos referentes a Pálos...*, *Anuario de estudios americanos*, IX, 1952.
105. *Raccolta di documenti e studi colombiane*, publicati dalla Reale Commissione Colombiana pel quarto centenario dalla scoperta dell America, P. P. I—VI, Roma, 1892—1896.
106. Rau V. *Una familia de mercaderes italianos em Portugal em seculo XV*, *Revista de Facultades de letras de Lisboa*, 1955.
107. Remesal A. *Historia general de las Indias Occidentales y particular de la gobernación de Chiapas y Guatemala*, Guatemala, 1932.
108. Revelli P. *Cristoforo Colombo e la scuola geografica genovese* I—II, Genova, 1937.
109. Revelli P. *Un cartografo genovese amico a Cristoforo Colombo — Niccolo Caveri*, *Reindiconti de Academia de Lincei, classe morale, storiche, filosofiche*, ser. 8, № 2, 1947.
110. Roselly de Lorgues A. F. *Christophe Colomb*, I—II, Paris, 1856.
111. Rumeu de Armas A. *La epopeya colombina*, *Las Raices de América*, 1968.
112. Rumeu de Armas A. *La Rábida y el descubrimiento de América* Madrid, 1968.
113. Rumeu de Armas A., *Hernando Colón, historiador de América*, Madrid, 1970.
114. Salazar de Mendoza. *Crónica de el Gran Cardenal de Espana*, Toledo, 1625.
115. Sanz C. *La carta de Colón*, Madrid, 1962.
116. Serrano y Sanz M. *Origines de la dominación española en América*, *Nueva biblioteca de los autores españoles*, v. XXV, Madrid, 1918.
117. Stefansson V. *Ultima Thule*, London — Toronto — Sidney, 1942.
118. Streicher P., *Die Kolumbus Originale. Eine paleographische Studie*, *Spanischen Forschungen der Görer Gesellschaft*, München, 1928.
119. Tacher J. *Christopher Columbus*, I—III, London, 1901—1904.
120. Tafur Pero, *Andanças e viajes por diversos partes del mundo (1435—1439)*. Madrid, 1874.
121. Tornoë J. K. *Columbus in the Arctic*, Oslo, 1965.
122. Torre y del Cerro J. *Beatriz Enriquez de Arana y Cristóbal Colón*, Madrid, 1933.
123. Ulloa L. *Christophe Colomb catalan*, Paris, 1927.
124. Uzielli G. *La vita e tempi di Paolo dal Pozzo Toscanelli*, *Raccolta di documenti e studi colombiane*, P. V, v. I, Roma, 1894.
125. Van der Linden H. *Alexander VI and the demarcation of the maritime and colonial domains of Spain and Portugal*, 1493—1494, *American Historical Review*, v. 22, n 1, 1916.
126. Verlinden Ch. *Colomb et influences medievales dans la colonisation de l'Amérique*, *Convegno Internazionale di studi colombiani*, II, Genova, 1951.
127. Verlinden Ch., Perez Embid F., *Cristobal Colon y descubrimiento de América*, Madrid — México, 1967.
128. Vignaud H., *La lettre et la carte de Toscanelli sur la route des Indes, adresseés en 1474 au portugais Fernan Martins*, Paris, 1901.
129. Vignaud H., *Histoire critique de la grande entreprise de Christophe Colomb*, I—II, Paris, 1911.

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

Три поколения	5
Путь вниз	10
Генуя	14
Генуэзцы	18
Площадь Сен-Сиро и улица Павии	22
Двадцать шесть и одна (Споры о родине Колумба)	25
Морской дебют	32
Битва у мыса Сан-Висенти	36

ПОРТУГАЛИЯ

Usque ad Indos	39
Счастливы́й брак	43
Северная интермедия	46
Школа открытий	52
Рождение замысла	63
Поражение в Лиссабоне	85

КАСТИЛИЯ.

Семь горьких лет. Рабида	92
Cosas de Esrafa	97
Первая аудиенция и комиссия Та-лаверы	102
Осенняя любовь	112
Год утраченной надежды	114
Андалузские скитания	120
Cui prodest?	125
Победа в Санта-Фе	140

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ

Палос	152
Три корабля и девяносто человек.	
Корабли	159
Люди	166
Путь на Запад	171
На первой земле Нового Света	191
Куба — страна Великого хана	198
Смерть «Санта-Марии»	202
Последние дни на Эспаньоле	205
Обратный путь	208

В львином логове	214
Возвращение	217
Открыл ли Колумб Америку?	219
Барселонский триумф	225

ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ

Изабелла и Фердинанд против Жуана II (Буллы о разделе мира)	228
Королевская чета и Адмирал (Начало конфликта)	234
Подготовка экспедиции	239
От Кадиса до Эспаньолы	245
Проклятая Изабелла	249
Рабы или золото?	252
Заговор Берналя де Писы и поход в Сябао	255
Поиски страны Катай	258
Ад в раю	263
Возвращение в Кастилию	265

ТРЕТЬЕ ПЛАВАНИЕ И КОРОЛЕВСКИЕ ЦЕПИ

Мучительная подготовка	270
Христоносец Колумб	274
Переход через Море-Океан	277
Открытие великой суши	281
Земной рай и иной мир	286
Остров разочарований	290
Цепная реакция	293
«Адмирал москитов»	297
Королевские цепи	300

ЧЕТВЕРТОЕ ПЛАВАНИЕ И ГОДЫ АГОНИИ

«Я свергнут в бездну»	305
Гранадское томление	307
Предпутье	312
Подготовка экспедиции и переход через Море-Океан	316
Открытие Гондураса и страны Верагуа	320
До Ганга пятьдесят дней пути	325
Сто дней сидения на Вифлеемской реке	328
Западня на Ямайке	332
Подвиг Диего Мендеса. Возвращение Агония	334
Основные даты жизни Христофора Колумба	338
Библиография	356
	360

СВЕТ ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ

С24 КОЛУМБ М., «Молодая гвардия», 1973.
368 с., с илл., портр. (Жизнь замечательных людей.
Серия биографий. Вып. 11 (530))

Эта книга посвящена великому мореплавателю Христофору Колумбу, его проекту плавания к берегам Азии и его открытиям в Новом Свете. Автор, видный специалист в области истории географических открытий, использовал различные источники, связанные с экспедициями Колумба, и новейшие исследования отечественных и зарубежных колумбоведов.

7-2

91(09)

Б. З. № 9-73-24

Редактор С. Резник

Серийная обложка Ю. Арндта

Оформление В. Енюковой

На обложке использованы гравюры XVI века.

Художественный редактор А. Степанова

Технический редактор Е. Михалева

Корректоры Г. Васильева, З. Харитонова

Сдано в набор 7/II 1973 г. Подписано к печати 5/VII 1973 г. А09223. Формат 84×108^{1/2}. Бумага № 2. Печ. л. 11,5 (усл. 19,32) + 17 вкл. Уч.-изд. л. 22,3. Тираж 65 000 экз. Цена 92 коп. Б. З. № 9, 1973 г. № 24. Заказ 2604. Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Суцьевская, 21.